

Международная
безопасность

Нераспространение
оружия массового
уничтожения

Контроль над
вооружениями

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ

№ 3, 2003

Журнал ПИР-Центра политических исследований

Дмитрий Rogozin

**ПРОТОКОЛЬНЫМИ НОТАМИ
МИРОВАЯ ИСТОРИЯ НЕ ПИШЕТСЯ**

Роланд Тимербаев

**БЛИЖНИЙ ВОСТОК
И АТОМНАЯ ПРОБЛЕМА**

Николай Соков

**ЭВОЛЮЦИЯ ЯДЕРНОЙ ПОЛИТИКИ США:
ВОЗРАСТАЕТ ЛИ РОЛЬ ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ?**

Евгений Сатановский

**МИР ПОСЛЕ
ИРАКСКОЙ ВОЙНЫ**

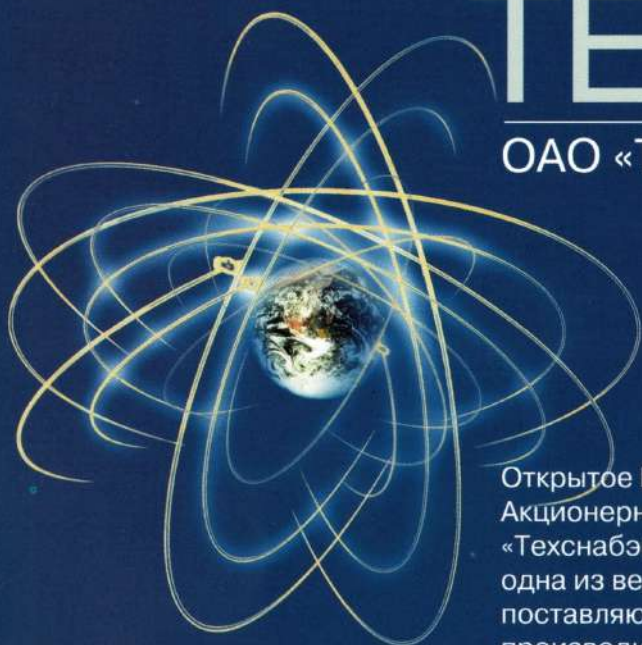
Виктор Козлов

**ПЕРСПЕКТИВЫ РОССИЙСКОГО
АТОМНОГО ЭКСПОРТА**

40 лет на Мировом рынке

TENEX

ОАО «Техснабэкспорт»

Открытое Внешнеэкономическое
Акционерное Общество
«Техснабэкспорт» –
одна из ведущих мировых компаний,
поставляющая продукцию и услуги,
производимые российской
атомной промышленностью.

ОАО «Техснабэкспорт» гарантирует высокое качество услуг и предлагает:

- поставки природного и обогащенного урана;
- услуги по конверсии урана;
- услуги по обогащению урана;
- услуги по обогащению регенерированного урана;
- поставки радиоактивных и стабильных изотопов, источников ионизирующего излучения, радиофармпрепаратов;
- поставки ускорителей частиц, физического оборудования и материалов;
- импорт обрабатывающего, лабораторного, аналитического и медицинского оборудования;
- услуги в области обращения с облученными тепловыделяющими сборками зарубежных энергетических и исследовательских реакторов.

119180, Москва, Старомонетный пер., 26

Телефон: 239-26-83, факс: 230-26-38,
E-mail: tenex@online.ru WWW.TENEX.RU

Международная
безопасность

Нераспространение
оружия массового
уничтожения

Контроль над
вооружениями

Non multa, sed multum

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ

№ 3 (69), Том 9
Осень 2003

Редакционная коллегия

Владимир А. Орлов – главный редактор
Владимир З. Дворкин
Дмитрий Г. Евстафьев
Василий Ф. Лата
Евгений П. Маслин
Роланд М. Тимербаев
Юрий Е. Федоров
Антон В. Хлопков

ISSN 1026-9878

PIR CENTER

Center for Policy Studies in Russia

ПИР-ЦЕНТР

Центр политических исследований в России

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ

Издается с ноября 1994 г. Выходит ежеквартально
Зарегистрирован в Государственном комитете РФ по печати
Свидетельство о регистрации № 017537 от 30 апреля 1998 г.

Издатель

ПИР-Центр политических исследований:

Анна И. Абаева, стажер
Владимир З. Дворкин, генерал-майор, старший советник
Томас Дитерс, стажер
Андрей В. Загорский, к.и.н., член Совета
Вячеслав А. Зайцев, главный бухгалтер
Андрей В. Гребенчиков, стажер
Даниил О. Кобяков, научный сотрудник
Ирина А. Котова, секретарь
Олег В. Кулаков, специалист по информационным системам
Василий Ф. Лата, генерал-лейтенант, старший советник
Константин А. Маркелов, стажер
Евгений П. Маслин, генерал-полковник, член Совета
Владимир А. Мау, д.э.н., член Совета
Владимир А. Орлов, к.п.н., директор Центра и член Совета
Елена Д. Полидова, исполнительный помощник директора
Галина Д. Рассказова, бухгалтер
Вячеслав А. Романов, генерал-лейтенант, консультант
Юрий А. Рыжов, Чрезвычайный и Полномочный Посол, член Совета
Константин А. Сириков, специалист по распространению
Роланд М. Тиммербаев, Чрезвычайный и Полномочный Посол,
председатель Совета и старший советник
Юрий Е. Федоров, к.и.н., член Совета
Андрей Л. Фролов, младший научный сотрудник
Антон В. Хлопков, заместитель директора Центра, директор
образовательных проектов
Анна В. Шувалова, библиотекарь, стажер
Дмитрий Д. Якушкин, член Совета

№ 3 (69), Том 9
Осень 2003

Редакция

Владимир А. Орлов, главный редактор
[orlov@pircenter.org]
Андрей Л. Фролов, выпускающий редактор
[frolov@pircenter.org]
Елена Д. Полидова, администратор проекта
[info@pircenter.org]
Даниил О. Кобяков, корреспондент
[kobayakov@pircenter.org]
Наталья С. Котовщикова, технический редактор
Евгения А. Кожурина, корректор
Екатерина В. Мышева, литературный редактор
Галина Д. Рассказова, бухгалтерия
Константин А. Сириков, распространение

Контактная информация

Адрес для писем:
Россия, 123001, Москва,
Трехпрудный пер., д. 9, стр. 1Б
Редакция Ядерного Контроля
Телефон редакции:
+7-095-234-0525 (многоканальный)
Факс: +7-095-234-9558

Интернет-представительство: [www.pircenter.org]

Русская версия журнала: <http://www.pircenter.org/rus/publications/print/yk.html>
Английская версия журнала: <http://www.pircenter.org/rus/publications/print/yc.html>

Редакционная политика

- Материалы *Ядерного Контроля* не могут быть воспроизведены полностью либо частично в печатном, электронном или ином виде без письменного разрешения Издателя
- Публикуемые материалы, суждения и выводы могут не совпадать с точкой зрения Редакции и являются исключительно взглядами авторов
- Издание осуществлено благодаря поддержке Фонда Форда, Фонда Макартуров, Корпорации Карнеги Нью-Йорка, Фонда Плаушер и др.

Подписка и распространение (подробнее см. стр. 181)

В России:

- «Роспечать». Подписной индекс в каталоге – 79280
- «Триалог». Оплата в любом отделении Сбербанка РФ. Заполненный купон вместе с квитанцией об оплате направлять по адресу: 121019, Москва, а/я 137, ООО «Триалог», тел: +7-095-764-98-96

За рубежом:

- Swets Blackwell: тел: +31-252-435-111; факс: +31-252-415-888; e-mail: infoho@nl.swetsblackwell.com; web: www.swetsblackwell.com
- East View Publications, Представительство в России, тел: +7-095-777-6558; факс: +7-095-318-0881; web: www.eastview.com

Тираж 1000 экз. Подписано в печать 15 августа 2003 г.

Отпечатано в издательстве «Права человека»

© ПИР-Центр, 2003

РЕДАКЦИОННАЯ СТАТЬЯ

- 7 **После Эвиана: сделать так, чтобы документы саммита не стали «водой»**

ИНТЕРВЬЮ

- 9 **Дмитрий Rogozin: «Протокольными нотами мировая история не пишется» – Андрей Фролов** – Корреспондент журнала *Ядерный Контроль* взял эксклюзивное интервью у председателя Комитета Государственной Думы по международным делам Д.О. Рогозина, который в ходе беседы высказал свое мнение о ситуации вокруг КНДР и Ирана, об отношениях России со странами СНГ в рамках Договора о коллективной безопасности, а также остановился на вопросе совершенствования режима нераспространения.

АНАЛИЗ

- 15 **Ближний Восток и атомная проблема – Роланд Тимербаев** – Недавние события вокруг Ирака вновь привлекли внимание мирового сообщества к проблеме ближневосточного урегулирования. Немаловажную роль в достижении этой цели играет и успешное решение атомной проблемы. Автор исследует условия возникновения ядерного фактора в регионе, предлагает практические пути решения данного вопроса.
- 49 **Роль силового принуждения в предотвращении распространения оружия массового уничтожения – Александр Калядин** – Угроза международного терроризма и распространения ОМУ, средств его доставки может привести к возникновению чрезвычайных обстоятельств, при которых окажутся недостаточными традиционные политико-дипломатические инструменты. Автор отмечает, что для эффективного противодействия может потребоваться оперативное принятие решительных принудительных мер, связанных с использованием силы.

- 59 **Геополитические аспекты строительства СЯС в интересах укрепления военной безопасности России – Василий Лата** – Автор рассматривает различные сценарии совершенствования и модернизации Стратегических ядерных сил России. Состояние российских СЯС в XXI веке будет зависеть от внешних и внутренних геополитических факторов, которые служат критериями для планирования развития Стратегических ядерных сил.
- 71 **Эволюция ядерной политики США: возрастает ли роль ядерного оружия? – Николай Соков** – В начале 2003 г. запрос администрации Дж. Буша об ассигнованиях на разработку ядерных боезарядов малой мощности вновь поставил вопрос о месте ядерного оружия в стратегии США. Автор подробно рассматривает различные аспекты, связанные с ядерным арсеналом США, сравнивает концептуальные подходы к проблеме ядерного оружия в США и России.

П О Л Е М И К А

- 87 **Мир после иракской войны – Евгений Сатановский** – Война в Ираке содействовала значительной трансформации мирового сообщества. Исходя из этого, автор рассматривает изменения на глобальном уровне, роль мировых институтов, место морали и политики в современном мире, а также религиозные и цивилизационные факторы. Кроме того, серьезное внимание в исследовании уделено вопросам, связанным с оружием массового уничтожения, аспектам его распространения и использования в террористических целях.
- 95 **НАТО, Россия и угрозы нового века – Константин Эггерт** - На фоне стремительных изменений, связанных с трансформацией НАТО, возникает вопрос о будущей роли этой организации в мировой политике. Автор исследует возможные сценарии развития ситуации, касающиеся как НАТО в целом, так и отношений России с альянсом.

К О М М Е Н Т А Р И Й

- 101 **О ходе подготовки к конференции по рассмотрению ДНЯО 2005 г. – Роланд Тимербаев** – Автор анализирует результаты заседания Подготовительного комитета, рассматривающего вопросы организации Конференции по рассмотрению ДНЯО 2005 г., проходившего весной этого года в уникальной обстановке – выхода из Договора одного из участников (КНДР).

О Б З О Р

- 109 **Оргпреступность и терроризм: взаимосвязь и взаимодействие – Александр Федоров** – Тенденция сращивания организованной преступности и террористических групп является одной

из актуальных проблем современной безопасности. Автор приходит к выводу, что терроризм, вне зависимости от идеологии, - в первую очередь криминальное явление, которое в последнее время стало носить трансграничный характер. Последнее обстоятельство приводит к росту сотрудничества между государствами в сфере борьбы с криминалом.

- 119 **Перспективы российского атомного экспорта – Виктор Козлов** – В статье представлена история международного сотрудничества России (СССР) в области проектирования и строительства АЭС, рассматриваются ныне реализуемые за рубежом контракты, в том числе строительство АЭС в Иране, анализируются страны-конкуренты России на рынке АЭС и перспективные направления российского экспорта атомных технологий.
- 127 **Передача технологий и экспортный контроль в век глобализации – Элина Кириченко** – Автор анализирует взаимосвязь между усиливающейся ролью международного трансферта технологий и тенденциями в развитии экспортного контроля, а также перспективы экспортного контроля в XXI веке. Акцент делается на анализе контроля за неосознаваемыми формами передачи технологий.
- 139 **Глобальное партнерство в российско-японских отношениях – Наталья Белобородова** – В ходе визита в Россию премьер-министра Японии Д. Коидзуми были обозначены приоритетные направления двусторонних отношений в области уменьшения ядерной угрозы. На основе богатого фактического материала автор исследует историю российско-японского сотрудничества в данной области и делает прогноз в отношении его перспектив.

С Т Р А Н И Ц Ы И С Т О Р И И

- 157 **Герой России – Эдуард Шарапов, Борис Юринов** – Завесу тайны, сопровождавшую деятельность Героя России, человека, сыгравшего не последнюю роль в деле создания Советским Союзом атомной бомбы, разведчика В.Б. Барковского, пытаются приоткрыть авторы данной статьи. Приводятся интересные факты из жизни разведчика, в том числе взятые из интервью с В.Б. Барковским и его автобиографии.

Б И Б Л И О Т Е К А

- 165 **Эдвард Теллер. Мемуары. Путешествие в науку и политику в XX веке. – Алексей Обухов** – Мемуары известного ученого охватывают различные этапы его жизни: от периода научной работы в Германии в 1920–1930-х гг. до участия в создании американского ядерного и водородного оружия. В книге, в частности, уделяется большое внимание различным аспектам гонки вооружений, таким, как, например, описание

испытательных взрывов, которые привели к появлению ядерного оружия, пригодного к доставке по воздуху.

- 169 **Книжные новинки – Даниил Кобяков** – Обзор самых интересных книжных новинок, поступивших в библиотеку ПИР-Центра.

171 S U M M A R Y

175 О Б А В Т О Р А Х

179 ЭКСПЕРТНО-КОНСУЛЬТАТИВНЫЙ СОВЕТ

181 О П О Д П И С К Е

ВЕСТНИК ГЛОБАЛЬНОГО ПАРТНЕРСТВА

- после
с.108 ПИР-Центр и журнал *Ядерный Контроль* публикуют очередной выпуск бюллетеня, посвященного взаимодействию стран «Большой восьмерки» в области сокращения избыточного ОМУ и его компонентов в России. Второй номер бюллетеня содержит информацию о реализации программы Глобального партнерства в свете итогов саммита в Эвиане.

ПОСЛЕ ЭВИАНА: СДЕЛАТЬ ТАК, ЧТОБЫ ДОКУМЕНТЫ САММИТА НЕ СТАЛИ «ВОДОЙ»

Отрезок времени между саммитами «Большой восьмерки» в Кананаскисе и Эвиане (июнь 2002 г. – июнь 2003 г.) как никогда был насыщен событиями в мировой политике. В этот период снова со всей очевидностью проявились новые вызовы мировому устройству и высветился кризис традиционных институтов миропорядка. Наглядным примером этого явилась война в Ираке, приведшая к серьезным разногласиям среди ключевых игроков на международной арене и лишней раз продемонстрировавшая неспособность преодолеть эти противоречия в рамках ООН.

После иракского кризиса большие надежды возлагались на встречу лидеров стран «Большой восьмерки» в Эвиане, которая должна была помочь в решении этих проблем и найти «общий знаменатель» по основным вопросам мировой повестки дня.

В последние годы именно «восьмерка» приобретает все больший вес в мировой политике. На повестке дня этого неформального «концерта великих держав» стоят все важнейшие глобальные вопросы, для эффективного решения которых необходимо объединение усилий ключевых игроков на международной арене.

Одной из таких проблем, несомненно, является распространение оружия массового уничтожения. На предыдущем саммите «Группы восьми» в Кананаскисе была принята программа «Глобальное партнерство против распространения оружия и материалов массового уничтожения». В рамках этой инициативы страны «восьмерки» обязались выделить до 20 млрд долл. в течение 10 лет на программы нераспространения в России. При этом были определены приоритетные области, на которые должно быть направлено финансирование: химическое разоружение, утилизация списанных атомных подводных лодок и расщепляющихся материалов, а также трудоустройство бывших ученых-оружейников.

Саммит «восьмерки» в Эвиане, проходивший с 1 по 3 июня 2003 г., подвел черту под первым годом существования Глобального партнерства. Каких результатов удалось и чего не удалось достичь за год, прошедший после предыдущего саммита в Кананаскисе? Можно ли дать ответ на сакраментальный вопрос о том, получит ли Россия обещанные 20 млрд долл. и будут ли эти деньги работать на благо российской и международной безопасности?

Главный результат прошедшего года – это то, что наконец заработал механизм по переводу политических деклараций в конкретные проекты. Подписание документов в рамках Многосторонней ядерно-экологической программы (МНЭПР) в мае 2003 г. явилось первым шагом на пути преодоления разногласий по ряду ключевых вопросов, связанных с оказанием помощи, в первую очередь в сферах налогообложения и гражданской ответственности за ущерб. Несмотря на то, что эти вопросы еще не закрыты, первый важный шаг уже сделан.

Расширяется география Глобального партнерства. О намерении присоединиться к инициативе «восьмерки» заявили Нидерланды, Норвегия, Польша, Финляндия, Швейцария и Швеция.

Увеличивается и число программ, на которые выделяются средства в рамках Глобального партнерства. Впервые они включают утилизацию многоцелевых атомных подлодок. После саммита в Эвиане новые средства на эти цели выделили Великобритания, Канада, Норвегия, Франция и Япония. Уже существующий объем финансирования в этой области позволит утилизировать как минимум пять многоцелевых АПЛ и 248 активных зон реакторов.

Процесс сотрудничества в области химического разоружения также стал приносить свои плоды. К концу апреля 2003 г. на заводе по уничтожению химоружия в поселке Горный (Саратовская область), построенном при содействии Германии, Финляндии, Нидерландов и Европейского Союза, были уничтожены первые 400 т иприта. Тем самым Россия выполнила свои текущие обязательства по КЗХО. Этот успех подтолкнул партнеров России к выделению новых средств на программу уничтожения химического оружия в России. Так, было объявлено о расширении финансирования комплекса в Горном, о выделении средств на сооружение объекта по уничтожению химического оружия в Камбарке (Удмуртия), о новых проектах по развитию инфраструктуры объекта в Щучьем (Курганская область).

В целом, на саммите в Эвиане страны «восьмерки» заявили о выделении чуть более 18 млрд долл. на реализацию программы Глобального партнерства. Вклад в эту сумму со стороны России составляет 2 млрд долл. Необходимо уточнить, что речь идет именно о заявленных, а не о реально выделенных средствах.

Позволяют ли первые успехи Глобального партнерства говорить о том, что процесс реализации этой инициативы проходит гладко? Какие препятствия еще остаются на этом пути?

В докладе старших должностных лиц, утвержденном лидерами «восьмерки» в Эвиане, отмечается, что, несмотря на прогресс в ряде проблемных областей, в частности, в вопросах налогообложения сумм оказываемой помощи, еще остаются препятствия, например, касающиеся проблемы гражданской ответственности за ущерб. В подписанных 21 мая 2003 г. документах по МНЭПР решены вопросы налогообложения и ответственности за ущерб. Россия предлагает использовать МНЭПР в качестве модели при реализации всех программ Глобального партнерства. Тем не менее, по этому вопросу все еще сохраняются разногласия с некоторыми партнерами, в частности, с США. Имеются противоречия по поводу приоритетности тех или иных программ. Финансирование «живыми деньгами» осуществляется в недостаточном объеме. Несмотря на первые успехи, сохраняется ряд проблем в области химического разоружения – как на международном уровне, так и внутри России.

Одной из задач, которые предстоит решить в рамках Глобального партнерства, является обеспечение его устойчивости и жизнеспособности. Проблема заключается в том, что выделяемые средства вкладываются в отдельные программы одновременно и возникает вопрос, будут ли эти программы работать, когда финансирование закончится? Если, как в случае с химическими боеприпасами, этот вид оружия постепенно будет уничтожен, то в других случаях речь идет об обеспечении безопасности материалов, объектов, их транспортировки, т.е. о тех вопросах, которые будут актуальны всегда. Если мы уже сейчас – и в России, и на уровне «восьмерки» – не задумаемся о конкретных шагах по обеспечению устойчивости и жизнеспособности Глобального партнерства, то впоследствии могут возникнуть проблемы, которые затронут интересы России, а также вызовут недовольство среди налогоплательщиков других стран-доноров. Эти конкретные шаги могут включать: возрастание доли финансирования из бюджета России; повышение эффективности контроля за использованием выделенных средств; конверсию и коммерциализацию проектов там, где это возможно. Для решения этих задач государственные структуры могут рассчитывать на немалый потенциал неправительственных организаций и научно-исследовательских институтов в области нераспространения – в частности, на сформированный накануне саммита в Эвиане Совет по устойчивому партнерству для России (СУПР).

К следующему саммиту, который состоится в июле 2004 г. на острове Морской в штате Джорджия (США), следует прийти, сняв с программы Глобального партнерства груз нерешенных проблем, с собранными двадцатью миллиардами – и это как минимум – а также с первыми «success stories»: успешно работающими, эффективными проектами.

Председатель Комитета Государственной Думы по международным делам **Д. О. Rogozin** дал эксклюзивное интервью корреспонденту журнала **Ядерный Контроль** **Андрею Фролову**.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: На саммите в Санкт-Петербурге произошло важное событие – президенты России и США обменялись ратификационными грамотами по Договору о СНП. Каким вы видите будущее процесса сокращения ядерных вооружений в мире, особенно в свете того, что Сенат США принял решение о проведении НИОКР по новым типам ядерных боеприпасов, отменив закон Спратта-Фурса 1993 года, который запрещал их разработку?

РОГОЗИН: Ничего хорошего, безусловно, в этой программе нет. Мир от этого прочнее и надежнее не станет. Само наименование предмета разработки – «ядерные боеприпасы малой мощности» – как бы снимает всякие, в том числе и моральные, ограничения на практическое применение ядерного оружия. Пока оно воспринимается многими как показатель экономического развития страны, элемент ее политического статуса. Но усовершенствование ядерных боеприпасов малой мощности, очень вероятно, снимет это табу под предлогом того, что ограниченное и «пропорциональное» их использование исключит возможность гибели мирного населения и фатального влияния на экологию планеты. И это обязательно повлечет за собой гонку обычных вооружений в странах, считающих себя потенциальными жертвами нападения. Кроме того, вспомним, сколько крылатых ракет и неразорвавшихся авиационных бомб армия США «потеряла» во время войны в Югославии, Афганистане и Ираке и что может произойти с самими США и всеми нами, если в очередной раз рассеянные американцы где-нибудь забудут ядерные заряды малой мощности. Тогда ущерб от действий «шахидов» будет исчисляться сотнями тысяч жертв.

Что касается Договора о СНП, то он регулирует объемы именно стратегических наступательных вооружений. По нему Россия приобретает право самостоятельно определять состав своих ядерных сил в пределах 1700–2200 боезарядов до 2012 г. Этого количества достаточно для того, чтобы нанести неприемлемый ущерб любой стране мира в случае посягательства на наш суверенитет.

Более того, этот Договор выправляет ряд сомнительных положений Договора СНВ-2, согласно которому мы должны были отказаться от самого продвинутого вида стратегических вооружений – ракет с разделяющимися головными частями, которые в обозримой перспективе останутся самым эффективным средством преодоления любых систем ПВО и ПРО.

В процессе подготовки этого Договора к ратификации в Государственной Думе некоторые его положения вызвали у депутатов замечания, с учетом которых проект закона о

ратификации был существенно доработан и усовершенствован. Мы дополнили его рядом принципиально новых положений, которые позволят нам «держать порох сухим», то есть обеспечивать безопасность Российской Федерации при самых неблагоприятных сценариях развития стратегической обстановки. В частности, предусмотрена возможность выхода из него в случае, если иным государством или группой стран будут развернуты системы ПРО, которые смогут снизить эффективность стратегических сил Российской Федерации.

В целом, я полагаю, СНП вполне отвечает нашим интересам, несмотря на противоречия между Россией и США в вопросах развития и принятия на вооружение усовершенствованных образцов ядерных зарядов малой и средней мощности.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Российские политики и высокопоставленные государственные чиновники, в том числе на страницах нашего журнала, заявляли, что Договор о СНП отвечает интересам России. В то же самое время возникает вопрос, нет ли противоречия между стремлением сократить российские ядерные арсеналы и действиями США, которые уже сейчас присутствуют в зоне российских национальных интересов – в Средней Азии, Закавказье?

РОГОЗИН: Договор о СНП предполагает взаимные сокращения ядерного оружия в России и в США. Это паритет. Что касается российских интересов в Средней Азии и Закавказье, то они состоят в поддержании мира и в отсутствии угрозы терроризма, наркотрафика и потоков нелегальной миграции. Падение режима талибов в Афганистане при участии Америки нам выгодно. Более того, могу сказать, что нам невыгодна как раз слабость американских военных в этой стране и их неспособность добить этих кровавых талибов, прекратить наркобизнес, которым едва ли не весь Афганистан живет, а главное – неспособность установить в Кабуле действительно сильное, вменяемое и эффективное правительство, которое могло бы взять реальную власть в свои руки, а не повторять историю Бабрака Кармаля образца 1979 года. В этом мы должны оказывать Америке посильную поддержку. Мы неплохо сотрудничали при активных действиях США в Афганистане в рамках антитеррористической операции. Без нашей поддержки Северного альянса американцам пришлось бы, прямо скажем, туговато. Нам следует сотрудничать и в дальнейшем.

В то же время в Грузии, например, Вашингтон проводит совершенно близорукую политику, взаимодействуя с режимом Шеварднадзе. Американцы пытаются удержать его на президентском посту насколько это возможно, поддержать материально, хотя и по-американски скуповато. Даже грузинский спецназ взялись подготовить. Правда, тот разбежался, не выдержав тренировок. Одним словом, в этой части Закавказья американцы пытаются заявить свою активную позицию. Стоит ли нам ругаться с ними по этому поводу? Думаю, что в этой части как раз противоречий, а тем более предмета для конфронтации у нас нет. Есть недопонимание. Но оно в принципе может быть преодолено, если без истерики, без раздражающих назиданий указывать американцам на их ошибки, которые со временем увеличат свою стоимость.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Как вы можете охарактеризовать российское участие в Договоре о коллективной безопасности (ДКБ)? Является ли, на ваш взгляд, ДКБ оппозицией НАТО или же, напротив, у ДКБ и НАТО есть гораздо больше пространства для сотрудничества, чем для соперничества?

РОГОЗИН: ДКБ – такая же региональная организация военного сотрудничества, как и НАТО. И полагаю, что такая же номинальная. Это такая – как бы политическая – декларация взаимного уважения и партнерства. Проводятся саммиты участников, совместные военные маневры, содержатся многотысячные армии. Но когда дело доходит до принятия конкретных решений, то в НАТО их принимают США в личном качестве, в ДКБ – Россия.

Надо было Америке влезть в Ирак – влезли. Правда, прикрыли это вторжение фиговым листком некой «коалиции» с участием Болгарии и Польши. Но реальное решение принимали в Белом доме. Остальные подстраивались. И ни о каком консенсусе в НАТО вопрос даже не ставился. Так и Россия. В Чечне – с международным сбродом террористов бо-

ремся сами. В Таджикистане в 1990-х гг. будто бы коалиционные силы в рамках ДКБ должны были присутствовать. Реально это были только наши военные, не считая взвода киргизов и роты казахов, которые все равно реального участия в военных действиях не принимали.

Таким образом, организации эти на сегодняшний день способны, в лучшем случае, только на обеспечение ограниченного присутствия миротворцев или проведение гуманитарных операций по доставке в нестабильные районы тушенки и туалетной бумаги.

Что касается взаимоотношений этих организаций, то, очевидно, следовало бы сотрудничество между ними развивать и наращивать. Я далек от мысли, что в ближайшие годы вероятны какие-то практические совместные дела. Но стремиться к этому нужно, хотя бы затем, чтобы демонстрировать миру рост взаимного доверия и единство политических принципов.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Как, на Ваш взгляд, стоит расценивать намерение российского руководства участвовать совместно с США в разработке и создании системы противоракетной обороны?

РОГОЗИН: Не уверен, что это перспективная затея. Американцы – слишком эгоистичная нация. Такому вот национализму, кстати, нам следовало бы у них аккуратным образом поучиться. ПРО интересна для них не столько с точки зрения ее военной эффективности, сколько в качестве импульса для развития своего военно-промышленного комплекса (ВПК), науки, технологий и экономики в целом. Закачают в этот проект 300 миллиардов, и на десять лет вперед миллионы людей будут при деле, будут что-то придумывать, мастерить. И в результате США сделают такой мощнейший экономический рывок, что на ближайшие лет пятьдесят оставят позади всех, даже своих верных и экономически продвинутых союзников. Какой им смысл делиться с нами? Я бы на их месте так не поступил. Пока эти проекты кооперации с Россией не приобретут конкретных очертаний и не замаячат реальные инвестиции, я буду скептиком. У США в этом вопросе, прямо скажем, неважная репутация.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Одной из современных угроз миру является растущая роль так называемых «негосударственных игроков» – трансграничной преступности и международных террористических организаций. Не секрет, что они подчас образуют тесный союз. С какими государствами сотрудничает Россия для предотвращения этой угрозы? Насколько плодотворно такое сотрудничество?

РОГОЗИН: Эта тема с точки зрения права, пожалуй, самая неразработанная в современном мире. Вроде бы все, задрав штаны, готовы броситься на борьбу с международным терроризмом, бандитизмом и транснациональной преступностью. Но всякий раз, когда необходимо принимать конкретные решения, сразу расчехляют свои «стволы» всевозможные правозащитные организации, активизируются адвокаты и прочие «миротворцы». И их влияния на принятие политических решений нельзя недооценивать.

Взять хотя бы навязший уже в зубах пример А. Закаева, которого сначала датчане пригнали, теперь англичане со свойственной Туманному Альбиону волокитой решают, стоит ли выдавать его для проведения следственных – прошу обратить внимание – именно следственных действий нашей прокуратуре или нет. А его следовало бы судить уже за организацию незаконных вооруженных формирований, что в переводе на русский язык называется бандой. Это ведь только «старейшим демократическим судам» непонятно, для чего создаются такие банды. Наверное, думают, чтобы садовые товарищества устраивать! Закаев – гражданин России, и бандитствовал он здесь. Если и не он лично, так его сподручные убивали людей, наших солдат, ребят, которые служили своей стране, а страна должна, обязана наказывать любого, кто покушается на жизнь тех, кто ее защищает.

Эти самые «демократии» саботируют наше национальное правосудие, мешают органам дознания. Простота – она ведь, известно, хуже осознанного уголовно наказуемого деяния. Это не что иное, как попытка политической социализации бандитизма, политическое спонсорство международного терроризма. Первая чеченская кампания не была до-

ведена до конца в том числе и по их вине. И это действительно большая проблема международного контртеррористического сотрудничества, когда отсутствие общедоступных и понятных, а самое главное – эффективных правовых норм тормозит эту борьбу. А по большому счету – и вообще ставит под сомнение будущее современной российско-европейской цивилизации, обрекая ее на кровопролитную войну за право на жизнь. Мировая история протокольными дипломатическими нотами не пишется.

Я считаю так: перед лицом террористической угрозы, не признающей правил и норм современной цивилизации, граждане России не должны оставаться заложниками несовершенных юридических норм. Слабость правовой базы не может считаться оправданием бездеятельности власти, когда речь идет об угрозе жизни, свободе и гражданскому достоинству населения страны.

Англичане говорят: «Если правила игры не позволяют выиграть, английские джентльмены меняют правила». Если есть воля правительства, то никакое юридическое крючкотворство не сможет воспрепятствовать выполнению им своей конституционной функции защиты людей. Проблема в том, что в сытой Европе остроту угрозы еще не до конца почувствовали. Со временем они, безусловно, поймут, в чем дело. Но, боюсь, для этого им предстоит пережить свое 11 сентября. К сожалению...

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Дмитрий Олегович, в Вашем лице Государственная Дума поддерживает активный диалог с европейскими структурами. Какие магистральные направления вы видите для российско-европейского сотрудничества в области безопасности? Есть ли у России намерение сотрудничать с Европой в деле создания системы противоракетной обороны театра военных действий?

РОГОЗИН: Это терроризм, наркобизнес, который должен быть приравнен к распространению оружия массового уничтожения, нелегальная миграция как потенциальный рассадник преступности. Безусловно – нераспространение ядерного оружия и других видов ОМУ. Все, что отвечает нашим взаимным интересам и работает на укрепление режима безопасности и стабильность.

Что касается противоракетной обороны театра военных действий, то следовало бы для начала изучить потенциальный источник угроз и вероятных участников этого «театра» и строить оборонительные рубежи адекватно этим угрозам. А то ведь может случиться так, что мы увлечемся этими локальными ПРО, а беда подкрадется с другого берега, как в Америку 11 сентября. Поэтому работа в вопросах безопасности должна строиться комплексно, с использованием как чисто военных ресурсов, так и политических механизмов. Так называемые «неэффективные» режимы, или «страны-изгои», вполне могут лечиться политическими методами. Это намного дешевле, чем прибегать к услугам армий. Вот в Ираке, хотя военная победа и была одержана, но в данном регионе это еще ничего ровным счетом не означает. Там полно «сукиных детей», и на место Хусейна легко сыщется другой. И хорошо, если он будет подобен самому Саддаму, а если Бен-Ладену?

Но порох все равно следует держать сухим. Мир не так стабилен, как хотелось бы. И противоракетные системы театра военных действий следует, конечно, совершенствовать, в том числе и во взаимодействии с европейскими партнерами. Но делать это, повторяюсь, следует, только изучив реальные источники угроз и в комплексе с политическими средствами влияния.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Сейчас много говорится о кризисе режима нераспространения. СМИ пестрят сообщениями о стремлении целого ряда государств приобрести ядерное оружие в обход режима нераспространения. Как Вы оцениваете эффективность этого режима?

РОГОЗИН: Режим нераспространения нельзя контролировать абсолютно эффективно. Наука и технологии распространяются быстро и решительно. Говорят, даже где-то в Интернете можно ознакомиться с инструкциями по изготовлению примитивных ядерных устройств. Если пятьдесят лет назад это был удел самых продвинутых, то сегодня – стран средней технологической подготовки. А что будет лет через пятнадцать – страш-

но подумать. А любителей острых ощущений в мире не убавляется. И даже наоборот – они смело и легко осваивают все новинки в номенклатуре товаров по уничтожению себе подобных. Сие означает, что режим нераспространения следует укреплять, делать его эффективным, а все международные акции должны иметь адресный характер и санкционироваться хотя бы Совбезом ООН, наиболее влиятельными странами, ответственными за глобальную стабильность. А то в Ираке работали инспекторы, добросовестно искали признаки ОМУ, тратили деньги международных налогоплательщиков. Ничего не нашли, а война началась. А Пакистан, Индия, Израиль не особенно и скрывают, что у них ядерное оружие есть. Но международное сообщество – как воды в рот набрало. Поэтому, если говорить о главной трудности, то это – двойной стандарт.

В случае с Ираном удалось в принципе договориться, чтобы там не проводились не санкционированные МАГАТЭ ядерные исследования и чтобы они не увлекались играми с делящимися материалами. Но ведь технологии эти и оборудование попали в Иран не из России. По некоторым оценкам, ниточка ведет через Пакистан в европейские лаборатории. Поэтому можно говорить, что тема эта актуальна, и простор для работы в этом направлении широк.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Каким вы видите будущее ООН и в целом архитектуру международной безопасности после операции США в Ираке? Может ли «восьмерка» заменить Совет Безопасности ООН или, возможно, ради сохранения этой организации стоит прислушаться к мнениям о необходимости увеличения постоянных членов СБ ООН?

РОГОЗИН: К ООН есть много претензий. Пока работа ее малоэффективна. Порой напоминает тусовку пикейных жилетов, где адепты всевозможных политических школ упражняются в риторике. Документы ее не носят обязывающего характера. Во всяком случае, не все. Операция в Ираке, конечно, показала слабость этой организации. США смогли легко обойтись без ее одобрения, и это плохо. Но в то же время показательно, что Вашингтон настойчиво и последовательно стремился снискать это одобрение. А значит, мнение ООН было ему не совсем безразлично, следовательно, политический ресурс ее еще не исчерпан. Нужно просто наполнить ее новым содержанием, обеспечить независимость и эффективность принимаемых решений.

Что касается возможности «восьмерки» заменить СБ ООН, то вряд ли это возможно и вряд ли целесообразно эту тему даже обсуждать. «Восьмерка», конечно, представлена странами достойными, сильными и влиятельными. Но влияние это заслужено их высоким уровнем развития, реальной силой, умом, гармоничным устройством. Если эти «умные» и «сильные» возьмутся диктовать свою волю остальному миру, то в этом случае велик риск не справиться с этой задачей.

Диктаторов не любят никогда и нигде. Любая диктатура мобилизует силы сопротивления, которые потом традиционно одерживают победу. Лучше уж «восьмерке» сохранять за собой реноме «неформального» мирового лидера, на которого остальные могли бы равняться и стремиться к такому же упорядоченному устройству.

А вот тему расширения списка постоянных участников СБ ООН можно было бы обсудить с тем, чтобы вовлечь в работу страны, обладающие влиянием в вопросах региональной безопасности и стабильности, не девальвируя при этом статус сегодняшних постоянных членов Совета Безопасности.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Обнародованный в июне 2003 г. доклад МАГАТЭ о ядерной программе Ирана подверг сомнению заявления иранского руководства об исключительно мирном характере ядерной программы этого государства. В свете этой информации как, на Ваш взгляд, должна Россия строить свои отношения с Ираном, учитывая тот факт, что Иран – стратегический союзник и крупный деловой партнер России?

РОГОЗИН: Сейчас историю с ядерной программой Ирана в основном удалось разрулить. Без истерики, скандалов и мордобоя. И это хороший пример эффективности политических средств влияния. По многим вопросам и со многими, казалось бы, безнадежными странами договариваться можно. Не всегда просто, но можно.

Иран – наш непосредственный сосед. Ядерного оружия там нет, и наш интерес в том, чтобы исключить возможность его появления в Иране, несмотря на наши сегодняшние добрые с ним отношения. И в Иране это хорошо понимают. Гораздо лучше нам самим построить там мирную атомную станцию, о начинке которой мы знали бы лучше самих иранцев и были бы уверены, что даже при очень скверном развитии событий никакого греха там не приключится. Иран для нас – огромный рынок, который мы можем осваивать долгие годы. Это очень культурная страна, мало пострадавшая от квазикультурного глобализма. И этим также она для нас интересна. Ресурс развития наших отношений – огромен.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: В середине июля резко возросла напряженность на Корейском полуострове, связанная с информацией о том, что КНДР может провести испытания ядерного оружия в сентябре 2003 г. Какой, на Ваш взгляд, должна быть роль России в процессе урегулирования ситуации вокруг Северной Кореи?

РОГОЗИН: Северная Корея – такой же наш сосед, как и Иран. И также традиционный партнер, хотя вследствие идеологических различий отношения последних лет как-то не заладились. А жаль. Тем не менее, в отношениях с Сеулом в последние годы очевиден прогресс. И, видимо, России предстоит сыграть не последнюю роль в процессе налаживания межкорейских отношений.

История с пуском ядерных реакторов в КНДР, конечно, неприятная, но вполне адекватная главным мировым процессам, в том числе и войне США против Хусейна. Американцы хотели напугать всех мировых «изгоев», но не тут-то было. Желающих выстроиться во фронт при окрике из Вашингтона оказалось немного.

Ведь какова логика Пхеньяна? Зачем нужно «прогибаться» перед международным сообществом, идти на сотрудничество, пускать к себе инспекторов, позориться перед собственным народом, если все равно американцев это не убедит и они найдут повод почесать свои кулаки. Надежнее так: без кривых улыбок и дипломатического протокола объявить, что плевать, мол, мы хотели на все ваши запреты, если вы сами пристойно вести себя не умеете. ООН сегодня – это сказ такое в сравнении с нашей водкой, сахарная водичка для страдающих половым бессилием: ничего и никому гарантировать не может. А потому – спасение утопающих – дело рук самих утопающих. Есть сомнения? Попробуйте – сразитесь с нами! Корея – это не Персидский залив. Сунетесь – получите второй Вьетнам по полной программе с острой ядерной приправой.

Но что делать? Мы-то понимаем это. Нас наша история выучила, что такое инстинкт самосохранения, что такое любовь к жизни и свободе. А американцы, находясь в шорах своего могущества и величия, как-то недотягивают, чтобы постичь эту логику. Президент наш В. Путин интересное наблюдение привел в своей книге «От первого лица» о том, как в детстве, гоняя по переулкам крыс, понял, что нельзя загонять их в угол. Иначе она в своем предсмертном рывке запросто может допрыгнуть до сонной артерии и увлечь за собой в лучший из миров.

Северная Корея – это же не гамбургер из трансгенных продуктов, чтобы нравиться американцам. Она для них как та крыса. А для нас, для Китая – это сосед. Своеобразный, но сосед, с которым можно и нужно договариваться. Это как тигр дальневосточный. С ним следует как с кошкой – окружать лаской, заботой и подарками. Но если страшить такие страны дубиной, то, боюсь, эффективный прецедент ядерного шантажа КНДР будет иметь рецидивы.

События в Ираке и вокруг него вновь со всей остротой поставили на повестку дня международной жизни вопрос о необходимости достижения долгосрочного ближневосточного урегулирования. Действия по продвижению его вперед в контексте так называемой «Дорожной карты», выработанной усилиями Соединенных Штатов, России, ООН и ЕС, не могут не затронуть на соответствующем этапе вопросы, связанные с оружием массового уничтожения на Ближнем Востоке. Ситуация с этими видами оружия, в особенности ядерным, на протяжении десятилетий является одним из основных «камней преткновения» на пути к решению ближневосточного вопроса, и совершенно очевидно, что мир и стабильность в этом регионе невозможны без нахождения общеприемлемого решения этой застарелой проблемы.

Цель настоящей работы – проанализировать, как атомная проблема влияет на состояние и перспективы политического урегулирования на Ближнем Востоке и установления там прочного мира. Несмотря на развивающуюся после окончания холодной войны тенденцию в направлении формирования новых стратегических отношений в общемировом масштабе, Ближний Восток по-прежнему остается одним из наиболее взрывоопасных регионов мира. Продолжающаяся оставаться неурегулированной обстановка вокруг арабо-израильского конфликта не только препятствует обеспечению безопасности для стран и народов региона, но и отягощает отношения между великими державами и другими государствами, подрывает международную безопасность.

Ближневосточная проблема на современном историческом этапе возникла до того, как ядерный фактор стал играть какую-либо роль в этом регионе. Война 1948 г. явилась результатом неудовлетворенности сторон решением ООН о разделе Палестины на два государства – арабское и израильское. Но война 1967 г. проходила в условиях, когда израильтяне, судя по всему, уже в основном решили атомную проблему и даже, возможно, располагали небольшим количеством примитивных атомных взрывных устройств. Последующие события, включая войну 1973 г. и резко обострившийся, особенно в последние годы, арабо-израильский конфликт, позволяют с полным основанием говорить, что ядерный фактор осложняет и без того серьезную проблему урегулирования ситуации на Ближнем Востоке. Об этом неопровержимо свидетельствует тот факт, что некоторые арабские страны стремились и, очевидно, будут и дальше искать возможности противопоставить израильскому ядерному сдерживающему средству свое ядерное или другое оружие массового уничтожения, чего бы это им не стоило.

Появление фактора атомного оружия на ближневосточной сцене, как и в мире в целом, в сущности, было делом неизбежным. Страны Ближнего Востока заинтересовались атомной энергией еще в 1950-е гг. К настоящему времени, помимо Израиля, ядерной деятельностью в той или иной степени занимаются следующие государства региона: Алжир, Египет, Иран, Ливия, Сирия и Иордания. Что касается Ирака, то он, как хорошо

известно, к началу 1980-х гг. при содействии Франции сильно продвинулся в создании способного нарабатывать плутоний реактора «Озирак», который был разрушен в результате налета израильской авиации, а в дальнейшем, в нарушение своих обязательств по Договору о нераспространении ядерного оружия, имел тайную программу создания ядерного оружия, которая была прекращена и ликвидирована по решению Совета Безопасности в 1991 г.

По различным аспектам атомной проблемы на Ближнем Востоке, особенно по ядерной программе Израиля и созданию его ядерного потенциала, по раскрытию и разоблачению тайной ядерной деятельности Ирака, а также по взаимоотношениям Израиля со своими соседями – Ираком, Египтом, Ираном и другими ближневосточными странами в этой области имеется весьма широкий набор литературы¹, и поэтому, ограничившись изложением основных фактов, относящихся к возникновению и развитию данной проблемы, основное внимание на этом фоне мы сосредоточим на анализе роли ядерного фактора в общерегиональном контексте и на перспективах дальнейшего развития ядерной ситуации на Ближнем Востоке с точки зрения поддержания международного мира и безопасности в регионе и в мире в целом. При этом, на основе аналитического обзора атомных программ, ядерной политики и амбиций государств региона попытаемся высказать некоторые соображения о том, как могут в дальнейшем развиваться события в этой области и как следовало бы подойти к решению ядерной проблемы на Ближнем Востоке. Основное внимание будет, как представляется очевидным, уделено прежде всего Израилю и Ираку, как странам, находившимся, во всяком случае до последнего времени, в наиболее острой конфронтации в области распространения оружия массового уничтожения. Естественно, что надлежащее место в настоящей статье займут вопросы, относящиеся к ядерной деятельности Ирана, а также и других государств региона.

ИЗРАИЛЬ

История создания израильского «ядерного сдерживающего средства». Общепринято считать, что Израиль является единственным государством Ближнего Востока, располагающим ядерным оружием. То, что Израиль обладает ядерным оружием и средствами его доставки, уже давно повсеместно признано, особенно после известных разоблачений, сделанных в 1986 г. М. Вануну, который работал на атомном объекте в Димоне, и подтвержденных французскими специалистами, оказавшими решающую помощь в становлении атомного потенциала Израиля. Тем не менее, не представляется ли парадоксальным, что израильские власти, в отличие от правительств всех других ядерных держав, никогда официально не признавали, что располагают ядерным оружием? К этому вопросу мы вернемся ниже.

У истоков израильской атомной программы стояли первый премьер-министр Израиля Б. Гурион, ученый-химик Э. Бергман и основной организатор атомного проекта, генеральный директор министерства обороны Ш. Перес (в последующем занимавший посты премьер-министра и Министра иностранных дел). Вскоре после создания государства Израиль правительством была поставлена задача овладения новым источником энергии и, соответственно, новым оружием в качестве ядерного сдерживающего средства, и уже в 1948 г. в военном ведомстве был создан научный департамент во главе с Э. Бергманом, а в 1952 г. образована атомная комиссия, руководителем которой был назначен тот же Э. Бергман.

Ш. Перес взял курс на сотрудничество прежде всего с Францией и в течение ряда лет «устанавливал и цементировал» связи с этой страной в ядерной области². При этом в Тель-Авиве исходили из того, что в условиях франко-алжирского конфликта «[...] в интересах Франции было иметь сильный в военном отношении Израиль, способный угрожать Насеру»³. Как затем стало широко известно, вскоре после Суэцкого кризиса 1956 г. французы согласились построить в Димоне промышленный реактор на тяжелой воде и подземный радиохимический завод по выделению плутония.

Правительство Франции, которое тогда возглавлял Г. Молле, делало ставку на Израиль в противовес арабскому национализму, угрожавшему французским интересам в Афри-

ко, прежде всего в Алжире. По свидетельству П. Пеана, автора вышедшей в 1982 г. книги «Две бомбы», в ноябре 1956 г. Г. Молле заявил: «Я им (израильтянам. – Р.Т.) должен дать бомбу». Премьер-министра поддержал начальник генерального штаба генерал П. Эли: «Нужно предоставить им этот контрбаланс, чтобы обеспечить их безопасность. Это жизненно необходимо»⁴.

Израиль заключил с Францией, имевшей к тому времени хорошо развитую ядерную программу, секретное соглашение о строительстве промышленного тяжеловодного реактора в Димоне (в пустыне Негев) мощностью 26 МВт и установки для выделения плутония. Несмотря на запрет, установленный Ш. де Голлем после прихода к власти в 1958 г., французская промышленность продолжала оказывать помощь Израилю в сооружении этих установок⁵. Кроме того, Израиль получал тяжелую воду из Норвегии.

Мощность Димонского реактора была в дальнейшем доведена до 40 МВт, а потом и до 70–150 МВт⁶. Реактор начал нарабатывать плутоний в 1966 г. Тогда же заработала установка по химпереработке и выделению плутония⁷. Имелись сведения и том, будто французы оказывали израильтянам содействие в разработке конструкции ядерного устройства и, возможно, поделились информацией, полученной после своего первого ядерного испытания, проведенного в Сахаре в 1960 г.⁸ Были сообщения, что израильтяне начиная с 1950–1960-х гг.⁹ смогли получать данные о результатах американских испытаний атомного и водородного оружия.

Хотя о строительстве Димонского реактора стало известно еще в 1960-х гг., многие из важнейших сведений о ядерной программе Израиля стали достоянием гласности в результате сенсационных разоблачений, сделанных израильским специалистом М. Вану-ну, работавшим в Димоне в 1977–1985 гг., английской газете *Sunday Times* в 1986 г. Факт оказания помощи Израилю был подтвержден в интервью той же газете руководителем французского Комиссариата по атомной энергии в 1951–1970-х гг. Ф. Перреном, который активно участвовал в осуществлении этой помощи¹⁰.

Представители разных американских администраций занимали двусмысленную позицию в отношении израильской атомной программы, чаще всего закрывая глаза на ее развитие. Администрация Д. Эйзенхауэра узнала о Димонском проекте в 1958–1959 гг., но никакого противодействия не предпринимала, «[...] установив, – как писал А. Коэн, – прецедент, согласно которому израильская программа по созданию ядерного оружия рассматривалась в качестве особого случая». «Конец пятидесятих годов, – считает А. Коэн, – по всей видимости, был единственной возможностью, когда Соединенные Штаты могли бы оказать на Израиль успешный нажим, с тем чтобы он отказался от проекта создания ядерного оружия в обмен на американские гарантии безопасности, но этот шанс не был использован»¹¹.

Предоставив Израилю в 1950-х гг. небольшой исследовательский реактор «Сорек» (находящийся под гарантиями МАГАТЭ), в периоды правления Дж. Кеннеди и Л. Джонсона США высказывались против приобретения им ядерного оружия и ставили перед Б. Гурионом вопрос о посещении Димоны американскими специалистами, на что израильтянам пришлось согласиться. С мая 1961 по июль 1969 г. было осуществлено восемь посещений атомного реактора, но «секреты Димоны так и не были раскрыты». Эти визиты (в Израиле тщательно избегали называть их инспекциями) были организованы израильской стороной таким образом, что американские визитеры не обнаружили подземного радиохимического завода и даже «признаков его существования»¹².

Дж. Кеннеди не раз обсуждал вопрос о гарантиях МАГАТЭ с Б. Гурионом, в 1965 г. Л. Джонсон направил в Израиль специальных эмиссаров, в том числе А. Гарримана, чтобы попытаться добиться постановки Димонского реактора под гарантии Агентства. В следующем году США предлагали Израилю установку по опреснению воды в обмен на принятие инспекторов Международного агентства¹³. В 1968 г. заместитель госсекретаря Дж. Болл пытался получить от Израиля заверение в том, что он обязывается не создавать ядерное оружие в обмен на поставки Соединенными Штатами самолетов *F-4 Phantom*, однако из-за оппозиции со стороны американского Конгресса Госдепартамент не стал настаивать на этом требовании.

И в дальнейшем США сквозь пальцы наблюдали за развертыванием израильской ядерной программы, не прекращая оказывать военную помощь Израилю. Не настаивали и не настаивают США и на присоединении Израиля к ДНЯО. Как отмечает Ш. Фелдман, «нигде избирательный характер американской политики по ядерному нераспространению не проявлялся столь явно, как в случае с Израилем»¹⁴. Существенной, если не решающей, поддержкой Израилю в обеспечении его безопасности было и остается «стратегическое партнерство» с Соединенными Штатами.

Однако в условиях определенного давления на Израиль со стороны демократических администраций Дж. Кеннеди и Л. Джонсона, которое оказывалось на фоне проходивших в тот период переговоров по заключению Договора о нераспространении ядерного оружия, завершившихся его подписанием в июле 1968 г., израильским правительством была выработана политика *неопределенности* или *двусмысленности* в отношении своего ядерного потенциала. Официальная политика Израиля, начиная с министерства Б. Гуриона (1955–1963 гг.), была сформулирована следующим образом: «Израиль первым не введет ядерное оружие на Ближнем Востоке». Эта политика была формально закреплена при правительстве Л. Эшкола и администрации Л. Джонсона в марте 1965 г., когда между двумя государствами был подписан «Меморандум о понимании», в котором Израиль официально подтвердил, что будет проводить такую политику (т.е. что он «первым не введет ядерное оружие в арабо-израильский регион»)¹⁵.

Премьер-министр И. Рабин, вместе с тем, заявил в 1974 г., что «мы не можем позволить себе стать второй страной, которая сделает это»¹⁶. С того времени ядерный потенциал Израиля рассматривается многими специалистами как «экзистенциальное сдерживание»¹⁷. Факт наличия ядерного оружия, однако, неизменно скрывается, и в отношении существования оружия проводится политика *двусмысленности*.

Израиль отказался подписать ДНЯО и принять гарантии Международного агентства по атомной энергии, а также заключить со странами региона соглашение о создании зоны, свободной от ядерного и других видов оружия массового уничтожения. Не оспаривая в открытой форме значения международно-правовой нормы и режима нераспространения, Израиль утверждает, что «императивы безопасности и стратегические обстоятельства, существующие на Ближнем Востоке, не позволяют ему присоединиться к ДНЯО»¹⁸. Свое отношение к гарантиям МАГАТЭ израильский министр иностранных дел А. Эбан объяснял в беседе с госсекретарем США Д. Раском в феврале 1966 г. «[...] все более ослабевающей позицией Израиля в МАГАТЭ и растущей силой арабов в этом органе». (На что Д. Раск иронически заметил, что те заверения, которые дает Израиль, не помешают ему довести дело до опасной ситуации, когда наступит *восьмимесячная беременность*.)¹⁹

Значительный интерес представляет вопрос о том, когда Израиль создал ядерное взрывное устройство. Собранные и скрупулезно проанализированные А. Козном открытые, но малодоступные материалы и воспоминания очевидцев относительно того, когда и каким образом Израиль овладел этим оружием, свидетельствуют о том, что скорее всего это имело место в конце 1966 – начале 1967 г., и во всяком случае до начала войны 1967 г. В автобиографической книге (на иврите) одного из руководителей израильского атомного проекта М. Мардора сообщается, что 2 ноября 1966 г. «[...] было проведено испытание особого значения. Оно ознаменовало окончание стадии разработок и явилось шагом, который подвел одну из наших главных систем оружия к завершающим фазам развития и производства. [...] Испытание увенчалось полным успехом, так как мы получили недвусмысленное экспериментальное доказательство адекватности той системы, которую мы разрабатывали. [...] Мы ожидали этого результата в течение многих лет». По мнению А. Козна, это было «[...] испытание либо законченной импловзивной конструкции, либо устройства нулевой или близкой к нулевой мощности»²⁰.

Почти одновременно, в марте того же 1966 г., был осуществлен успешный запуск двухступенчатой баллистической ракеты *Иерихон*, которая также была изготовлена в основном при помощи Франции. Таким образом, констатирует А. Козн, в 1966 г., то есть до шестидневной войны июня 1967 г.²¹, Израиль овладел всеми тремя составляющими, позволявшими ему располагать ядерными возможностями: производством расщепляю-

щихся материалов, конструкцией взрывного устройства и средствами доставки ядерного оружия. Ссылаясь на свидетельства современников, которые он считает достойными доверия, А. Козн утверждает, что накануне войны 1967 г. Израиль располагал двумя ядерными взрывными устройствами, которые могли бы быть применены с использованием имеющихся на тот момент средств доставки²².

В своих мемуарах, опубликованных в 1995 г., Ш. Перес пишет, что в тот период он внес на рассмотрение министра обороны М. Дайяна предложение, которое «[...] сдержало бы арабов и предотвратило бы войну». Это высказывание, которое Ш. Перес не детализирует по причинам его секретности, было истолковано, пишет А. Козн, как предложение произвести демонстрационный ядерный взрыв. Предложение Ш. Переса принято не было, поскольку оно, как решило израильское руководство, могло бы привести к опасным и непредсказуемым последствиям²³.

После того, как в конце 1960-х гг. Израиль овладел ядерным потенциалом, при премьер-министрах Л. Эшколе и Г. Меир, он перешел от атомной политики *неопределенности* к политике *непрозрачности*²⁴. Примерно в это же время в США пришла к власти республиканская администрация Р. Никсона, в которой вначале пост советника по национальной безопасности, а затем госсекретаря занял Г. Киссинджер. Это обстоятельство, по мнению А. Козна, позволило правительствам обеих стран закрепить новый режим *непрозрачности*. Летом 1969 г., как указывалось выше, *визиты* американцев в Димону были прекращены²⁵. Это решение отразило понимание между Р. Никсоном и Г. Меир «[...] новых политических и стратегических реальностей». Согласно этому пониманию, «[...] предполагалось, но не признавалось, что Израиль является государством, располагающим ядерным оружием»²⁶.

В сентябре 1979 г. американский разведывательный спутник *Vela* зафиксировал в южной Атлантике вспышку, которая могла быть ядерным взрывом небольшой мощности, что вызывало предположение, что Израиль, возможно при участии Южной Африки, произвел ядерное испытание. Однако, как можно судить по сообщениям печати и по беседам автора с некоторыми американскими специалистами, знакомыми с результатами проведенного расследования, инцидент до сих пор остается неразгаданным.

Позднее Израиль пошел дальше в развитии своей ядерной политики, что выразилось в появлении так называемой «доктрины М. Бегина»²⁷, суть которой состояла в том, что Израиль не допустит любой попытки своих противников овладеть ядерным оружием. В результате в июне 1981 г. израильская авиация уничтожила иракский реактор «Озирак», способный нарабатывать плутоний, который строился при содействии Франции²⁸.

Подводя итог анализу процесса создания ядерного потенциала и формирования ядерной политики Израиля, А. Козн приходит к выводу, что политика *непрозрачности* базируется на следующих постулатах:

- «для безопасности Израиля жизненно важно располагать ядерным оружием; не следует допускать, чтобы арабы овладели ядерным оружием и, следовательно, израильская ядерная монополия должна быть сохранена;
- Израиль не может открыто претендовать на ядерную монополию и, таким образом, должен сохранить свой ядерный статус непризнанным;
- ядерный вопрос не должен быть предметом публичного обсуждения; он должен быть оставлен на усмотрение ядерных профессионалов;
- политика *непрозрачности* хорошо служит Израилю, и альтернативы ей нет»²⁹.

Но в этом, убежден А. Козн, таится и большой недостаток: «Культура непрозрачности [...] знаменует разительный провал демократии», существует «[...] противоречие между ядерным оружием и принципами и ценностями либеральной демократии»; ядерное оружие «[...] противоречит духу демократического правления, оно разъедает и разлагает его». В этом – *трагический парадокс*. В 1994 г. А. Козн пытался издать свою монографию в Израиле, но военная цензура без каких-либо объяснений, ссылаясь лишь на *государ-*

ственные соображения, наложила на нее запрет. Дело дошло до Верховного Суда, но запрет остался в силе³⁰.

Сохранится ли и далее политика *непрозрачности*? Израильские лидеры считают, что да. А. Козн не согласен с этим: она, по его мнению, все больше становится анахронизмом. Именно из-за этой политики, считает он, зашла в тупик деятельность созданной в 1991 г. в рамках Мадридского процесса многосторонней рабочей группы по контролю над вооружениями и региональной безопасности, поскольку Израиль отказывается обсуждать в этой группе ядерный вопрос. А без продвижения в рассмотрении этого вопроса застопорится весь процесс ближневосточного урегулирования. И все же Израиль «[...] придется подойти к моменту истины в отношении своей ядерной программы»³¹.

Путь к постепенному отказу от политики *непрозрачности*, полагает А. Козн, лежит через переговоры о запрещении производства расщепляющихся материалов для ядерного оружия (ЗПРМ). Более того, по его мнению, «должным образом подготовленный договор о ЗПРМ» может дать Израилю ряд преимуществ: легитимизацию обладания оружием расщепляющимися материалами и, следовательно, ядерного статуса. Такого рода договор, если он не будет распространяться на имеющиеся запасы подобных материалов, устраивал бы Израиль, поскольку не затрагивал бы «бомбы и даже не требовал бы инвентаризации в прошлом произведенных оружейных материалов». Таким образом, «активное обсуждение договора о ЗПРМ неизбежно подтолкнет Израиль к выходу за пределы статуса непрозрачности»³². Подводя общий итог своим рассуждениям, А. Козн приходит к следующему выводу: «[...] Соображения как построения мира, так и укрепления демократии в Израиле требуют перехода страны к эре *прозрачности*»³³.

Ядерное сдерживающее средство Израиля. Переходя к вопросу о том, какого рода «ядерным сдерживающим средством» Израиль располагает в настоящее время, следует отметить, что ввиду проводимой им политики *непрозрачности* в области количества оружейного ядерного материала и ядерного оружия можно судить только по косвенным данным, основанным главным образом на расчете объема продукции Димонского реактора. По последним оценкам, Израиль произвел на этом реакторе со времени его ввода в эксплуатацию в начале 1964 г. от 391 до 687 кг оружейного плутония. Если исходить из того, что для одного боезаряда требуется 4 кг плутония, то в начале 2002 г. Израиль имел достаточно делящегося материала для производства 98–174 боезарядов. При более консервативной оценке (на основе 5 кг на один боезаряд) – 78–137 единиц³⁴.

Израиль располагает и средствами доставки ядерного оружия – ракетой *Иерихон-I*, имеющей дальность полета равной 500 км и способной нести боеголовку весом 500 кг, а также ракетой *Иерихон-II* дальностью 1500 км. Обе ракеты – твердотопливные и способны доставлять ядерные боезаряды. Первая ракета была изготовлена при содействии Франции и развернута в 1973 г., а вторая – в 1990 г. И та, и другая – наземного и железнодорожного базирования. Полагают, что на территории Израиля развернуто около ста ракет³⁵.

Кроме того, Израиль способен доставлять ядерные боеприпасы авиацией (*F-4E Phantom* и *F-16 Falcon*). Возможно, он располагает и ядерными артиллерийскими снарядами. Имеет Израиль и крылатые ракеты американского происхождения дальностью 120 км, способные доставлять боеголовки весом 220 кг (*Harpoon*). Сообщалось, что в мае 2000 г. недалеко от Шри-Ланки было проведено испытание крылатой ракеты дальностью 1500 км³⁶.

Наконец, Израиль имеет три дизельные подводные лодки немецкого производства, способные доставлять крылатые ракеты, в том числе и в ядерном оснащении³⁷. Таким образом, можно считать, что Израиль располагает полной ядерной триадой.

При содействии США Израиль развернул противоракетную систему *Arrow-II* южнее Тель-Авива для перехвата ракет типа *Scud*. Программа ПРО была начата еще в 1988 г., и ее поддерживает американское Агентство противоракетной обороны. К 2005 г. предполагается развернуть еще два района ПРО³⁸.

Ввиду осуществляемой Израилем атомной политики *непрозрачности* сведений о том, как организовано командование его ядерным арсеналом, в открытой печати не появлялось.

Рассмотрим, как развивались ядерные программы в других государствах Ближнего Востока.

ИРАК

Среди специалистов существует мнение, что Ирак, приступив к интенсификации атомных работ в середине 1970-х гг., уже тогда втайне вел дело к созданию ядерного оружия, хотя и присоединился к ДНЯО еще в 1969 г., а два его небольших исследовательских реактора – советский (пущенный в эксплуатацию в 1968 г.) и французский (1980 г.), а также строившийся более мощный французский реактор были поставлены под гарантии МАГАТЭ.

Как и в случае с Израилем, существенная помощь поступала из Франции. В ноябре 1975 г. премьер-министр Франции Ж. Ширак подписал в Париже соглашение с С. Хусейном об использовании атомной энергии в мирных целях, а в 1976 г. был заключен контракт на строительство двух исследовательских реакторов – «Таммуз-2» мощностью 500 КВт и «Таммуз-1» («Озирак») мощностью 40 МВт. В 1978 г. Ирак покупает в Италии лабораторию по химпереработке отработанного топлива³⁹.

Кроме того, в 1980–1981 гг. Ирак закупил необычно большое количество природного урана у Бразилии, Португалии, Нигера и Италии, хотя «Озирак» должен был работать на обогащенном уране.

Очевидным признаком военного направления иракской атомной программы стал тот факт, что реактор «Озирак» должен был иметь довольно большую мощность и, следовательно, мог нарабатывать значительные количества плутония. Как указывалось выше, еще не достроенный реактор был уничтожен израильской авиацией в июне 1981 г., до загрузки в него ядерного топлива, и это событие вызвало большой международный скандал и было осуждено ООН и МАГАТЭ. Налет был совершен полученными от США самолетами F-16. Сообщалось также, что Израиль имел доступ к разведывательной информации, полученной с американских спутников⁴⁰.

Создавая инфраструктуру для изготовления атомного (а также химического) оружия, иракское руководство предполагало обзавестись противовесом прежде всего израильскому ядерному оружию, но после начала войны с Ираном в 1980 г., продолжавшейся восемь лет, не в последнюю очередь целью иракцев было иметь оружие массового уничтожения и против Ирана, а также, возможно, и Турции. Известно, что в 1988 г. Ирак применял химическое оружие, в том числе и против своего курдского населения в ответ на поддержку им Ирана.

Еще до захвата Кувейта в 1990 г. и последовавших за этим событий Ирак по многим каналам пытался получить в ряде западных государств (ФРГ, США, Великобритании), а также в КНР различные материалы и оборудование, необходимые для организации производства ядерного оружия⁴¹. Сообщения о возможной иракской военной ядерной программе отчасти игнорировались в силу того, что в 1980-е гг. Ирак рассматривался рядом государств Запада в качестве главного противовеса расширению влияния Ирана.

В результате поражения Ирака в операции «Буря в пустыне» в 1991 г. и инспекционной деятельности созданной Советом Безопасности ООН специальной комиссии – ЮНСКОМ – и МАГАТЭ, осуществлявшейся по решению Совета Безопасности (резолюции 687 и 715), было выявлено и доказано, что Ирак проводил широкую программу по овладению ядерным оружием, а также другими видами оружия массового уничтожения. Согласно данным, установленным ЮНСКОМ, с 1982 г. Ирак форсированно осуществлял программу по обогащению урана до оружейного качества. При этом он пытался использовать практически все известные технологии, включая электромагнитное разделение изотопов, газовые центрифуги, лазерное разделение изотопов.

Все производственные мощности по получению ядерных материалов и созданию из них боезарядов по решению ООН были уничтожены или обезврежены. Обогащенный уран в форме свежего и облученного топлива вывезен из страны в Россию и находится под гарантиями МАГАТЭ. Соответствующие меры были осуществлены и в отношении других видов оружия массового уничтожения. За Ираком было оставлено право иметь баллистические ракеты дальностью не более 150 км (дабы они не могли достигать территории Израиля). В сентябре 1994 г. Генеральный директор МАГАТЭ Х. Бликс заявил, что Агентство завершило демонтаж иракской ядерной программы. В соответствии с решением Совета Безопасности, ЮНСКОМ в сотрудничестве с МАГАТЭ продолжала осуществление мониторинга в Ираке, с тем чтобы не допустить возрождения атомной и других программ, запрещенных ООН.

Однако в декабре 1998 г. С. Хусейн отказался предоставлять инспекторам неограниченный доступ без получения твердого обязательства отменить остающиеся санкции, применяющиеся против Ирака. В результате инспекторы вынуждены были покинуть Ирак. Через год – в декабре 1999 г. – Совет Безопасности принял новую Резолюцию – 1284, в соответствии с которой создавалась новая комиссия – ЮНМОВИК, но и она в течение длительного времени не могла возобновить инспекционную деятельность в сотрудничестве с МАГАТЭ.

Лишь после выступления президента США Дж. Буша в ООН 12 сентября 2002 г., в котором он пригрозил С. Хусейну, что при продолжении ситуации с отказом Ирака от выполнения решений ООН Соединенные Штаты могут предпринять односторонние действия с целью заставить Ирак соблюдать резолюции СБ ООН, Багдад заявил 16 сентября, что инспекторы ООН будут допущены в страну без каких-либо условий.

В подкрепление позиции администрации Дж. Буша Конгресс США принял резолюцию, предоставляющую Дж. Бушу полномочия на использование военной силы против Ирака, которая была подписана президентом 16 октября 2002 г. Следует также отметить, что еще в 1998 г. в одном из законов, принятых Конгрессом, содержался пункт о том, что «политика Соединенных Штатов должна быть направлена на то, чтобы добиваться отстранения режима С.Хусейна от власти и замены его демократическим правительством»⁴².

8 ноября 2002 г. Совет Безопасности единогласно принял Резолюцию 1441, согласно которой Ирак должен был в месячный срок представить «точную и полную» декларацию о своих программах в области оружия массового уничтожения, а инспекторы – получить незамедлительный и беспрепятственный доступ ко всем соответствующим местам, которые они пожелают проинспектировать, включая президентские дворцы, а также опросить всех лиц, которых они сочтут необходимым проинтервьюировать. Резолюция констатировала, что Ирак продолжает «серьезно нарушать» предыдущие резолюции Совета, но ему, в то же время, предоставляется последний шанс выполнить свои обязательства по разоружению. 19 ноября Ирак согласился выполнить Резолюцию, а 7 декабря предоставил Совету Безопасности требуемую декларацию объемом в 12 000 страниц.

Инспекторы ЮНМОВИК и МАГАТЭ вплоть до середины марта 2003 г. вели масштабную и интенсивную инспекционную деятельность в Ираке. Руководители обеих организаций Х. Бликс и М. Эльбарадей в своих периодических докладах Совету Безопасности констатировали, что никаких признаков возобновления атомной программы не обнаружено, в то время как в области ракетного и химического разоружения имеются отдельные недоработки. В частности, сохранилось некоторое количество ракет с дальностью, несколько превышающей 150 км, т.е. способных достигать территории Израиля. Это было нарушением прежних резолюций Совета Безопасности. По требованию ЮНМОВИК Ирак согласился уничтожить эти ракеты, и процесс их ликвидации начался.

Тем временем, несмотря на конструктивный характер действий иракской стороны, Соединенные Штаты при активной поддержке Великобритании стали сколачивать коалицию государств для осуществления карательной операции против Ирака и стягивать в район крупные военные силы. Настойчивые попытки США и Великобритании добиться принятия Советом Безопасности резолюции, санкционирующей вооруженное вторже-

ние в Ирак, успеха не имели, поскольку им не удалось набрать необходимое количество голосов в Совете. Франция, Россия, Китай и Германия объявили, что они будут голосовать против такой резолюции. В этих условиях администрация Дж. Буша не решилась ставить резолюцию на голосование, и 20 марта 2003 г. вооруженные силы США и Великобритании совершили нападение на Ирак без санкции Совета Безопасности.

Соединенные Штаты давно стремились свергнуть режим С. Хусейна. По данным Фонда Карнеги за международный мир, группа влиятельных должностных лиц и экспертов еще в 1991 г. высказывалась за то, чтобы не завершать операцию «Буря в пустыне» до свержения правительства Ирака. В 1992 г. П. Вулфовиц, занимавший тогда пост заместителя министра обороны по политическим вопросам (сейчас – первый заместитель министра), руководил подготовкой Руководства по оборонной политике, в котором содержался план превентивного военного вмешательства в Ирак для обеспечения «доступа к жизненно важным сырьевым материалам, прежде всего к нефти в районе Персидского залива». В документе предлагалось, чтобы США, в том случае, если не удалось бы сколотить коалицию государств, действовали в одиночку. В 1996 г. Р. Перл, Д. Фейт и Д. Вёрмсер, ныне занимающие высокие посты в администрации Дж. Буша⁴³, направили только что пришедшему к власти в Израиле правительству партии «Ликуд» предложение отказаться от политики переговоров с палестинцами на основе принципа «обмена территории за мир». «Израиль, – писали они, – может сформировать свое стратегическое окружение [...] путем ослабления, сдерживания и даже «отбрасывания» Сирии. Эти усилия могут быть сконцентрированы на удалении С. Хусейна от власти. [...] Будущее Ирака может круто изменить стратегический баланс на Ближнем Востоке». В 1998 г. 18 видных консерваторов, большинство из которых вошло в правительство Дж. Буша, – в том числе Д. Рамсфелд, П. Вулфовиц, Р. Армистедж, Дж. Болтон, Р. Перл, направили письмо Б. Клинтону с призывом «добиваться свержения режима С. Хусейна». Сразу же после 11 сентября 2001 г. П. Вулфовиц предлагал совершить нападение на Ирак, однако госсекретарь К. Пауэлл и Объединенный комитет начальников штабов высказали возражения. Тогда К. Пауэлл взял верх, но ненадолго⁴⁴.

Анализируя военную операцию в Ираке, ведущий специалист Фонда Карнеги по нераспространению Дж. Сиринсионе писал:

«Для ястребов в администрации Ирак только начало, а не конец. Ирак – старт плана по изменению всех режимов на Ближнем Востоке. «Существует колоссальный потенциал для перестройки региона, – считает Р. Перл. – Если такой тиран, как С. Хусейн, может быть низложен, то и другие (народы) начнут думать и действовать в направлении свержения тиранов, которые угнетают их»⁴⁵.

Представляется очевидным, что Соединенные Штаты, предпринимая военную операцию против Ирака, руководствовались отнюдь не официально объявленной целью уничтожения там ядерного и других видов оружия массового уничтожения и не только задачей свержения правительства С. Хусейна, а гораздо более широкими геополитическими и экономическими интересами, простирающимися и за пределы этого региона.

За сравнительно быстрое завершение военной стадии операции в Ираке начался длительный и крайне сложный процесс внутреннего обустройства Ирака. Администрация Дж. Буша, несомненно, будет стремиться к тому, чтобы конечным результатом было создание в стране режима, основанного на началах, приемлемых в первую очередь для США. Но как бы ни пошел и ни закончился этот процесс – об этом пока можно только гадать, поскольку он займет не один год, – в любом случае в общих интересах и данного региона, и всего международного сообщества (конечно, в том числе России) – использовать все имеющиеся возможности, чтобы содействовать успешному политическому урегулированию в регионе, непременно включающему обеспечение нераспространения ОМУ и контроль над вооружениями.

Что касается возможности сохранения на территории Ирака оружия массового уничтожения, явившегося формальным поводом для оккупации страны, то оккупирующие державы – США и Великобритания – на данный момент ничего там не обнаружили. 22 мая 2003 г. Совет Безопасности принял Резолюцию 1483, в которой подтвердил, что «Ирак

должен выполнить свои обязательства в области разоружения». В Резолюции также говорилось, что Совет «побуждает» США и Великобританию «регулярно информировать Совет о своей деятельности в этом отношении», и заявлялось о «намерении Совета вновь рассмотреть» мандаты ЮНМОВИК и МАГАТЭ, предусмотренные резолюциями СБ 687, 1284 и 1441. 5 июня Совет заслушал доклад⁴⁶ председателя ЮНМОВИК Х. Бликса, который заявил, что до начала военных действий в Ираке и выезда из страны инспекторов комиссия не обнаружила данных, свидетельствующих о «продолжении или возобновлении» программ создания оружия массового уничтожения или значительных количеств запрещенных предметов, например, ингредиентов, используемых для производства биологических или химических агентов. Х. Бликс объявил, что он уходит в отставку, но ЮНМОВИК остается в состоянии готовности для возобновления своей деятельности в Ираке. Представитель США заявил, однако, что его правительство не видит необходимости в том, чтобы инспекторы ООН возобновили свою работу в Ираке.

ИРАН

С конца 1960-х гг. в ядерном центре Тегеранского университета действует поставленный Соединенными Штатами исследовательский реактор мощностью 5 МВт, изначально работавший на высокообогащенном уране, степень обогащения которого была в дальнейшем снижена с 93 до 20 процентов. Менее обогащенный уран поставляет Аргентина. США предоставили также «горячие камеры» для выделения небольших количеств плутония из облученного топлива. Кроме того, имеются реакторы нулевой и подкритической мощности, поставленные Китаем. Иран подписал ДНЯО в 1968 г. и ратифицировал его в начале 1970 г. Иранские ядерные объекты находятся под гарантиями МАГАТЭ.

До революции 1979 г., при шахском режиме, Иран имел самую грандиозную ядерную программу на Ближнем Востоке, предусматривавшую строительство, при поддержке западных государств, свыше 20 энергетических реакторов. В 1970-х гг. Иран заключил с немецкой фирмой «Siemens KWU» соглашение о сооружении в Бушере двух энергоблоков мощностью 1300 МВт каждый. К приходу к власти в 1979 г. аятоллы Р. Хомейни реакторы были построены соответственно на 80 и 65–70 процентов, однако во время ирано-иракской войны они были сильно повреждены в результате бомбардировок иракской авиацией. После окончания войны Германия под давлением США отказалась от продолжения строительства реакторов.

В августе 1992 г. было подписано российско-иранское Соглашение об использовании атомной энергии в мирных целях, а в январе 1995 г. между производственным объединением «Зарубежатомстрой» и Организацией по атомной энергии Ирана был подписан контракт на завершение строительства первого блока АЭС «Бушер» мощностью 1000 МВт. Ожидается, что энергоблок вступит в строй в 2004–2005 гг. В сентябре 2002 г. иранское руководство объявило о планах строительства в течение ближайших 20 лет АЭС общей мощностью 6000 МВт.

Российско-иранское соглашение о первом блоке АЭС «Бушер» полностью отвечает требованиям Договора о нераспространении и системы гарантий МАГАТЭ. Более того, предусматривается, что отработанное топливо будет возвращаться в Россию. Однако Соединенные Штаты неоднократно высказывали возражения против российско-иранского сотрудничества в атомной области со ссылкой на якобы имеющиеся у иранского руководства ядерные амбиции⁴⁷. Российской стороной не раз подчеркивалось, что сотрудничество с Ираном по строительству АЭС осуществляется в полном соответствии с международными обязательствами России в области ядерного нераспространения. Указывалось и на необходимость подготовки местных кадров для безопасной эксплуатации АЭС. Обращалось внимание на недопустимость применения двойных стандартов, когда, в частности, для КНДР, по Рамочной договоренности между США и Северной Кореей 1994 г., началось строительство примерно такого же типа легководных энергетических реакторов.

В первой половине 1990-х г. Иран добивался поставки из России оборудования для строительства газоцентрифужного завода, и занимавший тогда пост министра РФ по

атомной энергии В.Н. Михайлов в предварительном порядке даже согласился включить в Протокол о намерениях, подписанный с Ираном в январе 1995 г., заключение контракта на сооружение центрифужного завода, урановой шахты и обучение в России иранских специалистов, однако в дальнейшем Россия отказалась от реализации подобной сделки. В связи с возражениями США против российско-иранского сотрудничества в ядерной области, заявленного в ходе саммита в мае 1995 г. и последующей встречи В.С. Черномырдина и А. Гора американской стороне было разъяснено, что Протокол носит сугубо рабочий характер и не одобрялся правительством. Эти предварительные договоренности исключены из сотрудничества с Ираном.

Многочисленные аналитические разработки, посвященные намерениям Ирана создать собственное ядерное оружие, страдают от недостатка проверенной информации и поэтому не могут претендовать на вескую достоверность. Несмотря на многолетние дебаты вокруг российско-иранского атомного сотрудничества и строительства АЭС в Бушере, до сих пор никто не смог дать четкого ответа на вопрос, действительно ли Иран идет к созданию собственной ядерной бомбы, или же его намерения ограничиваются развитием мирного сектора своей атомной энергетики⁴⁸.

Ответ на этот вопрос, однако, весьма важен, прежде всего в силу того, что Иран является крупным южным соседом России. Возникновение реального порогового государства в непосредственной близости от России, да еще с неизменно труднопредсказуемым руководством этой страны, означало бы появление новой угрозы ее безопасности. Осложнило бы это и процесс ближневосточного урегулирования. С учетом указанных обстоятельств Россия не может не рассматривать Иран скорее в качестве своего партнера в регионе. Развитие добрососедских связей с этой страной и российское присутствие там имеют большое значение из-за непростых отношений с Турцией и исходя из целесообразности недопущения возможных попыток Тегерана распространить свое влияние на Центральную Азию, которую Россия продолжает рассматривать как зону своих жизненно важных интересов. Следует также иметь в виду, что до сих пор не урегулирован правовой статус Каспийского моря, в отношении которого интересы России и Ирана пока противоположны.

При оценке долгосрочных планов Ирана в ядерной области все же нельзя не учитывать и того, что Иран не скрывает и официально признает, что ведет курс на овладение полным ядерным топливным циклом, включая технологию переработки отработанного ядерного топлива⁴⁹, на что он, впрочем, по Договору о нераспространении формально имеет право. В феврале 2003 г. Иран объявил, что разрабатывает залежи урановой руды в провинции Йезд. В декабре 2002 г. Пентагон на основании информации, полученной со спутников, сообщил, что вблизи Эрака в центральной части Ирана строится установка по производству тяжелой воды⁵⁰.

По приглашению иранского правительства Генеральный директор МАГАТЭ М. Эльбарадей с группой экспертов Агентства 21–22 февраля 2002 г. посетил завод по обогащению урана, строящийся в Натанзе (в 200 милях южнее Тегерана), на котором действует пилотная установка по газоцентрифужному обогащению, и встречался с президентом Ирана М. Хатами. Эльбарадей призвал иранское руководство присоединиться к Дополнительному протоколу о гарантиях Агентства, который давал бы Агентству право инспектировать не только заявленную, но и *незаявленную* ядерную деятельность. Иран, однако, пока уклоняется от участия в Протоколе. В то же время, как официально сообщило Агентство, «иранское правительство согласилось впредь предоставлять заблаговременно информацию о конструкции любых новых ядерных установок»⁵¹.

По данным сотрудников МАГАТЭ и информации, полученной от американских официальных лиц, на обогатительном предприятии в Натанзе уже установлено 160 центрифуг, собирают еще 1000, а всего к 2005 г. будет сооружен каскад из 5000 центрифуг. Как считают некоторые западные эксперты, этот каскад центрифуг позволит нарабатывать ВОУ для двух взрывных устройств в год. Сооружение завода началось в 2000 г. на основе пакистанской модели, усовершенствованной иранцами. В перспективе в строящихся помещениях может быть размещено свыше 50 000 центрифуг⁵².

Обращает на себя внимание тот факт, что, активно развивая ракетную программу, Иран располагает примерно 450 баллистическими ракетами типа *Scud* (иранское название *Шехаб-1* и *2*) дальностью от 300 до 500–600 км и испытал баллистическую ракету *Шехаб-3* на основе северокорейской технологии, имеющую дальность 1300 км и забрасываемый вес 750 кг. Были сообщения, что разрабатывается ракета *Шехаб-4* дальностью 2000 км, способная нести боеголовки весом 1000 кг. Обе ракеты могут достигать территории Израиля⁵³. Наконец, имелись сведения о возможной разработке межконтинентальной баллистической ракеты *Шехаб-5* дальностью 10 000 км⁵⁴.

В середине июня 2003 г. Совет управляющих МАГАТЭ рассмотрел доклад Генерального директора Агентства относительно осуществления соглашения о гарантиях с Ираном⁵⁵. В докладе констатировалось, что Иран не выполнил ряд положений своего Соглашения о гарантиях и системы гарантий Агентства. Так, он не информировал своевременно об импорте 1,8 т природного урана (из Китая) в 1991 г. и о направлении его на переработку, в том числе в металлический уран; об установках для переработки и хранения; о конструкции новых установок, как это требуется решением Совета от 1992 г., а также о намерении построить тяжеловодный исследовательский реактор. Иран совершил и некоторые другие упущения, в связи с чем в докладе была высказана «озабоченность» и заявлено, что Агентство продолжает выяснять ряд вопросов, относящихся к иранской ядерной программе. В частности, все еще остаются вопросы, касающиеся сооружения тяжеловодного реактора и «роли металлического урана в ядерном топливном цикле Ирана». В докладе содержится настойчивый призыв к Ирану заключить с МАГАТЭ Дополнительный протокол о гарантиях⁵⁶.

По итогам рассмотрения доклада Генерального директора Агентства председатель Совета управляющих посол Кувейта Н. Аль-Мулла с *единодушного* согласия его членов (т.е. с согласия в том числе США, России и самого Ирана) 19 июня 2003 г. сделала заявление от имени Совета, в котором приветствовалась «готовность Ирана к позитивному рассмотрению вопроса о подписании и ратификации Дополнительного протокола» и содержался настойчивый призыв к стране «немедленно и безусловно заключить и выполнить Дополнительный протокол к Соглашению о гарантиях». В заявлении председателя прозвучало также обращение к Ирану «в качестве меры по укреплению доверия не загружать ядерный материал в пилотную установку по обогащению». Совет предложил Генеральному директору представить дальнейший доклад, когда это будет сочтено целесообразным⁵⁷. Совет управляющих, таким образом, не констатировал нарушения Ираном ДНЯО и Соглашения о гарантиях, но подтвердил свое твердое намерение внимательно отслеживать деятельность Ирана в ядерной области.

Из всех приведенных фактов с очевидностью следует, что в Иране идет интенсивный процесс создания инфраструктуры полного ядерного топливного цикла. Тем не менее, пока неясно, приняло ли иранское руководство и примет ли в обозримом будущем решение о создании собственного ядерного оружия. Главной потенциальной угрозой для безопасности Ирана продолжает оставаться ядерный арсенал Израиля, за которым стоит ядерная мощь Соединенных Штатов. Но Тегеран, при рациональном подходе к оценке геостратегических реалий, не может не учитывать, что появление у него даже небольшого запаса ядерных боезарядов может спровоцировать превентивные действия Израиля и США. Иранское руководство должно будет принять во внимание и тот факт, что решение о производстве ядерного оружия неизбежно приведет к осложнению и даже к прекращению сотрудничества с Россией в завершении строительства АЭС в Бушере, к отказу Москвы от поставок ядерного топлива и к разрыву отношений также в других областях, имеющих особое значение для Ирана.

С другой стороны, иранские националисты, очевидно, будут усматривать в ядерном оружии гарантию независимости, самодостаточности, престижа и равноправия Ирана с другими крупными державами и цивилизациями. Так или иначе, с точки зрения логики и здравого смысла принятие решения о создании Ираном ядерного сдерживающего средства не может не быть делом весьма трудным⁵⁸. Остальной же мир, безусловно, за-

интересован в том, чтобы такое решение принято не было. Наиболее оптимальный путь к этому – отказ всех стран ближневосточного региона, включая Иран, от всех видов оружия массового уничтожения.

АЛЖИР

Франция проводила на территории Алжира ядерные испытания начиная с 1960 г. и даже после того, как он обрел независимость в 1962 г. Испытательный полигон был переведен на принадлежащие Франции острова в Тихом океане только в 1966 г. Начало алжирской атомной программы относится к концу 1980-х гг. В 1985 г. Алжир приобрел у Аргентины небольшой реактор «Нур» мощностью 1 МВт, который был пущен в эксплуатацию в 1989 г. и поставлен под гарантии МАГАТЭ. В нем используется уран 19,7-процентного обогащения.

В начале 1991 г. стало известно, что Алжир покупает реактор мощностью 15 МВт у Китая, работающий на низкообогащенном (3%) уране с тяжеловодным замедлителем. При этом было обращено внимание на то, что градирни для охлаждения воды будут столь крупного размера, что это позволило бы увеличить мощность реактора до 60 МВт. Кроме того, в районе этого реактора, Ас-Саям, размещались средства ПВО, что вызывало подозрения в том, что он может быть в дальнейшем использован для наработки плутония. Однако в мае 1991 г. Алжир решил поставить строящийся реактор под гарантии Агентства. Он вступил в строй в декабре 1993 г., а в начале 1995 г. Алжир присоединился к Договору о нераспространении и в марте 1996 г. заключил с Агентством Соглашение о всеобъемлющих гарантиях. Некоторые эксперты объясняют это решение тем, что фактически ведущаяся в Алжире гражданская война вынуждала его искать поддержки со стороны Франции и других западных держав.

С помощью Китая были построены «горячая» лаборатория и подземные хранилища для отработанного топлива. Они находятся под гарантиями МАГАТЭ. На юге Алжира имеются залежи урановой руды. Хотя в принципе Алжир в состоянии набирать небольшие количества плутония, каких-либо особых опасений в плане распространения атомная деятельность этой страны в настоящее время не вызывает.

ЛИВИЯ

С начала 1970-х гг. Ливия стала проявлять интерес к овладению ядерным оружием. По сообщениям СМИ, она даже пыталась приобрести такое оружие у КНР, но получила отказ. В дальнейшем, как считают некоторые эксперты, она предпринимала попытки заполучить атомное оружие у Пакистана⁵⁹.

После присоединения страны к Договору о нераспространении Советский Союз поставил Ливии исследовательский реактор мощностью 10 МВт, работающий на уране 80-процентного обогащения. Реактор был введен в эксплуатацию в Тажуре в 1979 г. Для полной уверенности в том, что реактор используется исключительно в мирных целях, Советский Союз настоял на том, чтобы, помимо применения гарантий МАГАТЭ, в Тажуре находились и советские специалисты.

В середине 1970-х гг., когда резко поднялись цены на нефть, ливийское руководство понамерилось вести самостоятельный курс на создание военной атомной программы и с этой целью располагать полным ядерным топливным циклом на базе тяжеловодного реактора на природном уране. С просьбой оказать содействие в этом оно обратилось к Советскому Союзу, который на первых порах проявлял интерес к сделке, поскольку ливийцы называли покупную цену порядка 10 млрд долл. Внутри советского руководства имели место разногласия (МИД возражал против этой чреватой большими опасностями и крупным международным скандалом сделки), но в конце концов разумный подход возобладал, да и ливийская казна с окончанием мирового нефтяного кризиса иссякла.

В октябре 1997 г. Россия возобновила переговоры о ядерном сотрудничестве с Ливией, и в марте 1998 г. «Атомэнергоэкспорт» подписал контракт на сумму 8 млн долл., предусматривавший частичное восстановление научно-исследовательского центра в Тажуре. Как сообщалось, обсуждалась также возможность строительства АЭС⁶⁰.

ЕГИПЕТ

Египет обладает двумя ядерными установками. Реактор ETRR-1, поставленный Советским Союзом, является легководным, его мощность составляет 2 МВт и в нем используется урановое топливо 10-процентного обогащения. Реактор, введенный в эксплуатацию в 1961 г., предназначен главным образом для получения изотопов. В 1980-х гг. он был модернизирован и в 1990 г. вновь вступил в строй. Кроме того, имеется исследовательская лаборатория, поставленная Канадой, которая используется для изготовления топливных элементов. В 1992 г. Египет подписал с Аргентиной соглашение о строительстве исследовательского реактора мощностью 20–22 МВт. Реактор вступил в строй в 1998 г. Вся ядерная деятельность Египта находится под гарантиями МАГАТЭ.

СИРИЯ

В Сирии функционирует небольшой (30 КВт) реактор, поставленный Китаем, который используется для производства радиоизотопов и в учебных целях. Он загружен урановым топливом 90-процентного обогащения. В 1998 г. между сирийской комиссией по атомной энергии и российскими организациями – «Атомстройэкспортом» и Научно-исследовательским и конструкторским институтом энерготехники имени Н.А. Доллежала (НИКИЭТ) была достигнута договоренность о сооружении в Сирии Центра ядерных исследований на базе легководного реактора бассейнового типа мощностью 25 МВт. В январе 2003 г. в израильских СМИ появились сообщения о якобы достигнутом соглашении о строительстве Россией АЭС в Сирии. Однако официальный представитель МИД РФ опроверг эти сообщения.

Сирия располагает несколькими сотнями ракет типа *Scud* дальностью около 500 км и химическим оружием⁶¹.

ИОРДАНИЯ

Официальным представителем правительства страны было объявлено, что в Иордании сооружается исследовательский реактор малой мощности (27 КВт).

УЧАСТИЕ СТРАН БЛИЖНЕГО ВОСТОКА В СОГЛАШЕНИЯХ ПО ОМУ

Все страны Ближнего Востока, от Алжира до Ирана, за исключением одного лишь Израиля, являются участниками *Договора о нераспространении ядерного оружия*, и их атомная деятельность находится под гарантиями МАГАТЭ.

Участниками *Конвенции о запрещении и уничтожении химического оружия* являются Алжир, Бахрейн, Иордания, Иран, Йемен, Катар, Кувейт, ОАЭ, Оман, Саудовская Аравия и Тунис. Израиль подписал Конвенцию, но не ратифицировал ее. Не подписали Конвенцию: Египет, Ирак, Ливан, Ливия и Сирия, мотивируя это тем, что Израиль отказывается от участия в ДНЯО.

Участниками *Конвенции о запрещении и уничтожении биологического и токсинного оружия* являются Бахрейн, Иордания, Ирак, Иран, Йемен, Катар, Кувейт, Ливия, Оман, Саудовская Аравия, Тунис. Подписали, но не ратифицировали Конвенцию Египет, ОАЭ и Сирия. Не подписали – Алжир и Израиль.

О РОЛИ И РЕАЛЬНОМ СМЫСЛЕ ЯДЕРНОГО СДЕРЖИВАНИЯ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

Практически все израильские политики сходятся в том, что «ядерное сдерживающее средство» является безусловной необходимостью и неременной предпосылкой для выживания израильского государства в обстановке враждебного окружения арабских государств. Так ли это и насколько обоснованы суждения на этот счет израильских стратегов и тех, кто их поддерживает?

Сдерживание, писал израильский аналитик, профессор Дж. Стайнберг, на основе исследования курса политического и военного руководства страны, является «сердцевинной» политики Израиля в течение последних 50 лет. Стратегию «сдерживания посредством наказания» Израиль, по его мнению, взял на вооружение после войны 1948 г. При первом премьер-министре страны Б. Гурионе началось создание «ядерного сдерживающего средства», и «ядерная политика, разработанная в 1950-х гг. в качестве основы для сдерживания экзистенциальных нападений (на Израиль), включающая политику преднамеренной неопределенности или двусмысленности, существенных изменений с тех пор не претерпела». Дж. Стайнберг считает, что такая политика исходит из того, что «сдерживание необходимо для того, чтобы компенсировать наличие у израильского государства небольшой территории, отсутствие стратегической глубины, структурные дисбалансы в регионе и уязвимость при нападении с использованием и конвенционального, и неконвенционального оружия». Что касается утверждений, будто Израиль разработал тактическое ядерное оружие и стратегию для его применения в конфликтах ограниченного масштаба, добавляет Дж. Стайнберг, то это «не подтверждается имеющимися данными». С тех пор (т.е. с 1950-х гг.), считает он, упор на стратегическое сдерживание только возрос⁶².

Так, начальник штаба израильских вооруженных сил Э. Барак, который в 1999 г. занимал пост премьер-министра страны, заявил, что «ядерная политика Израиля, как ее должны представлять себе арабы, не изменилась, не изменится и не может измениться, поскольку это – фундаментальная позиция, необходимая для выживания всех последующих поколений»⁶³.

Израильские аналитики в то же время признают, что сама география и вся стратегическая специфика ближневосточного региона ставят под вопрос реальность и убедительность ядерного сдерживания. Тот же Дж. Стайнберг считает, что существуют «риски и сложности, имманентно присущие развитию системы надежного сдерживания на Ближнем Востоке»⁶⁴.

На основе анализа конфликта между Израилем и арабскими странами после появления у него ядерного сдерживающего средства – шестидневной войны 1967 г. – А. Козн приходит к заключению, что «наиболее важным уроком (этой войны) является неприменимость ядерного оружия для Израиля почти во всех военных ситуациях [выделено мной. – Р.Т.]». Далее он пишет: «Ситуация в мае 1967 г. (т.е. перед началом войны) продемонстрировала неразрешимый характер израильской ядерной дилеммы: с одной стороны, Израиль не может не реализовывать сделанный им ядерный выбор (т.е. использование этого оружия в качестве последнего средства), но, с другой стороны, не может он и использовать это оружие (в обстоятельствах, не требующих применения его в качестве последнего средства). Любая попытка найти способ военного применения ядерного оружия даже в контексте войны 1967 г. оказывается тщетной»⁶⁵.

В ходе войны 1973 г. израильское «ядерное сдерживающее средство» также не играло какой-либо роли. Египет и Сирия начали военные действия против Израиля на Синайском полуострове и Голанских высотах без оглядки на то, что у израильтян к этому времени уже было ядерное оружие. Если и говорить о возможности какого-либо воздействия ядерного фактора на исход этой войны, то только в связи с тем, что президент Соединенных Штатов Р. Никсон уже на ее заключительном этапе отдал приказ о приведении в состояние боевой готовности всех американских вооруженных сил, включая и стратегические, «в качестве меры предосторожности» под тем предлогом, что советское руководство будто бы намеревалось направить в регион свои войска для оказания

помощи арабам. В ответ было опубликовано заявление ТАСС, в котором говорилось, что американская акция была предпринята, очевидно, с целью запугать Советский Союз, но те, кто стоит за ней (имя Р. Никсона упомянуто не было), «выбрали не тот адрес». Инцидент вскоре был исчерпан⁶⁶.

Если же подвергнуть анализу события 1990–1991 гг., когда Ирак вторгся в Кувейт, а затем ведомая Соединенными Штатами антииракская коалиция осуществляла операцию «Буря в пустыне», то и здесь можно сделать вывод, что израильское ядерное сдерживающее средство вряд ли играло сколько-нибудь заметную роль до начала и во время всего этого конфликта. Безопасность Израиля тогда обеспечивалась действиями американских вооруженных сил, располагавших самыми современными видами обычных вооружений. Какой-либо необходимости не только в применении, но даже в серьезной угрозе применения ядерного оружия просто не возникало.

Известно, что С. Хусейн уже на вторые сутки после начала операции «Буря в пустыне» сделал то, о чем предупреждал за несколько месяцев до этих событий, – нанес ракетный удар по Израюлю. В тот день по Тель-Авиву и Хайфе было выпущено 7 ракет, на следующий – еще 4. Это, конечно, была очень опасная провокация, граничащая с началом войны на полное уничтожение. При этом в тот период отношения между правительством И. Шамира и администрацией Дж. Буша-старшего были далеко не безоблачными. В Израиле негодовали по поводу того, что при Дж. Буше Соединенные Штаты не наложили в Совете Безопасности вето на несколько резолюций с осуждением Израиля за насилие над палестинскими арабами. Не все шло гладко и в сфере военного сотрудничества. Заранее направленные американским президентом в Израиль первый заместитель госсекретаря Л. Иглбергер и заместитель министра обороны П. Вулфовиц не смогли получить от И. Шамира заверение в том, что Израиль воздержится от обезоруживающего ответного удара в случае иракского ракетного нападения. Но в итоге американо-израильское стратегическое партнерство, как и следовало ожидать, выдержало проверку временем. Да иначе и быть не могло.

В Москве также исходили из того, что Израиль должен оставаться вне военного конфликта, что бы ни происходило. Вступление Израиля в войну было бы чревато последующим втягиванием в нее других арабских государств, а по перспективам арабо-израильского урегулирования, заняться которым Советский Союз стремился сразу же после освобождения Кувейта, был бы нанесен тяжелейший удар.

Правительство И. Шамира находилось под сильнейшим давлением израильского общественного мнения, особенно со стороны военных, требовавших ответить ударом на удар. Но Израиль медлил с ответной акцией возмездия. Как считает А.М. Белоногов, занимавший тогда пост заместителя министра иностранных дел СССР и курировавший «ближневосточный вопрос», медлил И. Шамир потому, что давление на правительство внутри страны уравновешивалось не менее сильным давлением со стороны тех, кто не хотел допустить втягивания Израиля в эту войну, прежде всего Соединенных Штатов. В конечном счете израильский лидер все же удержался от ответного удара, хотя по Израюлю было выпущено около 40 иракских ракет, жертвами пуска которых стало примерно сто человек. Будь эти ракеты точнее, жертв могло бы оказаться много больше⁶⁷.

Со своей стороны, Ирак не воспользовался имевшимися у него возможностями применить против Израиля химическое оружие. В апреле 1990 г., еще до вторжения в Кувейт, С. Хусейн декларировал, что его страна обладает химическим оружием, и спустя несколько дней, принимая американских сенаторов, заявил, что «если Израиль нанесет удар (по Ираку) атомным оружием, то мы применим бинарное химическое оружие»⁶⁸.

В целом следует признать, что, несмотря на значительное участие внешних сил в удержании Израиля от применения в ходе конфликта 1990–1991 гг. своего ядерного сдерживающего средства, этот пример наглядно показывает, что роль ядерного оружия в этом регионе является достаточно иллюзорной, может быть, даже призрачной. Данный регион определенно отличается по многим параметрам и критериям от других регионов мира, где ядерное сдерживание может и на деле играет определенную роль, например, от Южной Азии (другое дело, что при наличии там территориального, религиозного и этни-

ческого конфликта всегда существует опасность того, что сдерживание может выйти из-под контроля).

Мы склонны полагать, что сдержанность израильского руководства в этом отношении определялась целой комбинацией факторов, в том числе и сознательно проводимой им политикой *непрозрачности*, которая, по всей вероятности, была выбрана с дальним прицелом на то, чтобы всегда оставалась возможность денуклеаризации без больших потерь, а ведь очевидно, что такой поворот событий рано или поздно может стать необходимым для окончательного урегулирования ближневосточной проблемы и выживания и сохранения израильского государства в условиях гарантированного мира. К тому же Израиль не может не быть заинтересован в сохранении международного режима ядерного нераспространения, поскольку он в какой-то мере все же может сдерживать ядерные устремления арабских государств.

Характерно, что именно Соединенные Штаты, а не Израиль, дали достаточно ясный сигнал Ираку, что дело может дойти до применения ядерного оружия в ответ на использование им против Израиля химического или биологического оружия. Как сообщали различные СМИ, госсекретарь США Д. Бейкер передал министру иностранных дел Ирака Т. Азису в Женеве послание для С. Хусейна, в котором содержалось прямое предупреждение об этом. Иракский министр ознакомился с ним, но не взял с собой, оставив его на столе после беседы с Д. Бейкером. Подобное предупреждение С. Хусейну было сделано и занимавшим тогда пост министра обороны Р. Чейни.

Анализируя развитие событий вокруг «израильского ядерного сдерживающего средства» до начала и в период войны в Персидском заливе, израильские аналитики по-прежнему задаются вопросом, какую же роль в этом конфликте сыграло сдерживание. Подытоживая их мнения, Дж. Стайнберг формулирует такие выводы: «израильская реакция была и остается двусмысленной»; «хотя роль ядерного сдерживания не может быть сброшена со счета, этот фактор невозможно отделить от других при оценке результатов»; «имеют место имманентные источники нестабильности во взаимоотношениях взаимного сдерживания между Израилем и Ираком»; «стратегия, основанная на сдерживании, является чрезвычайно рискованной»⁶⁹.

Чтобы быть достаточно убедительным или, как говорят некоторые эксперты, «кредитоспособным», т.е. чтобы ядерное сдерживающее средство на деле могло содействовать удержанию конфликта между сторонами в определенных рамках, не позволяя ему перерасти в полномасштабный военный катаклизм, оно должно предполагать реальные сценарии применения ядерного оружия как с точки зрения стороны, располагающей этим средством, так и другой стороны или сторон. В противном случае ядерное сдерживание будет рассматриваться как пустой блеф. Однако достаточно трудно представить, какие возможные сценарии использования ядерного сдерживающего средства существуют на деле.

Как видно из рассмотренных выше конкретных ситуаций 1967, 1973 и 1990–1991 гг., ядерное сдерживание в этих ситуациях практической роли не играло. Почему? В первую очередь потому, что размеры территории ближневосточного региона таковы, что оружие массового уничтожения, прежде всего ядерное, учитывая масштабы производимых им разрушений, не может не нанести неприемлемый ущерб в случае его применения *всем* сторонам конфликта – как стороне, которая может быть потенциально подвергнута нападению, так и стороне нападающей. Конечно, всегда остается возможность применения этого оружия в качестве *крайнего, последнего* средства, но это неизбежно приведет не только к уничтожению противника, но и к самоуничтожению. Трудно, невозможно предположить, что кто-либо и когда-либо на это пойдет. В этом своеобразии ядерного сдерживания в ближневосточном регионе состоит, как нам представляется, коренное отличие этого региона от других регионов мира.

В последнее время появился и такой новый фактор, как усиливающийся рост опасности терроризма. Являются ли события 11 сентября 2001 г. вспышкой острой вражды между исламским экстремизмом и христианским миром? Думается, это одна из причин. Но есть и другие. Затянувшийся более чем на 50 лет ближневосточный конфликт не мог не

послужить «питательной средой» для особо острой и драматической волны международного терроризма, развернувшейся в последнее время. Нельзя не учитывать тот факт, что представители некоторых религий и этносов скорее, чем другие, идут на самопожертвование в интересах достижения своих целей. В данном регионе это – арабские шахиды. Неужели это не может не влиять на то, что ядерное сдерживающее средство на Ближнем Востоке приобретает скорее виртуальный характер, чем является реальным фактором сдерживания возможных агрессивных устремлений тех или иных государств?

Впрочем, среди израильских аналитиков имеются и такие, которые считают, что ядерное оружие играет, как писал, в частности, Ш. Фелдман, «стабилизирующую» роль в данном регионе, что, на наш взгляд, не подтверждается реальными фактами многолетнего вооруженного конфликта, приведшего к нескольким кровопролитным войнам. Мы не можем согласиться и с тем его утверждением, что более обширные территории некоторых арабских государств, например Египта, не делают их менее уязвимыми, чем Израиль, несмотря на его «весьма малые размеры»⁷⁰.

С учетом всего сказанного выше, нельзя не прийти к выводу, что «ядерное сдерживающее средство» в этом регионе играет по большей мере чисто психологическую роль, необходимую израильскому руководству и военно-политической элите Израиля главным образом для того, чтобы вселить определенную уверенность в настроения общественного мнения израильтян, создавая ощущение, что страна имеет надежную защиту на случай угрозы ее существованию. По данным опросов общественного мнения, большинство населения Израиля выступает за обладание ядерным оружием, однако за последнее время процент сторонников ядерного вооружения стал сокращаться. Если в начале и середине 1990-х гг. число «адвокатов» ядерного оружия превышало 90%, то в 1999 г. оно сократилось до 82%⁷¹. По всей видимости, в израильском военно-политическом руководстве существует расчет и на то, что обладание ядерным арсеналом может произвести определенное впечатление на менее просвещенные круги населения в арабских государствах.

Видимо, только в этом и может заключаться смысл израильского «ядерного сдерживания». На деле же безопасность Израиля обеспечивается прежде всего его основным стратегическим партнером – Соединенными Штатами, но не только им. Многие другие государства, в том числе Россия, не могут не быть заинтересованы в дальнейшем безопасном существовании государства Израиль в условиях ближневосточного урегулирования, в равной мере удовлетворяющего как сам Израиль, так и арабское население Палестины и арабские государства, и в интересах построения там прочного мира, что непременно включало бы освобождение Ближнего Востока от существующего ядерного оружия и исключало бы возможность проявления ядерных амбиций во всех странах региона.

На протяжении 30–35 лет Израиль располагает атомной монополией в ближневосточном регионе, и в течение практически всего этого периода арабские страны, с одной стороны, добиваются превращения Ближнего Востока в регион, свободный от ядерного оружия, т.е. отказа Израиля от этого оружия под международным контролем, а с другой (в случае нежелания Израиля пойти по этому пути) – пытаются противопоставить израильскому ядерному потенциалу свой, арабский. В этом направлении работали, работают и, очевидно, будут и дальше работать, по крайней мере, такие страны, как Сирия, Ливия, а также Иран. Не исключено, что к этому списку со временем могут присоединиться и другие государства данного региона. Израильский ядерный потенциал постоянно провоцирует другие страны региона на создание собственного оружия массового уничтожения, а это, в свою очередь, неизбежно способствует втягиванию многих других государств мира в конфликт, обостряет отношения между ними, что особенно ярко проявилось в случае с Ираком.

На стороне Израиля мощная поддержка Соединенных Штатов, которые там считаются гарантом безопасности. В 1998 г., как сообщалось в печати, между Израилем и США было подписано Соглашение, согласно которому последние взяли на себя недвусмысленное обязательство быть протектором обороны Израиля и его «сдерживающего средст-

ван⁷². Это – наглядный пример избирательного отношения США к вопросам ядерного нераспространения.

На сегодняшний день американский фактор является решающим, но это ничуть не может помешать и не помешает тем или иным государствам Ближнего Востока исподволь овладевать атомной технологией и готовить кадры на будущее. Вся история ближневосточного конфликта неопровержимо свидетельствует в пользу реального развития такого сценария. Нельзя сбрасывать со счета и то обстоятельство, что некоторые страны и, в особенности, частные фирмы и организации как Запада, так и Востока из экономических или каких-либо других соображений могут помогать странам региона путем поставок оборудования и материалов, а также передачи технологий, причем в полном соответствии с положениями статьи IV Договора о нераспространении ядерного оружия и Руководящими принципами Группы ядерных поставщиков (ГЯП), а, может быть, даже и в нарушение этих обязательств. К тому же далеко не все реальные или потенциальные поставщики (например, Китай, Индия, Пакистан) являются участниками ГЯП. Невозможно также исключать и того, что та или иная страна региона сможет самостоятельно создать установки (например, по обогащению урана или наработке плутония), которые заложат основу для изготовления ядерного оружия. Поэтому трудно переоценить значение нахождения результативных подходов к урегулированию атомной проблемы на Ближнем Востоке для безопасности этого региона и мира в целом.

ВОЗМОЖНЫЕ ПОДХОДЫ К РЕШЕНИЮ АТОМНОЙ ПРОБЛЕМЫ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

Существуют ли реальные перспективы решения данной проблемы и предпринимаются ли какие-либо шаги в этом направлении? Рассмотрим некоторые возможные сценарии решения ближневосточной проблемы.

Создание на Ближнем Востоке зоны, свободной от ядерного оружия (ЗСЯО), или зоны, свободной от оружия массового уничтожения – ядерного, химического и биологического (ЗСОМУ). В условиях отказа Израиля присоединиться к Договору о нераспространении наиболее перспективным направлением считается вопрос о создании ЗСЯО или ЗСОМУ. Идея образования безъядерной зоны обсуждается в Организации Объединенных Наций с 1974 г., когда она была выдвинута Ираном. В качестве соавтора резолюции вместе с Ираном выступил Египет. Израиль поначалу возражал против принятия Организацией какого-либо решения по этому вопросу, но в 1980 г. дал согласие в принципе на рассмотрение вопроса о зоне, и с того времени Генеральная Ассамблея ООН регулярно принимает без голосования, т.е. единогласно, резолюции в пользу создания безъядерной зоны.

В 1988 г., по решению Генеральной Ассамблеи, Генеральный секретарь ООН назначил группу экспертов для изучения всех вопросов, относящихся к возможному созданию ЗСЯО на Ближнем Востоке. В группу вошли Дж. Леонард (США), Я. Правец (Швеция) и Б. Сандерс (Нидерланды). Доклад был представлен Генеральной Ассамблее в октябре 1990 г.⁷³

Одновременно в МАГАТЭ рассматривался вопрос о применении системы гарантий Агентства на Ближнем Востоке, и в том же 1988 г. Генеральная конференция МАГАТЭ приняла решение о подготовке секретариатом Агентства «технического исследования о способах применения гарантий Агентства на Ближнем Востоке». Исследование было представлено Генеральной конференцией в августе 1989 г.⁷⁴

В апреле 1990 г. президент Египта Х. Мубарак выступил с инициативой создания на Ближнем Востоке зоны, свободной от оружия массового уничтожения. Согласно его предложению,

- на Ближнем Востоке должны быть запрещены все без исключения виды оружия массового уничтожения, т.е. ядерное, химическое, биологическое и т.д.;

- все без исключения государства региона должны взять на себя одинаковые и взаимные обязательства в этом отношении;
- должны быть установлены меры и процедуры верификации с целью обеспечения полного соблюдения всеми государствами региона всего без исключения объема запретов.

Поскольку общепринятого понятия региона Ближнего Востока как такового не существует, впервые попытку его определения для целей создания там Зоны предприняли эксперты МАГАТЭ, которые предложили в упомянутом исследовании, чтобы регион включал территорию от Ливии на западе до Ирана на востоке и от Сирии на севере до Йемена на юге.

В докладе ООН также используется это определение Зоны, предложенное МАГАТЭ. Эксперты ООН, проанализировав складывающуюся ситуацию, пришли к выводу, что «присоединение к ДНЯО всех государств региона – и особенно Израиля – было бы наиболее значительной вехой» в создании Зоны⁷⁵. Но до того, как это произойдет, согласие Израиля поставить под гарантии ядерные установки в Димоне «было бы шагом, ведущим к созданию Зоны, который мог бы быть реализован еще до присоединения к ДНЯО» (параграф 181). «Применение гарантий в Димоне будет равносильно согласию Израиля на установление верхнего лимита на то количество плутония, которое было наработано в ходе эксплуатации этих установок, но не обязательно повлечет за собой постановку под гарантии имеющихся запасов» (параграф 182)⁷⁶.

По мнению авторов доклада, при создании Зоны «потребуется существенно усиленная система верификации, которая могла бы быть установлена либо путем расширения нынешней системы гарантий МАГАТЭ, либо путем сочетания гарантий с другими мерами верификации многостороннего или двустороннего характера» (параграф 184)⁷⁷.

В качестве полезного шага на пути к созданию Зоны эксперты ООН высказались за достижение «категорического понимания, что не будет нападений на ядерные установки» (параграф 185).

В 1996 г. двое из авторов доклада Генерального секретаря – Я. Правич и Дж. Леонард – опубликовали интересную работу, в которой детализировали свои соображения по вопросу создания Зоны. Они, в частности, высказались за то, чтобы контроль за выполнением соглашения о ЗСОМУ на Ближнем Востоке был более строгим, чем это предусматривается другими соглашениями о ЗСЯО. Так, они предложили, чтобы участникам зоны было запрещено иметь баллистические или крылатые ракеты с дальностью больше согласованного предела, а также чтобы был создан весьма эффективный региональный контрольный орган по образцу Евратома и АБАКК⁷⁸.

Однако усилия международного сообщества, предпринятые для того, чтобы сдвинуть с мертвой точки решение проблемы создания безъядерной зоны, пока к положительным результатам не привели. Соглашаясь в принципе с идеей ЗСЯО и ЗСОМУ, Израиль настаивал на том, чтобы стороны сели за стол переговоров и прежде всего договорились о политическом урегулировании в регионе. Сначала мир – потом Зона. Израильцы рассматривают создание безъядерной зоны, считает Ш. Фелдман, в качестве «замены присоединения к ДНЯО. Израиль настаивает, по крайней мере, на том, чтобы образование ЗСЯО в регионе предшествовало его присоединению к Договору. Эта позиция основана на мнении, что система гарантий МАГАТЭ крайне несовершенна. И поэтому он настаивает на том, что убедительные и интрузивные меры верификации должны быть разработаны путем переговоров между государствами региона»⁷⁹.

Генеральная Ассамблея ООН регулярно принимает резолюции в пользу создания ЗСЯО на Ближнем Востоке, а Генеральная конференция МАГАТЭ – в пользу распространения гарантий Агентства на все страны региона. Это полезно и важно с точки зрения формирования и выражения общего мнения мирового сообщества о необходимости создания Зоны, но реальных результатов рекомендации высоких международных форумов пока не приносят.

В апреле 2003 г., в период американо-английской военной операции в Ираке, Сирия внесла на рассмотрение Совета Безопасности Проект резолюции об объявлении Ближнего Востока зоной, свободной от ОМУ. Идея создания такой зоны была поддержана представителями России и Китая, но не встретила широкого одобрения со стороны членов Совета.

Мадридский процесс ближневосточного урегулирования. Новый этап в продвижении решения атомной проблемы на Ближнем Востоке наступил, когда в 1991 г., при ко-спонсорстве США и России, начался так называемый «Мадридский процесс ближневосточного урегулирования» и значительная часть арабских стран впервые выразила готовность сесть за один стол переговоров с Израилем для обсуждения вопросов *контроля над вооружениями и региональной безопасности*, а последний также впервые согласился рассматривать эти вопросы. Остановимся более подробно на том, как развивался этот процесс в 1992–1995 гг.

По итогам Мадридской конференции на следующей конференции, состоявшейся в Москве в январе 1992 г., Израиль и 12 арабских стран (Египет, Иордания, Саудовская Аравия, Кувейт, Оман, Катар, Бахрейн, ОАЭ, Тунис, Марокко, Алжир и Мавритания) согласились образовать Рабочую группу по контролю над вооружениями и региональной безопасности (КВРБ)⁸⁰. В мае 1993 г. к ним присоединилась Палестинская автономия. В Рабочей группе не принимали участия представители Сирии и Ливана, настаивавшие на том, чтобы вначале произошел перелом в двусторонних отношениях этих стран с Израилем. Ирак, Иран и Ливия не были приглашены участвовать в переговорах.

Первый раунд переговоров в Рабочей группе по КВРБ состоялся в Вашингтоне в мае 1992 г., и сразу же возникли разногласия между Египтом и Израилем. Египет настаивал на том, чтобы приоритет был отдан проблеме прекращения ядерного распространения на Ближнем Востоке и, в первую очередь, решению вопроса о ядерных вооружениях Израиля. Последний же делал упор на то, что между странами региона существует глубокое недоверие друг к другу, и подчеркивал важность решения вопроса об обычных вооружениях с учетом того, что все войны на Ближнем Востоке велись с применением этого вида вооружений.

Второе заседание группы состоялось в Москве в сентябре 1992 г. На нем Россия и США предложили компромиссное решение, которое постепенно приближало бы, посредством осуществления целой серии мер по укреплению доверия, к осуществлению тех задач и приоритетов, которые ставили во главу угла египтяне и израильтяне. Участники Группы согласились рассмотреть это предложение или выдвинуть альтернативные подходы. Египет разработал документ на основе «инициативы Мубарака» (ЗСОМУ). Израиль же подготовил свой документ, суть которого была оглашена министром иностранных дел Ш. Пересом на конференции в Париже 13 января 1993 г., на которой состоялось подписание Конвенции о запрещении и уничтожении химического оружия. Ш. Перес в принципе положительно высказался относительно «инициативы Мубарака», но условием создания Зоны назвал предварительное достижение прочного мира и применение в регионе мер взаимного контроля.

Очередное заседание Группы по КВРБ проходило в Вашингтоне в мае 1993 г. На этом заседании представители Израиля, Египта, Иордании и Омана представили свои рабочие документы. Было решено создать несколько подгрупп для рассмотрения этих документов и конкретных аспектов урегулирования в период между пленарными заседаниями при участии представителей нерегиональных стран. США и Россия взяли на себя процесс ведения Подгруппы по определению конечных целей процесса контроля над вооружениями на Ближнем Востоке и выработке мер по укреплению доверия; Канада – Подгруппы по мерам укрепления доверия на море и недопущения инцидентов на море; Турция – Подгруппы по рассмотрению альтернативных методов обмена военной информацией и предоставления предувещаний о военных учениях и крупномасштабных передвижениях войск; Нидерланды – Подгруппы по изучению вопросов функционирования региональной сети связи. При этом ближневосточные страны были приглашены направить на заседания подгрупп также своих военных представителей.

В июле 1993 г. в Египте состоялось первое заседание Рабочей группы в ближневосточном регионе. Участники обсудили в Каире вопросы контроля и затем совершили поездку на Синайский полуостров, где ознакомились с тем, как функционируют контрольные меры, осуществляемые Многонациональными силами и наблюдателями (МСН), размещенными там по египетско-израильскому Мирному соглашению 1979 г.

В сентябре 1993 г. в Канаде была проведена встреча Подгруппы по мерам укрепления доверия на море, а в Гааге состоялся семинар по организации связи в кризисных ситуациях. В начале октября того же года в Турции имело место заседание Подгруппы по обмену военной информацией. В течение осени 1993 г. страны региона были приглашены наблюдать за инспекцией на месте авиабазы в Великобритании, осуществляемой Организацией по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), и за проведением военных учений НАТО в Дании.

В середине октября 1993 г. в Вене состоялись заседания Подгруппы по обсуждению конечных целей процесса и мер укрепления доверия. Эти заседания прошли в конфронтационной обстановке: представители Египта настаивали на том, чтобы приоритет был отдан контролю над атомными вооружениями, тогда как израильские делегаты подчеркивали необходимость политического урегулирования и постепенного подхода к введению таких мер.

Той же осенью в ходе урегулирования отношений между Израилем и Иорданией эти страны пришли к соглашению, что ЗСЯО на Ближнем Востоке должна быть трансформирована в ЗСОМУ. В Совместном документе было зафиксировано «взаимное обязательство в приоритетном порядке и как можно скорее приступить к работе по образованию на Ближнем Востоке зоны, свободной от оружия массового уничтожения, как конвенционального, так и неконвенционального». В Документе говорилось, что «эта цель должна быть достигнута в контексте всеобъемлющего, долговременного и прочного мира, характеризующегося отказом от применения силы, примирением и открытостью»⁸¹. Иордания, следовательно, выразила готовность включить обычные вооружения в определение оружия массового уничтожения, на чем настаивал Израиль, а также согласилась с тем, что существенные меры контроля над вооружениями могут быть достигнуты в обстановке прочного мира. Подобная формулировка была включена и в Мирное соглашение между двумя странами, подписанное ими в октябре 1994 г.

На следующем пленарном заседании Группы по КВРБ, состоявшемся в Москве в начале ноября 1993 г., опять разгорелся принципиальный спор между Египтом и Израилем – с чего начинать процесс контроля над вооружениями и укрепления региональной безопасности: с решения ядерной проблемы или с политического урегулирования. В итоге была достигнута процедурная договоренность – разделить дальнейшую работу Группы на две «корзины»: «концептуальную» и «оперативную». В «концептуальную корзину» было включено рассмотрение возможности достижения консенсуса по принципам, которыми следует руководствоваться в отношениях между государствами региона в будущем, по конечным целям процесса контроля над вооружениями и по мерам обеспечения сторон эффективными взаимными гарантиями безопасности. В задачу «оперативной корзины» входила бы разработка практических механизмов по увеличению транспарентности и уменьшению опасности непреднамеренной эскалации напряженности.

Далее, в середине января 1994 г. участники Группы встретились в Нидерландах для обсуждения вопросов, связанных с созданием сети связи на Ближнем Востоке. Было достигнуто согласие по поводу того, что такая сеть поначалу будет служить механизмом передачи сообщений, относящихся к процессу КВРБ, и что до того, как эта сеть будет установлена в регионе, сообщения будут передаваться через центр связи ОБСЕ, размещенный в Гааге.

В феврале 1994 г. в Каире состоялось заседание Подгруппы для рассмотрения «концептуальной корзины». На нем был сформулирован проект «Декларации о принципах», однако некоторые пункты, заключенные в скобки, остались несогласованными. В мае того же года в Дохе (Катар) было проведено пленарное заседание Рабочей группы по КВРБ, на котором Саудовская Аравия высказала возражения против включения в Декларацию

пунктов, касающихся прав человека и обязательства нормализовать отношения с Израилем. На следующем заседании Подгруппы по «концептуальной корзине», состоявшемся в Париже в октябре 1994 г., Саудовская Аравия сняла некоторые свои возражения. Было решено озаглавить разрабатываемый документ так: «Заявление о контроле над вооружениями и региональной безопасности». По всем вопросам было достигнуто согласие, кроме пункта, касавшегося ядерной проблемы. На этом заседании уже стало чувствоваться приближение Конференции по ДНЯО 1995 г., на которой должен был рассматриваться вопрос о продлении этого Договора. Египет стал настаивать на том, чтобы в Заявление был включен пункт о том, что «все» страны региона должны присоединиться к ДНЯО «в ближайшем будущем». В противовес этому Израиль высказался за то, чтобы дело ограничилось движением в направлении образования на Ближнем Востоке ЗСМУ.

Тем временем в течение 1994 г. состоялось несколько заседаний по рассмотрению «оперативной корзины» – в Турции, Катаре и Иордании. Обсуждалась договоренность о создании регионального Центра связи в Каире. Иордания предложила образовать Региональный центр по безопасности в Аммане. Были разработаны проекты соглашений о предупреждении инцидентов на море и о сотрудничестве при проведении операций по спасению. Стороны также согласились провести совместные военно-морские учения.

На пленарном заседании Группы в Тунисе в начале декабря 1994 г. была предпринята попытка смягчить расхождения по вопросу о присоединении к ДНЯО. В целях достижения компромисса Египет представил неофициальный документ, предусматривавший присоединение Израиля к ДНЯО через два года после подписания мирных соглашений между Израилем, Сирией и Ливаном, но это предложение не было принято израильянами. В то же время в Тунисе был достигнут прогресс в вопросе определения границ региона; шесть участвующих государств согласились подсоединиться к Центру связи в Га-га при понимании, что региональный Центр связи будет создан в Каире через два года; была достигнута договоренность об образовании Регионального центра по безопасности в Аммане; завершена подготовка Меморандума о взаимопонимании относительно предотвращения инцидентов на море и сотрудничества при проведении спасательных операций; сделан прогресс в согласовании мер по обмену военной информацией по уведомлению о крупномасштабных передвижениях войск и военных учениях.

На этой встрече были полностью согласованы все положения Заявления, кроме одного – по атомной проблеме. Альтернативные предложения относительно путей достижения общеприемлемых целей в области контроля над вооружениями, выдвинутые Египтом и Израилем, были заключены в скобки.

Вариант Израиля

«Создание на Ближнем Востоке взаимно контролируемой зоны, свободной от ядерного, химического и биологического оружия и от баллистических ракет, ввиду их огромной разрушительной мощи и их возможности усилить нестабильность в регионе».

Вариант Египта

«Создание зоны, свободной от всех видов оружия массового уничтожения, включая ядерное, химическое и биологическое, и систем их доставки, поскольку такое оружие, ввиду его огромной разрушительной мощи и возможности усилить гонку вооружений в регионе, представляет громадную угрозу его безопасности.

Все страны региона присоединятся к ДНЯО в близком будущем».

Соединенные Штаты предложили компромиссный вариант, который не устраивал ни одну из сторон, хотя был ближе к израильской позиции:

«Создание на Ближнем Востоке зоны, свободной от всех видов оружия массового уничтожения, включая ядерное, химическое и биологическое, и систем их доставки, – поскольку такое оружие, ввиду его огромной разрушительной мощи и его возможности усилить нестабильность в регионе, представляет серьезную угрозу безопасности, – посредством сочетания региональных соглашений, таких как создание зон, свободных от оружия, и международных соглашений, таких как КБО, ДНЯО и КХО»⁸².

В результате обострения отношений между арабскими странами и Израилем по атомной проблеме к середине 1995 г. стало ясно, что на данном этапе какого-либо прогресса по этой проблеме достичь невозможно. Последние заседания на уровне экспертов состоялись в Хельсинки в конце мая – начале июня 1995 г. и в Аммане в сентябре. В создавшихся условиях было решено не созывать очередное пленарное заседание Рабочей группы по КВРБ, которое намечалось на сентябрь 1995 г. в Аммане. С тех пор процесс переговоров по контролю над вооружениями и региональной безопасности на Ближнем Востоке приостановился.

Следует, тем не менее, признать, что, хотя уже восемь лет как переговоры в Группе по КВРБ прекращены, этот форум, в отличие от периодических рутинных дискуссий в ООН, МАГАТЭ и на конференциях по ДНЯО, безусловно, явился наиболее серьезной попыткой сдвинуть с места решение ядерной проблемы на Ближнем Востоке, что признается многими экспертами⁸³. Конечно, сам этот механизм не был лишен недостатков, поскольку его деятельность проходила на добровольной основе и принимаемые им решения не носили бы необратимого характера. Да и некоторые ключевые государства региона (Ирак, Сирия, Иран) не принимали участия в переговорах. И все же был создан полезный и важный прецедент на будущее. Когда и если будет создана благоприятная обстановка для возобновления переговоров по контролю над ядерными и другими вооружениями на Ближнем Востоке, то хотелось бы надеяться, что Рабочая группа по КВРБ будет вновь востребована.

Конференции по рассмотрению ДНЯО. На состоявшейся в Нью-Йорке в апреле–мае 1995 г. Конференции по рассмотрению и продлению Договора о нераспространении ядерного оружия обсуждение атомной проблемы на Ближнем Востоке прошло в весьма конфронтационной обстановке. Открытое игнорирование Тель-Авивом приглашения к присоединению к ДНЯО стало одной из острейших проблем конференции. Целью арабских государств было попытаться заставить Соединенные Штаты и ЕС оказать давление на Израиль в вопросе о прекращении военной ядерной программы, обеспечить международный контроль через МАГАТЭ над свертыванием этой программы и в конечном счете произвести размен: Израиль отказывается от ядерного оружия, а Сирия, Ливия и ряд других государств – от запасов химического оружия и разработок в области биологического оружия. Как стратегический результат на Ближнем Востоке создавалась бы ЗСОМУ. Понятно, что в тактическом плане именно конференция по продлению могла послужить наиболее подходящим местом для политико-дипломатического торга с США, где арабские государства могли бы прибегнуть к любым дипломатическим ходам, вплоть до угрозы их выхода из ДНЯО.

Тем не менее, арабские государства оказались подвержены общему синдрому Движения неприсоединения и не смогли консолидироваться даже на почве общих интересов. Выработка единой линии по вопросам поведения на конференции и продления ДНЯО оказалась невозможной. Египет попытался возглавить арабские силы на конференции, объявив, что не может поддержать бессрочное продление, потому что Израиль отказывается договориться о создании ЗСЯО на Ближнем Востоке или сделать другие уступки своим арабским соседям в этом вопросе. Соединенные Штаты надеялись ранее, что Египет отдаст свой голос в поддержку бессрочного продления ДНЯО, однако египетский министр иностранных дел А. Муса заявил, что безопасность его страны не может быть гарантирована соглашением, которое не охватывает Израиль. А. Муса подчеркнул, что в течение 20 лет Египет прикладывал усилия по ликвидации ядерного оружия на Ближнем Востоке. Он солидаризировался со многими неядерными странами в том, что «прогресс, достигнутый в осуществлении ДНЯО, не оправдывает ожиданий его отцов-основателей». Жесткая позиция Египта явилась неприятным сюрпризом для США.

Несмотря на приближавшийся финал конференции, договориться с Египтом об отказе от столь жесткой позиции не удавалось. В качестве компромисса была выдвинута идея о том, что к уже разрабатывавшимся итоговым документам о бессрочном продлении ДНЯО и мерам по укреплению международного режима нераспространения необходима также ближневосточная Резолюция, достаточно аморфная по содержанию, однако уже одним фактом своего существования частично умиротворявшая Египет и его сторонников. Был распространен проект резолюции группы арабских стран, возглавляемых Египтом и подписанный также Алжиром, Бахрейном, Египтом, Ираком, Иорданией, Кувейтом, Ливией, Мавританией, Марокко, Катаром, Саудовской Аравией, Суданом, Тунисом и Йеменом, в котором конференции предлагалось выразить «глубокую озабоченность продолжающимся нахождением на Ближнем Востоке бесконтрольных ядерных объектов Израиля», призвать Израиль «без промедления присоединиться к ДНЯО и поставить всю свою ядерную деятельность под всеобъемлющие гарантии МАГАТЭ», призвать «все государства Ближнего Востока предпринять практические шаги по созданию (...) ближневосточной зоны, свободной от ОМУ: ядерного, химического, биологического и систем их доставки, и, вплоть до создания такой зоны, воздержаться от любых мер, которые могут помешать осуществлению этих задач»; наконец, «пригласить пять ядерных государств предоставить, в качестве приоритетной задачи и временной меры, льготные гарантии безопасности государствам региона – членам ДНЯО»⁸⁴.

В таком виде проект являлся заведомо непроходным. Невозможно было представить, чтобы его поддержали США, прежде всего из-за прямого упоминания Израиля. Кроме того, последний пункт о *льготных гарантиях* безопасности также вряд ли бы устроил ядерные государства, включая Россию. Тем не менее, российская делегация высказала соображение, что нельзя отмахиваться от данного проекта, надо работать с ним с тем, чтобы в результате и произвести обмен: ближневосточные арабские государства и Иран получают смягченный вариант их Резолюции на основе консенсуса; в обмен на это они соглашались присоединиться к консенсусу по вопросу о бессрочном продлении Договора.

Работа над переписыванием Резолюции предстояла колоссальная, а оставался всего лишь день до завершения конференции. Соединенные Штаты, Россия и Великобритания согласились, как страны – депозитарии Договора, стать соавторами, и в результате работы над текстом он значительно изменился. Из него исчезло прямое упоминание Израиля; кроме того, было снято положение о предоставлении ядерными государствами гарантий безопасности для стран региона – членов ДНЯО. В конечном итоге Египет и другие арабские государства приняли текст⁸⁵. Это объяснялось не только и не столько давлением США. Среди большинства арабских делегаций, прежде всего у делегации Египта, в ходе конференции постепенно сформировалось убеждение, что альтернативой данному, пусть и не вполне полноценному обмену, может стать только прямой раскол стран-участниц ДНЯО, в результате которого задача ликвидации ядерного оружия Израиля отодвинулась бы на неопределенный срок, а образ Израиля как виновника нестабильности померк, уступив место критике в адрес самих арабских государств, которые были бы обвинены в экстремизме. Сказался такой фактор, как противоречия между самими арабскими государствами. Наконец, принятие резолюции, соавторами которой стали США, Россия и Великобритания, позволяло бы арабским государствам в дальнейшем требовать выполнения ее буквы и духа. Вариант «хлопанья дверью» такую возможность отсекал.

Тем не менее, Египет и некоторые другие арабские страны после принятия конференцией на основе консенсуса решения о бессрочном продлении Договора выступили с заявлениями о том, что они резервируют свое отношение к этому решению.

К ближневосточной проблеме имеет самое прямое отношение и весьма важное решение конференции, принятое консенсусом, – «Принципы и цели ядерного нераспространения и разоружения». Первый пункт этого решения гласит:

«Всеобщее присоединение к Договору о нераспространении ядерного оружия является неотложной приоритетной задачей. Всем государствам, которые еще не являются участниками Договора, и особенно государствам, в которых имеются ядерные объекты, не поставленные под действие гарантий, предлагается в кратчайшие сро-

ки присоединиться к Договору. Все государства-участники должны сделать все возможное для достижения этой цели»⁸⁶.

Это решение конференции на практике пока что остается мертвой буквой⁸⁷.

В Заключительном документе конференции по рассмотрению ДНЯО 2000 г., принятом консенсусом, впервые упомянут Израиль в таком контексте: Конференция отмечает, что «все государства региона Ближнего Востока, за исключением Израиля, стали государствами-участниками Договора о нераспространении ядерного оружия. Конференция приветствует присоединение этих государств и подтверждает важность присоединения Израиля к ДНЯО и постановку всех его ядерных установок под всеобъемлющие гарантии МАГАТЭ в интересах достижения цели всеобщего присоединения к Договору на Ближнем Востоке»⁸⁸. Однако включение в Заключительный документ конференции подобной формулировки, вполне устраивающей арабские государства, ни в коей мере не способствовало в практическом плане какому-либо движению вперед в решении атомной проблемы на Ближнем Востоке. Можно ли рассчитывать на то, что следующая конференция по ДНЯО, которая состоится в 2005 г., внесет какой-либо реальный вклад в обеспечение нераспространения в этом регионе? Как это представляется во всяком случае на сегодняшний день, возможности конференций по ДНЯО в данном случае являются весьма ограниченными.

Как явствует из хода подготовки к Конференции 2005 г. в рамках Подготовительного комитета предстоящей Конференции (состоялись уже две его сессии – в 2002 и 2003 гг.), страны Ближнего Востока будут и дальше настойчиво добиваться присоединения Израиля к ДНЯО и создания ЗСОМУ. В фактологическом резюме председателя по итогам последней сессии Комитета он напоминает, что Резолюция по Ближнему Востоку, принятая в 1995 г., «остается в силе до тех пор, пока ее цели не будут достигнуты». Она была «существенным элементом итогового результата Конференции 1995 г., на основе которого Договор о нераспространении ядерного оружия в 1995 г. был продлен бессрочно без голосования». Представляется, однако, очевидным, что подобного рода формулировки к реальным результатам, пока, увы, не приводят.

Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ). Израиль подписал, но не ратифицировал договор. Он входит в число 44-х государств, имеющих значительную ядерную деятельность и поименно названных в нем, ратификация Договора которыми необходима для его вступления в силу. К настоящему времени только 32 из этих 44-х государств завершили процесс ратификации. Израиль оказался в одной компании с такими «странами-отказниками», как США, Китай, Индия, Пакистан, КНДР. Договор подписан 168 государствами и ратифицирован 104, в том числе Россией, Великобританией и Францией.

В соответствии с ДВЗЯИ государства-участники могут самостоятельно, на добровольной основе предоставлять в Международный центр данных (МЦД) дополнительные данные от национальных станций мониторинга, которые не входят официально в состав Международной системы мониторинга (МСМ)⁸⁹. Израиль, еще до вступления Договора в силу, выделил шесть так называемых «сотрудничающих национальных объектов», которые передают данные в МЦД в Вене. Это – сейсмологические станции. В 2000 г. по приглашению Израиля в Мертвом море был проведен экспериментальный взрыв обычной взрывчатки для калибровки сейсмологического оборудования с участием международных экспертов.

Хотя можно с большой долей уверенности утверждать, что Израиль в обозримом будущем будет придерживаться политики *непрозрачности* в отношении своего ядерного потенциала и поэтому не пойдет на осуществление ядерных испытаний, тем более на своей территории, израильтяне проявляют небывалый интерес к тому, как ведется работа по подготовке Оперативного руководства по проведению инспекций на месте (ИНМ). Судя по всему, они опасаются того, что, когда договор вступит в силу, арабские государства станут забрасывать Израиль запросами о проведении инспекций на его территории, и поэтому добиваются осложнения процедур подачи и рассмотрения таких возможных запросов. Кроме того, можно предположить, что отсутствие решения по всем во-

просам, относящимся к Оперативному руководству (его объем уже сейчас достигает около тысячи страниц, а израильтяне продолжают подбрасывать все новые и новые проблемы), дает им удобный предлог для затягивания ратификации Договора.

Что касается арабских государств и Ирана, то они подписали ДВЗЯИ, но воздерживаются от его ратификации до тех пор, пока этого не сделает Израиль. В число 44-х стран, перечисленных в договоре, входят Египет, Иран и Алжир.

На наш взгляд, ратификация Договора Израилем (особенно с учетом того, что его вступление в силу пока остается проблематичным), на практике не создавала бы для него каких-либо затруднений или ограничений, но в то же время могла бы стать благоприятным сигналом для улучшения и нормализации отношений с арабскими странами и содействовать продвижению вперед по проблеме ближневосточного урегулирования. Как представляется, это было бы в интересах и стратегического партнера Израиля – Соединенных Штатов, которые предпринимают сейчас усилия по урегулированию на основе «Дорожной карты».

Запрещение производства расщепляющихся материалов для ядерного оружия (ЗПРМ). Другой вполне реальной возможностью продвинуться вперед в решении рассматриваемой проблемы могло бы стать многостороннее соглашение о ЗПРМ с непременным участием всех основных стран региона.

ЗПРМ имеет смысл в первую очередь как средство ядерного нераспространения и во вторую – как путь к ядерному разоружению. Действительно, запрет на производство оружейных расщепляющихся материалов послужил бы едва ли не самой надежной гарантией против появления новых ядерных стран. Его разоруженческое значение связано прежде всего с выводом из оборота расщепляющихся материалов, которые высвобождаются из ликвидируемых боеприпасов, что позволяет сделать процесс разоружения хотя бы отчасти необратимым.

В широком контексте ЗПРМ имеет наибольший эффект в сочетании с другими мерами по разоружению. Соотношение нераспространенческого и разоруженческого компонентов в ЗПРМ будет зависеть от содержания будущей договоренности. Здесь возможны и обсуждаются два варианта:

- ☐ прекращение производства ядерных материалов для оружия;
- ☐ меры в отношении существующих запасов ядерных материалов.

Первый вариант является в основном мерой нераспространения, воздвигая еще один барьер на пути расползания ядерного оружия, в том числе *вертикального*, ставя предел в первую очередь увеличению ядерного потенциала де-факто ядерных государств, а также появлению новых ядерных стран из числа высокоразвитых в промышленном отношении государств, таких как, например, Япония, Германия или Южная Корея, которые могли бы в случае принятия политического решения в короткие сроки наладить производство атомного оружия. В отношении ядерных государств он предусматривает лишь ненаращивание количества расщепляющихся материалов, что, по крайней мере в отношении России и США, малоактуально, поскольку они более десяти лет не нарабатывают новых количеств оружейных расщепляющихся материалов и уже приступили к сокращению накопленных запасов. Второй вариант является разоруженческой мерой.

При обсуждении этих вариантов сталкиваются разнонаправленные интересы. Ядерные державы готовы согласиться с запрещением производства новых материалов для ядерного оружия, но не готовы поставить под контроль его запасы и согласиться на их сокращение под контролем международных наблюдателей. Индия возражает против сокращения запасов по тем же причинам, в то время как Пакистан настроен более радикально, поскольку рассчитывает добиться сокращения индийских запасов. При этом и Индия, и Пакистан проявляют склонность к затягиванию начала переговоров, поскольку это дает им возможность наработать еще некоторое количество материалов для ядерного оружия, в то время как большинство ядерных государств (за исключением Китая) уже готово договориться о ЗПРМ сравнительно быстро. Многие неядерные государства решительно выступают за скорейшее начало переговоров. Они готовы пойти и на наи-

более ограниченный из возможных вариантов ЗПРМ с учетом того, что он подготовил бы почву для согласования более радикальных шагов в будущем.

После многих лет бесплодных обсуждений проблемы ЗПРМ процесс, казалось, пришел в движение в 1993 г., когда на Генеральной Ассамблее ООН удалось единодушно принять Резолюцию «Запрещение производства расщепляющихся материалов для ядерного оружия и других взрывных устройств». Для этого потребовалось пойти на существенный компромисс, предопределивший ключевой элемент будущей договоренности, но в то же время предвещавший последующие споры в процессе переговоров, а именно: предшествовавшие проекты резолюций вели речь о прекращении «производства и накопления» ядерных материалов, что вызывало сопротивление ядерных государств, однако снятие второго слова позволило, наконец, достичь сдвига. В принятой Резолюции ООН высказалась в пользу заключения «недискриминационного и универсально применимого Договора о запрещении производства расщепляющихся материалов для целей ядерного оружия или других ядерных взрывных устройств»⁹⁰.

Дальнейшим практическим шагом стало решение вопроса о переговорном мандате на Конференции по разоружению для рассмотрения ЗПРМ, а следующим шагом должно было стать создание специального комитета, в рамках которого и велись бы переговоры.

В марте 1995 г. на Женевской конференции по разоружению удалось принять так называемый «доклад Шеннона» (по имени представителя Канады – специального координатора по ЗПРМ) о создании Спецкомитета. Однако эта победа была неполной, поскольку ряд стран (Египет, Иран, Алжир и Пакистан) вновь подняли вопрос о включении в будущий документ проблемы *накопленных запасов* расщепляющихся материалов, против чего выступили ядерные государства и Индия. В итоге был принят компромиссный вариант, который основывался на решении Генеральной Ассамблеи, т.е. без упоминания о накопленных запасах, но с разрешением внесения других предложений, включая вопрос о запасах, в ходе переговоров в Спецкомитете.

Мандат Спецкомитета был согласован на основе «доклада Шеннона», но при этом сохранились и разногласия: ядерные государства и Индия заявили, что мандат не предусматривает включения существующих запасов, в то время как некоторые страны резервировали намерение предложить включение проблемы запасов в ходе работы Спецкомитета. Такое намерение было активно поддержано Египтом и другими арабскими государствами, которые настойчиво подчеркивали необходимость постановки под контроль израильских запасов оружейных расщепляющихся материалов.

Немало усилий также потребовалось для того, чтобы заручиться поддержкой Израиля, который опасался поставить свою ядерную программу под международный контроль и возможные сокращения. Тем не менее, под давлением США Израиль согласился поддержать доклад спецкоординатора о создании специального комитета по ЗПРМ, хотя и оговорил, что резервирует свое мнение по существу вопросов, которые будут обсуждаться на переговорах.

В итоге решение об образовании Спецкомитета по ЗПРМ и о его мандате для переговоров относительно «недискриминационного многостороннего и поддающегося международной эффективной проверке Договора, запрещающего производство расщепляющихся материалов для ядерного оружия и других ядерных взрывных устройств»⁹¹, было принято в августе 1998 г. Однако, ввиду возникших разногласий между некоторыми государствами по различным мотивам, Специальный комитет по ЗПРМ до сих пор не может приступить к работе. На сегодняшний день основной камень преткновения – требование Китая о том, чтобы одновременно с ЗПРМ рассматривался и вопрос о предотвращении гонки вооружений в космосе, впрочем, в последнее время Китай стал проявлять определенную гибкость в этом отношении. Но и среди стран ближневосточного региона существуют свои разногласия. Если Египет настаивает на непременном рассмотрении вопроса о накопленных запасах расщепляющихся материалов, то Израиль на это никак не идет.

Не устраивает израильтян и то, что им пришлось бы отказаться от статуса государства, придерживающегося политики *неопределенности* и *непрозрачности* в отношении своего ядерного потенциала. Как писал Ш. Фелдман,

«... [о]тказ необъявленных ядерных держав от политики неопределенности в результате требования раскрыть свои существующие запасы расщепляющихся материалов будет делом нелегким, поскольку они вряд ли будут считать, что такое объявление послужит их лучшим интересам. И прежде всего они будут озабочены тем, что раскрытие результатов их прежней деятельности привело бы к незамедлительному и мощному нажиму на них не только в вопросе замораживания их ядерных программ на нынешнем уровне, но и свертывания их».

И, тем не менее, Ш. Фелдман считает, что, хотя в ходе переговоров по Договору о ЗПРМ «придется столкнуться с некоторыми весьма серьезными дилеммами», после заключения ДНЯО запрет на производство расщепляющихся материалов для ядерного оружия «может стать следующим важным пунктом повестки дня глобального ядерного нераспространения»⁹². Действительно, ЗПРМ – одно из перспективных направлений решения ядерной проблемы на Ближнем Востоке.

Хотелось бы особо подчеркнуть, что решение как атомного вопроса, так и всей проблемы ближневосточного урегулирования во многом будет зависеть от прогресса в выработке менталитета добрососедских отношений и содружества входящих в регион стран, ибо без этого их мирное выживание не будет достижимо. Пока же вот уже более полувека в регионе преобладающей является психология людей, живущих как бы в «осажденной крепости», и государства Ближнего Востока не предпринимают значительных усилий для выработки парадигмы совместного существования, да и крупные державы, заинтересованные в установлении мира в этом регионе, не уделяют психологической стороне дела должного внимания. Существенную роль в таком процессе могли бы сыграть и международные, и национальные неправительственные организации, в первую очередь гуманитарные и правозащитные. Большая ответственность в этом отношении лежит на международных и национальных организациях, объединяющих еврейские и мусульманские конфессии.

Встав на путь ядерного вооружения, Израиль сделал шаг в направлении не стабилизации, а обострения отношений со своими соседями. Любые, даже самые скромные его шаги в обратном направлении – по пути постепенной денуклеаризации – могли бы повернуть вспять продолжающееся недоверие и вражду между странами региона.

КАК ПРАКТИЧЕСКИ ПОДОЙТИ К РЕШЕНИЮ АТОМНОЙ ПРОБЛЕМЫ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ?

Весь многолетний опыт ситуации на Ближнем Востоке свидетельствует: без рассмотрения атомного аспекта ближневосточной проблемы и движения, хотя бы поэтапного, в направлении его решения никакое урегулирование в регионе и установление там прочного и гарантированного мира невозможны⁹³. А в таком мире Израиль не может не быть кровно заинтересован. Из этого следует, что настало время объединить усилия всех государств, которые имеют возможность так или иначе влиять на ситуацию в регионе, для оказания дипломатического, а при необходимости – экономического и иного влияния на страны Ближнего Востока, прежде всего на Израиль, не исключая, разумеется, Ирана, чтобы убедить их не откладывая пойти на переговоры о создании ЗСЯО или – еще лучше – ЗСОМУ.

Конечно, главную роль тут могут и должны сыграть Соединенные Штаты, преобладающее влияние которых в регионе является бесспорным, а после окончания войны в Ираке еще более возросло. Россия и ведущие страны Европейского Союза – прежде всего Великобритания, Франция и Германия – также могут внести в процесс решения ядерной проблемы на Ближнем Востоке существенную лепту. Крайне важно, однако, чтобы все эти державы в полной мере преисполнились сознанием исключительного значения этого процесса, предоставили ему высокий приоритет, действуя *согласованно и коллективно*. «Большая восьмерка», с нашей точки зрения, – наиболее перспективный форум для обсуждения этой проблемы и согласования мер, ведущих к серьезным переговорам. На очередной саммит при рассмотрении данного вопроса было бы важно пригласить

ситель представителей наиболее заинтересованных стран региона, в первую очередь руководителей Египта, Израиля и, возможно, Ирана.

В конкретном плане, как представляется, наиболее перспективным решением было бы возобновление работы Группы по контролю над вооружениями и региональной безопасности (КВРБ), созданной в рамках Мадридского процесса ближневосточного урегулирования, деятельность которой была приостановлена в 1995 г. При этом должно быть достигнуто понимание того, что рассмотрение атомной проблематики начнется сразу же после возобновления работы Группы по КВРБ. Было бы желательно, чтобы Группа работала на уровне министров иностранных дел хотя бы в самом начале, а также при рассмотрении наиболее принципиальных вопросов. Необходимо также участие в Группе тех стран, которые ранее не были представлены, – прежде всего Ирана, Сирии и Ирака (как только там будет образовано представительное правительство). Возможно, до начала работы Группы понадобится проведение предварительных неофициальных консультаций. Во всем этом процессе важно активное участие США и России, как ко-спонсоров Мадридской конференции.

Для придания большей авторитетности и легитимности таким переговорам следовало бы также рассмотреть возможность принятия резолюции Совета Безопасности или Генеральной Ассамблеи ООН с настойчивым призывом к странам Ближнего Востока сесть за стол переговоров по урегулированию ближневосточной проблемы с неперенным учетом и ядерного аспекта.

И, наконец, для того, чтобы побудить страны ближневосточного региона твердо стать на путь отказа от ядерного оружия, необходимы более решительные действия самих ядерных держав по снижению роли ядерного фактора в международных отношениях⁹⁴.

Примечания

¹ Назовем некоторые исследования и публикации: Ядерное распространение. Под общей ред. Орлова В.А. Т. I, глава 7. М.: ПИР-Центр политических исследований, 2002; Тимербаяев Р.М. Насколько реально создание безъядерной зоны на Ближнем Востоке? *Ядерный Контроль*. 1995, декабрь; Сафранчук И.А. Ядерные и ракетные программы Ирана и безопасность России: рамки российско-иранского сотрудничества. *Научные Записки ПИР-Центра*. 1998, № 8; Хлопков А. В. Иранская ядерная программа в российско-американских отношениях. *Научные записки ПИР-Центра*. 2001, № 18; Белоногов А.М. МИД. Кремль. Кувейтский кризис. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001; Мамедова Нина, Федоров Юрий, Федченко Виталий. Иранская ядерная программа и российско-иранские отношения. *Аналитические записки ИПМИ*. 2003. Т. 2, № 2, февраль; Лата Василий, Хлопков Антон. Иран: ракетно-ядерная загадка для России. *Ядерный Контроль*. 2003. №2 лето; Cohen Avner. *Israel and the Bomb*. N.Y.: Columbia University Press, 1998 (Книга выгодно отличается от многих других работ по данной теме обстоятельной архивной и мемуарной основой. Автор использовал как американские, так и израильские архивы, ознакомился с малоизвестными широкому кругу исследователей воспоминаниями (как правило, на иврите) тех, кто был у истоков атомной программы Израиля, проинтервьюировал многих израильских ученых и администраторов, а также и американских специалистов); Feldman Shai. *Israeli Nuclear Deterrence*. N.Y.: Columbia University Press, 1982; Feldman Shai. *Nuclear Weapons and Arms Control in the Middle East*. Cambridge, MA: The MIT Press, 1997; Evron Yair. *Israeli Nuclear Dilemma*. L.: Routledge, 1994; Cirincione Joseph with Wolfsthal Jon B. and Rajkumar Miriam. *Deadly Arsenals. Tracking Weapons of Mass Destruction*. Washington, D.C.: Carnegie Endowment for International Peace, 2002; Steinberg Gerald M. *Parameters of Stable Deterrence in a Proliferated Middle East: Lessons from the 1991 Gulf War*. *Nonproliferation Review*. Fall-Winter 2000. Vol. 7, No. 3; Effective and Verifiable Measures Which Would Facilitate the Establishment of a Nuclear-weapon-free Zone in the Middle East. Study Series 22. Report of the Secretary General of the United Nations. Doc. A/45/435, 1991.

² Cohen Avner. Op. cit. P. 19.

³ Ibid. P. 49.

⁴ Г. Молле считал, что «Насера, который вооружает алжирское восстание, может сломить только одно средство – вооружение Израиля [...]», и поэтому «нужно создать противовес Египту [...]». Таким мощным противовесом является Израиль и его бомба» (Pean Pierre. *Les Deux Bombes*. P.: Fayard, 1982. P. 78 et 84).

⁵ Pean. P. 138.

⁸ Feldman Shai. Nuclear Weapons and Arms Control in the Middle East. Cambridge, MA: The MIT Press, 1997. P. 46.

⁹ Cohen Avner. Stumbling into Opacity: The United States, Israel, and the Atom, 1960–1963. *Security Studies*. 1994, Winter. No. 2. L.: Frank Press. P. 218 and 229.

¹⁰ Spector Leonard S. with Smith Jacqueline R. Nuclear Ambitions. The Spread of Nuclear Weapons 1989–1990. Boulder, CO: Westview Press, 1990. P. 149–59.

¹¹ Deadly Arsenals. P. 226.

¹² *Sunday Times*. 1986. October 5 and 12.

¹³ Cohen. Israel and the Bomb. P. 84–85.

¹⁴ Ibid. P. 332.

¹⁵ Cohen. Israel and the Bomb. P. 14–15.

¹⁶ Feldman. P. 196.

¹⁷ Ibid. P. 207.

¹⁸ Ibid. P. 96.

¹⁹ Под термином «экзистенциальное сдерживание» понимается эффект сдерживания, проистекающий из самого факта наличия ядерного оружия в распоряжении данной страны или ее союзников и даже из существования способности у такой страны производить ядерное оружие. При этом не обязательно наличие объявленной ядерной доктрины, конкретных средств доставки оружия, развернутых сил, планов нацеливания, проведения военных учений и осуществления других действий, направленных на то, чтобы создать у потенциального противника или противников уверенность в том, что его или их агрессивные действия встретят ядерный ответ. (См.: The Future of U.S. Nuclear Weapons Policy. CISAC, National Academy of Sciences. Wash. D.C.: National Academy Press, 1997. P. 15.)

²⁰ Feldman. P. 98.

²¹ Cohen. Op. cit. P. 211.

²² Ibid. P. 232. М. Мардор сделал в своем дневнике запись 28 мая 1967 г., что в тот день он наблюдал за тем, как в сборочном цехе бригады специалистов «[...] собирали и проверяли систему оружия, разработка и производство которой были завершены до начала войны. [...] Выражения их лиц были торжественными и полными сознания важности дела и понимания громадного, почти что рокового значения системы оружия, которое они привели в оперативную готовность». P. 273.

²³ Это мнение разделяют эксперты Фонда Карнеги за международный мир (Deadly Arsenals. Tracking Weapons of Mass Destruction. P. 221).

²⁴ Cohen. Op. cit. P. 274.

²⁵ Ibid. P. 275–276.

²⁶ Подразумевается, что в условиях неопределенности не было ясно, располагает Израиль ядерным потенциалом или нет, между тем как непрозрачность предполагает официально необъявленное и непризнаваемое наличие ядерного арсенала.

²⁷ А. Козн приводит любопытную деталь: спустя два десятилетия после прекращения визитов один ответственный правительственный чиновник (Г. Сэймор, работавший в аппарате Белого дома в период правления администрации Б. Клинтона, а в настоящее время являющийся научным сотрудником Международного института стратегических исследований в Лондоне) не смог найти в американских архивах документов, раскрывающих, каким образом и по чьему указанию это произошло (P. 337).

²⁸ Cohen. Op. cit. P. 323.

²⁹ М. Бегин – премьер-министр Израиля в 1977–1983 гг.

³⁰ Израильские действия были осуждены ООН и МАГАТЭ. В Агентстве арабские и поддерживающие их страны добивались исключения Израиля из организации, что вызвало серьезный институциональный кризис. США поддерживали Израиль, угрожая прекращением финансирования и даже выходом из Агентства. Автор принимал участие в урегулировании затяжного конфликта на сессиях Генеральной конференции МАГАТЭ в 1982–1985 гг.

²⁹ Cohen. Op. cit. P. 343.

³⁰ Ibid. P. 344–345.

³¹ Ibid. P. 346.

³² Ibid. P. 348.

³³ Ibid. P. 349.

³⁴ Deadly Arsenals. Op. cit. P. 221 and 224. По другим данным, Израиль имеет от 75 до 200 единиц ядерных боеприпасов. (Natural Resources Defense Council's 2002 Nuclear Notebook.)

³⁵ Ibid. P. 221.

³⁶ Ibid. P. 221–222.

³⁷ Ibid. P. 222–223.

³⁸ Ibid. P. 230.

³⁹ Pean. Op. cit. P. 164.

⁴⁰ Spector with Smith. P. 188.

⁴¹ Ibid. P. 191–193.

⁴² Цит. по: *Arms Control Today*. 2002. Vol. 32, No. 9, November. P. 26.

⁴³ Р. Перл вышел из правительства в конце марта 2003 г., как сообщали СМИ, в связи с «конфликтом интересов», поскольку он работал на нефтяную компанию, имеющую интересы в Ираке.

⁴⁴ Cirincione Joseph. Origins of Regime Change in Iraq. *Carnegie Endowment Proliferation Brief*. 2003. Vol. 6, No. 5, March 19.

⁴⁵ Cirincione Joseph. The Shape of the Post-War World. *Carnegie Endowment Proliferation Brief*. 2003. Vol. 6, No. 6, March 25.

⁴⁶ Док. ООН S/2003/580.

⁴⁷ Так, заместитель госсекретаря США Дж. Вольф заявил 28 апреля 2003 г. на сессии Подготовительного комитета Конференции по ДНЯО 2005 г., что Иран являет собой «самый значительный вызов, который когда-либо стоял перед ДНЯО». (*Arms Control Today*. 2003, May).

⁴⁸ См., например: Deadly Arsenals. P. 255; Мамедова, Федоров, Федченко. Иранская ядерная программа и российско-иранские отношения. С. 7–8.

⁴⁹ Statement by Reza Aghazadeh, Vice-President of the Islamic Republic of Iran and President of the Atomic Energy Organization of Iran at the Forty-Sixth Regular Session of the IAEA, 2002, September.

⁵⁰ Bellona Foundation, 2003, February 24.

⁵¹ <http://www.iaea.org/worldatom/Press/News/2003/02/25-300190.html>. Фактически Алжир согласился выполнять решение, принятое Советом управляющих МАГАТЭ еще в феврале 1992 г.

⁵² *Washington Post*. 2003, March 10; Albright David and Hinderstein Corey. The Iranian Gas Centrifuge Uranium Enrichment Plant at Natanz. The Institute for Science and International Security. 2003, March 14; Breit Marshal. Fact Sheet on Iran's Uranium Program. Carnegie Endowment for International Peace.

⁵³ Deadly Arsenals. Op. cit. P. 255.

⁵⁴ Steinberg Gerald M. with Etengoff Aharon. Arms Control and Non-Proliferation in the Middle East: 2000. The Begin-Sadat Center for Strategic Studies. Bar-Ilan University. *Mideast Security and Policy Studies*. 2002. No. 52, December. P. 21.

Подробнее об иранской ядерно-ракетной программе см.: Лата В.Ф., Хлопков А.В. *Ядерный контроль*. 2003. № 2, лето. С. 39–56.

⁵⁵ Док. МАГАТЭ GOV/2003/40.

⁵⁶ С настойчивым призывом подписать и выполнить Дополнительный протокол «без задержек и условий» обратились к Ирану и лидеры стран «Большой восьмерки» на саммите в Эвиане в начале июня 2003 г.

⁵⁷ http://www.iaea.org/worldatom/Press/P_release/2003/med-advise_072.shtml.

⁸⁸ Обстоятельный анализ возможной позиции Ирана в отношении перспективы создания ядерного оружия содержится в исследовании, проведенном вице-президентом Фонда Карнеги за международный мир Дж. Перковичем, – *Dealing With Iran's Nuclear Challenge*. 2003, April 28.

⁸⁹ *Deadly Arsenals*. Op. cit. P. 307.

⁹⁰ *Интерфакс*. 1997, 22 октября и 1999, 7 апреля.

⁹¹ *Arms Control Today*. 2003, May.

⁹² Steinberg Gerald M. Parameters of Stable Deterrence in a Proliferated Middle East: Lessons from the 1991 Gulf War. *Nonproliferation Review*. Fall-Winter 2000. Vol. 7, No. 3. P. 48.

⁹³ *Ha'aretz*. 1995, December 31. Цит. по: Steinberg. P. 48–49.

⁹⁴ Steinberg. Op. cit. P. 49.

⁹⁵ Cohen. Op. cit. P. 276.

⁹⁶ Israelyan Victor. Inside the Kremlin During the Yom Kippur War. University Park, PA: The Pennsylvania State University Press, 1995. P. 202–206.

⁹⁷ Белоногов А.М. МИД. Цит. соч. С. 274–276.

⁹⁸ Цит. по: Steinberg. P. 51.

⁹⁹ Steinberg. Op. cit. P. 57–58.

¹⁰⁰ Feldman Shai. Nuclear Weapons and Arms Control in the Middle East. P. 20–22.

¹⁰¹ Arian Asher. Israeli Public Opinion on National Security 1999. Jaffee Center for Strategic Studies. Memorandum. 1999, No. 53, August. P. 34–35.

¹⁰² *Nonproliferation Review*. Summer 2000. Vol. 7, No. 2. P. 175.

¹⁰³ Док. ООН A/45/435.

¹⁰⁴ Док. МАГАТЭ GC(XXXIII)/887.

¹⁰⁵ В 1990 г., когда был подготовлен доклад, не все арабские страны были участницами ДНЯО.

¹⁰⁶ Авторы доклада ООН, как это очевидно, исходили из того, что первоначально будет использоваться система гарантий Агентства, применяемая к отдельным установкам (INFCIRC/66/Rev.2), а не всеобъемлющая система гарантий (INFCIRC/153).

¹⁰⁷ Тогда еще не существовало Дополнительного протокола о гарантиях, который был принят Советом управляющих Агентства в 1997 г.

¹⁰⁸ Pravitz Jan and Leonard James F. A Zone Free of Weapons of Mass Destruction in the Middle East. UNIDIR/96/24.

¹⁰⁹ Feldman Shai. Op. cit. P. 250.

¹¹⁰ Working Group on Arms Control and Regional Security (ACRS).

¹¹¹ Feldman. Op. cit. P. 9.

¹¹² Feldman. Op. cit. P. 325.

¹¹³ См., например: Feldman. P. 30–31; Landau Emily. Egypt and Israel in ACRS: Bilateral Concerns in a Regional Arms Control Process. Jaffe Center for Strategic Studies. Memorandum No. 59. Tel Aviv University, June 2001. P. 67–70.

¹¹⁴ Док. NPT/CONF.1995/L.7.

¹¹⁵ Док. NPT/CONF.1995/32 (Part I). Резолюция по Ближнему Востоку.

¹¹⁶ Там же. Решение 2.

¹¹⁷ Подробнее о рассмотрении на Конференции 1995 г. Резолюции по Ближнему Востоку см.: Орлов В.А. Конференция 1995 года по рассмотрению и продлению Договора о нераспространении ядерного оружия: особенности, результаты, уроки. *Научные Записки ПИР-Центра*. 1999, № 11. С. 28–29.

⁸⁸ NPT/CONF.2000/28 (Vol. I, Part I). В журнале *Nonproliferation Review* (Summer 2000. Vol. 7, No. 2. P. 175–176) опубликована переписка между проф. Дж. Стайнбергом (Израиль) и Т. Рауфом (Канада), в которой израильский ученый утверждает, что Израиль не давал согласия на упомянутую формулировку, в то время как канадский эксперт, участвовавший в Конференции, твердо уверен в том, что она была согласована с Тель-Авивом. Ныне Т. Рауф является сотрудником Секретариата МАГАТЭ.

⁸⁹ Статья IV.B, пункты 27–28.

⁹⁰ Резолюция Генеральной Ассамблеи 48/75L.

⁹¹ Док. CD/1547.

⁹² Feldman. Op. cit. P. 170.

⁹³ Сходной позиции придерживается известный американский специалист по Ближнему Востоку и ядерной проблеме, посол Дж. Леонард, который писал: «Консолидация мира в регионе требует *одновременного* (выделено мной. – Р.Т.) прогресса по трем направлениям. Два из них самоочевидны: политическое направление (т.е. намерения) и контроль над вооружениями (т.е. возможности), при этом меры по укреплению доверия должны формировать связующую ткань между ними. Ни одно из этих направлений действий недостаточно само по себе. Мирные соглашения важны, но, будучи изолированными, они сохраняют опасения, что чрезмерно большие военные арсеналы могут вновь создать серьезные угрозы. Соглашения о контроле над вооружениями важны, но, будучи изолированными, они могут сохранить противоречия и даже оказаться всего лишь прикрытием для возобновления военных действий. Но в совокупности эти направления будут подкреплять и усиливать друг друга. Однако и этого недостаточно. Нужно двигаться и по третьему направлению, идя по которому, правительства региона должны продемонстрировать свою способность решать свои внутренние проблемы и тем самым удовлетворять чаяния своих народов». (National Threat Perceptions in the Middle East. A Summary. UNIDIR. Research Paper No. 37. NY and Geneva, September 1995. P. 6–7).

Шведский эксперт Я. Правиц, другой участник группы по составлению доклада ООН о безъядерной зоне на Ближнем Востоке, в интервью автору 19 февраля 2003 г. высказал еще более категоричное мнение о том, что такая зона не только важна, но и необходима, поскольку именно она может послужить *началом* процесса мирного урегулирования, а не его завершением, как считают израильтяне. Как сдерживающее средство, считает Я. Правиц, ядерное оружие не может иметь значения в этом регионе. Во-первых, Израиль не может быть полностью уверен в том, что бомба сработает, и, следовательно, сдерживание не является «кредитоспособным». Значит, ему придется использовать по несколько боезарядов против каждой арабской цели. А, во-вторых, даже в случае, если бомба сработает против какой-либо близлежащей арабской столицы, то что станет с самим Израилем?

⁹⁴ Автор выражает глубокую признательность А.И. Зобову, В.Л. Олеандрову и А.В. Хлопкову за высказанные ими ценные замечания при подготовке настоящей статьи.

Разрушение Всемирного торгового центра в Нью-Йорке 11 сентября 2001 г., взрывы на острове Бали (Индонезия) 12 октября 2002 г. и 5 июля 2003 г., а также массовый захват заложников в театральном центре на Дубровке в Москве 23–26 октября 2002 г. самым драматическим образом продемонстрировали изменения в характере главных угроз национальной и международной безопасности наступившего столетия.

Террористические акты характеризуются изощренностью нападений, желанием их исполнителей вызвать крупномасштабные разрушения и панику, готовностью рисковать своей жизнью ради достижения преступных целей. Появились многочисленные свидетельства того, что террористические сети, объединившие людей, враждебность которых к цивилизации и международному праву не знает пределов, не испытывают дефицита в финансовых и других средствах поддержки. Они готовы пойти на самые кровавые преступления против человечества и уже угрожают применить средства, сопоставимые с оружием массового уничтожения (ОМУ)¹. В их распоряжении могут оказаться удобные в применении химические отравляющие и бактериологические вещества, средства радиоактивного заражения, а также оружейные расщепляющиеся материалы и даже ядерные взрывные устройства (ЯВУ).

В свете имеющихся данных о составе, уровне подготовки, финансировании, мотивах и планах таких террористических организаций, как «Аль-Каида», эту опасность следует оценивать как реальную и нарастающую. Основными источниками расползания ОМУ могут быть не только каналы незаконного оборота материалов массового поражения, но и так называемые «пороговые страны» или ядерные государства с неустойчивым режимом (например, реален такой «маршрут» ОМУ: из Пакистана – к афганским талибам и далее).

В условиях возрастающей взаимозависимости современного мира, широкого распространения и доступности технологий двойного назначения и материалов массового поражения эта угроза приобретает транснациональный и глобальный характер, затрагивает национальную безопасность многих государств и международную стабильность в целом.

Очевидно, что традиционные методы, в том числе и политико-дипломатические (переговоры, договоры, дипломатическое давление, экономические санкции, политика ядерного сдерживания и т.д.), – неэффективны в борьбе с угрозой такого типа.

Одновременно расширяется и круг государств, обладающих оружием массового уничтожения или стремящихся его получить, и увеличивается риск возникновения региональных и местных конфликтов с применением средств массового поражения (Африка, Азия, Ближний и Средний Восток). По данным Службы внешней разведки РФ, 25 государств, многие из которых расположены близко к российской границе, разрабатывают программы создания оружия, отличающегося от обычных видов вооружений². По оценке

специалистов, в период до 2015 г. возможно появление ядерного оружия и средств его доставки у целого ряда стран. Наряду с Израилем, Индией и Пакистаном их обладателями могут стать более десятка государств. В их числе – Иран, Ливия, Египет, Саудовская Аравия, Турция, Северная Корея, Япония, Тайвань и, возможно, некоторые другие.

Традиционные многосторонние режимы нераспространения, столкнувшись с качественно новыми вызовами, показывают свою недостаточную эффективность. Для того, чтобы укрепить международно-правовую норму нераспространения и обеспечить ее повсеместное соблюдение, необходимо адаптировать существующие в этой сфере режимы к технологическому развитию и меняющейся международной обстановке в области безопасности.

Для нашей страны эти вопросы имеют особую важность: Россия в силу ряда причин весьма уязвима перед терактами, да и большинство «пороговых стран» расположено вблизи российской территории. Некоторые из этих стран неустойчивы и непредсказуемы, были неоднократно уличены в грубых нарушениях взятых на себя обязательств в области нераспространения и в связях с терроризмом. Поэтому Россия менее других стран может позволить себе в угоду текущим коммерческим и ведомственным интересам недооценивать долгосрочную угрозу своей национальной безопасности, связанную с дальнейшим распространением средств массового поражения.

ВЫДВИЖЕНИЕ БОРЬБЫ ПРОТИВ ОМУ-ТЕРРОРИЗМА НА РОЛЬ КЛЮЧЕВОЙ ЗАДАЧИ В ОБЛАСТИ НЕРАСПРОСТРАНЕНИЯ

В то время, когда создавалась международная система нераспространения (а данный процесс занял во второй половине XX в. более тридцати лет), главным, если не единственным, источником риска появления новых обладателей ядерного и другого ОМУ считались государства, придерживающиеся политики распространения. На борьбу с этой угрозой и сориентированы существующие международные режимы нераспространения, создатели которых исходили из того, что правительства, взявшие на себя обязательства по нераспространению ОМУ, способны не допустить на подвластной им территории несанкционированного допуска каких-либо негосударственных структур и частных лиц к соответствующим оружейным материалам, технологиям и оборудованию. Эта посылка положена в основу договоров, конвенций, правовых норм и процедур, образовавших действующие режимы нераспространения оружия массового уничтожения и средств его доставки. Это – Договор о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) 1968 г. и комплекс связанных с ним международно-правовых документов, образующих правовую основу международных систем контроля и учета ядерных материалов: соглашения государств о гарантиях с Международным агентством по атомной энергии (МАГАТЭ); международные режимы в области контроля над ядерным экспортом, такие как Комитет Цангера³ и Группа ядерных поставщиков (ГЯП)⁴, Конвенция о физической защите ядерных материалов, установившая приемлемые стандарты физической защиты; Режим контроля над ракетными технологиями (РКРТ)⁵; Конвенция о запрещении и уничтожении химического оружия (КХО) 1993 г.⁶ и Конвенция о запрещении биологического (бактериологического) и токсинного оружия (КБТО) 1972 г.⁷

Выход терроризма на уровень ОМУ-терроризма расширит состав потенциальных конечных пользователей материалов, критических с точки зрения нераспространения. По оценкам ЦРУ США, имеются признаки увеличения угрозы использования террористами химических, биологических, радиологических и ядерных материалов (ХБРЯМ). Интерес к ним проявили некоторые из 30 выявленных иностранных террористических организаций и других негосударственных структур⁸.

В ходе проведения антитеррористической операции в Афганистане было установлено, что члены террористической сети «Аль-Каиды» собирали информацию, касающуюся получения материалов, используемых при производстве ОМУ. «Аль-Каида» собирала информацию и рассматривала ядерные и другие объекты повышенной опасности в качестве потенциальных целей. В одном из домов Кабула были найдены документы о том, как изготовить радиологическую бомбу⁹ (диаграммы, справки, доклады и т.п.). Об этой

угрозе напомнил и арест в мае 2002 г. в Чикаго члена международной террористической организации «Аль-Каида» А. аль-Муджахира. Он обвинен в подготовке заговора с целью изготовления так называемой «грязной» (радиологической) бомбы¹⁰.

На этот процесс накладывается другая тревожная тенденция современного политического развития в некоторых странах – тенденция фрагментации, нарастания хаоса, эрозии национального государственного контроля. В ряде случаев под угрозой оказывается сам институт государства, возникает перспектива возникновения непредсказуемых последствий. Международное сообщество столкнулось с феноменом беспомощных, обанкротившихся государств, с фактическим подчинением национальных государственных институтов целям международного терроризма (например, Афганистан при режиме талибов), с неспособностью правительственных органов соблюдать международные обязательства в области нераспространения.

Однако и в относительно благополучных, стабильных государствах зачастую полностью не решены проблемы сохранности и безопасности ядерных и других материалов, критических с точки зрения распространения¹¹. Все это обостряет ситуацию с незаконным оборотом ядерных, радиоактивных, токсичных химических и биологических материалов, который стал – как в национальном, так и в международном плане – существенной частью широкой проблемы предотвращения распространения ОМУ.

Что касается глобального незаконного оборота ядерных и радиоактивных материалов (НОЯМ), то многочисленные сообщения СМИ посвящены реальным или предполагаемым инцидентам, значение которых, правда, часто преувеличивается. Полезное представление о главных тенденциях дает МАГАТЭ, которое поддерживает обширную базу данных о незаконном обороте радиоактивных материалов. По состоянию на 31 марта 2001 г. эта база данных зафиксировала более 500 инцидентов такого рода, причем примерно две трети из них были подтверждены государствами-участниками¹². Из этих инцидентов примерно половина имела отношение к ядерным материалам, а остальные – к источникам радиации. Одна треть подтвержденных инцидентов с ядерными материалами касалась низкообогащенного урана (НОУ), а 15 случаев (9%) были связаны с плутонием или высокообогащенным ураном (ВОУ), т.е. с материалами, пригодными для изготовления ядерных взрывных устройств. Приобретение расщепляющихся материалов является существенной технической предпосылкой для создания ЯВУ. (Для получения одного ЯВУ достаточно пяти килограммов плутония или 20 килограммов ВОУ.)

Случаи незаконного провоза таких материалов представляют особую опасность. Правда, до последнего времени удавалось предотвращать хищения криминальными элементами и бандами значительных количеств ядерных материалов оружейного качества, которые могли бы повлечь за собой распространение ЯО. Однако опасность такого развития событий потенциально увеличивается в условиях настойчивых попыток террористических сетей завладеть материалами массового поражения людей.

На настоящий момент нет убедительных доказательств существования хорошо организованного черного рынка ядерных материалов. Но тревожным сигналом является то, что в конце 1990-х гг. был отмечен значительный рост количества похищенных источников радиации¹³. Становящиеся достоянием общественности планы международных террористических организаций указывают на то, что рост количества конечных пользователей ЯМ, перевозчиков и сети для обслуживания таких перевозок – дело недалекого будущего.

НОЯМ затрагивает все страны из-за связанных с ним рисков в области распространения ЯО. Велика вероятность того, что международное сообщество будет все чаще сталкиваться не только со случайными криминальными элементами или бандами непрофессионалов, но и с террористическими структурами, способными наносить внезапные и чрезвычайно чувствительные удары по центрам цивилизации. Рост организованности и технической оснащенности таких структур облегчает им получение доступа к ядерному оружию и другим средствам массового поражения.

С падением режима талибов, превративших Афганистан в базу международного терроризма, и нанесением мощных ударов по наиболее активной международной террористической сети «Аль-Каида» ситуация несколько изменилась. Но обезвредить всех лиде-

ров международного терроризма еще не удалось. Нет признаков того, что они склонны сворачивать свои планы и деятельность на этом направлении. Скорее наоборот – это будет происходить в условиях большого размаха гражданских программ ядерной энергетики, распространения ноу-хау в области технологий двойного назначения. Прежде всего, в условиях существенного роста производства, изготовления и международных перевозок ядерного топлива. Увеличиваются и запасы облученного ядерного топлива (ОЯТ), содержащего материалы, критические с точки зрения нераспространения. (ОЯТ может содержать как плутоний, так и обогащенный уран, представляя собой риск распространения как для государств, так и для террористических групп.) В мире накоплены большие запасы выделенного плутония, пригодного для использования в ЯВУ. (Мировые запасы выделенного плутония в гражданском секторе промышленности составили в 1999 г. более 200 т.) Кроме того, имеются излишки военного плутония и ВОУ.

Международному сообществу предстоит сделать надлежащие выводы из данной ситуации, заблаговременно сконцентрировать усилия на решении задачи уменьшения риска использования террористами, а также симпатизирующими им государствами-распространителями, каналов незаконного оборота материалов массового поражения, а главное – научиться своевременно и энергично предупреждать и пресекать такие попытки.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ ПРИНЦИПАМ И НОРМАМ НЕРАСПРОСТРАНЕНИЯ

Многие импульсы к распространению ракетно-ядерного оружия имеют региональную природу: расхождения в интересах государств-соседей, противоречия и вооруженные конфликты между ними, нестабильность политических режимов, непредсказуемость, иррациональность и агрессивность местных правителей и т.п.

Самый опасный вызов, с которым столкнулся режим ДНЯО в результате проведения Индией и Пакистаном испытаний ядерного оружия в 1998 г., в значительной мере обусловлен причинами регионального характера – ростом военной напряженности в Южной Азии, противостоянием Индии и Пакистана, а также Индии и КНР. Мировое сообщество не смогло эффективно отреагировать на нарушение Индией и Пакистаном нормы ядерного нераспространения и фактическое расширение «ядерного клуба». Эти два государства не являются участниками ДНЯО, но вызов, брошенный ими режиму Договора, усугубило то обстоятельство, что ключевые государства ратифицировали этот Договор, исходя из предпосылки, что никогда не появятся новые государства, обладающие ЯО, а индийские и пакистанские ядерные испытания фактически подорвали эту предпосылку.

Серьезный вызов режиму ДНЯО представляют военные ядерные программы Израиля, отказ этой страны поставить под гарантии МАГАТЭ свою ядерную деятельность и присоединиться к Договору о нераспространении. Этот вопрос оказывает значительное дестабилизирующее воздействие на военную и политическую обстановку на Ближнем и Среднем Востоке.

На различных форумах идет обсуждение действий таких государств, как Иран или КНДР, политика которых вызывает вопросы с точки зрения нераспространения ядерного оружия и его ракетных средств доставки.

Внимания международного сообщества требуют и проблемы, пока еще носящие латентный характер, но которые при изменившихся обстоятельствах могут служить питательной средой для активизации ядерных амбиций. Ряд стран (например, Япония, Южная Корея, Тайвань и некоторые другие) уже фактически имеют полный комплект, хотя и скрытый, возможностей для создания компонентов ЯО и средств его доставки.

Япония располагает потенциалом по обогащению урана и установками по переработке ОЯТ и выделению плутония, т.е. ключевыми технологическими возможностями, которые потребуются, если она когда-либо захочет иметь военную ядерную программу. В ее распоряжении находятся десятки тонн избыточного плутония. И хотя плутониевая программа не тождественна программе создания ЯО, она усиливает потенциальную опасность ядерного распространения. В этой стране нередко звучат громкие призывы к пересмотру безъядерного статуса.

Южная Корея также имеет амбициозную программу развития ядерной энергетики: в стране действуют девять АЭС, намечено запустить в эксплуатацию еще пять. В накопленном ОЯТ этой страны находится более 20 т плутония. В Республике Корея и на Тайване уже проводились работы по ядерной программе военно-прикладного характера, прекращенные под давлением США. Вопрос о создании ЯО всерьез рассматривался рядом других НЯОГ, обладающих соответствующими техническими и промышленными возможностями.

Важным компонентом стратегической стабильности в мире является нераспространение ракет и ракетных технологий. Однако перспективы ее сохранения подвергаются серьезному испытанию, несмотря на предпринимаемые попытки укрепить Режим контроля над ракетными технологиями.

В настоящее время более 20 стран Ближнего и Среднего Востока, Африки и Азиатско-Тихоокеанского региона имеют на вооружении баллистические ракеты (БР) с дальностью полета от 80 до 700 км¹⁴. 50 стран приобрели те или иные крылатые ракеты¹⁵. В странах «третьего мира» в стадии разработки, производства и развертывания находятся около 12 типов баллистических ракет, способных достигать в том числе и территории России. Проводятся работы по совершенствованию, увеличению максимальной дальности полета БР, разрабатываются новые варианты их боевого оснащения. Многие из этих стран осуществляют также значительную деятельность в ядерной области, имеют исследовательские и энергетические реакторы. Поскольку БР с боевым оснащением на основе обычного взрывчатого вещества представляют собой неэффективные системы вооружения с точки зрения наносимого ущерба и потребных затрат, очевидна привлекательность освоения ядерных технологий и приобретения способности к производству ЯВУ для стран, стремящихся к созданию ракетного потенциала. Особая опасность такого рода планов в современных условиях заключается в том, что они увеличивают вероятность приобретения ядерных материалов и ракет террористическими организациями.

В 2000 г. на Конференции государств – участников ДНЯО по рассмотрению действия этого Договора консенсусом был принят Заключительный документ. В нем зафиксированы принципиальные положения, касающиеся необходимости универсализации ДНЯО, т.е. присоединения к нему государств, находящихся вне рамок ДНЯО, – прежде всего Израиля, Индии, Пакистана (в настоящее время ДНЯО насчитывает 188 участников); мер по укреплению физической защиты ЯМ, системы гарантий МАГАТЭ и контроля за ядерным экспортом; борьбы против НОЯМ; расширения количества зон, свободных от ядерного оружия и др.¹⁶ Однако План действий, принятый конференцией, оказался в значительной мере невыполненным.

Недостаточность существующих мер контроля в этой области стала *аномалией в процессе укрепления международной безопасности*, подчеркивающей важность универсализации и ужесточения режимов нераспространения ракетных, ядерных и других технологий двойного назначения.

НЕОБХОДИМА ГЛОБАЛЬНАЯ СТРАТЕГИЯ АКТИВНОГО НЕРАСПРОСТРАНЕНИЯ

Качественно новые явления и перемены в мире требуют и нестандартных подходов. Главное – произвести такие изменения в международной стратегии нераспространения, которые бы вели к реальному сужению возможностей приобретения оружия и материалов массового поражения «пороговыми странами», террористическими группами и другими злоумышленниками. Однако процесс адаптации традиционных режимов в области нераспространения и контроля над вооружениями к современному стратегическому контексту идет трудно. Требуются огромные интеллектуальные, дипломатические и организационные усилия, новое качество координации совместных действий ведущих государств, чтобы придать необходимый импульс процессу нераспространения.

Инструментом противодействия общим угрозам нового типа призвана стать формирующаяся глобальная стратегия *активного нераспространения*.

Под *активным нераспространением* понимаются: комплекс решительных мер, направленных на недопущение приобретения ОМУ кем бы то ни было, будь то государствами или негосударственными структурами; наращивание государствами усилий (независимо от достижения/недостижения прогресса в решении других важных вопросов безопасности и сокращения вооружений), направленных *непосредственно* на укрепление нормы нераспространения и расширение сферы ее охвата, на недопущение увеличения количества обладателей ОМУ и *решительное пресечение* попыток такого рода. Примером такого подхода является принятая консенсусом Советом Безопасности ООН 8 ноября 2002 г. Резолюция 1441 по Ираку. В ней отражены общие подходы ключевых членов мирового сообщества к вопросу о международном силовом принуждении злостных нарушителей к соблюдению нормы нераспространения.

Беспрецедентные террористические акты 2001–2002 гг. создали мощные политико-психологические предпосылки для изменения восприятия мировым общественным мнением вызовов принципам нераспространения. Перспектива появления новых государств-обладателей ОМУ, приобретения этого оружия террористическими и другими негосударственными структурами стала восприниматься многими в мире как опаснейший и нетерпимый вызов национальной и глобальной безопасности. Происходит консолидация членов международного сообщества вокруг идеи о том, что международная стратегия противодействия распространению ОМУ должна носить более активный, решительный, скоординированный характер.

Это нашло отражение в расширении повестки дня по мерам борьбы с распространением ОМУ. Заметными вехами на этом пути стали Совместная декларация президента В.В. Путина и президента Дж. Буша о новых стратегических отношениях между РФ и США (24 мая 2002 г.), Римская декларация «Отношения России–НАТО. Новое качество» (28 мая 2002 г.), Заявление «Большой восьмерки» в Кананаскисе (Канада) «Глобальное партнерство против распространения оружия и материалов массового уничтожения» (22 июня 2002 г.). Следует особо отметить Резолюцию 1441 (2002 г.) Совета Безопасности ООН по Ираку. Эти документы свидетельствуют о стремлении ведущих членов международного сообщества сосредоточить аналитические, политические и силовые ресурсы на проблемах предотвращения расползания ОМУ. Они дают импульс к согласованным *наступательным* действиям государств, разделяющих ценности нераспространения. Если эта тенденция получит развитие, то борьба с распространением ОМУ, возможно, займет более приоритетное место относительно других целей в политике ведущих государств и мирового сообщества в целом.

Конечно, сохраняют свое неизменное значение политико-дипломатические средства урегулирования проблем, связанных с нераспространением ОМУ. Актуальны проблемы более активного использования возможностей международных режимов договоров и соглашений о нераспространении ядерного оружия, полном запрещении химического и биологического оружия, о контроле над ракетными технологиями, гарантий Международного агентства по атомной энергии, экспортного контроля, программ противодействия незаконному обороту ядерных и радиоактивных материалов и т.п. И, конечно, необходимы более решительные усилия мирового сообщества, направленные на вовлечение «пороговых государств» в международную систему ограничения вооружений и нераспространения.

Урегулирование острых проблем нераспространения политическими и дипломатическими методами является общим желанием мирового сообщества, однако указанные выше факторы (глобальная война с терроризмом, эрозия традиционных режимов, призванных предотвратить расползание ОМУ, и т.п.) закономерно увеличивают в международной стратегии нераспространения ОМУ значение инструментов принуждения и силовых аргументов.

В условиях роста взаимосвязанной угрозы международного терроризма и распространения ОМУ остро встал вопрос об использовании *принудительных мер* в отношении злостных нарушителей нормы нераспространения.

СИЛОВАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ СТРАТЕГИИ АКТИВНОГО НЕРАСПРОСТРАНЕНИЯ

Угроза международного терроризма, распространения ОМУ и средств его доставки может привести к возникновению чрезвычайных обстоятельств, при которых окажутся недостаточными традиционные политико-дипломатические инструменты. Для эффективного противодействия может потребоваться оперативное принятие решительных принудительных мер, связанных с использованием силы. На это указывают прецеденты нарушения некоторыми государствами взятых на них обязательств по нераспространению ядерных и других материалов, пригодных для создания ОМУ, планы террористических сетей заполучить материалы и технологии массового поражения.

Нельзя исключать и возможных попыток применения ядерных и ракетных средств террористическими группами и организациями, а также режимами, управляемыми фанатичными непредсказуемыми правителями. Для их нейтрализации должны предприниматься действия, соответствующие новому характеру угроз.

Относительно целесообразности, легальности и действенности силовых решений в стратегии нераспространения высказываются различные, порой противоположные суждения.

Было бы непредусмотрительным вовсе исключать принудительные варианты воздействия на злостных пролиферантов (распространителей), бросающих вызов основам миропорядка. В этой связи уместно напомнить о Заявлении председателя Совета Безопасности ООН, сделанном еще 31 января 1992 г. от имени членов Совета и озаглавленном «Ответственности Совета Безопасности за поддержание международного мира и безопасности». В нем подчеркивается: «Распространение всех видов оружия массового уничтожения представляет собой угрозу международному миру и безопасности. Члены Совета обязуются добиваться предотвращения распространения технологий, связанных с исследованиями, касающимися такого оружия или его производства, а также принимать соответствующие меры с этой целью»¹⁷. В Резолюции 1441 Совета Безопасности признается угроза, которую представляют собой невыполнение Ираком резолюций Совета, а также распространение оружия массового уничтожения и ракет большой дальности для международного мира и безопасности. В ней содержится положение о серьезных последствиях для Ирака в случае нарушения им обязательств по разоружению, включая его обязательства касательно инспекций¹⁸.

Если нарушение международной нормы, направленной на предотвращение распространения ОМУ, несет угрозу международной безопасности и миру, то Совет Безопасности уполномочен применить принудительные меры (ст. 39, 41 и 42 Устава ООН). В главе VII Устава ООН подробно рассматривается механизм применения мер по поддержанию или восстановлению международного мира. Возможно, потребуется их конкретизация посредством разработки дополнительных норм и процедур применительно к ситуации, которую создает являющееся угрозой миру несоблюдение государством нормы нераспространения ОМУ. Чрезвычайно важно не допустить, чтобы мир был поставлен перед свершившимся фактом появления новых обладателей ракетно-ядерного оружия и, тем более, прямого или косвенного (шантаж) использования такого оружия.

Необходимо заблаговременно предусмотреть соответствующие возможности и процедуры обращения к применению силы в интересах реализации международной стратегии активного нераспространения в контексте укрепления связанных с системой ООН многосторонних режимов безопасности и контроля над вооружениями, способствующих перекрытию каналов распространения ОМУ. Следует особо подчеркнуть, что совместные принудительные меры (возможно, превентивные) государств, разделяющих ценности нераспространения, должны базироваться на международном праве *при центральной координирующей роли Совета Безопасности ООН*. Для этого следует расширить оперативные возможности СБ ООН реагировать на кризисы, угрозы миру и безопасности, создаваемые распространением ОМУ. Возможно, потребуются дополнительные инструменты управления международной системой нераспространения, разработка новых международных документов, способствующих осуществлению антираспространенческих операций под эгидой СБ ООН (принятие специальной резолюции СБ по во-

просу борьбы против распространения ОМУ, создание при СБ комитета по этому вопросу и т.п.).

Для того, чтобы иметь возможность к принуждению государств-пролиферантов к соблюдению последней нормы нераспространения ОМУ, государства – члены антираспространенческой коалиции должны обладать убедительным силовым потенциалом. Этим государствам, возможно, потребуется провести соответствующую дополнительную подготовительную работу на национальном уровне, модифицировать силовой потенциал, внести изменения в планы применения вооруженных сил, программы вооружений. В этом контексте больший приоритет в развитии войск, по-видимому, следует отдавать войскам специального назначения, органам и частям разведки, связи, новым формам и методам подготовки и ведения боевых действий, вопросам применения войсковых соединений и частей в чрезвычайных ситуациях.

Очевидна необходимость заблаговременной отработки комплекса вопросов, связанных с особенностями проведения антираспространенческих операций. Интересы нейтрализации угрозы распространения ОМУ диктуют необходимость отдавать гораздо больший приоритет развитию нестратегической противоракетной обороны для Европы и Азии. Причем Противоракетная оборона театра военных действий (ПРО ТВД) не обязательно должна быть альтернативой стратегической противоракетной обороне. Она может быть первой фазой внедрения эшелонированных противоракетных систем России, США и их союзников и опытным полигоном для взаимодействия держав на этом поприще.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В статье обозначены лишь некоторые аспекты проблемы активного нераспространения, и их следует решать как можно быстрее. В совокупности они представляют собой сложнейшие задачи. Безусловно, не следует ограничиваться исключительно этой стороной дела. Необходимо продолжать поиски путей ликвидации всех побудительных мотивов, причин, факторов, питающих тенденцию распространения ОМУ и наращивания вооружений.

Террористические нападения, совершенные в 2001–2003 гг., а также тенденция эрозии режимов нераспространения определяют приоритетные, направленные на дальнейшую консолидацию общие усилия государств по предотвращению использования ядерных, ракетных и других стратегических материалов и технологий в террористических и других преступных целях.

Динамика этого процесса будет зависеть от многих факторов, в том числе, в значительной мере, от налаживания совместного противодействия ведущих членов мирового сообщества, обладающих мощным потенциалом воздействия, угрозам нового типа.

В формирующемся миропорядке будет возрастать значение стратегии активного нераспространения, в дальнейшей разработке и осуществлении которой Россия может и должна играть одну из ключевых ролей.

Примечания

¹ На так называемом «Всемирном чеченском конгрессе», состоявшемся в ноябре 2002 г. в Копенгагене, эмиссар А. Масхадова А. Закаев выступил с угрозами террористических актов на АЭС.

² Зубков Радий. Есть ли у России вероятный противник? *Независимое Военное Обозрение*. 1999, 4–10 июля. С.4.

³ Комитет Цангера (назван по имени своего первого председателя) учрежден в 1974 г. Согласно п. 2 ст. III ДНЯО, государство-участник ДНЯО обязуется не предоставлять оборудование либо материал, специально разработанный или изготовленный для обработки, использования или производства специального расщепляющегося материала, какому-либо государству, не обладающему ядерным оружием, если исходный или расщепляющийся материал не подпадает под действие гарантий МАГАТЭ. Комитет Цангера взял на себя обязательство определить, что именно подразумевается под терминами «оборудование либо материал, специально разработанный или изготовленный для обработки, использования или производства специального расщепляющегося мате-

риала». В рамках Комитета согласован Исходный список, которым руководствуются государства – участники ДНЯО в процессе функционирования национальных систем ядерного контроля. Любое изделие в этом списке запрещено к вывозу, если конечный пользователь не согласен на гарантии МАГАТЭ. Это означает, что экспорт осуществляется только при условии постановки всей ядерной деятельности НОЯОГ под гарантии (контроль) МАГАТЭ, заключения таким государством соглашения с МАГАТЭ, требующего применения контроля в отношении всего исходного и расплывающегося материала в текущей и будущей ядерной деятельности. Членами Комитета являются 35 государств, в том числе РФ.

¹ ГЯП учреждена в 1978 г. Это неформальное объединение государств – ядерных поставщиков, стремящихся предотвратить приобретение ЯО и его компонентов государствами, не признанными в качестве ЯОГ. Участниками ГЯП являются 39 государств, в том числе РФ. ГЯП разработала Руководящие принципы передачи оборудования, материалов, программных средств двойного назначения, используемых в ядерной области, и соответствующей технологии, которыми руководствуются участники процесса принятия национальных решений относительно того, какие виды экспорта можно разрешить. ГЯП также составила перечни товаров, на которые распространяется действие упомянутых выше Руководящих принципов. ГЯП предусматривает полноохватные гарантии МАГАТЭ при поставках экспорта. Подробно об истории и деятельности ГЯП см.: Тимербаев Р.М. Группа ядерных поставщиков. История создания (1974–1978). М.: Библиотека ПИР-Центра, 2000.

² РКРТ – неформальное объединение стран, разделяющих цели нераспространения непилотируемых средств доставки ОМУ и пытающихся координировать усилия в области национального лицензирования экспорта, направленные на предотвращение распространения таких средств. Первоначально РКРТ был учрежден в 1987 г. семью государствами. На сентябрь 2002 г. Режим насчитывал 33 члена. Россия – член РКРТ с 1995 г.

³ Осуществление положений КХО, участниками которой в настоящее время являются 145 государств, направлено на исключение возможности применения химического оружия, обеспечение полного и эффективного запрещения разработки, производства, приобретения, накопления, сохранения и передачи этого оружия и его уничтожение, а также использование достижений в области химии исключительно на благо человечества. Нормы, процедуры и механизмы в рамках КХО образуют международный режим – единственный относительно успешно функционирующий глобальный режим в области реального разоружения, наделенный средствами международного мониторинга и проверки. Сохранение и укрепление Конвенции, ставшей краеугольным камнем глобального режима химического разоружения и нераспространения, имеет жизненно важное значение для обеспечения мировой стабильности и безопасности. Взаимосвязанные угрозы международного терроризма и распространения оружия массового уничтожения делают более насущными общие усилия его членов, направленные на сохранение и укрепление Конвенции, повышение эффективности созданного ею режима химического разоружения и нераспространения и расширение сферы его охвата.

⁴ КБТО является первым многосторонним международным договором, имеющим обязательную юридическую силу, в соответствии с которым государства-участники обязуются полностью отказаться от этого вида оружия массового уничтожения. Ее участниками являются 144 государства. Переговоры о мерах, направленных на укрепление КБТО, которые проводились в Специальной группе государств-участников КБТО и на Пятой конференции по рассмотрению действия КБТО (декабрь 2001 г.), оказались безрезультатными.

⁵ Эти сведения содержатся в докладе ЦРУ Конгрессу США «О приобретении технологии, относящейся к оружию массового уничтожения и усовершенствованным обычным боеприпасам». Доклад охватывает период с 1 января по 30 июня 2001 г. Данные приведены по: *CBW Conventions Bulletin*. 2002, № 55, March. P.32.

В июле 2002 г. была предпринята попытка (неудавшаяся) продать партию радиоактивных материалов международной группе террористов в Чечне, возглавляемой иорданцем Хаттабом. Коротченко Игорь. Атомная бомба для чеченских боевиков. *Независимая Газета*. 2002, 20 сентября. С. 9.

⁶ Она может быть изготовлена из обычных взрывчатых веществ, пакетированных с радиоактивным материалом. Рассеянный в результате ее срабатывания радиоактивный материал станет причиной возникновения лучевой болезни у жителей близлежащих районов.

⁷ Задачей А. аль-Муджахира, по заявлению министра юстиции США Дж. Эшкрофта, было изготовление и взрыв в США радиологического взрывного устройства. *Известия*. 2002, 11 июня. С. 7. Судя по всему, в данном случае имелось в виду использование радиоактивного материала вместе с

обычными взрывчатыми веществами для создания примитивного, но потенциально опасного взрывного устройства (радиологической бомбы).

¹¹ По утверждению генерального директора МАГАТЭ М. Эльбарадея, даже в США и Европе, где действуют относительно строгие регулирующие меры контроля, тысячи радиоактивных источников были утеряны или похищены, а их нынешнее местоположение неизвестно. *Известия*. 2002. 15 августа. С. 2.

¹² Gonzales A.J. Strengthening the safety of radioactive sources and the security of radioactive materials: timely action. *IAEA Bulletin*. 1999. Vol. 41, № 3. P. 4. База данных МАГАТЭ ограничена известными и передаваемыми на национальном уровне инцидентами, которые регистрируются с 1993 г. Поэтому эта база данных является лишь одним индикатором проблемы незаконного оборота ядерных и радиоактивных материалов. В одних только США Комиссия по ядерному регулированию ежегодно получает около 2000 сообщений о пропавших, украденных или брошенных источниках радиации. Norris R.S., Arkin W.H. National Resources Defense Council nuclear notebook: world plutonium inventories. *Bulletin of the Atomic Scientists*. 1999. Vol. 55, № 5, September – October. P. 77.

¹³ SIPRI Yearbook 2001: Armaments, Disarmament and international Security Oxford: Oxford University Press, 2001. P. 14.

¹⁴ Дворкин В.З. Состояние и перспективы развития ракетного вооружения в странах третьего мира в период до 2015 года. *Ядерный Контроль*, 2002. № 1, январь–февраль. С. 43, 50.

¹⁵ Док. ООН. A/55/16, 6 July 2000. P. 5.

¹⁶ Текст Заключительного документа Конференции ДНЯО 2000 см.: *Ядерный Контроль*. 2000. № 15, сентябрь–октябрь. С. 18–50.

¹⁷ S/PV.3046.

¹⁸ S/RES/1441 (2002).

¹⁹ Сообщение пресс-службы Президента Российской Федерации. 2002, 22 ноября. <http://www.president.kremlin.ru>.

Дальнейшее развитие Стратегических ядерных сил (СЯС) России, их качественное совершенствование в интересах военной безопасности страны предполагает тщательный учет реально существующих внешних и внутренних геополитических факторов и четкого направления их развития в наземном, морском и воздушном вариантах. Просчет при определении вектора их развития недопустим: он может слишком дорого обойтись нашему государству. Рассмотрим более подробно названные геополитические и военно-стратегические аспекты интересующей нас проблемы.

Состояние российских Стратегических ядерных сил в XXI в. будет непосредственно зависеть от многих взаимосвязанных внешних и внутренних геополитических факторов. К внешней геополитической стороне проблемы необходимо отнести следующие факторы.

Первый фактор. Объективное определение источников военных угроз, вызывающих потребность в стратегических ядерных силах. Их влияние во многом будет зависеть от будущего политического устройства мира, от того, какая система придет на смену биполярному миру, основанному на противостоянии двух сверхдержав – многополярный или биполярный (вероятнее всего, американо-китайский) мир. На этот счет существуют различные мнения. При любом варианте развития событий в процессе планирования развития Стратегических ядерных сил необходимо считаться с рядом обстоятельств.

К ним относятся:

а) наличие и уровень внешней военной угрозы для России – существующей и возможной (потенциальной). Сегодня, несмотря на многочисленные заявления об отсутствии какой-либо угрозы, реально она имеет место или, как показывает опыт войны в Ираке, может в любой момент появиться. Данный факт закреплён в Концепции национальной безопасности РФ 2000 г. Нет сомнения, что ядерное оружие большинства имеющих его стран, несмотря на объявленное перенацеливание, по существу, предназначено для применения против России. Но ядерная угроза существует не только для России, она одновременно представляет существенную опасность и для США, и для других западных стран. Особенно опасной остается угроза распространения ядерного оружия, появления новых ядерных государств, включая Иран, Израиль, КНДР;

б) реальную, практическую военную угрозу составляет сохранение и даже расширение по регионам военной мощи, количества и видов (типов) оружия и военной техники. По существу, гонка вооружений, несмотря на окончание холодной войны, продолжается, особенно в области их качественного совершенствования, разработки новых видов оружия и боевой техники;

в) серьезную военную угрозу со стороны ряда стран представляет демографический фактор, особенно неуправляемый рост населения, который вынужденно начинает определять военную политику государств. В подтверждение этого можно сослаться на Ки-

тай. По оценкам экспертов ООН, устойчивое положение внутри КНР возможно при численности населения до 750 млн человек, но на данный момент она уже составляет 1 млрд 200 млн жителей при прогнозируемом ежегодном приросте 14 млн¹. Такой рост населения неизбежно будет приводить к большому напряжению внутри страны. С учетом этого обстоятельства уже сейчас в политике и Военной доктрине Китая господствует тезис, что «по мере роста комплексной мощи» государства в сфере экономики, научно-технического прогресса и военной области будет осуществляться концепция «стратегических границ и жизненного пространства», которые должны перемещаться адекватно росту «комплексной мощи государства» до рубежей, в пределах которых страна с помощью военной силы может реально осуществлять свои интересы. Безусловно, это будет осуществляться в первую очередь по наиболее слабым странам, к которым сегодня можно отнести и Россию². Есть и другие действующие и потенциальные источники военных угроз для РФ, которые вызывают потребность в усилении ее СЯС.

Второй фактор. Дальнейшее строительство Стратегических ядерных сил будет определяться международной геополитической и военно-стратегической стабильностью, которая зависит от того, как будут складываться в начале XXI в. наши отношения с ведущими странами мира, особенно с Соединенными Штатами. Здесь можно выделить ряд аспектов.

1. США делают все возможное, чтобы лишить Россию ее законного права на статус мировой державы. Сходную оценку этому стремлению дают многие геополитики России, США и других стран. События последних месяцев свидетельствуют о том, что «Соединенные Штаты и страны НАТО хотя и ценят чувство самоуважения России в разумных пределах, но тем не менее неуклонно и последовательно уничтожают геополитические основы, которые могли, по крайней мере теоретически, позволить России надеяться на получение статуса державы номер два в мировой политике, который ранее принадлежал Советскому Союзу»³.

Этой точки зрения придерживается и американский политолог З. Бжезинский:

«Для Америки [...] долгосрочная задача состоит в следующем: [...] не допустить возрождения вновь евразийской империи, которая способна помешать осуществлению американской геостратегической цели». И далее: «Америка никогда не намеревалась делить власть на земном шаре с Россией, да и не могла делать этого, даже если бы этого захотела». Почему? На этот вопрос З. Бжезинский дает откровенный ответ: «Для Америки Россия слишком слаба, чтобы быть ее партнером, но, как и прежде, слишком сильна, чтобы быть просто ее пациентом»⁴.

2. Укрепляет политическое влияние и свою военную мощь в евразийском пространстве Атлантический альянс, что одновременно автоматически расширяет границы прямого американского влияния. Западная Европа и все в большей степени Центральная Европа становятся в значительной степени «американским протекторатом».

3. Многое в дальнейшем строительстве Стратегических сил сдерживания будет зависеть от мирового и регионального политического и военно-стратегического баланса сил, наличия у России союзников и от того, в каком направлении она будет ориентироваться в последующие годы – на Запад или Восток, или же будет вести обособленную (изолированную) внешнюю политику, как это делал СССР в 1920-х–1930-х гг.

Третий фактор. Определение перспектив развития СЯС России в новых геополитических условиях во многом зависит от правильного выбора направления ядерного сдерживания и определения взвешенных подходов к использованию ядерного оружия и его возможностей. По всей вероятности, в ближайшие несколько десятилетий ядерное оружие не исчезнет и его еще не скоро постигнет участь химического оружия. США и Россия измеряют свои ядерные потенциалы тысячами боезарядов. Не собираются отказываться от ядерного оружия Франция, Великобритания, Китай, Индия, Пакистан и другие страны, которые легально или нелегально его имеют. Несмотря на его чудовищную разрушительную силу, оно «остается наиболее надежным и дешевым средством обеспечения безопасности и сдерживания агрессии, хотя, казалось бы, нельзя не понимать, что

это «дешевое» средство слишком дорого может обойтись человечеству. Но такова объективная логика развития событий».

К тому же доктринальные установки НАТО, и в первую очередь США, по-прежнему предусматривают применение ядерного оружия первыми в ответ на любую агрессию, даже в том случае, если она будет предпринята с использованием обычного оружия. Поэтому реально «в обозримом будущем концепция ядерного сдерживания должна быть более многоплановой»⁵, для чего необходимо:

а) исключить всякую возможность планирования и сознательного развязывания ядерной войны с любыми целями и под любым предлогом;

б) не допускать в оценке Стратегических ядерных сил элементов экстремизма и других крайностей. Одним из проявлений такого подхода служит точка зрения некоторых ученых о том, что для обороны любой страны достаточно иметь минимальное количество ядерного оружия и, используя его как средство сдерживания, можно гарантировать военную безопасность государства. В определенной мере на этой позиции стоят некоторые ученые из Института военной истории МО РФ, которые утверждают, что «в основе военных доктрин многих стран лежит концепция ядерного сдерживания, делающая практически невозможной прямую агрессию против государства, обладающего таким оружием и убедительно демонстрирующего свою готовность его применить. При этом его поражающие свойства таковы, что на какой бы фазе войны оно ни было применено, эта фаза будет последней. Очевидно, что резервы в этом случае не понадобятся»⁶. К сожалению, довольно широкое распространение среди ученых и политиков имеет точка зрения, в соответствии с которой при наличии ядерного оружия нет необходимости совершенствовать (и даже содержать) другие виды вооруженных сил. Подобные суждения являются глубоким заблуждением, ибо обеспечить надежную оборону исключительно при помощи ядерного оружия невозможно. Ядерное оружие может быть только мощным сдерживающим агрессию средством, но не исключающим ее. Чем это можно объяснить?

Во-первых, многие страны уже сейчас имеют возможность (а в будущем она еще больше возрастет) для того, чтобы внезапным ударом не только ядерного, но и обычного высокоточного оружия уничтожать ядерные средства других стран, снижая их возможности нанести ответный удар.

Во-вторых, вооруженные силы хотя бы в минимальном количестве необходимы для того, чтобы прикрывать с воздуха и наземными средствами ядерные средства и обеспечивать их боевую готовность.

В-третьих, без минимально необходимых вооруженных сил невозможно обеспечить суверенитет и общую оборону страны, не говоря уже о готовности к реагированию на различные военные конфликты, террористические акты как международного, так и национального характера.

В-четвертых, с точки зрения геополитической и геостратегической стабильности было бы наиболее целесообразным, чтобы все государства придерживались принципа достаточности обороны. При теоретической разработке критериев достаточности обороны и СЯС для общей ориентировки должны также учитываться накопленные в международной практике усредненные нормы и показатели по численности армии и сумме военных расходов от ВВП страны, а уже исходя из этого следует оценивать перспективу совершенствования Стратегических ядерных сил.

Таковы некоторые внешние геополитические аспекты, которые непосредственно будут влиять на дальнейшее развитие СЯС России.

К *внутренним* геополитическим факторам влияния на дальнейшее развитие Стратегических ядерных сил следует отнести, во-первых, географический фактор. Взглянув на географическую и административно-территориальную карту обширных пространств полиэтнической России, с тревогой начинаешь осознавать необходимость продуманного размещения Стратегических ядерных сил. Россия – континентальная держава с морскими границами огромной протяженности, но имеющая не особенно удобные выходы в Мировой океан. С одной стороны, огромные территориальные просторы, позволяющие

«вольготно» размещать СЯС на территории протяженностью в 11 часовых поясов, с другой – серьезные сложности с поддержанием военной безопасности страны по этой же причине.

В военно-стратегическом плане для нас являются безопасными только скованные льдом и покрытые вечным снегом северные просторы, затрудняющие как размещение, так и благоприятное функционирование имеющихся у России Стратегических ядерных сил. Плохо развитая инфраструктура (в первую очередь дорожно-транспортная, социально-коммунальная, связи, информации и т.п.) значительно затрудняет поддержание необходимой боеготовности.

Во-вторых, внутривнутриполитическое и морально-психологическое состояние общества, уровень осознания политическим и военным руководством страны роли и места России в современном геополитическом пространстве. К сожалению, в 1990-е гг. данный аспект имел определенную негативную окраску. Наши в недалеком прошлом политические, военные и идеологические противники порой оценивают Россию более объективно, чем некоторые отечественные геополитики. Так, З. Бжезинский считает, что Россия «остается крупным геостратегическим действующим лицом, несмотря на ослабленную государственность и, возможно, затяжное нездоровье. Само ее присутствие оказывает ощутимое влияние на обретшие независимость государства в пределах широкого евразийского пространства бывшего Советского Союза. Она лелеет амбициозные геополитические цели, которые все более и более открыто провозглашает. Как только она восстановит свою мощь, то начнет также оказывать значительное влияние на своих западных и восточных соседей». Так оценивает будущее России наш в прошлом многолетний идеологический противник.

В процессе планирования дальнейшего развития СЯС необходимо учитывать этническое и морально-психологическое состояние общества. Вряд ли целесообразно сегодня размещать ракетные комплексы на территории Татарстана, Башкортостана, Калмыкии и некоторых других субъектов Российской Федерации, явно страдающих от проявлений национализма.

Видимо, нецелесообразно и размещение ядерных вооружений, особенно стратегических, вдали (за многие тысячи километров) от государственно-административных и военных центров руководства, вблизи государственных границ.

Из всего сказанного без особого труда можно сделать определенный вывод: необходимо более продуманно, а в некоторых вопросах и осторожно подходить к проблеме дислокации ракетных комплексов с учетом как возможного геополитического и военно-стратегического противостояния, так и национально-этнических, конфессиональных отношений на перспективу.

В-третьих, будущее Стратегических ядерных сил непосредственно связано с реализацией Договора 2002 г. о сокращении стратегических наступательных потенциалов (СНП).

Сокращение числа боеголовок стратегических наступательных вооружений, необходимых для сдерживания, должно быть неразрывно связано с переходом сторон на новую концепцию планирования боевых действий СЯС, которая допускала бы ответные ядерные удары по наиболее чувствительной сфере потенциального противника.

Итак, **основными критериями для планирования развития Стратегических ядерных сил** с учетом геополитических условий должны быть следующие.

1. Тщательный учет геополитического и геостратегического положения страны. И хотя Россия унаследовала от СССР роль великой мировой державы, ее возможности существенно отличаются от возможностей Советского Союза. Достаточно сопоставить такие показатели, как географическое положение, климат, почвенные и другие природные условия, плотность населения, уровень развития инфраструктуры и т.п., и сразу становится ясно: сейчас наша страна далеко не та, какой была в недалеком прошлом.

2. Избежание недооценки фундаментальных изменений, которые произошли в последние годы в системе национальной безопасности государства, и особенно в ее экономической сфере, где пока четко просматривается тенденция стагнации промышленного и сельскохозяйственного производства. Практически гибнут оборонные предприятия. Россия по многим экономическим показателям занимает одно из последних мест среди среднеразвитых стран мира.

В основу экономических оценок обоснования перспектив развития СЯС необходимо положить следующий принцип: может ли сегодня государство позволить себе развивать наземную, морскую или авиационную составляющую СЯС? Какое приращение эффективности дает та или иная составляющая в решении задачи сдерживания и в целом обеспечения безопасности России?

3. Дальнейшее развитие СЯС желательно осуществлять только в общей системе мероприятий по реформированию Вооруженных Сил России и при широком использовании уже накопленного как отечественного, так и мирового опыта ракетно-ядерного строительства.

4. В процессе проведения мероприятий по реформированию Стратегических ядерных сил необходимо помнить, что **при определенных условиях для США Россия может снова стать потенциальным противником**. Только у нее есть многие сотни межконтинентальных баллистических ракет (МБР), баллистические ракеты подводных лодок (БРПЛ), тяжелые бомбардировщики (ТБ), способных поразить любые цели на территории США. Взаимозависимость и интеграция государств не позволяют нам рассматривать проблему военной безопасности в границах только одной страны. Она в наши дни стала международной и даже глобальной.

В такой довольно сложной геополитической и геобстратегической ситуации военную безопасность России целесообразно обеспечивать в направлении дальнейшего укрепления и совершенствования сил ядерного сдерживания с учетом их реального состояния и имеющихся возможностей.

5. В качестве основного критерия, то есть точки отсчета при определении состава и модернизации СЯС на перспективу, должна быть возможность ядерного сдерживания, для которой важны не те силы, которые развернуты на боевых позициях, а те, которые могут быть доставлены в ответном ударе.

Ориентация на ответный удар предъявляет высокие требования к боеспособности ядерных средств и устойчивости их системы предупреждения, боевого управления и связи.

Система управления по ресурсному обеспечению должна быть безусловным приоритетом даже перед оружием как таковым, особенно при глубоком количественном сокращении ядерных вооружений, предстоящем в ближайшем десятилетии как в рамках договоров, так и независимо от них по экономическим и техническим обстоятельствам.

6. Обеспечение надежным управлением стратегическими ядерными силами как в плане гарантии от несанкционированного применения, так и в смысле гарантированного пуска в ответных действиях.

7. Важнейшим первоочередным критерием для планирования СЯС является экономичность реализации программ на протяжении всего жизненного цикла оружия (включая ликвидацию по договорам или по устареванию), что особенно важно в прогнозируемых экономических условиях России. Нужно учитывать безаварийность в эксплуатации вооружений, экологические издержки эксплуатации и конечной ликвидации вооружений, что также отражается на их стоимости.

Проведенный анализ геополитических условий, в которых в настоящее время (и в перспективе) функционируют российские Стратегические ядерные силы, а также основные критерии, которые необходимо применять в процессе совершенствования СЯС, позволяют более детально остановиться на возможных вариантах их дальнейшего развития.

В течение нескольких лет в обществе, средствах массовой информации идет дискуссия о целях, путях и способах проведения военной реформы в государстве, в том числе и в составе Стратегических ядерных сил. Длительное время основными участниками полемики были политики, журналисты, эксперты. В 1997 г. свою точку зрения по этой животрепещущей проблеме впервые высказал министр обороны РФ Маршал Российской Федерации И.Д. Сергеев⁷. Также основы реформы подробно изложил В.З. Дворкин, который к основным принципам дальнейшего строительства Стратегических ядерных сил отнес:

- поддержание примерного баланса стратегических ядерных вооружений с США по боевому составу и боевым возможностям в рамках договоров по СНВ с учетом ресурсных и финансовых ограничений;
- поддержание высокой боевой готовности Стратегических ядерных сил;
- готовность развивать Стратегические ядерные силы в зависимости от складывающейся военно-политической обстановки по одному из трех направлений: в условиях действующих договоров по СНВ и ПРО и принятых односторонних обязательств; при достижении договоренностей о дальнейшем сокращении СНВ; при срыве договоров по СНВ и ПРО;
- поддержание сбалансированной структуры Стратегических ядерных сил с учетом условий боевого применения, вклада компонентов в решение боевых задач и складывающейся военно-стратегической обстановки;
- приоритетное развитие ядерных вооружений, военной и специальной техники ядерных сил, а также систем, обеспечивающих высокую эффективность боевого применения Стратегических ядерных сил, прежде всего системы боевого управления и системы предупреждения о ракетном нападении;
- поэтапную интеграцию и организационное выделение в структуре Вооруженных Сил РФ сил и средств, наиболее тесно взаимодействующих при решении задач ядерного сдерживания и в ходе применения ядерного оружия⁸.

По ходу дискуссии были предложены несколько вариантов реформирования стратегических ядерных сил России. В целом их можно свести к следующему.

Итак, **первый вариант** – оставить компоненты СЯС в разобранном состоянии, в составе трех видов войск: Ракетных войск стратегического назначения (РВСН), Военно-морского флота (ВМФ) и Военно-воздушных сил (ВВС). Вариант довольно заманчив.

Зачем ломать старую схему и строить что-то новое, когда есть устоявшаяся организационная структура группировок, отработанная система боевого управления, отлаженная сеть основных и запасных командных пунктов и направлений связи, обжитая инфраструктура? В пользу этого варианта говорит и сложившаяся финансово-экономическая ситуация в стране. А она такова, что при существующем финансировании нет материальной возможности для радикальных изменений структуры сил сдерживания. Со стороны кажется, что лучше всего сохранить все как есть, продолжая поддерживать и совершенствовать трехкомпонентный состав СЯС: РВСН, морские и авиационные СЯС, постепенно урезая его до уровня, установленного Договором СНП. Но этот вариант требует глубокого осмысления с учетом возможностей каждого компонента СЯС в перспективе по решению военно-стратегических задач.

Второй вариант – создать стратегические силы сдерживания на базе военно-морского компонента СЯС с присоединением к ним АСЯС. Наземные МБР ликвидировать, а РВСН упразднить. Практически вместо триады создать СЯС на основе диады. Этот вариант в 1993–1994 гг. широко дискутировался на страницах российских печатных СМИ⁹.

Взгляды, связанные с ликвидацией МБР, а следовательно, и РВСН, не новы. В США такой вариант дальнейшего сокращения СЯС предлагал еще в 1989 г. военный эксперт Дж. Линч. Спустя три года эту идею подняли в России и начали выдавать за новую, «заглотив» американскую «наживку»¹⁰.

В основе этих подходов лежит переход в отношениях России и США к ядерному сдерживанию путем полной ликвидации ими своих МБР – основных объектов контрсилевого ядерного удара. Ошибочно утверждая, что, «до тех пор, пока в ядерных арсеналах будут существовать пусть даже моноблочные МБР», их авторы заявляли, что они могут оставаться целями для нанесения упреждающего – контрсилевого – удара теми же высокоточными американскими БРПЛ *Trident-II*. По их мнению, необходимо только ликвидировать основную стационарную «наживку» (МБР РВСН) для ядерного удара США – и задача ядерного сдерживания будет решена, так как им не будет смысла рассчитывать на полный успех при ударе по другим компонентам СЯС РФ, ибо оставшиеся в составе СЯС ПЛАРБ, значительная часть которых находится на боевом патрулировании в море, при любом контрсилевом ударе по ним уцелеют и будут способны нанести удар возмездия с неприемлемым ущербом для агрессора.

Противники этого варианта, и А.Г. Арбатов, и Р.Д. Зубков¹¹, а с ними нельзя не согласиться, считают, что разговоры о ликвидации МБР не только преждевременны, но и не могут быть реализованы по многим причинам. Во-первых, сдерживание не вписывается в американское и российское понимание задачи СЯС, которые на данном этапе допускают возможность применения первыми ядерного оружия; во-вторых, полная ликвидация МБР лишь сократит количество целей для контрсилевого удара, но не устранил его вероятности; в-третьих, возможно значительное снижение эффективности удара возмездия ПЛАРБ и ТБ в результате применения против них не только ядерного, но и обычного высокоточного оружия и других средств борьбы, ибо значительное количество (более 70%) ПЛАРБ находится постоянно на базах, где их полезность сравнима с авиацией на аэродромах и они являются заманчивой целью для нанесения по ним упреждающего контрсилевого удара. В-четвертых, недооценивается и хорошо развитая в США система противолодочных действий, ведущихся в целях обнаружения и уничтожения российских ракетных подводных крейсеров стратегического назначения (РПКСН), находящихся на боевом патрулировании. Не замечается реальная возможность США по формированию значительного по своим масштабам «возвратного потенциала» вследствие сохранения платформ при демонтаже боеголовок БРПЛ. Замалчивается возможность создания вблизи РФ мощных средств радиоэлектронного противодействия. Есть и другие причины и обстоятельства, которые этот вариант – сокращение МБР РВСН – на ближайшую перспективу делают нецелесообразным.

Третий вариант – скопировать структуру Стратегических ядерных сил США. Построить ее на двухкомпонентной основе – наземно-воздушной и морской. Морские СЯС остаются в существующей (возможно, измененной) организационной структуре и подчинении, но коренному реформированию подлежат не только РВСН и АСЯС, но и все структуры, замыкающиеся на них и работающие в воздушно-космическом пространстве.

Определенный смысл в этом варианте есть. Некоторую проблему составит поиск названия этого ядерного компонента. Просто понятие «стратегические силы сдерживания» не подходит, ибо они не будут включать в себя морские СЯС. Объединенные РВСН и АСЯС будут составной частью нового вида. Какого? Если ракетного, то это слишком узко и не отражает всего спектра задач, которые ему придется выполнять. Видимо, это будут воздушно-космические войска в составе нескольких систем и группировок (возможно, родов или командований), в том числе стратегических МБР и стратегической авиации, оснащенной ядерными крылатыми ракетами. В этом случае РВСН восстанавливаются как вид ВС.

Для объединения РВСН и АСЯС в две группировки (рода) под единым командованием есть все необходимые предпосылки: единое территориальное пространство, близость КП ракетных армий и дивизий к расположению АСЯС, что позволит их оперативно включить (продублировать) в автоматизированную систему боевого управления и систему связи РВСН и др. Есть и другие благоприятные факторы, способствующие объединению этих двух компонентов СЯС. Препятствие будет одно: нежелание командования войск, сил и систем, которые будут входить в новое образование, терять свою самостоятельность. Но потребность в этом, возможно, есть.

Четвертый вариант, который широко обсуждается в средствах массовой информации, в кругу журналистов и обозревателей и считается наиболее вероятным, – использование РВСН как основы для создания российских Стратегических сил сдерживания (ССС).

Первая попытка его осуществления была предпринята 12 ноября 1991 г., когда Указом президента СССР М.С. Горбачева было провозглашено создание нового вида Вооруженных Сил – Стратегических сил сдерживания. Главнокомандующим СССР был назначен генерал армии Ю.П. Максимов. Новый вид Вооруженных Сил создавался на базе Ракетных войск стратегического назначения, систем предупреждения о ракетном нападении, контроля космического пространства, противоракетной обороны и Управления начальника космических средств. Основу СССР должны были составить стратегические ядерные силы – РВСН и подчиненные в оперативном отношении авиационные и морские СЯС. Включение в состав СССР космических средств (разведки, связи, навигации и др.) обеспечивало большую надежность и гарантированность ответных действий СЯС.

С какой целью в то время создавался новый вид ВС – Стратегические силы сдерживания? Причин было несколько:

а) они создавались для существенного повышения боевой эффективности группировок СЯС, улучшения надежности и гарантированности их ответных действий. Создавалось единое централизованное управление войсками и оружием в интересах повышения ядерного сдерживания при уменьшении общей численности личного состава;

б) с созданием СССР повышался уровень обеспечения ядерной безопасности и защиты ядерного оружия от несанкционированных действий. Исключался факт дублирования при разработке и организации боевого применения МБР, БРПЛ и крылатых ракет ТБ, ускорялся процесс унификации вооружения, средств боевого управления и связи;

в) создание СССР предполагало концентрацию выделяемых материальных и финансовых ресурсов на главном направлении, исключало дублирование в проведении научно-исследовательских околоконструкторских разработок (НИОКР), что, в свою очередь, снижало расходы на развитие, поддержание боевой готовности и содержание войск. «Имея единое руководство и план применения группировки боевых средств и обеспечивающих систем, мы смогли бы повысить надежность выполнения боевых задач в ответных действиях, а единой военно-технической политикой и сбалансированным развитием составляющих вооружения нового вида Вооруженных Сил обеспечить меньшие затраты для выполнения поставленных задач»¹².

Однако Указ президента СССР о создании Стратегических сил сдерживания не был реализован. Вслед за развалом Советского Союза 30 декабря 1991 г. государства – участники СНГ договорились о создании Стратегических сил (СС), в состав которых входили почти все виды войск (РВСН, ВВС, ВМФ, ПВО, ВДВ, Управление начальника космических средств, стратегической и оперативной разведки, ядерно-технические части, ВВУЗы и многое другое).

Стратегические ядерные силы, дислоцировавшиеся на территории четырех государств (России, Украины, Белоруссии и Казахстана), подлежали централизованному управлению и должны были находиться под единым руководством и контролем командования СС. Это решение не было поддержано правительством Украины, которое пыталось в целях увеличения своего политического веса сохранить за собой статус «временной ядерной державы».

В последующем главы государств СНГ отказались от этой идеи, так и не создав Стратегические силы.

С 1993 г. идея создания Стратегических сил сдерживания в России снова стала довольно активно обсуждаться на страницах российской печати. Всестороннее освещение она получила в аналитических статьях А.Г. Арбатова, В.Н. Алексина, В.С. Белоуса, Л.И. Волкова, М.С. Виноградова, Р.Д. Зубкова, С.М. Сокута и др. в *Независимой Газете*. Привлекательно с точки зрения их конструктивности на этом фоне выглядели аналитические статьи И.Г. Коротченко, особенно статья в *Независимом Военном Обозрении* (№ 5 за 1997 г.) «Российские Стратегические силы сдерживания», в которой он излагает свой

взгляд на перестройку системы управления и планирования сил сдерживания, выбор их оптимальной структуры и этапы перехода от СЯС к СССР.

При определении состава Стратегических сил сдерживания, по мнению многих экспертов, в качестве точки отсчета на перспективу должен выступать один основной критерий: их способность обеспечить безопасность России, сдержать (не допустить) ядерную агрессию против нее, а в ответном ударе нанести заданный уровень ущерба нападавшей стороне даже при самых неблагоприятных для РФ условиях развязывания войны. Большинство специалистов, участвовавших в дискуссии, были едины во мнении: основой Стратегических сил сдерживания должны быть Ракетные войска стратегического назначения, которые на данном этапе являются главным компонентом СЯС России. Такой подход объяснялся рядом обстоятельств.

Во-первых, МБР наземного базирования наилучшим образом согласуются со спецификой геостратегического развития России, обеспечены самой надежной и гибкой системой управления, имеют неоспоримое преимущество развертывания на своей собственной территории и эффективнее всего защищены всеми другими видами российских ВС.

Во-вторых, сегодня МБР РВСН вполне достаточно в качестве потенциала сдерживания при условии оптимального соотношения стационарных и мобильных систем, высокозащищенной системы управления и жизнеспособности всех звеньев связи, обеспечивающих возможность своевременного и надежного доведения приказов на пуск ракет. С этой целью в РВСН созданы и непрерывно функционируют стационарные и мобильные командные пункты, оснащенные современными автоматизированными системами и средствами боевого управления и связи, в том числе космическими.

В-третьих, МБР РВСН имеют высокую степень боевой готовности. Они могут быть запущены по предупреждению о ракетном нападении до того, как ядерные боеголовки агрессора достигнут целей на территории России.

Шахтные пусковые установки ПУ МБР от поражения высокоточным ядерным или обычным оружием подстраховывают мобильные ракеты.

В-четвертых, морские СЯС – БРПЛ – уступая по ряду показателей наземным МБР, по сути являются мобильными ракетными базами под водой и могут рассматриваться вторичной (или первой – это не имеет значения) подстраховкой шахтных МБР. Особую миссию БРПЛ ракетных подводных крейсеров (РПК) в ответных действиях могут выполнить в случае совершенно внезапного ядерного удара по шахтным и мобильным МБР в условиях сохранения системы управления и связи с РПКСН, находящихся в океане или уцелевших на базах постоянной дислокации.

В любом случае морские СЯС как компонент Стратегических сил сдерживания должны быть сохранены.

В-пятых, РВСН имеют хорошо отработанную автоматизированную систему централизованного боевого управления. На основе автоматических систем управления (АСУ) созданы хорошо защищенные пункты управления различных видов базирования МБР, обеспечивающие доведение приказов на пуск ракет непосредственно до пусковых установок. Только РВСН обладают потенциальной возможностью осуществления пуска ракет шахтного базирования непосредственно с ЦКП Ракетных войск. Подобной АСУ другие виды и рода войск не имеют. В РВСН тщательно разработана система связи. Проведено и отработано сопряжение ЭВМ с автоматизированной системой управления.

В-шестых, оперативное управление СССР в целом, РВСН, МСЯС и АСЯС в отдельности, используя АСУ Ракетных войск, можно быстро, без особой потери времени и больших затрат, перенести на отдельный пункт управления Ставки ВГК или Генерального штаба Вооруженных Сил РФ. В период формирования СССР штаб РВСН с системой боевого управления может выполнять функции и Главного штаба Стратегических сил сдерживания.

Создание Стратегических сил сдерживания, как и любая перестройка, будет сопровождаться появлением определенных трудностей, связанных с преодолением старых, устоявшихся взглядов, ведомственных интересов и «психологии местничества» в рамках отдель-

ных компонентов СЯС. Нелегко будет создать и отработать единое оперативно-стратегическое планирование, единую систему управления силами, которые войдут в состав СССР, наладить централизованное обеспечение их жизнедеятельности, отработать единую систему подготовки кадров и комплектования Стратегических сил сдерживания.

Особенно много трудностей может возникнуть в процессе определения лучшего варианта структуры СССР. Без ошибок здесь не обойтись. Главная задача – сделать их как можно меньше.

Спешка здесь недопустима, нужно учесть печальный опыт 1997 и 1998 гг. Принимаемые решения всегда должны быть взвешенными и выверенными до мелочей, а главное не базироваться только на идее. Практика показала, что необоснованные решения 1999 г. были реализованы только по этой причине.

Последние принятые договоренности о сокращении СНП до уровня 1700–2200 боезарядов вызвали вопрос: что, когда и в каком объеме сокращать. И здесь есть несколько факторов, которые нельзя не учитывать.

Во-первых, резкое изменение геополитической и военно-стратегической обстановки в мире. Вместо биполярного сложилась фактически монополярная модель мира во главе с США, которые, опираясь на свою внушительную экономическую и военную мощь, оказывают господствующее влияние на ход международных отношений. В этих условиях ядерная война с Соединенными Штатами для России является безумием, а поэтому может показаться, что РФ нет смысла соревноваться с США в поддержании стратегического баланса в сфере ракетно-ядерных вооружений, содержать столь многочисленные Стратегические ядерные силы.

Да, крупномасштабная военная агрессия против России в ближайшие годы маловероятна. Но каждый здравомыслящий человек, а тем более политик или военный деятель хорошо понимает, что это возможно только при условии наличия и поддержания на необходимом и достаточном уровне российского потенциала ядерного сдерживания. Правда, сложность заключается в определении уровня необходимой достаточности (2200–1700–1500 боезарядов) и методов ее достижения (пропорционального сокращения компонентов СЯС или обвального сокращения РВСН в 6–7 раз, то есть ликвидации их как вида ВС).

Решение данной проблемы всецело зависит от внешнеполитической, военно-стратегической ситуации в мире и реализации международных договорных соглашений.

Концепция национальной безопасности РФ 2000 г. гласит, что уровень и масштаб угроз в военной сфере возрастает, а главный их источник исходит от западных стран. Он проявляется, как отмечается в Военной доктрине РФ, в сохранении и совершенствовании ядерного потенциала ведущими государствами мира, возведении в ранг стратегической доктрины перехода НАТО к практике силовых (военных) действий вне зоны ответственности блока и без санкции Совета Безопасности ООН.

Оправдать в этих условиях поспешную ликвидацию МБР можно только фактом недопонимания роли и места Стратегических ядерных сил, их материальной основы – РВСН – как политического инструмента и весомого судьбоносного средства, определяющего статус России в современном мире, обеспечивающего ей членство в «ядерном клубе» и позволяющего ей сохранять позиции мирового лидера.

Во-вторых, велик соблазн за счет сокращения Ракетных войск стратегического назначения попытаться «выкроить» из военного бюджета определенное количество средств для воссоздания сил общего назначения. Однако, не получая со стороны государства необходимой финансово-экономической поддержки, изыскать таким путем хотя бы скромные суммы (а на большее рассчитывать нельзя) для создания мобильных, хорошо оснащенных оружием и военной техникой сил общего назначения практически невозможно.

Изыскивать средства на их строительство должен в первую очередь не Генштаб или другое военное ведомство, а государство, правительство, высокопоставленные политические деятели.

Сегодня необходимо, не кривя душой, честно признать, что для создания сил общего назначения, так же как и нового поколения ракетно-ядерных вооружений, требуются огромные средства, изыскать которые для современной России стало просто непосильной задачей. Россия содержит свои Вооруженные Силы на средства, эквивалентные примерно 15% американского военного бюджета.

Для того чтобы создать силы общего назначения и весь спектр новых вооружений, России необходимо на порядок увеличить размер своего валового национального продукта и обеспечить динамичное развитие национальных наукоемких отраслей промышленности.

В сложившихся условиях перетряхивать армейскую структуру, принеся ей в жертву единственный пока сохранивший боеспособность род Вооруженных Сил – РВСН, не только неразумно, но и накладно для государства, ибо ликвидация в короткие сроки МБР и пусковых установок к ним, расформирование ракетных соединений, выплата компенсаций и обеспечение жильем большого числа увольняемых офицеров и прапорщиков (а они составляют более половины личного состава войск) потребует таких сумм от государства (Министерства обороны), что о дальнейшем реформировании Вооруженных Сил в ближайшие 3–5 лет придется забыть. В современных условиях решение проблемы ядерного сдерживания в основном лежит на РВСН, а поэтому обвальное и скоропалительное их сокращение может пагубно сказаться на обороноспособности нашего государства. По всей вероятности, данное обстоятельство явилось решающим при принятии последних решений по дальнейшему военному строительству.

Данное решение обуславливается еще и тем, что РВСН обеспечивают политическую, дипломатическую, идеологическую и военную стороны оборонной безопасности России.

В наши дни все яснее просматривается функция стратегических ядерных вооружений как средства не боевого, а «политического» влияния России на развитие событий в мире, позволяющего надежно исключать эскалацию политической напряженности в крупномасштабных вооруженных конфликтах. Именно по этой причине от них не отказывается ни одно ядерное государство. США в процессе сокращения СНВ проводят крупномасштабные мероприятия по модернизации МБР и БРПЛ. Активно в направлении совершенствования СЯС работает Китай. Модернизируют и оптимизируют свои ракетно-ядерные арсеналы Франция и Великобритания. В мире появляются новые ядерные державы, стремящиеся прорваться в «ядерный клуб». В сложившейся ситуации наличие мощных Стратегических ядерных сил – это тот последний атрибут России как сверхдержавы, который обеспечивает ей повышенное внимание со стороны мирового сообщества даже при наличии в стране третьеразрядной экономики и социально-политической неустойчивости.

На данном этапе важно понять, какое место должны занимать Стратегические ядерные силы и их основной компонент, РВСН, в жизни мирового сообщества и России в перспективе и есть ли им место в будущем вообще. Сделать это можно только в том случае, если мы будем исповедовать и придерживаться не сиюминутных взглядов, отражающих заботы сегодняшнего дня, а работать на перспективу. Сегодня стране нужны новые образцы высокоточного обычного оружия, хорошо подготовленные и обеспеченные оружием и боевой техникой силы общего назначения, но создавать их в ущерб Стратегическим ядерным силам нельзя. Тришкин кафтан, как его не перекраивай, им же и останется. Путем переливания из пустого в порожнее имеющиеся дыры в обороноспособности страны нам не залатать. Необходимо изыскивать нужные средства для обороны страны в развитии материального производства.

Дальнейшее совершенствование СЯС, а в перспективе возможное их объединение в единые Стратегические силы сдерживания предполагает решение значительного количества организационных проблем, осуществляемых как государственными, так и военными органами, с учетом финансовых возможностей страны и оборонной промышленности, задействованной в производстве ракетной и другой военной техники.

В решении этой задачи, уместно еще раз сказать, недопустимы излишняя поспешность и, как правило, сопровождающие ее неудачи, которые могут не только скомпрометиро-

вать саму идею интеграции – объединения видов и систем в один или два хорошо отлаженных и более эффективных вида, – но и отбить желание создавать его (их) вообще. Оптимизацию СЯС необходимо проводить поэтапно, по принципу «семь раз отмерь – один раз отрежь».

Примечания

¹ Гареев М.А. Если завтра война? М.: Изд-во МО РФ, 1995. С. 29, 292.

² Гареев М.А. О некоторых вопросах российской военной доктрины. *Военная Мысль*. 1993. № 1. С. 67.

³ Богатуров А.Д., Кременюк В.А. Современные отношения и перспективы взаимодействия между Россией и Соединенными Штатами Америки. *Независимая Газета*. 1996, 28 июня.

⁴ Бжезинский З. Великая шахматная доска. М., Международные отношения. С. 108, 123, 143.

⁵ Гареев М.А. Если завтра война? М.: Изд-во МО РФ, 1995. С. 99, 100.

⁶ Профессиональная армия за рубежом. История, опыт и условия создания. М.: Изд-во МО РФ, 1993. С. 159.

⁷ Сергеев И.Д. В течение ближайших восьми лет Вооруженные Силы России будут полностью реформированы. *Независимое Военное Обозрение*. 1997, 19 сентября.

⁸ Дворкин В.З. Предложения по основным направлениям ядерной стратегии Российской Федерации. *Стратегическая Стабильность*. 1998. № 3, сентябрь. С. 9.

⁹ Бочаров И.Ф. Сдерживание на основе ядерной диады. *США: Экономика, Политика, Идеология*. 1993. № 2. С. 12–22; Зубков Р.Ф. От триады к диаде, или от сдерживания к сдержанности. *США: Экономика, Политика, Идеология*. 1993. № 10. С. 75–83.

¹⁰ Рогов С.М., Суриков А.В. Перспективы радикальных сокращений стратегических наступательных вооружений России и США. *США: Экономика, Политика, Идеология*. 1992. № 5.

¹¹ Арбатов А.Г. Военно-стратегический паритет и политика США. М.: Политиздат, 1984; Зубков Р.А. От триады к диаде, или от сдерживания к сдержанности. *США: Экономика, Политика, Идеология*. 1993. № 10.

¹² Максимов Ю.П. Записки бывшего Главкома стратегических. М.: РВСН, 1994. С. 274.

Весной и в начале лета нынешнего года в центре внимания СМИ оказалось обсуждение запроса администрации Дж. Буша об ассигнованиях на разработку нового типа ядерного оружия – боезарядов малой мощности, предназначенных для поражения высокоукрепленных целей на большой глубине. В США они известны как Robust Nuclear Earth Penetrator (RNEP) или, в примерном переводе на русский язык – «эффективный проникающий ядерный боеприпас». Кроме того, запрошено 25 млн долл. на сокращение сроков готовности ядерного полигона в Неваде к проведению испытаний.

Большинство газетных статей, впрочем, не совсем точно отражало положение дел. Во-первых, речь идет о двух программах. В рамках одной планируется разработать новую оболочку для существующего боеприпаса (на эти цели предполагается ассигновать 15 млн долл.), другая посвящена изучению вопроса о том, нужно ли создавать новый тип боеприпаса малой мощности (на нее ассигнуется 6 млн долл.). Во-вторых, ассигнования запрошены лишь на начальные стадии работ, так что говорить о начале научно-исследовательских околоконструкторских разработок (НИОКР) было бы неверно.

В ходе прошедших в мае 2003 г. дебатов в профильных комитетах мнения палат Конгресса относительно запроса администрации разошлись. Сенат принял решение о проведении НИОКР по новым типам ядерных боеприпасов, отменив «закон Спратта – Фурца» 1993 г., который запрещал их разработку¹. Производство и развертывание нового оружия потребовало бы, однако, дополнительного решения после завершения НИОКР. Палата представителей, однако, разрешила лишь проведение НИР, в то время как ОКР потребовали бы дополнительного решения². В дальнейшем, однако, позиция Нижней палаты Конгресса ужесточилась: один из подкомитетов Комитета Палаты представителей по ассигнованиям отказал администрации по всем трем запросам, касающимся ядерного оружия³. В дальнейшем ассигнования были частично восстановлены, за исключением нового типа боеприпаса⁴.

На момент написания настоящей статьи Согласительная комиссия палат Конгресса только начала работу; на первом заседании Комиссии в середине июля 2003 г. палаты лишь представили свои варианты; завершение переговоров может затянуться до конца сентября⁵. Впрочем, несмотря на оппозицию Палаты представителей, общее направление развития событий уже достаточно ясно. Даже вариант Палаты представителей не является непреодолимым препятствием для планов администрации хотя бы уже потому, что эти планы весьма ограничены. По словам главы Национальной администрации ядерной безопасности (National Nuclear Security Administration, NNSA) Л. Брукса⁶, планируется лишь изучить⁷, какие новые концепции ядерных боеприпасов⁸ можно было бы создать в случае, если бы в будущем в этом возникла потребность. Запрос администрации описывается как «снятие искусственных ограничений на интеллектуальную деятельность», но при этом подчеркивается, что в настоящее время не планируется создания новых типов боеприпасов или возобновления испытаний.

Поэтому можно констатировать, что, как говорится, «процесс пошел». Более того, поскольку данный процесс обладает определенной инерцией, нельзя исключать, что, как предполагают многие журналисты и представители неправительственных организаций, концептуальные исследования плавно перейдут в полномасштабные НИР, а затем и в ОКР, которые практически неизбежно будут включать испытания. Другое дело, что нельзя исключать – пусть и с меньшей степенью вероятности, – что «пошедший процесс» будет прерван. Все же сомнения относительно целесообразности создания нового типа ядерного боеприпаса довольно велики, в том числе в Конгрессе и даже среди специалистов в Пентагоне; неожиданное для всех изменение позиции Палаты представителей представляется в этом плане показательным. Предстоящие выборы могут изменить расстановку сил в Конгрессе. Ожидается, что через несколько лет замедлится, а то и обратится вспять наращивание оборонных расходов, поэтому говорить о неотвратимости развития событий было бы по крайней мере преждевременно.

Другое дело, что уже сейчас можно ставить определенные исследовательские вопросы как прикладного, так и теоретического характера, в том числе следующего содержания:

- ☐ В каком направлении развивается ядерная доктрина США? Каково место ядерного оружия в общем контексте «трансформации» вооруженных сил США?
- ☐ Каковы могут быть реальные последствия этого развития? Ясно, что они могут отличаться от запланированных и ожидаемых результатов.
- ☐ Действительно ли возрастет роль ядерного оружия и, что еще важнее, вероятность его применения?
- ☐ Можно ли ожидать возобновления ядерных испытаний и связанного с этим окончательного краха Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ)?
- ☐ Какова будет реакция на эти события других стран, ядерных и неядерных?
- ☐ С чем вообще связан факт повышения внимания к ядерному оружию? Можно ли найти какое-то рациональное объяснение этому процессу, которое не только объясняло бы, что происходит сейчас, но и позволило бы выработать какой-то прогноз, в том числе и в отношении других стран?

Схожие вопросы возникают и относительно российской ядерной политики. Как известно, неоднократно высказывалось мнение, что Военная доктрина 2000 г. допускает ограниченное применение ядерного оружия⁹, хотя Россия, очевидно, не предпринимает каких-либо шагов по созданию новых типов ядерных боеприпасов малой мощности, пусть даже авторы ряда публикаций и заявляют об обратном¹⁰. Определенная схожесть концептуальной эволюции – даже при различиях в военно-техническом воплощении – заставляет задать в отношении России многие из тех вопросов, что звучали в адрес США.

МЕСТО И РОЛЬ ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ В ВОЕННОЙ ДОКТРИНЕ США

Развитие американской ядерной стратегии происходит в рамках «трансформации» вооруженных сил США или, используя более привычную для русского языка лексику, военной реформы. Основные концептуальные моменты изложены в ряде документов, центральное место среди которых занимает Обзор строительства ядерных сил 2002 г.¹¹ Анализ реформы связан с некоторыми специфическими затруднениями – несколько неудачным выбором используемых терминов и довольно сложным, «пентагоновским» способом выражения мыслей. Зачастую планы США представляются более зловещими и далекоидущими, чем на самом деле, и в то же время многие потенциальные проблемы и риски оказываются затухеванными.

Основная посылка проводимой Д. Рамсфелдом и его окружением военной реформы представляется достаточно простой. Речь идет о приобретении способности создавать и поддерживать глубоко интегрированные группировки в составе различных видов и родов войск. Для российских, да и европейских, военных ничего особенно нового в этом

нет: это концепция фронта времен Второй мировой войны (в германской армии того же времени – «группа армий»). Группировка может быть постоянно развернута на потенциально опасном направлении или создаваться под решение конкретной задачи; ее состав может меняться также в зависимости от изменения задачи или ситуации; войска действуют в рамках единого замысла и под единым управлением. Новизна концепции в американском контексте связана с тем, что ранее подобные объединения создавались лишь от случая к случаю, да и то полной интеграции удавалось достичь редко.

Обычно приводится пример, что даже в 1991 г. заявка, например, батальона сухопутных войск на бомбардировку той или иной цели шла до самого верха «своего» командования, затем передавалась – порой в бумажном виде – командованию ВВС, а от него спускалась к летчикам. В США это обозначается термином «печные трубы», который призван передать обособленность частей и соединений каждого вида и рода войск даже в рамках одного объединения и под единым командованием. Теперь степень горизонтального взаимодействия планируется радикально повысить, и такие объединения должны стать постоянным элементом военного строительства. Хотя объединения, действовавшие в Афганистане и Ираке, функционировали в соответствии с новыми принципами, процесс реформы находится лишь в самом начале (например, Вооруженные силы США только сейчас приступают к боевой учебе, предусматривающей такое взаимодействие).

Другое дело, что интеграция в рамках каждой группировки осуществляется на новой технологической основе и позволяет достичь качественного скачка в уровне связности системы, скорости прохождения информации, взаимодействия элементов этой системы и т.д. Вполне понятное повышенное внимание к технологическим аспектам несколько затушевывает достаточно логичную и во многом запоздавшую концептуальную основу реформы. Можно отметить, что российская армия уже имеет хорошо развитую концептуальную основу такого рода трансформации; речь идет о том, чтобы добавить к имеющейся базе новую технологическую надстройку.

Командующий региональной группировкой должен иметь возможность выбрать оптимальные средства для решения конкретной задачи. Например, столкнувшись с угрозой ракетного удара, он сможет задействовать, в зависимости от ситуации, наступательные вооружения для уничтожения пусковых установок, противоракетные системы для перехвата запущенных ракет или их сочетание. Более того, при необходимости система должна обеспечивать быструю разработку и производство ограниченных серий новых типов и модификацией оружия, оптимально отвечающих стоящим задачам. Эти три элемента – оборонительные вооружения, наступательные вооружения и промышленная инфраструктура – связаны между собой средствами связи и информации (C⁴ISR – Command, Control, Communications, Computers, Intelligence, Surveillance and Reconnaissance). Совокупность трех элементов и C⁴ISR передается термином «новая триада».

Ядерное оружие из сравнительно самодостаточного и обособленного компонента вооруженных сил должно стать одним из элементов «новой триады», входя в состав наступательных вооружений. Имеется в виду, что иногда оптимальное решение той или иной конкретной задачи может потребовать применения ядерного оружия, и командующий должен иметь возможность выбрать и такой вариант.

Термин «новая триада», введенный в обращение Обзором строительства ядерных сил, представляется довольно неудачным и только запутывает дело, поскольку слишком напоминает о классической ядерной триаде (в документе две триады даже изображены рядом на одной странице), создавая несколько искаженное представление о роли ядерного оружия в рамках Военной доктрины. Так, представители либеральных кругов в США, да и в других странах, считают, что понятие «новой триады» указывает на «конвенционализацию» ядерного оружия, которое ставится в один ряд с обычным. Представители Пентагона, напротив, говорят о снижении опоры на ядерное оружие, поскольку, в отличие от времен холодной войны, когда ядерное сдерживание играло ключевую роль в военной политике, количество ситуаций, в которых ныне может возникнуть потребность в его применении, многократно сократилось.

Кто прав в этом споре? Представляется, что и та, и другая сторона отражают некоторые элементы складывающейся картины, но в то же время страдают некоторой однобокостью, поскольку абсолютизируют вырванные из общего контекста характеристики.

Задача сдерживания ядерных стран, прежде всего России, обладающей вторым после США по величине ядерным арсеналом, остается в перечне задач вооруженных сил США, но при этом рассматривается как формальная: ни ядерного, ни какого-либо крупного военного конфликта не ожидается. Можно сказать, что это сдерживание «на всякий случай». При этом все же планируется поддерживать соответствующий потенциал, включая перспективные программы модернизации стратегических вооружений, которые могут начаться лет, скажем, через двадцать.

Подавляющее большинство вероятных задач может быть решено без применения ядерного оружия; в качестве примеров можно назвать Косово (1999 г.), Афганистан (2001–2002 гг.), Ирак (2003 г.), но в то же время считается, что в будущих аналогичных ограниченных войнах может возникнуть потребность в его применении. В настоящее время речь идет преимущественно об одной категории задач – поражении сильноукрепленных заглубленных целей, связанных с разработкой, производством и хранением оружия массового уничтожения (ОМУ). Даже при том, что такие цели в принципе могут быть уничтожены обычным оружием, ядерный боезаряд, как считается, делает это быстрее (с одного удара) и надежнее, а также уничтожит химические и биологические вещества, предотвратив их проникновение в атмосферу.

По крайней мере, на уровне публичных высказываний акцент делается на следующее:

- ☐ применение ядерного оружия рассматривается как крайняя мера на случай сравнительно маловероятных ситуаций, т.е. ни о каком широком его применении речь не идет;
- ☐ включение ядерного оружия в определенного рода сценарии конфликтов не означает, что оно будет неизбежно применено даже в этих сценариях;
- ☐ применение может быть только крайне ограниченным как по целям, так и в плане «побочного ущерба», т.е. подразумевается по возможности избежать жертв среди гражданского населения, разрушения гражданской инфраструктуры и радиоактивного заражения местности.

Детали новой стратегии пока неясны даже ее авторам. Видимо, лишь к следующему году будет достигнута некоторая ясность относительно новых задач, которые могли бы возлагаться на ядерное оружие, перечня государств, на территории которых могут находиться цели, требований к ядерному арсеналу будущего и т.д. На этой основе будут сформулированы и тактико-технические требования. Это означает, что планируемые сегодня исследования действительно носят лишь предварительный характер.

Вообще же складывается впечатление, что громогласные заявления о готовности применить при необходимости ядерное оружие рассчитаны (если оставить в стороне внутриполитические и экономические аспекты проблемы) на то, чтобы напугать страны, стремящиеся к приобретению ОМУ: даже только движение в этом направлении уже делает их мишенью ядерного удара, и таким образом соответствующие программы просто теряют смысл, поскольку не обеспечивают их безопасность. Как об этом сказал заместитель министра обороны Дж. Крауч, если США не будут в состоянии убедительно угрожать уничтожением соответствующих целей, таким целям будет фактически обеспечена неуязвимость¹².

На первый взгляд, ограниченность задач действительно позволяет говорить, как это делают американские военные, о том, что опора на ядерное оружие снижается и вообще никаких серьезных проблем возникать не может. На самом же деле возникают как минимум три проблемы, которые сторонники этой точки зрения предпочитают не замечать.

Во-первых, *применение ядерного оружия все же становится более вероятным, чем в годы холодной войны*. В условиях ситуации жесткой конфронтации и взаимного сдерживания любое, даже ограниченное применение ядерного оружия, в том числе против «тре-

тих стран», несло с собой риск крупномасштабной ядерной войны и перспективу всеобщей катастрофы. Еще в 1950-е гг. Т. Шеллинг отмечал, что применение ядерного оружия в корейской войне легитимизировало бы его, «открыв шлюзы» для практически не ограниченного его использования любыми странами и в любых ситуациях¹³. К аналогичному выводу пришли в 1960-х гг. авторы исследования о возможности использования ядерного оружия во Вьетнаме¹⁴.

В рассматриваемых в настоящее время сценариях аналогичных политических, психологических или военных барьеров не просматривается. Иными словами, в годы холодной войны можно было гарантировать, что ядерное оружие не будет применено в ограниченном конфликте в «третьем мире», даже если это было бы наиболее результативным средством урегулирования проблемы; в нынешний же период эффективность решения задачи оказывается решающим фактором или, во всяком случае, именно так этот вопрос сейчас трактуется в Пентагоне.

Если представление о том, что ядерное оружие является рациональным средством ведения войны, укоренится и распространится за пределы США, это, несомненно, вызовет процесс внесения корректив в оборонную политику многих стран, увеличив тягу к ядерному оружию. В настоящее время распространению ядерного оружия во многом препятствует устоявшееся мнение о том, что оно неприменимо, и расшатывать эту точку зрения опасно.

Самое, пожалуй, неприятное – это то, что для формирования мнения о возможности применения ядерного оружия Соединенным Штатам вовсе не обязательно его действительно применять на практике: можно легко согласиться с заверениями американских военных, что они не собираются швыряться направо и налево ядерными бомбами и что скорее всего оно никогда не будет использовано. Эффект может быть создан твердыми заявлениями о готовности его применить (наподобие процитированного выше заявления Дж. Крауча) и разработкой соответствующих реалистических сценариев (то есть таких, которые с высокой вероятностью могут иметь место в реальной жизни), а уж тем более шагами, направленными на создание оружия, оптимально приспособленного для этих сценариев. Здесь США попадают в неприятную «вилку»: с одной стороны, если не создавать у вероятных противников уверенности в том, что США действительно применят ядерное оружие, оно не будет оказывать сдерживающего эффекта, а с другой – создание такой уверенности может подвинуть все новые и новые страны к приобретению ядерного статуса.

Вторая проблема связана с *возможным расширением круга задач, которые могут возлагаться на ядерное оружие*. В настоящее время обсуждается лишь один сценарий – поражение определенной категории объектов, связанных с ОМУ. Вместе с тем трудно отделаться от мысли, что могут возникнуть и другие ситуации. Скажем, недавняя война в Ираке потребовала высокой степени напряжения вооруженных сил; трудно представить себе, что удалось бы столь же эффективно вести две подобных войны, особенно на далеко разнесенных театрах военных действий. В условиях недостатка сил и средств может появиться соблазн использовать ядерное оружие в той роли, которая предписывалась ему в 1950-е и даже еще в 1960-е гг., а именно – средства поражения живой силы и техники противника, прорыва обороны или отражения наступления и т.д.; иными словами – более мощного обычного оружия. Более того, к таким взглядам могут еще раньше прийти другие страны: если США считают возможным использовать ядерное оружие против «бункеров», то почему бы не использовать его для решения и других задач? Пока в США вопрос о расширении функций ядерного оружия не стоит, но исключать вариант такого развития событий, особенно в третьих странах, было бы неправильно.

О том, что расширение круга задач возможно, свидетельствуют сообщения о том, что Пентагон приступил к разработке новой управленческой системы, которая призвана облегчить планирование применения ядерного оружия, а также управление войсками в период после нанесения ядерных ударов. Программа должна занять восемь лет и будет стоить 200 млн долл. (контракты заключены с компаниями «Northrop Grumman» и «Lockheed Martin»). По мнению военных, количество потенциальных целей ядерного оружия после 2007 г. возрастет на порядок, а потенциал существующей системы интег-

рации целей в планы боевого применения уже исчерпан. Новая система лежит в русле тенденции к предельной автоматизации процесса принятия решений и управления войсками: планирование применения ядерного оружия по конкретной цели должно достигаться «одним щелчком мыши»¹⁵.

Наконец, третья проблема связана с *делегированием полномочий*. Судя по всему, этот вопрос еще не решен; его стараются не касаться или делать это с большой осторожностью. В принципе, решение о применении ядерного оружия остается за президентом США. Нельзя, однако, исключать, что в будущем в тех или иных ситуациях командующим на театре военных действий может быть делегировано право на принятие такого решения, пусть даже в самой общей форме – например, в зависимости от обстановки или в определенных, заранее оговоренных условиях. Прецедент такого рода имеется: в 1962 г., в период Карибского кризиса, советское командование на Кубе получило разрешение самостоятельно принять решение о применении тактического ядерного оружия для отражения американского вторжения, в то время как применение ракет средней дальности, достигавших территории США, полностью контролировалось из Москвы¹⁶.

В такой ситуации политическое руководство фактически теряет контроль над решением вне зависимости от того, какими причинами оно было с самого начала обусловлено. Сфера внимания и интересов командования на театре военных действий, естественно, ограничена территориально и во времени масштабами одной операции. Психологически командующий более предрасположен к принятию положительного решения, чем политическое руководство, поскольку он обращает меньше внимания на возможные политические последствия, особенно если они не оказывают прямого влияния на развитие военных действий, а также на изменение политической обстановки. Изменение международной обстановки по ходу развития событий может заставить политическое руководство более осторожно отнестись к применению ядерного оружия, чем при выдаче предварительной санкции, но, что называется, «поезд уже ушел». Например, сомнительно, что советское руководство в 1962 г. выдало бы заблаговременное разрешение на применение тактического ядерного оружия, если бы знало, как будет развиваться кризис.

Важно еще раз подчеркнуть, что вопрос о делегировании полномочий, судя по всему, практически не обсуждается, но теоретическая вероятность такой эволюции есть, что не может не внушать опасений. Характер современного оружия, информационного обеспечения и военных действий в целом ставит под вопрос многие привычные параметры схемы управления войсками. Если взять фантастический, но часто используемый в США пример ракетного нападения Северной Кореи, то в течение максимум нескольких минут надо принять решение, что делать: задействовать систему ПРО (которая, возможно, будет к тому времени развернута) или кроме этого нанести удар по корейским пусковым установкам? Сколько противоракет следует запустить? Например, если использовать только оборонительные средства, то нужно оставить резерв против возможного нового пуска. Если уничтожить часть северокорейских ракет еще на земле, то можно увеличить соотношение перехватчиков и ракет и т.д. Если наносить удар по пусковым установкам, то каким оружием: обычным или ядерным? В условиях дефицита времени может просто оказаться невозможным доложить президенту всю информацию, организовать совещание и прочее. Решение, возможно, придется принимать без его участия и лишь информировать президента пост-фактум. Короче, предстоит решить очень много вопросов, что лишь еще раз подтверждает, что хотя «процесс и пошел», но находится лишь на самой ранней стадии.

ВОЗМОЖНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ МОДЕРНИЗАЦИИ ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ

Для того, чтобы угроза применения ядерного оружия была убедительной, а также чтобы при необходимости действительно можно было его применить, требуются средства, точно соответствующие поставленным задачам. Это аксиома теории ядерного сдерживания: никакая угроза не будет убедительной, если она не опирается на военно-техническую базу. Процесс создания вооружений, отвечающих описанным выше задачам, однако, находится лишь в начальной стадии.

Среди сторонников изменения места и роли ядерного оружия доминирует мнение о том, что созданное в период холодной войны оружие (определяемое обычно термином «legacy arsenal»), не отвечает новым задачам, прежде всего в силу его чрезвычайно разрушительного характера – большой мощности и, за редкими исключениями, неварьируемых поражающих факторов. При планируемом в настоящее время ограниченном применении на деле достигается эффект «сверхубийства»: чрезвычайно высок уровень «сопутствующих потерь» и заражения местности, которые делают практически невозможным восстановление нормальной жизни и организации выборов или формирования дружественного США правительства. Крайне негативными (возможно, даже необратимо негативными) были бы политические последствия как внутри США, так и на мировой арене. Потенциальные «адресаты» ядерного удара, естественно, это осознают и могут сделать вывод о низкой вероятности применения против них такого оружия. Исходя из этого возникает потребность в развертывании новых, более отвечающих современным задачам типов ядерного оружия.

Как отмечалось выше, процесс модернизации ядерного арсенала¹⁷ состоит из двух частей: усовершенствования существующих боеприпасов и концептуальной проработки новых боеприпасов. Вторая часть пока имеет второстепенное значение, о ее перспективах можно будет говорить лишь через год или, скорее, два.

Вместе с тем, создание новых военных возможностей, в том числе в плане совершенствования существующих или создания новых боеприпасов, далеко не исчерпывает всего комплекса стоящих сегодня задач; более того, концентрация на чисто военной стороне дела была бы ошибочной. Более масштабной и более важной в долгосрочном плане задачей является возрождение промышленной инфраструктуры ядерного комплекса, включая производство ключевых компонентов и самих боеприпасов, а также при необходимости способности их испытывать.

Последнее, но не менее важное замечание – все описанные ниже проекты рассчитаны на значительные сроки. Практически ни один из них не будет воплощен «в металл» до конца текущего десятилетия, а, скорее всего, и значительно дольше. Многие газетные публикации как в России, так и в США зачастую создают впечатление, что, мол, чуть ли не завтра вооруженные силы США будут располагать новыми типами ядерного оружия, а послезавтра начнут их применять. Но даже решения о начале большинства крупных программ могут быть приняты лишь через два-три года, а их завершение падает в лучшем случае на конец десятилетия, а скорее – на период после 2010 г.

Наиболее активно осуществляется совершенствование существующих боеприпасов для придания им двух ключевых характеристик – малой мощности и способности проникать в грунт. В годы холодной войны был создан ряд боеприпасов малой или варьируемой мощности, которые в принципе можно модифицировать для решения новых задач. В 1990-е гг. уже была создана новая модификация старого – 1960-х гг. – боеприпаса – авиабомба В-61/11, оснащенная оболочкой, позволяющей проникать в грунт, а также имеющая ряд других усовершенствований¹⁸. Сейчас проводится дополнительная работа над этим боеприпасом, а также над В-83. Планируется выяснить, позволит ли оснащение этих боеприпасов новой оболочкой и внесение других усовершенствований выполнить перспективные задачи. Данный проект, который пока в основном укладывается в рамки НИР, планируется завершить к 2006 г., хотя не исключено, что сроки удастся сократить¹⁹. Помимо этого будет рассмотрена возможность оснащения ядерных вооружений системами нацеливания, которые сегодня используются только для обычных высокоточных боеприпасов. Это позволило бы заметно повысить эффективность ядерного оружия, в том числе снизить требования к мощности.

Модернизация существующих боеприпасов позволяет экономить время и средства, а главное – избежать негативных политических последствий, в том числе возобновления ядерных испытаний. В то же время сценарии применения ядерного оружия, которые считаются вероятными, предъявляют достаточно жесткие требования, до которых существующие боеприпасы могут и не дотянуть. Судя по публикациям в прессе и выступлениям в Конгрессе, речь может идти, в частности, о следующих параметрах: очень точное дозирование мощности – едва ли не до 0,1 килотонны (в годы холодной войны допуска-

лись намного более значительные отклонения от штатной или избранной мощности (последнее в случае боеприпаса с варьируемой мощностью); возможность варьировать набор и эффективность поражающих факторов в зависимости от объекта (цели) и задач; способность уничтожения химических и биологических веществ; упрощение процедур обслуживания и увеличение периодов между регулярным обслуживанием (в частности для того, чтобы по возможности избежать частого возвращения боеприпаса на объект промышленности) и т.д.

Программа новых типов ядерных боеприпасов носит в основном предварительный характер. В ее задачи входит определиться с потребностями вооруженных сил, рассмотреть возможные варианты их удовлетворения и, видимо, едва ли не самая важная цель – добиться того, чтобы военные понимали, что возможно сделать, а что нет. Во всяком случае, многие представители ядерных лабораторий и промышленности не уверены в том, что все требования военных можно удовлетворить. Не исключено, однако, что концептуальные исследования могут «плавно перейти» в стадию НИР и даже, может быть, выйти за пределы «бумажной стадии» путем перехода к разработке и испытанию компонентов в той мере, в какой это может оказаться необходимым для принятия решения о полномасштабных НИОКР²⁰.

Считается, что при использовании современных технологий наведения, перечисленных выше, а также ряда других факторов можно было бы свести политические, военные и экологические последствия применения ядерного оружия к минимуму. Соответственно, возможность применения ядерного оружия станет более высокой. Существует и противоположная точка зрения: недавно проведенное исследование Федерации американских ученых показало, что радиоактивное заражение местности и атмосферы даже при применении проникающего ядерного боезаряда малой мощности все равно будет значительным²¹.

Среди специалистов распространено мнение, что добиться требуемых характеристик на основе только существующих боеприпасов вряд ли удастся, и вследствие этого на повестку дня встает вопрос о разработке нового типа боеприпаса. Поскольку возможности моделирования ядерного взрыва ограничены, то в случае, если речь пойдет о новом типе боеприпаса, видимо, будет невозможно обойтись без возобновления полномасштабных испытаний. Пока что, однако, лишь решено сократить срок готовности Невадского полигона к испытаниям с нынешних 24-х–36-ти месяцев до 18-ти. Этот срок можно было бы в принципе сократить еще больше, но постоянное поддержание высокой готовности полигона в течение многих лет потребовало бы значительных финансовых и людских ресурсов, поэтому срок 18 месяцев рассматривается как разумный компромисс²². Нежелание выходить на, скажем, шестимесячную готовность является дополнительным свидетельством того, что вопрос о возобновлении испытаний остается практически в «подвешенном» состоянии.

Возобновление испытаний означало бы конец объявленного США в 1992 г. моратория, а также окончательно «похоронило» бы Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ). Помимо самого факта возобновления взрывов, США, видимо, пришлось бы проходить через психологически и политически неприятную процедуру отзыва своей подписи под ДВЗЯИ, поскольку в соответствии с Женевской конвенцией о праве международных договоров они не имеют права предпринимать шагов, противоречащих целям Договора, в период между подписанием и вступлением его в силу²³.

Официальные представители администрации США заявляют, что решение о возобновлении испытаний не принималось, и представляется, что этим заявлениям можно доверять. Вопрос об испытаниях встанет только тогда, когда (и если) планируемые исследования подтвердят потребность в новом типе боеприпаса. В принципе, возобновление испытаний уже сейчас имеет довольно широкую поддержку среди представителей администрации и ядерного оружейного комплекса США, но все же вопрос остается открытым и, видимо, решение будет оттягиваться настолько, насколько это возможно. Тем не менее, вероятность такого шага рассматривается даже его сторонниками как крайне низкая; особенно важно то, что возобновление испытаний исключительно ради подтверждения надежности существующих боеприпасов считается прак-

тически невозможным – требуются более серьезные причины, такие как создание нового типа боеприпаса²⁴. Более того, планируемое сокращение сроков готовности полгона в Неваде до 18-ти месяцев позволит, среди прочих последствий, отложить принятие решения.

Ярд ли можно ожидать быстрого завершения ведущейся в настоящее время дискуссии. В Вашингтоне, похоже, хорошо видят по крайней мере некоторые негативные последствия такого решения. В частности, часто ссылаются на то, что американский пример позволит возобновить испытания России и, главное, Китаю. Нужно еще решить, что для США важнее – испытать свое новое оружие или позволить Китаю завершить модернизацию его ядерного арсенала.

Другие последствия, впрочем, недооцениваются, в частности, в плане того влияния, которое возобновление испытаний может иметь на режим нераспространения ядерного оружия. ДВЗЯИ является важным элементом этого режима, более того, самым крупным достижением в этом плане за 1990-е гг. Возобновление испытаний способно обесценить заявления США о поддержке этого режима, и не исключено, что оно может подхлестнуть целый ряд стран к попыткам приобрести ядерное оружие.

Одним из важных элементов «новой триады» является «responsive infrastructure» – термин, который нередко не совсем точно переводится на русский язык как «гибкая» инфраструктура. На самом деле имеется в виду сокращение сроков между выявлением потребности в том или ином виде нового оружия и его принятием на вооружение. В идеале, промышленность должна быть в состоянии быстро откликнуться на внезапно обнаруженную потребность в конкретной модификации ядерного боеприпаса, разработать его и произвести в небольших количествах. Последнее важно подчеркнуть: в США практически никто из серьезных специалистов не рассматривает возобновление производства ядерного оружия в масштабах, даже отдаленно сравнимых с периодом холодной войны. Напротив, речь скорее идет о производстве довольно значительного числа модификаций очень небольшими сериями. Насколько это возможно в реальной жизни, трудно сказать. Скорее всего, сократить сроки НИОКР и производства в той мере, в какой этого хотелось бы военным, не удастся, и для промышленности будет предпочтительнее произвести «запас» из большого числа очень коротких серий различных модификаций боеприпасов.

Все это, однако, дело отдаленного будущего. Пока что промышленность решает иную задачу – восстановления самой способности производить ядерное оружие. В этой связи привлекает внимание тот факт, что и Лос-Аламосская, и Ливерморская лаборатории активно принимают на работу молодых специалистов для работы с ядерным оружием; как и российские ядерные центры, американские лаборатории жалуются на старение кадров оружейников²⁵. Среди шагов в этом направлении можно также выделить возобновление производства трития в 2002 г. (с опозданием примерно на полтора года по сравнению с первоначально запланированными сроками). В апреле 2003 г., впервые с 1989 г., когда был закрыт завод в Роки Флэтс, в Лос-Аламосе была произведена плутониевая сборка для боеприпаса W-88, и к 2007 г. предполагается завершить производство требуемого количества резервныхборок для этого типа боеприпаса. Вместе с тем планируется построить новый завод для производстваборок (следует признать, что лаборатория – неподходящее место для промышленного производства), но этот проект находится лишь на самых ранних стадиях; окончательное решение о строительстве, включая выбор площадки, ожидается в 2006 г., а само строительство может начаться лишь в 2020 г.²⁶ По некоторым сообщениям, Министерство энергетики склоняется к строительству завода мощностью до 125борок в год в Лос-Аламосе; другая вероятная площадка – Саванна Ривер (штат Южная Каролина)²⁷.

На фоне тех изменений, которые происходят в ядерной политике США, рассмотрим теперь российский подход к стратегии в области применения ядерного оружия, вытекающий из последних руководящих документов Российской Федерации.

ЯДЕРНОЕ ОРУЖИЕ В ВОЕННОЙ ДОКТРИНЕ РОССИИ

Ряд положений Концепции национальной безопасности и Военной доктрины России, принятых в 2000 г.²⁸, расцениваются многими экспертами как свидетельство повышения роли ядерного оружия в оборонной политике страны. Так же, как и для США, для России роль стратегического ядерного сдерживания снизилась, поскольку снизилась вероятность широкомасштабного конфликта. Следует оговориться, впрочем, что для России способность сдерживать США остается более актуальной, чем для американцев способность сдерживать Россию. Главное, однако, в том, что эти документы можно интерпретировать как допускающие ограниченное применение ядерного оружия в определенных ситуациях, то есть наличествует сходство с эволюцией ядерной стратегии США, хотя в России упор делается на иные сценарии конфликтов.

Оба документа требуют, чтобы ядерный потенциал России был способен «гарантированно обеспечить нанесение заданного ущерба любому агрессору (государству или коалиции государств) в любых условиях». Использование термина «заданный ущерб» вместо более привычного «неприемлемый ущерб» может подразумевать соразмерности масштабу и целям конфликта, но менее значительного, чем полное разрушение экономики и общества, которое традиционно связывается с понятием неприемлемости. Более того, документы 2000 г. более не связывают применение ядерного оружия исключительно с крупномасштабным конфликтом. В них предусматриваются четыре вида конфликтов: вооруженный конфликт, локальная война, региональная война и крупномасштабная война. Использование ядерного оружия связано с двумя последними типами. При этом высказывалось мнение, что наиболее вероятным сценарием возникновения региональной войны (т.е. ситуации, допускающей при определенных условиях применение ядерного оружия) является переход от вооруженного конфликта (вооруженное столкновение ограниченного масштаба вследствие попытки разрешить национальные, этнические, религиозные или иные противоречия с помощью средств вооруженной борьбы) к региональной войне²⁹. Это можно было воспринимать как прозрачный намек на то, чем кончилась бы для Запада попытка вмешаться во внутренние дела России, например, в конфликт в Чечне.

Основные элементы ядерной политики, как считают некоторые специалисты, были, видимо, сформулированы в 1999 г. под влиянием войны в Косово, когда возникли серьезные опасения относительно применения военной силы или угрозы ее применения против России. На практике смысл «расширенного сдерживания» (термин введен бывшим Главкомом РВСН В.Н. Яковлевым в конце 1999 г.) был продемонстрирован в ходе учений «Запад-99». Судя по сообщениям в печати, в ходе этих учений была смоделирована военная акция в отношении Калининградской области, в которой на стороне НАТО были использованы такие же силы и средства, как в Косово. Через несколько дней боев обороняющаяся сторона была вынуждена применить ядерное оружие: два пуска крылатых ракет воздушного базирования (КРВБ) с тяжелых бомбардировщиков по целям военного характера в Европе и два по целям на территории США (видимо, чтобы продемонстрировать, что в случае чего США не останутся в стороне).

Внимание к ядерному оружию в 1990-е гг. объясняется тем, что, хотя вероятность крупномасштабной войны снизилась практически чуть ли не до нуля, в течение всего десятилетия периодически возникали опасения относительно того, что военная сила может быть применена против России в ограниченном масштабе в сравнительно узких политических целях. При этом имелись в виду такие примеры, как Босния, а затем Косово. Угроза того, что ограниченное применение военной силы (подпадающее под определение региональной войны в Концепции национальной безопасности и в Военной доктрине) может вылиться в ограниченное применение ядерного оружия, насколько можно судить, была призвана исключить возможность такого конфликта. У НАТО просто не могло быть целей, которые оправдывали бы риск такого ядерного конфликта. Представляется далеко не случайным, что в ответ на критику России по поводу Чечни в конце 1999 г. на саммите СБСЕ в Турции Б.Н. Ельцин открытым текстом напомнил о наличии у России ядерного потенциала. По сути речь идет о четком и квалифицированном применении рекомендаций уже цитировавшегося Т. Шеллинга.

Следует вместе с тем отметить, что сценарий применения ядерного оружия для целей деэскалации ограниченного по масштабу и целям конфликта не является чисто российским изобретением. В принципе, эта концепция традиционна для времен холодной войны (особенно для 1960-х гг.). В современный период она в более откровенном виде была изложена в документе Комитета начальников штабов, который сформулировал доктринальные положения, касающиеся применения ядерного оружия в современной обстановке. В докладе, в частности, отмечалось, что готовность применить ядерное оружие в рамках неядерного конфликта должна привести к тому, что потенциальный агрессор воздержится от нападения³⁰. Этот момент важно отметить, поскольку распространено мнение, что в период после холодной войны эволюция в направлении большей опоры на ядерное оружие началась именно в России. Как видно, над этими вопросами всерьез размышляли и в США. Хотя сейчас основное внимание привлекают другие сценарии, концепция деэскалации конфликта с помощью ядерного оружия вряд ли полностью забыта.

Учения, схожие с «Западом-99», проводились и в дальнейшем. Последние по времени – в мае нынешнего, 2003 г., когда тяжелые бомбардировщики *Tu-160* и *Tu-95MC* отрабатывали удары по морским целям в Индийском океане и, возможно, также по острову Диего-Гарсия, с которого американские самолеты незадолго до этого действовали по Ираку. Пожалуй, впервые с 1999 г. эти маневры несли столь сильную политико-психологическую нагрузку.

Эти учения также позволяют предположить, что, несмотря на предпринятые в последние годы шаги по сокращению Стратегических ядерных сил, свидетельствующие, казалось бы, о том, что как минимум часть руководства Минобороны намерена резко снизить роль ядерного фактора в оборонной политике России, документы 2000 г. продолжают оставаться в силе. Обращает на себя внимание также то, что и «Запад-99», и недавние маневры проводились в обстановке необходимости послать предупреждающий или напоминающий сигнал.

Вместе с тем, хотя упомянутые документы допускают использование ядерного оружия в региональных конфликтах, Концепция национальной безопасности четко оговаривает, что долгосрочным приоритетом все же является развитие обычных вооруженных сил, т.е. опора на ядерное оружие – это временная мера. Летом–осенью 2000 г. произошла определенная, как теперь видится, временная и частичная корректировка ядерной политики России именно в этом направлении, видимо, вследствие политических и административных причин, а не перспективы скорого и значительно увеличения потенциала обычных вооруженных сил.

Перспективы развития ядерной политики России представляются недостаточно ясными, главным образом в силу незавершенности внутривнутриполитических процессов и изменчивости позиций военного руководства. Заметное и, видимо, возрастающее влияние может оказывать и американская политика в этой области. Так, если США твердо возьмут курс на допустимость ограниченного применения ядерного оружия в региональных конфликтах, а тем более приступят к разработке соответствующих средств, трудно представить себе, что Россия будет продолжать снижение уровня опоры на ядерное оружие или, тем более, откажется от возможности его ограниченного применения. Кроме того, если США возобновят испытания, Россия, видимо, достаточно быстро последует этому примеру (хотя ее скорее всего опередит Китай).

ПРИЧИНЫ ИЗМЕНЕНИЯ РОЛИ ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ

Даже из приведенного краткого обзора представляется очевидным, что отношение к ядерному оружию эволюционировало в США и России примерно в одном направлении, а именно – в сторону признания допустимости, а в некоторых случаях и целесообразности ограниченного применения ядерного оружия. Несмотря на то, а, возможно, именно потому, что угроза всеобщей ядерной войны снизилась почти до нуля, ослаб политический и психологический барьер, делавший применение ядерного оружия невыносимым.

Естественно, между американским и российским подходами существует принципиальная разница. Для США ядерное оружие постепенно приобретает роль эффективного средства поддержки обычных региональных войн против стран, которые часто называются изгоями или членами «оси зла» – стран, принадлежащих к категории развивающихся, которые стремятся приобрести оружие массового уничтожения³¹. Для России ядерное оружие, судя по всему, в основном выступает в качестве средства деэскалации региональной войны за счет радикального увеличения «цены» тех политических целей, к которым может стремиться потенциальный противник.

В середине 1990-х гг. тема использования ядерного оружия для сдерживания неядерных государств достаточно активно обсуждалась и в России, но только в неправительственных кругах. Официальные документы четко формулируют приверженность так называемым «негативным гарантиям», принятым в контексте ДНЯО, т.е. ядерное оружие может быть применено лишь против тех неядерных стран, которые являются союзниками ядерных или нападают на Россию или ее союзников совместно с ядерными. США, как представляется, уже отошли от негативных гарантий или, по крайней мере, ясно обозначили намерение это сделать. Не исключено, что со временем этому примеру могут последовать и другие ядерные страны, в том числе Россия и Китай³².

Подрыв негативных гарантий может привести к серьезной дестабилизации режима нераспространения ядерного оружия. Пусть они никогда полностью не удовлетворяли неядерные страны, все же существовала какая-то гарантия защиты от того, чтобы превратиться в эпицентр ядерного взрыва. Без них тяга к ядерному оружию может заметно возрасти, особенно среди стран, которые имеют основания опасаться, что когда-нибудь окажутся в списках «оси зла» (например, Саудовская Аравия).

Другое важное отличие заключается в военно-технической стороне дела. Россия, как отмечалось выше, похоже, не занимается созданием боеприпасов малой мощности, хотя мысли на этот счет высказывались едва ли не раньше, чем в США³³. Все же, ввиду того, что боеприпасы малой мощности лучше отвечают целям ограниченного применения, можно ожидать, что если в США будут официально запущены соответствующие программы, а тем более возобновлены ядерные испытания, Россия также в конце концов пойдет по этому пути.

Сравнительный анализ ядерной политики США и России позволяет сформулировать гипотезу об условиях, которые могут привести к увеличению опоры на ядерное оружие³⁴; предварительная оценка показывает, что эта гипотеза может быть применима и к другим странам.

В конкретном плане речь идет о четырех факторах. Два являются необходимыми, но недостаточными; требуется присутствие как минимум одного из остальных двух факторов. Следует сразу оговориться, что все эти факторы субъективны; они отражают определенные представления и мнения, доминирующие в политическом и военном руководстве. Верны эти представления или нет – в принципе, неважно. Важно то, что они влияют на формирование политики.

Необходимыми факторами являются:

- ощущение острой внешней угрозы. Для США это угроза распространения ОМУ, международного терроризма, особенно ядерного, и т.д. Для России это опасение того, что против нее может быть применена сила или ей могут угрожать применением силы, а также, видимо, обеспокоенность относительно возможной нестабильности на юге или в каком-либо другом регионе;
- мнение о неадекватности несиловых мер обеспечения безопасности, таких как нормы международного права, союзы или обычные вооруженные силы. Для США речь идет о том, что ни ООН, ни союзники не смогут помочь в том, что касается стран, стремящихся приобрести или приобретших ОМУ. Для России – о том, что ООН или немногочисленные союзники не смогут застраховать ее от применения силы, если, например, НАТО решит это сделать.

Дополнительные факторы (требуется присутствие как минимум одного):

□ убежденность в том, что ядерное оружие способно принести конкретную, «измеримую» пользу, в то время как вероятные негативные последствия будут ограниченными и поддающимися контролю. В современных американских концепциях речь идет о ликвидации подземных бункеров; для России – о деэскалации региональной войны. В обоих случаях имеется в виду, что ограниченное применение ядерного оружия для решения ограниченных задач не будет иметь катастрофических последствий;

□ возможность компенсировать недостаточные расходы на обычные вооруженные силы. К США этот фактор не относится: расходы на обычные вооружения растут, и в любом случае США сейчас обладают наиболее мощными обычными вооруженными силами в мире. Для России, однако, возможность компенсировать слабость обычных вооруженных сил имеет значение и в определенные отрезки постсоветского периода привлекала пристальное внимание. Как отмечалось выше, документы 2000 г. рассматривали ядерное оружие именно в этом контексте – как средство обеспечения безопасности в течение переходного периода.

Все вышеизложенное свидетельствует о том, что опора на ядерное оружие, так же как и планируемые шаги по его модернизации, не является просто капризом или «происками» отдельных деятелей. Она представляет собой ответ на реально существующие или, по крайней мере, явственно ощущаемые угрозы; ее направление не изменится само по себе, например, в случае, если Дж. Буш не будет переизбран на второй срок.

Другое дело, что, как показано выше, некоторые посылки нынешней политики сомнительны, а негативные последствия остаются недооцененными. Поскольку значительную роль в формировании нынешней политики играют субъективные мнения и ощущения, пусть и разделяемые широким кругом гражданских и военных специалистов, можно рассчитывать, что дополнительный анализ и продолжающаяся дискуссия могут привести к корректировке предлагаемых ответов на эти угрозы.

Перечисленные выше факторы применимы и к неядерным государствам. Если взять в качестве примера Иран, то легко увидеть, что, во-первых, он давно ощущает враждебное отношение со стороны США, и ощущение угрозы усилилось после разгрома Ирака. Во-вторых, он может полагаться только на собственные силы, не рассчитывая на ООН или мировое общественное мнение. В-третьих, во многом под влиянием новейших тенденций в ядерных государствах, в Иране может формироваться мнение о том, что ядерное оружие способно решить практические задачи без того, чтобы вызвать вселенскую катастрофу – например, для предотвращения или быстрого завершения возможного конфликта. Столь же «полезным» может быть и «наступательное» применение ядерного оружия – например, против Израиля или для установления региональной гегемонии. Наконец, ядерное оружие способно компенсировать практически непреодолимое отставание Ирана в области обычных вооруженных сил.

Ключевым из этих факторов является третий – представление о применимости ядерного оружия. Остальные в той или иной мере присутствовали и прежде (например, в начале 1980-х гг. конфронтация с США, да и с СССР была, возможно, острее, чем сейчас). Таким образом, изменение политики ядерных государств, пусть даже пока лишь на уровне риторики, способно иметь крайне негативные для них же последствия. Невозможность сделать ядерное оружие используемым без того, чтобы усилить стремление неядерных стран к его приобретению, является, вероятно, одним из наиболее фундаментальных парадоксов, связанных с этим оружием. Оно либо считается неприменимым, либо начинается трудноконтролируемый процесс распространения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Хотелось бы высказать две смелые мысли, которые призваны показать, что развитие событий в сфере ядерной политики далеко не столь одномерно, как это часто изображают авторы газетных и других публикаций.

Первая мысль относится к соотношению между режимом ядерного нераспространения и движением в направлении ограниченного применения ядерного оружия. Достаточно ясно, что новые доктринальные установки могут оказать самое негативное воздействие на режим нераспространения. Вместе с тем, надо учитывать, что сами эти установки появились в ответ на растущий пессимизм относительно способности режима нераспространения выжить или по крайней мере справиться с «диссидентами». Без ядерной программы Ирака, вызывающих подозрение работ в Иране и Северной Корее, где они в последнее время вышли на новый качественный уровень, вряд ли можно было бы ожидать изменений в американской ядерной политике. Во всяком случае, сторонникам большей опоры на ядерное оружие вряд ли удалось бы получить достаточную поддержку. Другое дело, что политика, исходящая из неизбежности провала режима, создает дополнительные условия, его подрывающие, – самоисполняющийся прогноз. Думается, вместе с тем, что неядерным странам сложно осуждать США (да и России – ее ядерная политика до прихода к власти в Соединенных Штатах Дж. Буша была основным объектом критики). Надо также подумать над тем, как быть с их собственными соседями, стремящимися приобрести ОМУ. Иначе США скорее всего продолжат нынешнюю линию, и остановить их простым осуждением будет нелегко.

Явной «лакуной» в ядерной политике США является вопрос о развитых странах. Действительно, применение силы, в том числе, возможно, и применение ядерного оружия или угроза его применения, способны обеспечить какое-то, пусть и субоптимальное решение проблемы, скажем, Северной Кореи. Однако если ядерное оружие решит приобрести, например, Япония (а растущее число специалистов считает это возможным в случае, если ситуация на Корейском полуострове пойдет «вразнос»), то ясно, что США применять силу не будут. Более того, они уже примирились с ядерным статусом Индии и Пакистана (не говоря уже об Израиле), показав тем самым, что в некоторых случаях распространение ядерного оружия их особо не волнует. По сути, складываются две группы стран – те, которым Вашингтон готов разрешить приобретение ядерного статуса, и те, чьи попытки такой статус приобрести будут пресекаться. С сохранением международного режима ядерного нераспространения такое разделение государств, конечно, несовместимо. Но, кроме того, возникает вопрос, смогут ли вообще США в долгосрочной перспективе сохранить статус единственной сверхдержавы и свою гегемонию в мире, где значительное число «хороших» стран будет обладать ядерным оружием, перестанет зависеть от США в плане обеспечения безопасности и вообще сможет проводить более независимую политику. Этот вопрос в нынешней американской внешнеполитической стратегии совершенно не разработан; его вообще словно стараются не замечать.

Вторая мысль состоит в том, что мы действительно не знаем, какие последствия может иметь ограниченное применение ядерного оружия, тем более оружия малой мощности, которое не создаст долговременного заражения местности. Наше отношение к применению ядерного оружия сформировано на основе давно сложившейся психологической нормы – представления о том, что любое применение ядерного оружия закончится глобальной катастрофой. И процитированная выше старая статья В.Н. Михайлова, и более современные высказывания американских военных и политиков бросают вызов этой норме.

Решить, кто прав на самом деле, практически невозможно, поскольку и традиционные нормы, и взгляды «ревизионистов» представляют собой лишь теоретические построения. Фактов, позволяющих сделать выбор в пользу той или иной точки зрения, нет (и слава Богу, конечно, что нет). Это означает, во-первых, что простые заклинания насчет «поджигателей ядерной войны» не будут иметь никакого эффекта. Во-вторых, это означает, что дискуссия о том, можно ли применять ядерное оружие (особенно если применять его осторожно) может длиться вечно до тех пор, пока все сводится к обмену словами.

Проблема, скорее, заключается в том, что мысли «ревизионистов» становятся материальной силой, а мы до сих пор не можем оценить с приемлемой вероятностью, каковы могут быть их последствия. Поэтому дискуссия вокруг направлений ядерной политики в США, да и не только в них, напоминает диалог глухих – каждая из сторон высказывает и возводит в ранг абсолюта собственные представления и рецепты, в то время как политическое руководство, да и просто «неприсоединившиеся» не располагают критериями, позволяющими сделать осмысленный выбор.

Примечания

¹ Закон Спратта – Фурса (Spratt-Furse Law) наложил запрет на НИОКР, которые могли бы привести к производству Соединенными Штатами нового боеприпаса малой мощности, включая высокоточные боезаряды малой мощности («to conduct research and development which could lead to the production by the United States of a new low-yield nuclear weapon, including a precision low-yield warhead»). Боеприпас малой мощности определяется в законе как имеющий мощность менее пяти килотонн.

² Ruppe David. U.S. Response: House, Senate Pass Defense Bills; Approve Key Elements of Bush Nuclear Agenda. *Global Security Newswire*. 2003, May 23. <http://www.nti.org>; Towell Pat. Chambers Agree on Funding, Not On Pentagon Operations. *Congressional Quarterly Weekly*. 2003, May 24. P. 1272.

³ Hulse Carl. House Retreats from Bush's Nuclear Plan. *New York Times*. 2003, July 15. После одобрения профильными комитетами проект бюджета поступает в Комитет по ассигнованиям (Appropriations Committee), который заново рассматривает этот документ и может изменить ранее принятые решения. В данном случае речь идет о Подкомитете по энергетике и водным ресурсам, который в рамках Комитета по ассигнованиям ведает вопросами Министерства энергетики (Energy and Water Development Subcommittee).

⁴ Hulse Carl. House Trims Bush Plan for Research on Nuclear Weapons. *New York Times*. 2003, July 17; Wall Robert, Nuke Push. *Aviation Week & Space Technology*. 2003, July 21. P. 41.

⁵ Ruppe David. U.S. legislators Offer Mixed Signals on Bush Nuclear Program. *Global Security Newswire*. 2003, July 17. <http://www.nti.org>. Инструкции для конгрессменов Палаты представителей в согласительной комиссии (эти инструкции, впрочем, носят лишь рекомендательный характер) требовали настаивать на сохранении закона Спратта – Фурса. См. Ruppe David. Democrats Fear New Effort to Repeal Mininukes Production Ban. *Global Security Newswire*. 2003, July 9. <http://www.nti.org>.

⁶ Letter of NNSA Administrator Linton Brooks to Terry Everett, Chairman, Subcommittee on Strategic Forces, Committee on Armed Services, U.S. House of Representatives. 2003, April 28.

⁷ В письме используется слово «explore», которое означает концептуальные разработки, исследование различных вариантов, выяснение осуществимости того или иного проекта и т.д. Целенаправленные работы в рамках НИР обозначались бы другим термином, «research». Выбор термина далеко не случаен и несет определенную смысловую нагрузку.

⁸ На официальном жаргоне это называется «advanced concepts».

⁹ См., в частности, публикацию автора: Sokov Nikolai. Russia's New National Security Concept: The Nuclear Angle. 2000, January 28. <http://www.nti.org/db/nisprofs/over/concept.htm>, а также «Новая российская концепция национальной безопасности». *Конституционное право: восточноевропейское обозрение*. 2000, № 2.

¹⁰ В прессе неоднократно высказывалось мнение, что на заседании Совета безопасности РФ в апреле 1999 г., вскоре после начала войны в Косово, было принято решение о создании ядерного оружия малой мощности. Публикации того времени суммированы в работе: Sokov Nikolai. The April 1999 Russian Federation Security Council Meeting on Nuclear Weapons. 1999, June. <http://www.nti.org/db/nisprofs/over/rfsecmtg.htm>. В статье был сделан вывод о том, что несмотря на многочисленные публикации в прессе такое решение вряд ли было принято, хотя, возможно, этот вопрос и поднимался кем-либо из участников. Последняя по времени газетная публикация на эту тему относится к маю 2003 г.: История малого ядерного оружия. *Коммерсант*. 2003, 22 мая (в статье заявлено, что «Совет безопасности РФ 26 апреля 1999 г. утвердил программу создания нового поколения нестратегического ядерного оружия малой мощности»).

¹¹ Несекретный вариант *Nuclear Posture Review* доступен на <http://www.defenselink.mil/news/Jan2002/020109-D-6570C-001.pdf> и <http://www.defenselink.mil/news/Jan2002/d20020109npr.pdf>; в прессу просочилась информация о неопубликованных элементах (см., например, Pincus Walter. Nuclear Plans Go Beyond Cuts. *Washington Post*. 2002, February 19. P. 13); Стратегия национальной безопасности США. Сентябрь 2002 г. <http://www.whitehouse.gov/nsc/nss.pdf>; Национальная стратегия борьбы с распространением оружия массового уничтожения (National Strategy to Combat Weapons of Mass Destruction). Декабрь 2002 г. <http://www.whitehouse.gov/news/releases/2002/12/WMDStrategy.pdf>.

¹² Squitieri Tom. Bush Pushes for Next Generation of Nukes. *USA Today*. 2003, July 7.

¹³ Schelling Thomas. *Nuclear Weapons and Limited War*. Santa Monica: RAND, 1959.

¹⁴ Tactical Nuclear Weapons in Southeast Asia. Institute for Defense Analysis, Jason Division: 1967, доступно на <http://www.nautilus.org/vietnamFOIA/report/dyson67.pdf>.

¹⁵ Arkin William. A New Nuclear Age. *Los Angeles Times*. 2003, July 6.

¹⁶ См., например, Корниенко Г.М. «Холодная война»: свидетельство ее участника. М.: Олма-Пресс, 2001. С. 147.

¹⁷ Обзор предпринимаемых и планируемых шагов см.: Ferguson Charles and Zimmerman Peter. New Nuclear Weapons? *CNS Research Story of the Week*. 2003, May 29 at <http://cns.mii.edu>.

¹⁸ Характеристики «семейства» B-61 можно найти на <http://nuketesting.enviroweb.org/hew/Usa/Weapons/B61.html>. Относительно придания новой модификации «проникающих» способностей в 1990-е гг. см., например, The Stockpile Stewardship Program. Fact Sheet released by the Bureau of Arms Control, U.S. Department of State, Washington, DC. October 8, 1999; Pincus Walter. Powerhouse H-Bomb Heads for Graveyard. *Washington Post* 2002, August 8. P. 10.

¹⁹ Statement of Linton F. Brooks, Acting Undersecretary of Energy and Administrator for National Security, National Nuclear Security Administration, U.S. Department of Energy, Before the Subcommittee on Strategic Forces, Committee on Armed Forces, U.S. Senate. 2003, April 8 (к моменту написания статьи Л. Брукс был утвержден Конгрессом в должности администратора NNSA).

²⁰ Statement of Dr. Everett Beckner, Deputy Administrator for Defense Programs, National Nuclear Security Administration, before the Senate Armed Services Committee, Subcommittee on Strategic Forces. 2003, April 8.

²¹ Nelson Robert. Low-Yield Earth-Penetrating Nuclear Weapons. FAS Public Interest Report. 2001, January – February.

²² Statement of Linton F. Brooks, Acting Undersecretary of Energy and Administrator for National Security, National Nuclear Security Administration, U.S. Department of Energy, Before the Subcommittee on Strategic Forces, Committee on Armed Forces, U.S. Senate. 2003, April 8.

²³ США не являются членом и этой Конвенции, хотя президент Р. Никсон, при котором была принята неудачная попытка ее ратификации, заявил о намерении США де-факто эту конвенцию соблюдать; это обязательство продолжает сохранять силу.

²⁴ Rogers Keith. Possibility of Nuclear Tests Slim. *Las Vegas Review-Journal*. 2003, June 16.

²⁵ Sterngold James. The Next Generation of Bombmakers. *San Francisco Chronicle*. 2003, June 23.

²⁶ Rohloff Greg. New DOE Facility Topic of Meeting. *Amarillo Globe-News*. 2002, June 27.

²⁷ SRS Candidate for New Government Trigger Factory. 2003, July 6.

²⁸ Концепция национальной безопасности Российской Федерации утверждена Указом Президента РФ от 17 декабря 1997 г. № 1300 (и в редакции Указа Президента РФ от 10 января 2000 г. № 24); Военная доктрина Российской Федерации утверждена Указом Президента РФ от 21 апреля 2000 г. № 706.

²⁹ Прозоров В. Ядерное сдерживание в теории применения РВЧН. М.: Военная академия Петра Великого, 1999. С. 19.

³⁰ Doctrine for Joint Nuclear Operations (Junt Publication 3–12). 1995, December 15. P. 1–3.

³¹ На самом деле критерии «выбора цели» явно сложнее, хотя полностью они официально не сформулированы. В число этих критериев также явно входит политический строй, а также потенциальное или заявленное стремление оказать подрывающее воздействие на систему международных отношений. Вопреки официальным заявлениям, поддержка международного терроризма, похоже, не является ведущим признаком для причисления той или иной страны к «оси зла».

³² В Китае уже активно обсуждается отказ от обязательства не использовать ядерное оружие первым. Это значит, что один из важных элементов ядерной политики, сформулированных в годы холодной войны, уже подвергается сомнению. Интересно, что причины те же, что вызвали эволюцию ядерной политики России – подавляющее превосходство США в обычных вооруженных силах.

³³ Михайлов Виктор, Андрушин Игорь, Чернышев Александр. Расширение НАТО и безопасность России. *Век*. 1996, 20 сентября.

³⁴ Sokov Nikolai. Why States Rely On Nuclear Weapons? The Case Of Russia And Beyond. *Nonproliferation Review*. 2002, Summer. Vol. 9, No. 2.

Не чипай лиха, нехай воно спыць
Народная мудрость

Именем сената и народа Рима мы
объявляем войну варварам...

*Марк Красс, из речи о
Парфянском походе*

Ирак побежден, его диктатор исчез, армия рассеяна, столица взята. Победа достигнута американской армией и ее союзниками согласно заветам Ленина–Сталина, малой кровью на чужой земле, как незадолго до того в Афганистане. Идет война народная, священная война с мировым терроризмом и распространением оружия массового уничтожения (ОМУ). На повестке дня Иран, Саудовской Аравии приготовиться...

Логика в действиях президента Соединенных Штатов, вопреки заклинаниям европейских антиглобалистов и отечественных патриотов, присутствует железная. 11 сентября 2001 г. по территории его страны был нанесен удар, сравнимый разве что с Перл-Харбором. Оставить его безнаказанным Америка не могла. Адекватный ответ она дать также не могла, ибо победить террористов армия может с тем же успехом, как медведь разогнать рой пчел, то есть никак. Медведь может только уничтожить улей, после чего оставшиеся в живых пчелы вольны лететь в любом направлении. Аналогия полная, ибо авторитарные ближневосточные режимы именно так и искореняют терроризм, уничтожая по имя этой цели населенные пункты, являющиеся базой неподконтрольных правительству исламистов, вместе с жителями.

Для США после Хиросимы, Нагасаки и ковровых бомбардировок Вьетнама ведение войны методами такого рода осложнено по причинам внутренней политики. Массовая гибель мирных жителей, растражированная СМИ, порочит идею экспорта американской демократии и неизбежно скажется негативно на предвыборных перспективах действующего президента. Единственное, что в этом случае остается, – выбрать «плохих парней» и провести маленькую победоносную войну, постаравшись добиться максимального эффекта минимальными средствами, что и было проделано с изрядной долей дипломатической неуклюжести, скомпенсированной подавляющим технологическим превосходством и эффектной режиссурой специальных операций. Единственная проблема: враг не разбит. Он не разгромлен, а рассеялся и рассредоточился. Говорить не приходится не только об окончательной победе, но и о завершении кампании.

Начиная с первой Войны в Заливе, всерьез «втянувшись» в переделы Ближнего и Среднего Востока, Америка стоит перед выбором. Она может попробовать превратиться в классическую колониальную империю «нового типа», подобную британской или французской,

вернув в мировую политическую практику эру подмандатных территорий, однако это противоречит политической риторике, применяемой американскими политиками на протяжении всего XX века. После ликвидации монархии на Гавайях американское присутствие на контролируемых территориях всегда определялось как временное и ограниченное.

Возможна и попытка реализовать новый «план Маршалла», оккупировав Ирак, а, возможно, и не только его, подобно тому, как были оккупированы Германия и Япония после Второй мировой войны. Но в условиях холодной войны колоссальные затраты, необходимые для реализации этой программы, были оправданы необходимостью борьбы с «мировым коммунизмом» – врагом гораздо более конкретным, чем противостоящий США сегодня «террористический Интернационал».

Наконец, не исключен вариант действий, которые позволят держать ситуацию в регионе под контролем, не прибегая к оккупации тех или иных стран и территорий. К сожалению, наличие разработанной стратегии такого рода в Вашингтоне, Лондоне, Париже или Москве, не говоря уже о Брюсселе, сомнительно, а необходима она не в ближайшем будущем, а «вчера».

Рассмотрим состояние мирового сообщества после иракской войны. Кто-то в ее итоге приобрел, кто-то потерял, но главное – мир изменился и вряд ли станет прежним.

ИЗМЕНЕНИЯ ГЛОБАЛЬНЫЕ

Глобализация привела к тому состоянию человечества, которое более полутора веков назад предсказывали К. Маркс и Ф. Энгельс: оно живет в едином экономическом, информационном и общественно-политическом пространстве. Именно глобализация является исходной базой для построения коммунизма – не в советском или китайском, а в классическом марксистском варианте. Не исключено, что современное потребительское общество «равных возможностей» отцы-основатели марксизма и сочли бы тем самым коммунизмом, историческую неизбежность которого они пытались обосновать. В середине XIX века они полагали, что именно Великобритания и США возглавят мир в деле построения нового общества. Случайно ли этот тандем выступил инициатором нового миропорядка, основанного на союзе Р. Рейгана и М. Тэтчер в 1980-х гг., подтвержденном в начале 1990-х гг. в ходе операции «Буря в пустыне» и завершенном в 2003 г. во время второй Войны в Заливе? Американско-британская ось и ее спутники – не только инициатор нового передела мира, но и единственная военная сила, способная этот передел осуществить. Конкуренты – континентальная Европа и Китай – в течение длительного периода времени не смогут догнать США. Обратной стороной медали является «охота на лидера» соперников и конкурентов. Европа соперничает с англоязычной «осью» экономически и политически, Китай – еще и в военной сфере, а аутсайдеры, страны исламского мира, разочаровавшись в сырьевом шантаже, избрали своим оружием терроризм. Россия же, потерявшая и статус империи, и положение сверхдержавы, занимает промежуточное положение между основными силовыми центрами современного мира и лавирует между ними, пытаясь решить многочисленные внутренние проблемы и сохранить влияние на остатки постсоветской периферии. Мир первой половины XXI века – это мир Америки, однополярный мир единственной сверхдержавы, стремящейся к мировой гегемонии: иракская война доказала это со всей очевидностью.

ОТ СИЛЫ ПРАВА К ПРАВУ СИЛЫ: ООН, НАТО, etc.

Сколько бы реверансов ни производилось политиками самого высокого уровня в отношении существующей системы устройства мира, система эта де-факто не пережила весны 2003 г. Дело не в том, что Организация Объединенных Наций оказалась ораторским клубом, а не «мировым правительством». На протяжении всего времени существования ООН не столько управляла миром, сколько пыталась соответствовать собственным претензиям на эту роль. Иллюзия эффективности этой организации в годы противостояния двух идеологических систем была равно важна как для стран, входивших в противостоящие лагеря, так и для государств «третьего мира». В деидеологизирован-

ном мире начала XXI века, сложившемся после исчезновения с карты Советского Союза, ООН оказалась реликтом второй половины XX века, и демонстративное игнорирование второй антииракской коалицией институтов этой организации в ходе операции «Шок и трепет» только подчеркнуло этот факт.

Немалый урон потерпела и атлантическая солидарность. В ходе демонтажа Югославии роль НАТО оказалась существенно более значимой, чем ООН, однако ближневосточный кризис ввел новые составляющие в систему интересов Североатлантического союза. Для большей части стран НАТО непосредственная вовлеченность в контроль над топливно-энергетическими ресурсами Ближнего и Среднего Востока являлась и является вопросом, не допускающим компромиссов. У Турции при этом существуют важные геополитические интересы в Северном Ираке. Как следствие, США не только не удалось санкционировать свержение С. Хусейна ООН, но и задействовать для этого систему НАТО.

Американская попытка использования международных организаций в войне против Багдада потерпела явный провал. Дипломаты, эксперты и журналисты немало торжествовали по этому поводу. Растерянность, которую мир испытал, когда американский президент воспользовался правом силы и в кратчайшие сроки провел войну, несмотря на протесты мирового сообщества, не прошла до сих пор. Вспоминая известную цитату о роли «больших батальонов», следует отметить, что Дж. Буш всего лишь скопировал решение Александра Македонского по поводу «гордиева узла». Можно констатировать, что роль международных институтов в сегодняшнем мире определена. Они могут выполнять функции сопровождения американской политики или быть трибуной для ее умеренной критики. По крайней мере, до тех пор, пока в мире не возникнет еще один «полюс силы», сравнимый с США. Им, в частности, может стать через два-три десятилетия Китай. Если система международных организаций в ее нынешнем или измененном виде просуществует до этого времени, не исключено, что политика середины XXI века станет похожей на политику второй половины века двадцатого.

МОРАЛЬ И ПОЛИТИКА – ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ

Существеннейший фактор операции «Шок и трепет» на всех ее стадиях – роль СМИ, в первую очередь электронных. Современная война приобрела «голливудский» аспект, сказавшийся в том числе в неожиданной «жанровой» области: военные действия должны быть обоснованы не только политически и идеологически, но и морально, противник – демонизирован, а для завершения войны нужна не просто победа, но классический «хэппи энд».

Все это было продемонстрировано в Ираке: несмотря на бившие в глаза реалии, война формально велась не из-за нефти или геополитики, а вследствие необходимости окончательной победы «сил добра» в противостоянии с «силами зла». Иракское ОМУ выступало при этом не столько как одна из причин войны, сколько как необходимый для идентификации «сил зла» аксессуар. Не случайно отсутствие прямых доказательств его наличия в Ираке по окончании войны не делегитимизировало американскую политику, а стало основой новой политической мифологии. «Исламская бомба» превратилась в своего рода «святой Грааль», произвольно перемещающийся по Ближнему Востоку вслед за вектором интересов Вашингтона: в Сирию, Иран... При этом едва ли не наименьшее внимание уделяется Америкой единственному исламскому государству, в котором ядерное оружие не только существует, но и может попасть в руки мусульманских экстремистов, – Пакистану.

Превращение моральных аргументов в значимый фактор при лоббировании тех или иных шагов в сфере реальной американской политики, доминирование политических теорий над политической практикой приобрело и оборотную сторону. Этот метод с успехом используют в своих интересах противники США. Классический пример – палестинно-израильское противостояние, к месту и не к месту «склоняемое» арабскими политиками по любому поводу для объяснения всего, происходящего на Ближнем и Среднем Востоке. «Аморальность израильской оккупации» в глазах арабской элиты и арабской

улицы, а также ориентирующей на арабский мир части истеблишмента и СМИ Запада оправдывает экономические и политические проблемы, имущественное и социальное неравенство, угнетение женщин, торжество исламского фундаментализма, разгул терроризма и многочисленные военные конфликты в регионе.

В конечном счете, как показывает современный опыт, априори декларируемая моральная правота оправдывает любые действия лучше всех прочих аргументов.

РЕЛИГИЯ И ПОЛИТИКА

Войны 1990-х гг. приобрели религиозный оттенок даже в регионах, где столкновения на конфессиональной почве не случались на протяжении веков. Так, распад Югославии воскресил религиозные конфликты в Европе. Ближний Восток оставался заповедником религиозных войн на протяжении всего XX века. Даже на этом фоне выделяется иракский кризис, идеологические баталии вокруг которого не просто насыщены религиозными параллелями, но обращаются к терминологии крестовых походов. Что примечательно – к религиозной риторике прибегли с обеих сторон. Ее в равной мере использовали и исламские фундаменталисты, и политические лидеры, призывающие к джихаду, и президент США, призвавший на помощь Пентагону благословение Божье. Разумеется, значительное влияние на роль конфессионального фактора в иракском кризисе оказали американские традиции, личная религиозность президента Дж. Буша и исторические параллели с одной стороны и конфессиональная нетерпимость, лежащая в основе самоидентификации большинства жителей региона, с другой.

Исламский фактор не просто стал одним из определяющих в современной ближневосточной политике США – он в значительной мере является порождением этой политики. «Умеренные» исламские монархии на протяжении десятилетий поддерживались Западом как противовес светским диктатурам, сателлитам СССР. Агрессивный, политизированный, воинствующий ислам стал в 1980-е гг. главным союзником Запада в вытеснении Советского Союза из Афганистана. Аналогом является палестинское исламское движение «Хамас», в котором израильские спецслужбы видели в свое время умеренного оппонента Организации Освобождения Палестины (ООП).

Джинн «исламского Интернационала» выбрался из кувшина в тот момент, когда одни «неверные» покинули Афганистан, а другие ввели войска на территорию королевства «двух исламских святынь», защищая арабские монархии Кувейта и Эр-Рияда от арабского светского Багдада. Вместо признательности со стороны тех, кого она защитила, Америка столкнулась с враждебностью, в основе которой не только лежат цивилизационные различия, но и банальный комплекс неполноценности. В настоящее время политический исламизм ведет войны не только со светскими арабскими режимами, «неверными» на периферии исламского мира, «мировым сионизмом» но и, после «11 сентября», Западом в целом.

Особую роль вторая иракская кампания сыграла для исламского мира вследствие того, что занятое американско-британскими войсками Двуречье – это не только территории, нефть и крупнейшие водные артерии Машрика. Подобно Израилю, названному Г. Насером «мечом в сердце арабского мира», контролируемый американцами Ирак – «меч в сердце исламского мира». Он в равной мере угрожает шиитскому Ирану и суннитской Саудовской Аравии, двум главным соперникам в борьбе за доминирование в мировой умме. В Государственном департаменте США стратегическое значение Ирака для контроля над исламским миром понимают, и это прослеживается в выступлениях многих высокопоставленных представителей американской администрации. Но не менее отчетливо это представляют и лидеры фундаменталистского исламского мира, которые до сего дня выигрывали у Америки во всех случаях, когда им удается избежать прямого военного столкновения с армией США. В качестве итога иракской войны можно с уверенностью предположить не ослабление, но усиление антиамериканской религиозной риторики и террористической активности исламистов. Атакам «шахидов» будут подвергнуты не только армейские части, расквартированные на Ближнем Востоке, но и

стратегические объекты, расположенные на территории самих США, в первую очередь гражданские.

ПРАВ ЛИ БЫЛ ХАНТИНГТОН?

События на Ближнем Востоке развиваются практически «по Хантингтону». Можно спорить по поводу некоторых его прогнозов, завышенными представляются опасения, высказанные в адрес «православной» и «конфуцианской» цивилизаций, излишне оптимистичны оценки степени единства Запада, но это частности. В основном оппонент Ф. Фукуямы оказался прав: мы наблюдаем не «конец истории» и торжество западного либерализма, а конфликт цивилизаций, исход которого далеко еще не предрешен, несмотря на подавляющее технологическое превосходство западного мира над любыми оппонентами.

Борьбу нового варварства против старой цивилизации возглавил мир ислама. В этой части С. Хантингтон оказался совершенно прав, несмотря на софистику политиков и экспертов, пытающихся терминологически разделить ислам и исламизм, бытовой мусульманский фундаментализм и политизированный экстремизм. Эволюция исламского мира позволяет определить закономерности его развития, равно как и попытаться дать некоторые поправки к базовой теории С. Хантингтона. Ниже приведен ряд аксиом.

- Исламский мир состоит из арабо-персидского исторического ядра и периферии.
- Исламский мир неоднороден этноконфессионально и субконфессионально, сохраняя особенности исторического развития различных его частей от доисламской до постколониальной эпохи.
- Историческое ядро исламского мира, образованное в ходе распространения Халифата в первых веках Хиджры, является носителем как наиболее консервативных элементов исламской теологии, включая теорию джихада, так и наиболее развитых ее элементов, в том числе исламской модернизации.
- Периферия исламского мира, первоначально воспринявшая ислам в его наиболее толерантных формах, преимущественно распространявшихся по торговым путям, является носителем как «облегченного» ислама, развившегося в неисламском окружении и насыщенного доисламскими элементами, так и современного политизированного экстремистского исламизма «неофитов», возникшего под воздействием консервативной части исторического ядра.
- Система хаджа способствует конвергенции обычаев и ценностей исламского мира, позволяя на современном этапе развития добиваться его унификации и создания единой мировой исламской уммы, объединенной не только религиозными традициями, но и политическими и идеологическими установками, а также экономическими и военными институтами.
- В исламском мире на современном этапе доминируют наиболее консервативные элементы его исторического ядра, опирающиеся на сырьевую ренту.
- Историческое ядро исламского мира, на протяжении нескольких веков бывшее в подчиненном состоянии по отношению к исламской периферии и европейским колониальным державам, находится в состоянии глобального политического, идеологического и экономического кризиса.
- Реакцией на кризис является углубленная самооценка, пересмотр внутренних отношений и системы связей с окружающим миром, включая создание системы активного воздействия на внешний мир и его перестройку по схемам, приемлемым для наиболее консервативной части исторического ядра.
- Следствием военно-политической активизации современного ислама является исчезновение немусульманского населения в самом исламском мире и расширение последнего за счет его вытеснения на периферию, а также наступательная

политика по отношению к бывшим колониальным державам и агрессивное сопротивление модернизации в любых формах.

- Специфической особенностью исламского мира является демографическое доминирование шиитского населения над суннитским при обратном соотношении уровня жизни и политическом доминировании суннитов в большинстве стран со смешанным населением. Вытеснение суннитов шиитами вслед за неисламским населением является немедленным следствием разрушения традиционных систем власти в современном исламском мире.
- Современная парламентская внеконфессиональная демократия в исламском мире не существует. Единственный пример действенной парламентской республики – Исламская Республика Иран – представляет собой теократическое государство. Традиционная форма управления в современном исламском мире – монархия, абсолютная (Оман, Саудовская Аравия, малые монархии Персидского залива) или умеренно вестернизированная (Марокко, Иордания). Светские режимы являются военными диктатурами авторитарного или тоталитарного типа.
- Развитие демократических процессов в исламском мире приводит к власти практически исключительно исламские партии, которые немедленно после получения парламентского большинства формируют основу теократического общества, ведущего агрессивную наступательную внутреннюю и внешнюю политику. Общепринятой формой приостановки теократизации общества и государства служит отстранение исламистов насильственным путем и захват власти военными.

Намеренно упрощая эволюцию современного политического ислама, можно констатировать, что он ведет «глобальную войну против глобализации», символом и лидером которой являются США. События в Марокко и Алжире, Египте и Иордании, Сирии и Ливане для исламского мира – война гражданская, со светскими и умеренными монархическими режимами. Кашмир и Филиппины, Палестина и Чечня, Судан и Балканы – война против «неверных» на периферии исламского мира, «малый джихад». Война против Америки – «большой джихад», война не на жизнь, а на смерть. Ведут ее люди, идеологически и религиозно мотивированные, часто образованные и внешне интегрированные в западный мир, внутренне же полностью приверженные наиболее консервативным исламским ценностям. Люди эти на протяжении 1970-х–1990-х гг. разочаровались в возможности воздействия на окружающий их мир финансово-экономическими и политическими методами и искренне полагают, что США самым своим существованием угрожают их образу жизни и системе ценностей. Естественным для них представляется физическое уничтожение центра мировой глобализации любыми методами.

Возвращаясь к Хантингтону, можно констатировать, что Запад далеко не так един, как это представляется изнутри самого Запада. Иракская война провела черту между «англоязычной» осью и ее сателлитами из числа стран Южной и Восточной Европы, а также рядом постсоветских республик, ориентирующихся на США, и франко-германской «Новой Антантой». Контроль над топливно-энергетическими ресурсами исламского мира и политическое доминирование над ним не менее важно для «англоязычной» составляющей Запада, чем союз с исламским, в первую очередь арабским, миром для континентальной Европы. Нельзя не отметить, что союз «православной» цивилизации с Западом действительно непрочен, но вина в этом обоюдная, ибо исторические корни у них одни. Из Москвы представляется, что Россия прошла достаточно далеко по пути интеграции с Западом, последний же мог бы на протяжении последних полутора десятилетий вести более мудрую и либеральную интеграционную политику в отношении России. Представляется, что являющаяся притчей во языцех «желтая угроза» со стороны «конфуцианской» цивилизации преувеличена и в любом случае должна составлять предмет беспокойства для будущих поколений.

Единственной настоящей проблемой сегодняшнего дня, равно опасной для Запада и России, Индии и Китая, является экспансия политизированного ислама. Исламский мир, в отличие от стран Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР), в процессе деколонизации не смог построить самодостаточное развитое общество, так же, как не смогли его построить

государства Африки. Однако проблемы «черной» Африки остаются преимущественно ее собственными проблемами. Деградируя и распадаясь, тиражируя трайбализм и геноцид, экологический, демографический и экономический кризис, Африка не пытается изменить или уничтожить остальной мир. Нелегальная эмиграция и финансовые аферы остаются наиболее негативными факторами в ее отношениях с ним. В этом коренное отличие Африки от исламского мира, контроль над процессами в котором важен не столько для придания позитивного направления его собственной эволюции, сколько для предотвращения разрушения современной цивилизации, которая, со всеми ее плюсами и минусами, вряд ли заслуживает судьбы зданий нью-йоркского Всемирного торгового центра.

ОМУ КАК ГАРАНТ НЕВМЕШАТЕЛЬСТВА ВО ВНУТРЕННИЕ ДЕЛА

Иракское ОМУ не обнаружено до сих пор, однако его гипотетическое наличие в арсеналах С. Хусейна стало главным аргументом, опираясь на который коалиция провела операцию по свержению багдадского режима. Согласно американской логике, этот пример должен предостеречь лидеров государств, противопоставляющих себя западной демократии. Если они не откажутся от идеи овладения ОМУ, судьба их будет аналогична судьбе иракского диктатора. В списке потенциальных кандидатов на «обезвреживание» – Северная Корея, Иран, возможно, Сирия... Санкции грозят странам, уличенным в содействии программам создания оружия массового уничтожения, в первую очередь ядерного. Теоретически действия, предпринимаемые США для достижения поставленной цели, абсолютно верны. Проблема в том, что они могут привести к противоположному результату.

Попытка проанализировать последовательность развития событий в ходе иракского кризиса показывает: наличие ОМУ в арсеналах государства – не возможность овладеть той или иной технологией в более или менее сжатые сроки, а реальное оружие – в комплексе со средствами доставки – единственная гарантия невмешательства внешнего мира в дела правящего режима. Только этим можно объяснить, почему США, воюя с исламистами в Афганистане и преследуя призрак ОМУ в Ираке, проигнорировали исламский Пакистан, с его неустойчивым правительством, базами террористов и ядерным арсеналом. Вывод, сделанный как лидерами стран «оси зла», так и сторонними наблюдателями, таков: уделяя значительное внимание потенциальным вызовам, прагматичный Запад, несмотря на абсолютное военно-техническое превосходство, игнорирует реальную угрозу, если существует опасность «асимметричного» ответа.

Как следствие, можно предположить, что результатом иракской войны станет не разоружение «пороговых государств», но новая гонка вооружений, призванная помочь им в кратчайшие сроки войти в число неформальных членов «ядерного клуба». Вестись она будет не только в противостоянии с ведущими ядерными державами, хотя и в их числе возможны исключения, но и в условиях «двойных стандартов» в отношениях между самими участниками. Равно вероятны как их сотрудничество между собой, так и обостренная внутренняя конкуренция в стремлении «подставить» друг друга, обеспечив выигрыш во времени, необходимый для того, чтобы закончить собственную программу. Ресурсов США, даже вместе с союзниками, вряд ли хватит для того, чтобы последовательно проводить ядерное сдерживание во всемирном масштабе, тем более, что в существующем «ядерном клубе» невозможно ни эффективно контролировать Пакистан и Китай, ни полагаться на их добрую волю. Большинство экспертов полагает, что 2005–2007 гг. станут рубежом, когда как минимум часть «пороговых» государств станет ядерными державами.

Такое развитие событий может подтолкнуть к вхождению в «ядерный клуб» в те же сроки государства Запада, до сих пор воздерживавшиеся от этого. Главными претендентами на «новый ядерный статус», не имеющими его до сего дня исключительно по историческим причинам, являются Германия и Япония.

О глобальном контроле за распространением биологического и химического оружия речь всерьез не идет, хотя последствия его применения не менее разрушительны, чем оружия ядерного. Современная экономика и использование технологий двойного на-

значения позволяет замаскировать его производство в рамках гражданской промышленности, превращая в потенциальный источник ОМУ любые производственные комплексы.

ОМУ И НОВЫЕ «АССАСИНЫ»

Нападение террористов на любое государство, в том числе Америку, с применением ОМУ возможно, а технологический прогресс облегчает эту задачу. Естественными целями такой атаки являются мегаполисы и стратегические объекты. Даже если забыть о преисловутых «ядерных чемоданчиках» и «грязной бомбе», использование компьютерных технологий позволяет, не входя в непосредственное взаимодействие с объектом, спровоцировать аварию на каком-либо из крупных производств, которыми насыщена современная техногенная цивилизация. Химическое и биологическое оружие идеально подходит для нанесения удара по местам скопления гражданского населения. Тактика «шахидов», воскресивших исторические традиции «ассасинов», идеально подходит для ведения городской партизанской войны с противником, обладающим подавляющим военно-технологическим превосходством. Адекватный ответ невозможен. Непосредственные исполнители погибли в момент атаки, если же «удар возмездия» будет направлен на гражданское население, массовая гибель его не останавливает, а стимулирует террористов. Именно такой войной является «интифада Аль-Акса», а также трагедия 11 сентября 2001 г.

Объявленный США «крестовый поход против мирового терроризма» не достиг цели, как не достигают ее, несмотря на гораздо большую эффективность, точечные акции израильтян по ликвидации организаторов терактов. Последние, по крайней мере, играют роль превентивного воздействия. Америка же пошла по пути реализации «домашних заготовок», частично верных, частично далеких от истины, позволяющих взять под контроль те или иные стратегически важные территории. Операции в Афганистане и Ираке не ответили на главный вопрос: как остановить террористов, задачей которых является уничтожение США.

Опыт Британской и Российской империй и более краткий, но важный опыт Израиля показывает, что единственно действенной основой борьбы с террором является превентивное уничтожение террористов. При этом информация об их организациях должна исходить не только из аналитических центров, использующих средства электронной разведки, но и от разветвленной сети местной агентуры, внедренной на всех уровнях террористической системы и поддерживающих ее организаций: благотворительных, религиозных, образовательных. Насколько вообще возможно создание системы тотального контроля в условиях гражданского общества – говорить рано. Ясно лишь, что параноидальная «охота на маникюрные ножницы» и обувь пассажиров в аэропортах и блиц-допросы о месте и времени упаковки багажа являются либо глобальным отвлекающим маневром, прикрывающим невидимые, но эффективные способы контроля, либо, что более вероятно, символом бессилия ведомств, отвечающих за безопасность.

Ситуация осложнена тем, что теракты могут быть проведены заранее обученными «кротами», на протяжении многих лет живущими обычной жизнью. Ислам, как и любая другая замкнутая теологическая система ценностей, позволяет его приверженцам существовать в обществе, не растворяясь в нем. Признать это, не отказавшись от идеала личной свободы и не вернувшись в эпоху сегрегации, Запад не может, как не может пока что найти систему ценностей, которая позволила бы мусульманским традиционалистам вписаться в современное общество, не разрушая его. Исламизация Западной Европы, идущая на наших глазах, меняет саму суть европейской цивилизации, порождая ксенофобию и возрождая влияние «правых» политиков, противостоящих единственному в своем роде альянсу левых либералов, антиглобалистов и мусульманских традиционалистов. При этом иракская война надолго покончила с иллюзиями исламского мира о возможности победить Америку военным путем, оставив ему единственное действенное оружие борьбы – терроризм. Как следствие, опасность террористических актов самозубиц с возможным применением оружия массового уничтожения с момента взятия Багдада войсками коалиции не исчезла и не уменьшилась – она возросла.

С момента окончания пражского саммита НАТО прошло меньше года. Но сегодня действительно исторические решения встречи, одобдившей прием в альянс семи новых стран, если не забыты, то по крайней мере не вызывают былого интереса со стороны журналистов и экспертов. Расширение НАТО, которого так не желали многие в России, состоялось – и кажется, будто яростные противники процесса с ним смирились. Более того, сегодня многие из тех, кто вчера говорил о неприемлемости процесса расширения Союза, утверждают, что НАТО постепенно теряет свое значение. В доказательство приводят отказ администрации США от помощи альянса в Афганистане и фактический раскол в рядах союзников в период кризиса вокруг Ирака. О присоединении к НАТО новых членов тоже говорят с насмешкой, указывая на малую боеспособность «карликовых» армий государств Центральной Европы и Балтии. Альянс все больше превращается из оборонительного в военно-политический – это признают и в Брюсселе. На самом деле НАТО оказалась перед лицом серьезной трансформации, и сейчас не вполне ясно, какой эта трансформация будет и как сложатся отношения европейцев и американцев в рамках обновленного альянса. Для России НАТО если и не является больше врагом, то уж точно не успела стать другом – а потому и новый Совет «Россия–НАТО» пока с трудом пробивается к практической деятельности, которая была бы интересна всем его участникам. Автор освещал многие события, связанные с НАТО, в том числе министерское совещание альянса (Рейкьявик, май 2002 г.) и саммит в Праге (ноябрь 2002 г.). Данный комментарий – попытка проанализировать некоторые варианты развития ситуации внутри и вокруг НАТО, в том числе и в том, что касается отношений России и альянса.

ПОСЛЕ «САММИТА ТРИУМФАТОРОВ»

Пражская встреча НАТО в верхах окончательно похоронила ялтинскую систему геополитических сдержек и противовесов, сложившуюся в Европе после Второй мировой войны. И хотя многие в России не без оснований отмечают, что и сам альянс был в какой-то степени порождением этой самой системы, тем не менее, по выражению одного британского дипломата, в столице Чехии прошел «саммит тихих триумфаторов». На самом деле решение о приеме в Организацию Североатлантического договора не только Словакии, Словении, Болгарии и Румынии, но и Латвии, Литвы и Эстонии, на первый взгляд, действительно увенчало демонтаж сложной системы, основанной Сталиным, Рузвельтом и Черчиллем в 1945 г. Ведь даже самым отчаянным мечтателям в штаб-квартире НАТО казалось, что ничего подобного не случится ранее 2005–2007 гг.

При этом трудно отрицать тот факт, что политическая составляющая деятельности НАТО действительно становится более заметной, в то время как чисто военные критерии оценки деятельности членов организации отходят на второй план. С точки зрения чисто военной присоединение стран Центральной и Восточной Европы, а также Балтии, по

крайней мере в краткосрочной перспективе, создает больше проблем, чем решает. И все же политические лидеры альянса пошли на расширение. Как заметил в беседе с автором высокопоставленный сотрудник Генерального секретариата, «НАТО не могла отказаться принять бывшие страны Варшавского договора. Это означало бы такую потерю политического лица, по сравнению с которой нынешние трудности – чепуха».

Многие в Москве не верят, что решение о расширении принималось не только потому, что так хотелось сначала президенту Клинтону, а потом президенту Бушу, а именно потому, что даже тем, кто сомневался в практической целесообразности расширения, казалось совершенно невозможным после почти полувека холодной войны оставить за бортом центральноевропейские государства.

Более того, по мнению одного из ведущих советников Генерального секретаря альянса, расширение не остановится, и к 2006–2007 гг. наступит очередь стран Юго-Восточной Европы. Здесь кандидат номер один Хорватия, за ней Сербия и Черногория, Албания и, возможно, Македония. Что же касается перспектив Украины, то, как считают в Брюсселе, это может случиться только в том случае, если политические и экономические реформы в этой стране пойдут действительно высокими темпами. «В любом случае, это будет уже не только другая Украина, но и другая НАТО», – говорят в штаб-квартире альянса. О возможности вступления в НАТО Грузии сотрудники организации высказываются максимально осторожно, хотя в Праге президент Э.А. Шеварднадзе вновь подтвердил стремление Тбилиси добиваться присоединения к организации.

Однако, по словам видного российского аналитика Т.Г. Пархалиной, «расширение альянса является вызовом прежде всего для самой этой структуры. От успешного ответа на этот вызов зависит не только эффективность этой организации, но и ее будущее»¹. С этой точки зрения планы реформы НАТО, обнародованные в Праге, не менее важны, чем решение о приеме в Союз новых стран. Речь идет о преобразовании системы принятия решений (нынешний принцип консенсуса с трудом работает уже сейчас, а после расширения станет и вовсе анахронизмом), реформе структур военного командования, создании сил быстрого реагирования, коренном техническом перевооружении, которое затронуло бы прежде всего инфраструктуру, транспортные возможности и связь².

И здесь НАТО сталкивается, пожалуй, с главным вызовом своему существованию. Как показал неполный год, прошедший со времени окончания пражской встречи, разрыв между европейскими союзниками и Соединенными Штатами превратился из военно-технологического в политический. Ситуация вокруг Ирака высветила, пожалуй, один из важнейших признаков внутреннего кризиса внутри альянса – принципиальное расхождение политических позиций Вашингтона с мнениями не только традиционно строптивого Парижа, но и обычно стопроцентно поддерживавших США Берлина, Брюсселя, Анкары.

Неприятие глобальной мощи Америки и абсолютная вера в международное право как единственный источник правомочности международных институтов и легитимизации внешнеполитических акций оказались сильнейшим фактором внешней и внутренней политики в Европе, если добавить сюда то, что многие из тех руководителей стран НАТО, которые все же поддержали американскую позицию в иракском вопросе, сделали это вопреки общественному мнению своих стран. Например, в Испании, чей премьер-министр Х.М. Аснар выступал единым фронтом с Дж. Бушем и Т. Блэром, против политики Вашингтона и Лондона выступало до девяноста процентов граждан.

Все это позволяет говорить как о самом тяжелом внутреннем кризисе НАТО за всю историю организации, так и о том, что условия на Европейском континенте действительно изменились. Его население больше не чувствует угрозы большой войны – ни с Востока, ни откуда-либо еще. А стало быть, не чувствует в такой степени потребности в американской защите от этой угрозы. Новое поколение, пришедшее в активную жизнь с начала 1990-х гг., не чувствует той благодарности США, которую ощущают люди, чья зрелость пришлась на период холодной войны. Более того, в некоторых странах, причисленных министром обороны Соединенных Штатов Д. Рамсфелдом к «новой Европе», население симпатизирует Америке вовсе не так сильно. Так, по данным журнала

Economist, 61 % граждан Чехии отрицательно смотрит на распространение американского влияния в мире (в Германии этот показатель достигает 67 %), а 62 % считают, что их ценности принципиально отличаются от американских³.

И все же хоронить НАТО рано. Показавший себя эффективным инструментом альянс так просто не умрет. В июне 2003 г. в Брюсселе на министерских встречах НАТО на уровне глав внешнеполитических и оборонных ведомств весьма подробно обсуждалась реализация реформ, намеченных в прошлом году в Праге. Несмотря на разногласия по поводу ситуации вокруг Ирака, представители девятнадцати стран-участниц альянса весьма энергично обсуждали реформу командных структур НАТО, создание 20-тысячного контингента быстрого реагирования и коренное техническое перевооружение, которое прежде всего коснется европейских союзников. Речь шла о закупке новых транспортных самолетов, высокоточного оружия и электронных систем постановки и подавления помех. Союзники по альянсу приняли решение без промедления заняться закупкой и арендой транспортных кораблей типа «ро-ро» и транспортных самолетов (часть последних будет зафрахтована на Украине). Генеральный секретарь НАТО лорд Робертсон отметил успехи европейцев в приобретении высокоточных боеприпасов и систем дозаправки в воздухе. Он же выразил недовольство нынешним положением дел с внедрением современных методов и технологий наземного наблюдения и недостатком количеством подходящих пунктов питания и передвижных госпиталей. Но самым трудным вопросом (по вполне прозрачным внутривнутриполитическим причинам) стало сокращение числа региональных штабов НАТО с 20 до 11, вызвавшее протесты министров, представляющих те страны, которые затронут эти сокращения⁴.

И все же решение было принято, и теперь большая часть функций оперативного командования будет сконцентрирована в Монсе, недалеко от Брюсселя, где находится сейчас Верховный штаб вооруженных сил НАТО в Европе, в то время как бывший Штаб атлантического командования НАТО в Норфолке, штат Вирджиния, будет преобразован в Координационный центр по модернизации и перестройке альянса. Таким образом, решения пражского саммита все нынешние участники альянса, по крайней мере до сих пор, находят выгодными и необходимыми для себя вне зависимости от того, как складываются их отношения за пределами НАТО.

Несмотря на иракский кризис и его тяжелые последствия, механизм реформирования альянса продолжает работать. Уже на министерской встрече в Рейкьявике в мае 2002 г. было окончательно решено больше не ограничивать деятельность НАТО Североатлантическим регионом⁵. Переход под контроль НАТО Международных стабилизационных сил в Афганистане в августе 2003 г. стал первой операцией Союза за пределами традиционной зоны ответственности альянса. Операция может оказаться важнейшим экзаменом для обновленной НАТО.

Экзистенциальная проблема НАТО не в том, что кто-то в ближайшем будущем захочет ее ликвидировать волевым решением. Этого не произойдет. Проблема в том, чтобы предложить налогоплательщикам стран-участниц альянса, причем по обе стороны Атлантики, такие услуги, за которые они готовы будут платить в долгосрочной перспективе. Как заявил лорд Робертсон, «после 11 сентября ни одна организация не может считать свое существование гарантированным»⁶.

Угроза терроризма и распространения оружия массового уничтожения, нестабильность и опасности, порождаемые нежизнеспособными государствами, принуждение к миру и сохранение мира, контроль над миграционными потоками и защита глобальных коммуникаций, включая трубопроводы, – таковы новые задачи, которые НАТО ставит перед собой. Для их решения потребуется, по словам Дж. Робертсона, «политическая воля и все новые и новые военные и технические возможности» на вооружении стран альянса⁷.

Трансформация из оборонительного в военно-политический союз станет непростым процессом, и результат его остается пока открытым.

Однако, по сути дела, принципиально отличных друг от друга вариантов всего два: превращение НАТО в «ОБСЕ с танками», как любят предсказывать многие российские экс-

крайней мере в краткосрочной перспективе, создает больше проблем, чем решает. И все же политические лидеры альянса пошли на расширение. Как заметил в беседе с автором высокопоставленный сотрудник Генерального секретариата, «НАТО не могла отказаться принять бывшие страны Варшавского договора. Это означало бы такую потерю политического лица, по сравнению с которой нынешние трудности – чепуха».

Многие в Москве не верят, что решение о расширении принималось не только потому, что так хотелось сначала президенту Клинтону, а потом президенту Бушу, а именно потому, что даже тем, кто сомневался в практической целесообразности расширения, казалось совершенно невозможным после почти полувека холодной войны оставить за бортом центральноевропейские государства.

Более того, по мнению одного из ведущих советников Генерального секретаря альянса, расширение не остановится, и к 2006–2007 гг. наступит очередь стран Юго-Восточной Европы. Здесь кандидат номер один Хорватия, за ней Сербия и Черногория, Албания и, возможно, Македония. Что же касается перспектив Украины, то, как считают в Брюсселе, это может случиться только в том случае, если политические и экономические реформы в этой стране пойдут действительно высокими темпами. «В любом случае, это будет уже не только другая Украина, но и другая НАТО», – говорят в штаб-квартире альянса. О возможности вступления в НАТО Грузии сотрудники организации высказываются максимально осторожно, хотя в Праге президент Э.А. Шеварднадзе вновь подтвердил стремление Тбилиси добиваться присоединения к организации.

Однако, по словам видного российского аналитика Т.Г. Пархалиной, «расширение альянса является вызовом прежде всего для самой этой структуры. От успешного ответа на этот вызов зависит не только эффективность этой организации, но и ее будущее»¹. С этой точки зрения планы реформы НАТО, обнародованные в Праге, не менее важны, чем решение о приеме в Союз новых стран. Речь идет о преобразовании системы принятия решений (нынешний принцип консенсуса с трудом работает уже сейчас, а после расширения станет и вовсе анахронизмом), реформе структур военного командования, создании сил быстрого реагирования, коренном техническом перевооружении, которое затронуло бы прежде всего инфраструктуру, транспортные возможности и связь².

И здесь НАТО сталкивается, пожалуй, с главным вызовом своему существованию. Как показал неполный год, прошедший со времени окончания пражской встречи, разрыв между европейскими союзниками и Соединенными Штатами превратился из военно-технологического в политический. Ситуация вокруг Ирака высветила, пожалуй, один из важнейших признаков внутреннего кризиса внутри альянса – принципиальное расхождение политических позиций Вашингтона с мнениями не только традиционно строптивого Парижа, но и обычно стопроцентно поддерживавших США Берлина, Брюсселя, Анкары.

Неприятие глобальной мощи Америки и абсолютная вера в международное право как единственный источник правомочности международных институтов и легитимизации внешнеполитических акций оказались сильнейшим фактором внешней и внутренней политики в Европе, если добавить сюда то, что многие из тех руководителей стран НАТО, которые все же поддерживали американскую позицию в иракском вопросе, сделали это вопреки общественному мнению своих стран. Например, в Испании, чей премьер-министр Х.М. Аснар выступал единым фронтом с Дж. Бушем и Т. Блэром, против политики Вашингтона и Лондона выступало до девяноста процентов граждан.

Все это позволяет говорить как о самом тяжелом внутреннем кризисе НАТО за всю историю организации, так и о том, что условия на Европейском континенте действительно изменились. Его население больше не чувствует угрозы большой войны – ни с Востока, ни откуда-либо еще. А стало быть, не чувствует в такой степени потребности в американской защите от этой угрозы. Новое поколение, пришедшее в активную жизнь с начала 1990-х гг., не чувствует той благодарности США, которую ощущают люди, чья зрелость пришлась на период холодной войны. Более того, в некоторых странах, причисленных министром обороны Соединенных Штатов Д. Рамсфелдом к «новой Европе», население симпатизирует Америке вовсе не так сильно. Так, по данным журнала

Economist, 61 % граждан Чехии отрицательно смотрит на распространение американского влияния в мире (в Германии этот показатель достигает 67 %), а 62 % считают, что их ценности принципиально отличаются от американских³.

И все же хоронить НАТО рано. Показавший себя эффективным инструментом альянс так просто не умрет. В июне 2003 г. в Брюсселе на министерских встречах НАТО на уровне глав внешнеполитических и оборонных ведомств весьма подробно обсуждалась реализация реформ, намеченных в прошлом году в Праге. Несмотря на разногласия по поводу ситуации вокруг Ирака, представители девятнадцати стран-участниц альянса весьма энергично обсуждали реформу командных структур НАТО, создание 20-тысячного контингента быстрого реагирования и коренное техническое перевооружение, которое прежде всего коснется европейских союзников. Речь шла о закупке новых транспортных самолетов, высокоточного оружия и электронных систем постановки и подавления помех. Союзники по альянсу приняли решение без промедления заняться закупкой и арендой транспортных кораблей типа «ро-ро» и транспортных самолетов (часть последних будет зафрахтована на Украине). Генеральный секретарь НАТО лорд Робертсон отметил успехи европейцев в приобретении высокоточных боеприпасов и систем дозаправки в воздухе. Он же выразил недовольство нынешним положением дел с внедрением современных методов и технологий наземного наблюдения и недостаточным количеством походных пунктов питания и передвижных госпиталей. Но самым трудным вопросом (по вполне прозрачным внутриполитическим причинам) стало сокращение числа региональных штабов НАТО с 20 до 11, вызвавшее протесты министров, представляющих те страны, которые затронут эти сокращения⁴.

И все же решение было принято, и теперь большая часть функций оперативного командования будет сконцентрирована в Монсе, недалеко от Брюсселя, где находится сейчас Верховный штаб вооруженных сил НАТО в Европе, в то время как бывший Штаб атлантического командования НАТО в Норфолке, штат Вирджиния, будет преобразован в Координационный центр по модернизации и перестройке альянса. Таким образом, решения пражского саммита все нынешние участники альянса, по крайней мере до сих пор, находят выгодными и необходимыми для себя вне зависимости от того, как складываются их отношения за пределами НАТО.

Несмотря на иракский кризис и его тяжелые последствия, механизм реформирования альянса продолжает работать. Уже на министерской встрече в Рейкьявике в мае 2002 г. было окончательно решено больше не ограничивать деятельность НАТО Североатлантическим регионом⁵. Переход под контроль НАТО Международных стабилизационных сил в Афганистане в августе 2003 г. стал первой операцией Союза за пределами традиционной зоны ответственности альянса. Операция может оказаться важнейшим экзаменом для обновленной НАТО.

Экзистенциальная проблема НАТО не в том, что кто-то в ближайшем будущем захочет ее ликвидировать волевым решением. Этого не произойдет. Проблема в том, чтобы предложить налогоплательщикам стран-участниц альянса, причем по обе стороны Атлантики, такие услуги, за которые они готовы будут платить в долгосрочной перспективе. Как заявил лорд Робертсон, «после 11 сентября ни одна организация не может считать свое существование гарантированным»⁶.

Угроза терроризма и распространения оружия массового уничтожения, нестабильность и опасности, порождаемые нежизнеспособными государствами, принуждение к миру и сохранение мира, контроль над миграционными потоками и защита глобальных коммуникаций, включая трубопроводы, – таковы новые задачи, которые НАТО ставит перед собой. Для их решения потребуются, по словам Дж. Робертсона, «политическая воля и все новые и новые военные и технические возможности» на вооружении стран альянса⁷.

Трансформация из оборонительного в военно-политический союз станет непростым процессом, и результат его остается пока открытым.

Однако, по сути дела, принципиально отличных друг от друга вариантов всего два: превращение НАТО в «ОБСЕ с танками», как любят предсказывать многие российские экс-

перты, или же ее трансформация в главную организацию, обеспечивающую глобальную безопасность демократического сообщества наций.

Первый вариант, как правило, подразумевает такую степень потери интереса к НАТО со стороны Соединенных Штатов, при которой организация лишится политической поддержки и, как следствие, военно-технических ресурсов, предоставляемых Америкой и служащих сегодня «становым хребтом» альянса. Едва ли это произойдет даже при нынешней администрации. НАТО служит слишком хорошей базой даже для так называемых «coalitions of the willing» – «коалиций по желанию». Скажем, даже Международные стабилизационные силы в Афганистане, не будучи формально до августа 2003 г. силами НАТО, фактически базировались на стандартах альянса по всем основным показателям.

Чего Соединенные Штаты хотели бы, так это более высокого уровня потенциальных желающих участвовать в будущих коалициях. И хотя Европа едва ли в обозримом будущем преодолеет трансатлантический технологический разрыв, а политика Вашингтона еще не раз вызовет несогласие в столицах Старого Света, НАТО будет сохранять привлекательность для европейцев хотя бы потому, что, оставаясь в альянсе и развивая его, европейцы сохраняют способность при помощи американцев проецировать свое политическое влияние, подкрепленное военной компонентой, в глобальном масштабе. Создание чисто европейской организации масштаба НАТО потребует таких затрат и усилий, которые едва ли по плечу нескольким поколениям европейцев.

РОССИЯ И НАТО: УЖЕ НЕ ВРАГИ, ЕЩЕ НЕ ПАРТНЕРЫ

Если первый вариант предполагает сохранение чисто трансатлантического характера альянса, то второй предполагает более масштабные изменения. И здесь интересы и перспективы России оказываются затронуты напрямую. Вопрос в том, насколько совпадает и будет совпадать оценка глобальных угроз в Москве, Вашингтоне и европейских столицах. Оптимисты в штаб-квартире НАТО высказываются так: «Вступление России в альянс возможно в течение двадцати лет». Пессимисты, как и пять–семь лет назад, утверждают, что этого не произойдет никогда. Что думает и чего хочет сама Россия?

После пражского саммита НАТО Москва потеряла и моральное, и юридическое право протестовать против включения в НАТО бывших советских республик. На Конференции «Трансформация НАТО», проходившей в столице Чехии параллельно с пражским саммитом, относительно оживленные споры вызвало только предположение З. Бжезинского о том, что в НАТО обязательно примут Азербайджан⁸. С тем, что подобное обязательно случится с Украиной и даже Грузией, большинство участников – среди которых были М. Олбрайт, К. Бильдт, В. Гавел и другие политики первой величины – согласилось без особых споров.

Согласится ли Москва – вопрос вторичный, потому что, с точки зрения сторонников расширения, процесс приобрел собственную логику и у России нет ни сил, ни средств, ни, по большому счету, особого желания в него вмешиваться, тем более что последствия такого вмешательства могут оказаться непредсказуемыми. Российские официальные лица по-прежнему утверждают, что с идеей расширения альянса не согласны в принципе, но при этом выдвигают по этому поводу более вразумительные претензии, чем бывшие туманные обещания «асимметричного ответа». Они ссылаются на положение русскоязычного меньшинства в странах Балтии или деформацию Договора об обычных вооруженных силах в Европе. Эта попытка ввести дискуссию в некое практическое русло выглядит весьма позитивно на фоне шумных и безрезультатных антинатовских кампаний середины 1990-х гг.

Постепенно развиваются контакты в Совете «НАТО–Россия» (или «Россия–НАТО»). Подписание минувшей зимой Протокола о совместных действиях по спасению на море, первые совместные учения и обмены – шаги небольшие, но зато конкретные. Однако при всей оптимистической риторике официальных представителей (бодрой у НАТО, сдержанной в устах россиян) союзниками ни альянс, ни Россия себя пока не считают.

В лучшем случае партнерами, да и то не из самых надежных. Главная причина этого – в отсутствии взаимного доверия.

В российской военной и политической элите многие уверены, что НАТО ведет себя с Россией как победитель с побежденным, не считается с ее интересами. В Москве с особым подозрением относятся к той антироссийской линии, которую проводят новые члены альянса из числа бывших союзников по Варшавскому договору. Когда теперь уже бывший президент Чехии В. Гавел говорит о том, что вступление России в НАТО стало бы проблемой как для альянса, так и для самой России, его слова вызывают возражение не потому, что в Москве мечтают о вступлении, а потому, что сама постановка вопроса видится российскими политиками в качестве доказательства отношения к их стране как к государству второго сорта.

В свою очередь, в НАТО не могут понять, есть ли у России единая линия в отношении альянса. По мнению многих, единственным политиком, заинтересованным в развитии партнерства, выступает президент В.В. Путин. Да и он, как считается, видит отношения с НАТО «хорошими, но не слишком», чтобы оставить себе свободу внутривнутриполитического маневра в случае, если потребуется занять более жесткую позицию в отношении Запада, и в особенности Соединенных Штатов. В высших эшелонах альянса считают МИД и Министерство обороны России принципиальными идеологическими противниками самой идеи существования НАТО. Наконец, по словам одного из высокопоставленных военных чиновников Союза, «ничего, кроме презрения, нынешнее состояние российской армии вызывать не может. Нас поражает не столько то, что она делала и делает в Чечне, – мы не особенно симпатизируем чеченцам – а то, как бездарно она делает это». Пожалуй, именно плачевное состояние российских вооруженных сил и отсутствие эффективного гражданского контроля над ними – главная проблема во взаимоотношениях с Россией с точки зрения НАТО. С этой точки зрения последние решения российского руководства, принявшего разработанный военной верхушкой план реформы вооруженных сил – скорее признак того, что реальное сотрудничество с НАТО окажется вновь отложенным. Тот факт, что уроки иракской войны, судя по всему, не были приняты во внимание, когда решение одобрить военную реформу принималось на самом верху, лишь заставит военное и политическое руководство НАТО с еще большей прохладой относиться к возможному сотрудничеству с Москвой.

Исчезновение военной угрозы с Запада вкупе с новыми угрозами двадцать первого века – религиозным радикализмом и распространением оружия массового уничтожения – возможно, самый важный внешнеполитический вызов, брошенный временем российскому руководству, причем именно этому руководству, потому что времени на принятие решений история отпустила совсем немного. В НАТО – которая во многом становится сегодня синонимичным все более размытому понятию «Запад» – ждут того, как российское руководство с этим вызовом справится. От него ожидают не только и не столько пересмотра конкретных параметров функционирования вооруженных сил, таких как переход к добровольческой армии или перевооружение, сколько отказа от советской военной философии в принципе, принятия общих с альянсом принципов существования людей в погоне, их безусловной подконтрольности не просто политическому руководству, но и институтам гражданского общества, прежде всего парламенту. До тех пор, пока ответ на этот вызов не найден, а положение в российских вооруженных силах остается таким, какое оно есть сейчас, драматических изменений в отношениях с альянсом не произойдет, а Совет «Россия–НАТО» так и останется форумом вечных надежд.

Однако риску предположить, что решительные действия в сфере военной реформы, нацеленные на долгосрочный эффект, способны в корне изменить ситуацию. В конце концов, военный эффект от вступления в альянс Литвы или Словении минимален. Однако политически оно служит утверждению этих стран и их обществ в качестве современных и демократических в глазах международного сообщества, потому что одно из эпизодических изменений в НАТО по сравнению с эпохой холодной войны (когда в ней оказались не вполне соответствовавшие классическим канонам демократии Португалия, Турция и Греция) – это то, что в Союз больше не могут вступить страны, не вставшие принципиально на путь демократических преобразований, прежде всего в сфере граждан-

ского контроля над вооруженными силами. Кстати, именно поэтому в составе НАТО едва ли скоро окажется Азербайджан.

Выступая на Конференции оборонной промышленности в Лондоне в октябре 2002 г., лорд Робертсон так представил свое видение НАТО в 2015 г.: «К этому времени Россия еще не будет членом альянса, но уже станет его надежным партнером»⁹. Возможно, так оно и будет. Однако всего три-четыре года назад мало кто мог представить себе пражский саммит НАТО и его решения. Вполне возможно, через 12 лет мир уже узнает на практике, что такое ядерный терроризм. Китай, вероятно, еще громче и весомее заявит о своих претензиях на то, чтобы занять место в ряду мировых лидеров или, наоборот, окажется ввергнутым в нестабильность, причем оба варианта развития событий едва ли не равновероятны.

В условиях принципиального, а не шаткого и часто декларативного, курса России на интеграцию с Западом можно будет вести речь о строительстве принципиально новых отношений с альянсом. И здесь решающую роль будут играть Соединенные Штаты. Трансформация мировых энергетических рынков и рост глобальных амбиций Китая – две проблемы будущего, которые не менее, если не более, чем вызов радикального ислама и распространение ОМУ, способны сблизить Москву и Вашингтон. В случае, если доверие к Москве будет расти, вопрос о присоединении России к НАТО может оказаться вовсе не таким академическим, каким он кажется многим сегодня. И убедить в этом европейских союзников Америки станет проще, чем сегодня. Очевидно, что это будет уже другая Россия и другая НАТО, возможно даже организация с новым названием и новыми основополагающими документами. Захочет или не захочет этого российское общество и руководство – вопрос, на который сегодня невозможно дать ответ. Но саму возможность такого развития событий отвергать уже неразумно.

Примечания

¹ Пархалина Т.Г. Пражский саммит НАТО: вызов для России или для альянса? *Европейская Безопасность: события, оценки, прогнозы*. 2002, №6.

² См. официальные документы саммита НАТО в Праре на сайте НАТО. <http://www.nato.int>.

³ Living with a superpower. *Economist*. 2003, January 4.

⁴ См. сайт НАТО <http://www.nato.int>. и Ames Paul. Dispute Over Bases Threatens to Delay NATO Modernization Plans. *Associated Press writer*, dateline 2003, June 11.

⁵ NAC communique. 2002, May 14.

⁶ Lord Robertson of Port Ellen: A Transformed NATO: Delivering Security in a Dangerous World. Speech at the Brookings Institution, Washington, D.C. 2002, October 22.

⁷ Ibid.

⁸ Бжезинский З. Россия не входит в число мировых держав, http://news.bbc.co.uk/1/hi/russian/news/newsid_2514000/2514241.stm.

⁹ Lord Robertson of Port Ellen: The World in 2015 – Predicting The Unpredictable. Speech at the Defence Industry Conference, London. 2002, October 15.

Напомним читателю, что каждые пять лет созываются конференции участников Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) для рассмотрения хода выполнения этого договора. Таких конференций состоялось уже шесть, и следующая соберется в Нью-Йорке весной 2005 г. Для обеспечения эффективной организации Конференции и предварительного обсуждения возможных ее решений создан Подготовительный комитет, который провел две сессии – в 2002 г. в Нью-Йорке¹ и в нынешнем году – с 28 апреля по 9 мая – в Женеве. В будущем году состоится еще одна, заключительная сессия Комитета.

На заседаниях Подготовительного комитета рассматриваются не только организационные вопросы (повестка дня, правила, процедуры, подбор должностных лиц Конференции и т.д.), но и вопросы существа, то есть как на деле реализуются обязательства по ДНЯО и что следует предпринять в дальнейшем для укрепления международного режима ядерного нераспространения. Именно эти вопросы, естественно, вызывают наибольший интерес у делегаций и наиболее острые дискуссии и споры в ходе сессий Комитета и на самих конференциях.

Обзорные конференции в прошлом, как правило, проходили в упорной борьбе вокруг наиболее сложного и трудноосуществимого составляющего элемента ДНЯО, разделяющего ядерные и неядерные страны-участницы, – вопроса о том, как ядерные державы выполняют свои обязательства по статье VI Договора, т.е. обязательства по сокращению ядерных вооружений и ядерному разоружению. Этот вопрос был в центре внимания и недавно проходившей сессии Подготовительного комитета. С другой стороны, у ядерных и многих неядерных государств неизменную озабоченность вызывает состояние дел с выполнением обязательств по соблюдению положений Договора о нераспространении, особенно неядерными странами-участницами, подозреваемыми в наличии ядерных амбиций или даже в осуществлении ядерных программ вопреки условиям ДНЯО. Сессия Комитета впервые в истории ДНЯО проходила в обстановке, когда одна из его участниц – Корейская Народно-Демократическая Республика – вышла из Договора, ссылаясь на положения статьи X.1 о праве выхода из него, и даже объявила о намерении иметь собственное ядерное оружие².

Результаты состоявшегося на сессии Комитета обсуждения были отражены в фактологическом Резюме председателя данной сессии – посла Венгрии Л. Мольнара, подобно тому, как это имело место на предыдущей сессии Комитета в 2002 г. Резюме было подготовлено председателем после консультаций с делегациями, но оно не является согласованным документом, и 19 делегаций, в том числе российская, выступили с заявлениями, в которых высказали замечания по тем или иным положениям Резюме. Рассмотрим, как обсуждались в Подготовительном комитете основные вопросы выполнения Договора.

Выполнение статьи VI. В период между первой и второй сессиями Подготовительного комитета – в мае 2002 г. – Россия и Соединенные Штаты заключили Московский договор о сокращении стратегических наступательных потенциалов, предусматривающий сокращение в течение десяти лет стратегических наступательных потенциалов до уровней 1700–2200 единиц для каждой стороны. На сессии Комитета делегации обеих стран представили Совместное заявление, в котором информировали об этом новом вкладе в реализацию статьи VI Договора³. Договор СНП ратифицирован законодательными собраниями обеих стран и вступил в силу 1 июня 2003 г., после того, как президенты В.В. Путин и Дж. Буш обменялись ратификационными грамотами Договора в Санкт-Петербурге. В Совместном заявлении двух делегаций был также отмечен факт подписания президентами РФ и США Совместной декларации о новых стратегических отношениях, в которой стороны заявили о намерении осуществлять сокращение стратегических наступательных потенциалов до минимально возможных уровней, отвечающих требованиям обеспечения их национальной безопасности и союзническим обязательствам, а также отражающих новый характер их отношений в стратегической сфере.

Две основные ядерные державы также предоставили Комитету информацию о других шагах, сделанных ими во исполнение статьи VI. Российская делегация (ее возглавлял заместитель директора Департамента по вопросам безопасности и разоружения МИД А.Н. Мостовец) информировала Комитет, что к контрольной дате выполнения обязательств по Договору СНВ-1 – 5 декабря 2001 г. – Россия полностью выполнила свои обязательства, фактически снизив количество развернутых стратегических носителей до 1136 единиц (вместо требуемых 1600), а количество числящихся за ними боезарядов до 5518 единиц (вместо 6000). К настоящему времени Россией осуществлена ликвидация более 1200 пусковых установок межконтинентальных баллистических ракет (МБР) и баллистических ракет подводных лодок (БРПЛ), более 2400 МБР и БРПЛ, более 40 атомных подводных лодок (АПЛ) и более 60 тяжелых бомбардировщиков (ТБ).

Россия последовательно выполняет объявленные ею в рамках односторонних инициатив 1991–1992 гг. меры в отношении нестратегического ядерного оружия (НСЯО). Все бывшее советское ядерное оружие сконцентрировано на территории России. В период с 1991 по 2001 г. более чем в 5 раз сокращено количество запасов этого оружия, количество мест хранения ядерных боеприпасов – в 4 раза. Шаги в области ядерного разоружения сопровождаются структурными сокращениями и в ядерном оружейном секторе. Наполовину сокращены производственные мощности, избыточные для целей обороны. С 1990 г. численность сотрудников российских ядерных центров, ведущих работу в оборонной области, сокращена примерно в 1,5 раза.

Американская делегация, которую возглавлял заместитель госсекретаря Дж. Вольф, также предоставила соответствующую информацию и, в частности, сообщила, что за последние 15 лет США демонтировали свыше 13 000 ядерных боеприпасов и что этот процесс продолжается; количество нестратегического ядерного оружия сокращено почти на 90%, при этом в январе 2003 г. был завершен демонтаж НСЯО в соответствии с заявлением президента США, сделанным в 1991 г.: ядерные боезаряды были сняты с вооружения сухопутных сил, морской пехоты, надводных и воздушных компонентов ВМФ; в Европе осталось только «сильно сокращенное» число ядерных бомб свободного падения; в США определены 174 тонны избыточного ВОУ, который в одностороннем порядке конвертируется в расщепляющийся материал для мирных целей; при этом уже конвертировано 30 т ВОУ и к 2007 г. будет конвертировано еще 33 т⁴.

Великобритания, в числе других ядерных держав, сообщила Комитету, что со времени окончания холодной войны в одностороннем порядке на 70% сокращена потенциальная мощность сдерживающего ядерного средства, а количество оперативного запаса боеголовок доведено до менее чем 200 единиц; на дежурном патрулировании находится только одна АПЛ *Trident* с 48 боеголовками. Кроме того, британская делегация представила предварительный доклад о проводимых в атомном центре в Алдермастоне исследованиях по вопросу о верификации сокращения и уничтожения ядерных вооружений⁵ и объявила, что «консолидированные выводы» об этих исследованиях будут обнародованы на Конференции 2005 г.

Франция информировала Комитет о том, что закрыла свои установки по производству оружейных расщепляющихся материалов в Пьерлатте и Маркуле и продолжает процесс их демонтажа. При этом утверждалось, что Франция – единственная из ядерных держав, которая осуществляет демонтаж таких установок. Французская делегация информировала комитет также о том, что в одностороннем порядке ликвидированы все ядерные ракеты класса «земля-земля» и сокращено число АПЛ, а общее количество ядерных средств доставки уменьшено вдвое. Каких-либо цифр, однако, представлено не было.

Китайская делегация ограничилась общим заявлением о своей позиции по ядерному разоружению. Она повторила, что будет продолжать придерживаться моратория на ядерные взрывы и что Китай «привержен скорой ратификации ДВЗЯИ своим законодательным собранием». КНР, заявил ее представитель посол Ху Сяоди, «продемонстрировала и будет продолжать проявлять гибкость с тем, чтобы Конференция по разоружению согласовала на основе консенсуса программу своей работы и приступила как можно скорее к переговорам по договору, запрещающему производство расщепляющихся материалов для ядерного оружия».

Лидерство и наибольшую активность при рассмотрении вопросов, относящихся к выполнению статьи VI Договора, проявляли государства, входящие в так называемую «Коалицию за новую повестку дня» (КНПД), – Бразилия, Египет, Ирландия, Мексика, Новая Зеландия, ЮАР и Швеция.

Эти страны, признавая, что Московский договор о сокращении стратегических наступательных потенциалов является в целом положительным шагом в развитии новых стратегических отношений между РФ и США, подвергли, тем не менее, критике некоторые положения Договора. Так, в заявлении, сделанном от имени КНПД министром по разоружению Новой Зеландии М. Хоббс, подчеркивалось, что «сокращение числа развернутых стратегических ядерных боеголовок не заменит необратимых сокращений и полного уничтожения ядерного оружия» и содержался призыв к США и РФ превратить Московский договор в «необратимый и контролируемый инструмент ядерного разоружения». Посол Бразилии С. Дуарте в еще более категоричной форме заявил, что «не должно оставаться возможностей для повторного развертывания ядерного оружия, находящегося сейчас в неоперативном состоянии, ибо это сделает сокращение ядерного оружия лишенным смысла». Бразилец напомнил, что когда Конгресс Бразилии в середине 1990-х гг. одобрил присоединение страны к ДНЯО, это было сделано при том понимании, что будет иметь место полное уничтожение ядерного оружия.

Из всех вопросов, касающихся контроля над ядерными вооружениями и ядерного разоружения, страны КНПД и многие другие неядерные государства, помимо проблемы сокращения стратегических вооружений, наибольшее внимание обратили на вопросы сокращения нестратегического ядерного оружия (НСЯО), вступления в силу ДВЗЯИ и запрещения производства расщепляющихся материалов для ядерного оружия (ЗПРМ).

Нестратегическое (или тактическое) ядерное оружие (ТЯО) впервые было выделено неядерными странами в качестве важной части проблемы разоружения на Обзорной конференции по ДНЯО 2000 г., когда вопрос о его сокращении был включен в число известных «тринадцати шагов» по ядерному разоружению, одобренных на основе консенсуса в Заключительном документе этой конференции.

Выступая в Подготовительном комитете от имени КНПД, посол Новой Зеландии Т. Коули подчеркнул, что «сравнительная портативность НСЯО и возможность размещения его в непосредственной близости от районов конфликтов делает его более подверженным использованию в боевых действиях или хищению». Т. Коули обратил внимание на «глубоко тревожные признаки того, что [...] эволюция политики в сфере безопасности ведет к появлению новых конструкций и поколений нестратегического ядерного оружия малой мощности для использования против подвижных и высокоукрепленных целей на большой глубине, а также для противодействия обычному оружию».

В Рабочем документе, внесенном по этому же вопросу Швецией, Австрией и Мексикой, предлагалось произвести «обмен данными относительно запасов и состояния нестратегических ядерных вооружений, положений о безопасности, типах вооружений, их мощ-

ности, дальности действия приданных им систем доставки, распределении по регионам»; разработать «меры отчетности»; в качестве первого шага «запретить и ликвидировать определенные типы нестратегических ядерных вооружений, включая те из них, которые уже были выведены из арсеналов некоторых государств, обладающих ядерным оружием», в частности, осуществить «запрещение ядерных мин, артиллерийских ядерных снарядов, баллистических ракет малой дальности, а также противозенитных и противоракетных ядерных боеприпасов»; «разработать меры транспарентности с целью контроля за ликвидацией таких вооружений»⁶.

Как Соединенные Штаты, так и Россия весьма сдержанно отнеслись к настойчивым требованиям неядерных стран принять предлагаемые ими меры в отношении нестратегического ядерного оружия. Делегация США, сообщив о своих односторонних шагах в отношении НСЯО, заявила:

«В течение последних лет Соединенные Штаты рассматривали вопрос о перспективах заключения формальных договоров о контроле над вооружениями в отношении нестратегического ядерного оружия и пришли к заключению, что такой подход не является возможным. Ввиду характера этого оружия и систем его доставки гораздо труднее иметь уверенность в соблюдении Договора, чем в случае стратегических систем. Системы доставки нестратегического ядерного оружия часто являются системами двойного использования, т.е. они могут использоваться как для обычного, так и для ядерного оружия, что весьма затрудняет возможность удостовериться в том, что они более не предназначены для использования ядерного оружия».

Российская делегация, со своей стороны, заявила, что

«[...] рассмотрение вопросов тактических ядерных вооружений невозможно осуществлять в отрыве от других видов вооружений. Именно по этой причине [...] односторонние российские инициативы в области разоружения 1991–1992 гг. носят комплексный характер и кроме ТЯО затрагивают также другие важные вопросы, оказывающие существенное влияние на стратегическую стабильность. [...] [Д]еление ядерных вооружений на стратегические и тактические является весьма условным. [...] Естественно, что выработка конкретных предложений по сокращению и ограничению ядерных вооружений должна сопровождаться принятием конкретных мер по ограничению также и других видов вооружений, в том числе и неядерных, а также установлением запрета или ограничений на деятельность с использованием такого вида вооружений в пределах границ досягаемости территории друг друга».

Делегация РФ при этом подчеркнула, что «вывод тактического ядерного оружия, например, из Европы и ликвидация там соответствующей инфраструктуры стали бы важным практическим шагом в процессе преодоления пережитков периода холодной войны». Что касается вопроса о транспарентности процесса сокращения ТЯО, то этот вопрос является предметом внимания Российско-американской рабочей группы и Совета «НАТО–Россия».

Сессия Подготовительного комитета со всей очевидностью показала, что проблема ограничения и сокращения нестратегического ядерного оружия займет еще более значительное место на Конференции 2005 г., чем это имело место на Конференции 2000 г., и следует ожидать от многих неядерных государств настойчивых требований по отношению к России и США предпринять более радикальные шаги в отношении ТЯО.

Большое внимание на сессии Комитета было уделено необходимости скорейшего вступления в силу Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ), открытого для подписания еще в сентябре 1996 г. Как известно, для вступления Договора в силу требуется его ратификация 44-мя государствами, имеющими «значительную ядерную деятельность», которые поименно перечислены в Приложении к договору. Из этих стран к настоящему времени только 32 государства ратифицировали Договор, в том числе Россия, Великобритания и Франция. Не ратифицировали Договор США, Китай и Израиль, а Индия, Пакистан и КНДР так и не подписали его.

Американская делегация заявила, что Соединенные Штаты «не поддерживают ДВЗЯИ и не намерены его ратифицировать», но не проводят испытания и продолжают придерживаться моратория на взрывы. Вместе с тем, проводится «изучение стоимости и осуществимости возможной ядерной модернизации. Но такие исследования, однако, не означают, что принято решение о создании нового боезаряда»⁷.

В адрес США, Китая и других государств, уклоняющихся от присоединения к Договору, на сессии прозвучала довольно резкая критика, и это нашло свое отражение в фактологическом Резюме председателя, где в данной связи отмечено следующее:

«На сессии были подчеркнуты важность и срочная необходимость скорейшего вступления Договора в силу. Было высказано настойчивое требование, чтобы государства, которые не ратифицировали Договор, и в особенности два остающихся государства, располагающих ядерным оружием, чья ратификация является необходимым предварительным условием его вступления в силу (то есть США и КНР. – Р.Т.), сделали это безотлагательно».

В отношении ЗПРМ в Резюме председателя, подготовленном на основе дискуссий в Комитете, подчеркивалась необходимость начала переговоров на базе согласованного переговорного мандата (известного как «доклад Шэннона») и содержался настойчивый призыв к Конференции по разоружению (КР) преодолеть тупик, возникший в ее работе. При этом к государствам, которые еще не сделали этого, был обращен призыв объявить мораторий на производство расщепляющихся материалов для ядерного оружия или других ядерных взрывных устройств. Поскольку все ядерные державы, кроме Китая, уже в течение значительного времени соблюдают такой мораторий, в Резюме председателя явно содержалось указание на это государство. И неслучайно в своих замечаниях по тексту Резюме председателя именно китайская делегация высказала недовольство данной формулировкой, отметив, что мораторий не является «конкретно определенной и контролируемой» мерой и что она предпочитает, чтобы ЗПРМ было результатом «должным образом проведенных переговоров». Но как раз Китай до настоящего времени и создавал трудности для начала переговоров в рамках КР, увязывая их с другой проблемой – неразмещения оружия в космосе. На сессии были отмечены усилия ряда послов на КР согласовать программу работы КР, чтобы позволить начать переговоры по ЗПРМ (так называемое «Предложение пяти послов», сделанное в марте 2003 г.).

К проблемам выполнения статьи VI непосредственно примыкает вопрос о предоставлении гарантий безопасности неядерным государствам-участникам ДНЯО. Как известно, несмотря на все усилия неядерных стран, этот важный для них вопрос не нашел своего отражения ни в самом Договоре, на чем эти страны энергично настаивали еще в период переговоров по ДНЯО во второй половине 1960-х гг., ни в тех односторонних и содержащих оговорки заявлениях о гарантиях, которые были сделаны ядерными державами после заключения Договора. Неядерные государства на состоявшейся сессии Подготовительного комитета вновь в острой форме подняли вопрос о приоритетном заключении «универсального, безоговорочного и юридически обязательного инструмента о гарантиях безопасности неядерных государств». При этом некоторые неядерные страны высказались за то, чтобы такой юридический инструмент принял форму соглашения или протокола к ДНЯО. На сессии было высказано пожелание о создании на Конференции по ДНЯО 2005 г. специального вспомогательного органа по гарантиям безопасности.

Региональные проблемы нераспространения. Тактика Соединенных Штатов на сессии была явно направлена на то, чтобы главный акцент был переключен с выполнения статьи VI Договора о ядерном разоружении на его *соблюдение* странами, которые они причисляют к «оси зла». При этом США открыто озвучили принцип «агрессивного принуждения» к выполнению Договора, который они уже опробовали в Ираке.

Основную критику американцы направили, как и можно было предполагать, в адрес Ирана, а также Ливии и, во вторую очередь, – КНДР. Делегация США обвинила Иран в «осуществлении вызывающей тревогу тайной программы овладения чувствительными ядерными технологиями, которые, по нашему мнению, имеют смысл только в качестве составной части программы производства ядерного оружия», и заявила, что «Иран пред-

ставляет собой, пожалуй, самый крупный вызов, который когда-либо стоял перед ДНЯО». При этом руководитель американской делегации Дж. Вольф задал ряд риторических вопросов примерно такого содержания: «Сколько других неядерных государств-участников ДНЯО построили завод по обогащению до завершения сооружения своего первого энергетического реактора?».

Иран, со своей стороны, категорически и в настойчивой форме отрицал какие-либо планы создания ядерного оружия, отстаивал свое право, закрепленное в статье IV ДНЯО, на широкое использование атомной энергии в мирных целях и остро полемизировал с американской делегацией, обвинив США в отказе от ратификации ДВЗЯИ, в выходе из Договора по ПРО и в других «смертных грехах».

Как заметила известный эксперт по нераспространению, редактор журнала *Disarmament Diplomacy* Р. Джонсон, эта сессия Подготовительного комитета «вероятно, запомнится главным образом все более разрастающимся публичным конфликтом администрации Дж. Буша с Ираном». Ее собственное мнение в отношении планов Ирана сводится к тому, что Иран, пользуясь статьей IV, в порядке *политики страховки* создает атомную инфраструктуру на крайний случай, избегая, в отличие от Ирака, нарушения ДНЯО, – то есть «так, как в прошлом поступили Япония, Германия и Южная Корея».

Ядерная программа Ирана была предметом заметной озабоченности основных индустриально развитых стран на саммите «Большой восьмерки» в Эвиане, состоявшемся в начале июня 2003 г. Они призвали Иран подписать и выполнить условия Дополнительного протокола МАГАТЭ о гарантиях незамедлительно и без каких-либо условий. Совет управляющих МАГАТЭ в середине июня рассмотрел доклад Генерального директора Агентства о ядерной деятельности Ирана и принял заявление с настойчивым призывом подписать и ратифицировать Дополнительный протокол.

На сессии Комитета практически всеми делегациями была высказана глубокая обеспокоенность в связи с действиями КНДР, ее решением выйти из Договора и возобновить свою ядерную программу. В Резюме председателя зафиксировано «настойчивое требование о том, чтобы КНДР пересмотрела свой курс действий и выполнила все обязательства по гарантиям в соответствии с Договором». В Резюме подчеркивается, что ядерная проблема в Северной Корее «должна быть решена мирным путем и дипломатическими средствами». В нем также содержится призыв к КНДР «принять необходимые меры по деэскалации и оздоровлению ситуации и вступить в переговоры с заинтересованными странами на основе ответственного, открытого и конструктивного подхода».

Относительно Ирака в Резюме председателя говорится, что «остаются нерешенные вопросы касательно программ (этой страны) в области оружия массового уничтожения и средств его доставки», содержится напоминание о резолюции Совета Безопасности ООН 687 и отмечается готовность МАГАТЭ возобновить там свою верификационную деятельность. 22 мая 2003 г. Советом Безопасности ООН была принята резолюция 1483, в которой в определенной, хотя и существенно меньшей мере, сохраняется роль ООН и МАГАТЭ в указанной области. В Резолюции, в частности, подтверждается, что Ирак должен выполнить свои обязательства по разоружению, содержится просьба к оккупационным державам (Соединенным Штатам и Великобритании) информировать Совет о своей деятельности в этом отношении и подчеркивается намерение СБ вновь рассмотреть мандаты ЮНСКОМ и МАГАТЭ, установленные известными резолюциями Совета Безопасности 687, 1284 и 1441.

Одно из центральных мест на сессии заняла проблема Израиля, универсальности ДНЯО и создания на Ближнем Востоке зоны, свободной от ядерного и других видов оружия массового уничтожения. Однако, в отличие от предыдущих сессий, рассмотрение этого вопроса прошло в сравнительно более спокойной обстановке. В Резюме председателя было зафиксировано значение Резолюции по Ближнему Востоку, принятой на Конференции по ДНЯО 1995 г., и «признано, что Резолюция сохранит свою силу до тех пор, пока ее цели и задачи не будут выполнены». При этом подчеркивалось, что «Резолюция стала существенным элементом результатов, достигнутых Конференцией 1995 г., на основе которых Договор о нераспространении ядерного оружия в 1995 г. был продлен

бессрочно без голосования». Резюме также содержало заявление о том, что «государства-участники призвали Израиль присоединиться к Договору как можно скорее и поставить свои ядерные установки под всеобъемлющие гарантии МАГАТЭ».

Наблюдатели отмечали, что арабские страны вели на сессии дискуссию по Ближнему Востоку в умеренных тонах в связи с тем, что в последнее время интенсифицировались усилия по нахождению путей политического урегулирования в регионе на основе так называемой «Дорожной карты», предложенной США, Российской Федерацией, ООН и ЕС 30 апреля 2003 г. Факт внесения этих предложений был особо отмечен в Резюме председателя. Это, по всеобщему признанию, однако, отнюдь не исключает того, что проблема Ближнего Востока – в зависимости от развития обстановки в регионе – будет вновь в категорической форме поставлена арабскими странами на Конференции 2005 г.

На сессии в порядке подготовки к Конференции 2005 г. состоялись дискуссии и по другим аспектам выполнения ДНЯО.

Статья III (контроль за выполнением Договора). Государства-участники подчеркнули значение гарантий МАГАТЭ в качестве краеугольного камня по обеспечению поддержания режима ядерного нераспространения и соблюдения ДНЯО его участниками. Было отмечено значение усилий Агентства по укреплению гарантий, в частности, завершение работы по концептуальным рамкам интегрированных (комплексных) гарантий, а также первых шагов по их применению⁸.

Особое внимание было уделено важности универсализации участия в Дополнительном протоколе к соглашениям о гарантиях, который значительно укрепляет систему гарантий, в том числе предусматривает контроль за не объявленной государством деятельностью. К сожалению, до сих пор участие в этом важном инструменте укрепления гарантий весьма ограничено. Администрация США в 2002 г. представила Сенату на одобрение Документ о ратификации Протокола, но соответствующих действий со стороны Сената еще не последовало. Россия, подписав Протокол, также пока его не ратифицировала и, насколько нам известно, Протокол даже не представлен Государственной Думе на ратификацию. На сессии был обращен призыв к государствам, которые еще не присоединились к Протоколу, сделать это как можно скорее. Многие делегации выражали желание, чтобы к 2005 г. был создан своего рода новый стандарт гарантий, включающий как всеобъемлющие гарантии по Документу INFCIRC/153, так и Дополнительный протокол, и чтобы впрямь поставки ядерных материалов, оборудования и технологий в неядерные страны осуществлялись на основе такого нового гарантийного стандарта.

На сессии Подготовительного комитета обсуждалось также предложение Генерального директора МАГАТЭ об увеличении бюджета на осуществление гарантий. США и Франция поддерживали увеличение расходов Агентства, но только на гарантии, на 30 млн долл. Россия высказывается за пропорциональный рост бюджета.

Особое внимание на сессии Комитета было уделено также таким насущным проблемам, как *борьба с ядерным терроризмом, физическая защита ядерных материалов, обеспечение ядерной и радиационной безопасности, обеспечение безопасной транспортировки ядерных и радиационных материалов, разработка ядерных технологий, исключающих риск распространения ядерных материалов*. Было отмечено завершение согласования поправки к Конвенции по физической защите ядерного материала и сделана рекомендация о скорейшем созыве дипломатической конференции по внесению соответствующего изменения в Конвенцию. Была высказана положительная оценка состоявшейся в марте 2003 г. Конференции по безопасности радиоактивных источников, которая была созвана по инициативе России, США и МАГАТЭ.

На сессии Комитета была подчеркнута важность вовлечения *гражданского общества* в процесс выполнения Договора о нераспространении и значение *образования* в области нераспространения и ядерного разоружения в соответствии с Резолюцией, принятой Генеральной Ассамблеей ООН в 2002 г. по докладу группы экспертов.

Вторая сессия Подготовительного комитета Конференции 2005 г. наглядно показала, какие вопросы станут предметом споров, полемики и дискуссий на Конференции.

В центре внимания, как это было и в прошлом, будут, естественно, вопросы выполнения статьи VI о ядерном разоружении. Как заявил председатель сессии Л. Мольнар, разногласия между участниками Договора, проявившиеся на сессии, «не предвещают хорошего на будущее».

В условиях, когда международный режим ядерного нераспространения переживает не самые лучшие времена, значение выполнения ДНЯО по всем его основным направлениям приобретает особую актуальность. В остающиеся менее двух лет до проведения Конференции мировое сообщество должно приложить все силы для того, чтобы прийти на нее с положительной динамикой в реализации целей и положений Договора в интересах укрепления режима нераспространения.

Примечания

¹ О первой сессии Подготовительного комитета см.: Тимербаев Р.М. Конференция 2005 года по рассмотрению действия Договора о нераспространении ядерного оружия: как идет подготовка к конференции. *Ядерный Контроль*. 2002. № 4, июль–август. С. 51–56.

² В то же время за последний период участниками Договора стали Куба и Восточный Тимор.

³ NPT/CONF.2005/PC.II/21 от 30 апреля 2003 г.

⁴ По Российско-американскому соглашению ВОУ/НОУ 1993 г. проводится разбавление продаваемого Россией Соединенным Штатам ВОУ и его последующее использование в США для мирных целей на условиях транспарентности. Из согласованных 500 т ВОУ к настоящему времени разбавлено более 170 т.

⁵ NPT/CONF.2005/PC.II/WP.1 от 23 апреля 2003 г.

⁶ NPT/CONF.2005/PC.II/WP.13 от 2 мая 2003 г.

⁷ Широко известно, что в США проводятся работы по созданию нового ядерного устройства, способного поражать цели (например, подземные бункеры) на глубине до 10–15 м. Как сообщалось в СМИ, в нынешнем году состоится конференция специалистов для рассмотрения вопроса о ходе разработки такого боезапаса и возможном его испытании. Национальная администрация США по ядерной безопасности (National Nuclear Security Administration), которая руководит ядерным оружейным комплексом, объявила о намерении сократить период подготовки испытательного полигона с двух–трех лет до 18 месяцев. (*Arms Control Today*. 2003, March. P. 8–10; *Trust & Verify*. 2003, March–April. P. 6.). См. статью Н.Н. Сокова в настоящем номере *Ядерного Контроля*.

⁸ Об интегрированных гарантиях см.: Пушкарёв Вячеслав. Укрепление и развитие гарантий МАГАТЭ. *Ядерный Контроль*. 2003. № 2, лето. С. 57–68.

ВЕСТНИК ГЛОБАЛЬНОГО ПАРТНЕРСТВА

ГЛОБАЛЬНОЕ ПАРТНЕРСТВО СТРАН «БОЛЬШОЙ ВОСЬМЕРКИ» ПРОТИВ
РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОРУЖИЯ И МАТЕРИАЛОВ МАССОВОГО УНИЧТОЖЕНИЯ

Прошедшие со времени выхода в свет первого выпуска *Вестника Глобального партнерства* несколько месяцев были насыщены новыми событиями в области международных программ содействия России в деле утилизации оружия массового уничтожения.

На состоявшемся 1–3 июня 2003 г. саммите «Большой восьмерки» в Эвиане были приняты новые документы в области Глобального партнерства: План действий и Ежегодный доклад группы старших должностных лиц. 21 мая 2003 г. в Стокгольме после почти четырех лет переговоров было подписано Соглашение о многосторонней ядерно-экологической программе (МНЭПР) и Протокол к нему, в которых был решен ряд вопросов, в частности, по налогообложению и ответственности за ядерный ущерб. Подпи-

сание Соглашения по МНЭПР сняло последние барьеры на пути участия ряда европейских стран в программах содействия России в утилизации ОМУ.

К сожалению, нельзя сказать, что реализация Глобального партнерства не сталкивается с трудностями. До сих пор не достигнута планка в 20 млрд долл. помощи, заявленная на саммите «восьмерки» в Кананаскисе в прошлом году. Не преодолены до конца разногласия по поводу приоритетности проектов и путей их реализации. Вместе с тем, налицо пусть и скромный, но прогресс в области реализации программы Глобального партнерства – как благодаря присоединению новых стран, так и благодаря расширению сфер сотрудничества и выделению странами-донорами дополнительных средств на совместные проекты. Несмотря на то, что хочется ожидать большего динамизма Глобального партнерства, все же отрадно, что реализация этой инициативы не стоит на месте и движется вперед.

На страницах *Вестника Глобального партнерства* мы следим за этим процессом. Второй выпуск *Вестника* содержит последние новости с саммита «восьмерки» в Эвиане, новые данные об оказываемой помощи, обзор новых документов «восьмерки» по Глобальному партнерству, новости двустороннего и многостороннего сотрудничества, информацию о новом неправительственном органе, призванном содействовать успешной реализации Глобального партнерства – Совете по устойчивому партнерству для России – а также новости проекта ПИР-Центра по Глобальному партнерству.

В номере:

- Лидеры «Большой восьмерки» о Глобальном партнерстве
- Глобальное партнерство: цифры и факты
- Документы Глобального партнерства ● Глобальное партнерство в действии
- Совет по устойчивому партнерству для России
- ПИР-Центр и Глобальное партнерство

ЛИДЕРЫ «БОЛЬШОЙ ВОСЬМЕРКИ» О ГЛОБАЛЬНОМ ПАРТНЕРСТВЕ

В июне 2002 г. Россия была приглашена стать полноправным членом клуба восьми наиболее развитых государств мира. В нем совместно с партнерами мы работаем как над обеспечением наших национальных интересов, так и над решением общих проблем, стоящих перед современной цивилизацией. Важным примером тому является Глобальное партнерство по нераспространению оружия массового уничтожения. Утилизация этого оружия поможет нам оздоровить экологию некоторых регионов России.

Послание президента РФ В.В. Путина Федеральному Собранию Российской Федерации, 16 мая 2003 г.

Проекты в рамках Глобального партнерства будут способствовать укреплению международной безопасности через уничтожение запасов химического оружия, утилизацию атомных подводных лодок, захоронение ядерных материалов и переориентацию ученых-оружейников на научные исследования в гражданской сфере.

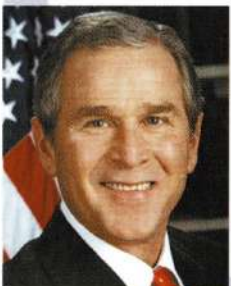
Ж. Кретьен, премьер-министр Канады. Санкт-Петербург, 30 мая 2003 г.

После трагических событий 11 сентября «Большая восьмерка» в полной мере сыграла свою роль в борьбе с терроризмом. Однако эта угроза остается реальной. Мы будем совершенствовать нашу систему противодействия этой угрозе, осуществляя поддержку тех стран, которые в ней нуждаются.

Большая работа была проделана для того, чтобы исключить возможность доступа террористов к оружию массового уничтожения, в особенности к оружию из арсеналов бывшего СССР. Франция, совместно со своими партнерами и Россией, реализует ряд соответствующих проектов.

Речь Ж. Ширака по поводу председательства Франции в «Большой восьмерке», 21 мая 2003 г.

Президент США Дж. Буш назвал состоявшийся саммит «Большой восьмерки» «очень хорошим» и добавил, что в Эвиане ему было «очень интересно». Президент США, по его словам, хотел «увидеть Единую Европу, которая работает вместе с США, чтобы сделать много хорошего». Буш пояснил, что это «касается и борьбы с международным терроризмом, и контроля над оружием массового уничтожения».

Президент США Дж. Буш, выступление по итогам второго дня саммита в Эвиане, 2 июня 2003 г.

ГЛОБАЛЬНОЕ ПАРТНЕРСТВО: ЦИФРЫ И ФАКТЫ

Страна	Проекты/заявленное и выделенное финансирование	Комментарии
США	- В ядерной области: - безопасность ядерных материалов - утилизация АПЛ - трудоустройство бывших ученых-оружейников - закрытие реакторов по наработке плутония: 500 млн долл. - Химическое разоружение: - уничтожение химоружия: 171 млн долл. в 2003 г. - строительство объекта в Щучьем: 150 млн. долл. в 2003 г.	В Сенате рассматриваются запросы на 15 млн долл. для контроля над радиоактивными материалами совместно с МАГАТЭ и 35 млн долл. для Глобальной системы слежения за патогенами. Текущая бюджетная заявка также включает в себя: 459 млн долл. для Министерства энергетики 451 млн долл. для Министерства обороны 81 млн долл. для Госдепартамента
Канада	- МНТЦ: 18 млн кан. долл. - Проекты МАГАТЭ по повышению ядерной и радиологической безопасности: 4 млн кан. долл. - ОЯТ АПЛ: 32 млн кан. долл. - Утилизация оружейного плутония: 65 млн кан. долл. - Химическое разоружение: объект в Щучьем: 30 млн кан. долл.	- Канаде предложено сотрудничество в строительстве базы хранения ХО в п. Леонидовка - Канада профинансирует демонтаж трех АПЛ
Великобритания	- Утилизация двух АПЛ и строительство хранилища ОЯТ в Мурманске: 20 млн ф. ст. - Экологическое партнерство северного измерения (ЭПСИ): 10 млн ф. ст. - Безопасность АЭС: 3,5 млн ф. ст. в 2002–2003 гг. и 5 млн ф. ст. в 2003–2004 гг. - Переподготовка и трудоустройство специалистов: 3 млн ф. ст. в 2001–2004 гг. - Безопасность ядерных материалов - Снижение негативных экономических и социальных последствий закрытия АЭС: 750 тыс. ф. ст. в 2001–2004 гг. - Утилизация 34 т оружейного плутония: 70 млн ф. ст. в течение 10 лет, начиная с июня 2000 г. - Строительство водопровода и поставка электрооборудования для объекта по уничтожению ХО в Щучьем: до 100 млн долл. - Экологические программы и программы по обращению с радиоактивными отходами в Губе Андреева	- РФ предложила Великобритании принять участие в строительстве комплекса в Марадыковском - Обсуждалась возможность участия Великобритании в строительстве судов для перевозки ОЯТ
Германия	- Строительство хранилища в Сайда-губе, очистка территории: 300 млн. евро - Физ. защита радиоактивных материалов: 170 млн евро - Проекты ЭПСИ: 10 млн. евро - Химическое разоружение: 300 млн евро до 2008 г. - объект в Камбарке: 30 млн евро в 2003 г. - объект в Горном: 8,4 млн евро в 2003 г.	

Италия	Строительство завода в Щучьем: 10 млн долл.	Россия предложила Италии принять участие в строительстве объекта в Почепе
Франция	Проекты Экологического партнерства северного измерения: 40 млн евро	Франция проявляет интерес к проектам в области биотехнологий, утилизации оружейного плутония и ОЯТ АПЛ. Из 750 млн евро помощи, заявленных Францией, примерно 500 млн планируется направить на проекты в ядерной сфере, а 250 млн – в химической и биологической
Япония	Проект «Звезда надежды» – утилизация более 40 АПЛ в течение 9 лет. На первом этапе на реализацию проекта выделено около 7 млн долл.	
Норвегия	Утилизация двух многоцелевых АПЛ: 10 млн евро в 2003 г.	В целом Норвегия планирует выделить на проекты ГП 100 млн евро за 10 лет
Польша	Уничтожение ХО: более 100 тыс. долл.	
Швейцария	Уничтожение химического оружия: 17 млн швейцарских франков	
Швеция	- Фонд экологического партнерства северного измерения: 10 млн долл. - Химическое разоружение (объект в Камбарке)	Швеция изучает возможность предоставления дополнительных средств на химическое разоружение (объект в Горном, транспортировка ХО)
ЕС	- Ядерная безопасность - Проекты МНТЦ в биологической области - Экспортный контроль - Фонд ЭПСИ: 50 млн евро	Возможно, суммы помощи стран ЕС входят в 1 млрд евро, обещанных Евросоюзом в рамках Глобального партнерства

Источники: CNS: <http://cns.mii.edu/research/globpart/funding.htm#fn3>; Global Partnership Update: A Post-Evian Assessment: <http://www.sgpproject.org/gpupdate/1.html>; Press release "Switzerland joins the Global Partnership Against the Spread of Weapons of Mass Destruction": [http://www.eda.admin.ch; Chaillot Paper 61 - June 2003 "EU cooperative threat reduction activities in Russia"](http://www.eda.admin.ch; Chaillot Paper 61 - June 2003). Kathrin Hohl, Harald Muller and Annette Schaper, Edited by Burkard Schmitt: <http://www.iss-eu.org/chaillot/chaillote.pdf>; Н.И. Калинина. Глобальное партнерство: от Кананаскиса к Эвиану. *Вопросы Безопасности*, № 4 (138), май 2003 г.

ПЛАН ДЕЙСТВИЙ «ГРУППЫ ВОСЬМИ» Глобальное партнерство против распространения оружия и материалов массового уничтожения (Эвиан, 1–3 июня 2003 г.). Заявление лидеров «Большой восьмерки»

Мы обязуемся проводить в жизнь активную программу с целью реализовать эту инициативу в дальнейшем и добиться существенного прогресса к следующему саммиту.

Наши цели состоят в следующем:

1. Добиваться всеобщего признания принципов нераспространения.
2. Достичь выполнения принятого нами в Кананаскисе обязательства по доведению объема взносов за счет новых доноров или дополнительных финансовых обязательств партнеров до 20 млрд долл. в течение десяти лет.
3. Существенно расширить деятельность по реализации проектов, опираясь на подготовительную работу по созданию механизмов осуществления и разработке планов проектной деятельности, а также закрепить успехи, достигнутые в рамках уже осуществляемых проектов. В предстоящем году мы продолжим проводить обзор достигнутых успехов в деле запуска и осуществления проектов, и будем следить за координацией проектов с тем, чтобы провести обзор приоритетов, избежать пробелов в работе и дублирования усилий, а также оценить, в соответствии с нашими приоритетами, насколько проекты согласуются с целями обеспечения международной безопасности.
4. Урегулировать все нерешенные проблемные вопросы, связанные с аспектами реализации, и провести обзор практической реализации всех принципов с учетом необходимости соблюдения одинакового отношения к Партнерам, отражающего наш совместный подход.
5. Расширить круг участников Глобального партнерства за счет заинтересованных стран-доноров, не являющихся членами «восьмерки», которые готовы принять документы Кананаскиса. Уделяя по-прежнему основное внимание проектам в России, мы даем Председателю полномочия начать предварительные обсуждения с новыми и нынешними странами-реципиентами, включая государства бывшего Советского Союза, которые готовы принять документы Кананаскиса, как это уже сделала Украина.
6. Информировать другие организации, представителей парламентов и общественность о важности Глобального партнерства.

ЕЖЕГОДНЫЙ ДОКЛАД Группы старших должностных лиц «Группы восьми» «Глобальное партнерство против распространения оружия и материалов массового уничтожения» (Эвиан, 1–3 июня 2003 г.) лидеров «Большой восьмерки»

1. Осуществление Руководящих принципов Кананаскиса

Полное освобождение от налогов, пошлин и других сборов имеет первостепенное значение для успешного осуществления проектов; сдвиги, отмеченные в этой области, носят положительный характер и нуждаются в развитии.

Другим существенным вопросом для партнеров является освобождение от ответственности за ущерб. Старшими должностными лицами длительное время обсуждался вопрос об эффективном осуществлении принципа, согласно которому «соответствующее освобождение от ответственности за ущерб по искам, связанным с проектами сотрудничества, должно

предоставляться странам-донорам, их персоналу и подрядчикам». Все партнеры согласны с тем, что соответствующее освобождение от ответственности за ущерб имеет важное значение для реализации проектов, признавая при этом, что модальности освобождения от ответственности отличаются друг от друга в зависимости от соответствующих национальных требований.

Партнеры сделали особый упор на необходимость включения соответствующих положений об ответственности за ущерб во все двусторонние и многосторонние рамочные соглашения и приветствовали прогресс в этой области. Партнеры согласились с тем, что при решении данного вопроса отношение к донорам должно быть одинаковым.

Старшие должностные лица обсудили также принцип, касающийся «надлежащего доступа к объектам». Новое предложение об упрощении доступа к объектам за счет сокращения срока предварительного уведомления с 45 до 30 дней, благодаря использованию процедуры оформления ежегодных списков, было признано лучшим шагом вперед по сравнению с прежней практикой, хотя некоторые партнеры все же признали, что этого недостаточно. Этот вопрос будет рассматриваться в течение следующего года.

2. Доклад партнеров о ходе осуществления проектов сотрудничества и конкретные проекты нового сотрудничества

Все партнеры приступили к интенсивным двусторонним консультациям с Россией для определения областей сотрудничества и отбора конкретных проектов.

Российская сторона составила списки конкретных проектов, которые были переданы партнерам в индивидуальном порядке. Эти списки были тщательно изучены партнерами. Некоторые уже дали свой ответ, в то время как другие продолжают изучать проекты.

Все они, в полной мере учитывая масштабы Глобального партнерства, уделили внимание тем приоритетам, которые, среди прочих, были определены лидерами в Кананаскисе (уничтожение химического оружия, демонтаж снятых с эксплуатации атомных подводных лодок, утилизация расщепляющихся материалов и трудоустройство бывших ученых-оружейников). Они также приняли во внимание два приоритетных направления, на которые Россия сделала особый упор (уничтожение химического оружия и ликвидация подводных лодок).

Несмотря на все эти активные и энергичные усилия, старшие должностные лица отмечают, что практическое осуществление этих проектов с ожидаемой скоростью и эффективностью потребует постоянных и обширных действий.

3. Финансовые обязательства

В Кананаскисе лидеры стран обязались в ближайшие десять лет совместно выделить на поддержку проектов сотрудничества до 20 млрд долл. США. В прошлом году это коллективное обязательство обрело форму твердых национальных обязательств: Соединенные Штаты обещали 10 млрд долл. США; Германия – 1,5 млрд евро; Соединенное Королевство – 750 млн долл.; Франция – 750 млн евро; Япония – 200 млн долл.; Италия – 1 млрд евро; Канада – 1 млрд канадских долл.; ЕС обещал 1 млрд евро, а Россия – 2 млрд долл. Следует отметить также, что в 2003 финансовом году партнеры выделили соответствующие суммы на проекты этого года.

4. Стратегия и модальности внешних связей

Подчеркивая важность принятия принципов нераспространения, старшие должностные лица стремились отметить важность Глобального партнерства и довести информацию о его целях и деятельности до третьих стран, а также ООН, ЕС, Подготовительного комитета Конференции по рассмотрению действия ДНЯО и других.

Рамочное соглашение о многосторонней ядерно-экологической программе в РФ (МНЭПР)

МНЭПР является первым рамочным соглашением, которое регулирует европейские программы содействия России в ядерной области. Соглашение было подписано 21 мая 2003 г. в Стокгольме представителями Бельгии, Дании, Финляндии, Франции, Германии, Нидерландов, Норвегии, России, Швеции, Великобритании, США, Европейского Сообщества и Евратома.

Сфера применения МНЭПР включает в себя следующие вопросы:

- безопасность ОЯТ;
- обращение с РАО;
- утилизация АПЛ и атомных ледоколов.

МНЭПР касается в первую очередь проектов на Северо-Западе России. Соглашение решает ряд важнейших вопросов, таких как освобождение иностранной помощи от налогов и пошлин, доступ иностранного персонала на российские объекты и урегулирование споров. Вопрос о материальной ответственности за ущерб регулируется специальным Протоколом к соглашению по МНЭПР.

Протокол по вопросам претензий, судебных разбирательств и освобождения от материальной ответственности к Рамочному соглашению о многосторонней ядерно-экологической программе в РФ

1. За исключением претензий к физическим лицам в отношении ущерба или телесных повреждений, явившихся следствием их бездействия или действий, совершенных с намерением причинить телесные повреждения или ущерб, Российская Сторона не предъявляет никаких претензий или не возбуждает никаких судебных разбирательств против Сторон, оказывающих Содействие, их персонала или подрядчиков, субподрядчиков, консультантов, поставщиков или субпоставщиков оборудования, товаров или услуг на любом уровне, а также их персонала за любые убытки или ущерб любого характера.
2. За исключением претензий к физическим лицам в отношении Ядерного ущерба, явившегося следствием их бездействия или действий, совершенных с намерением причинить ущерб, Российская Сторона обеспечивает необходимую юридическую защиту, освобождает от материальной ответственности и не предъявляет никаких претензий или не возбуждает никаких судебных разбирательств против Сторон, оказывающих Содействие, и их персонала, или любых подрядчиков, субподрядчиков, консультантов, поставщиков или субпоставщиков оборудования, товаров или услуг на любом уровне и их персонала в связи с претензиями третьей стороны в любом суде или судебной инстанции, вытекающими из деятельности, осуществляемой в соответствии с Соглашением в отношении Ядерного ущерба, причиненного на территории Российской Федерации или за ее пределами в результате Ядерного инцидента, происшедшего на территории Российской Федерации.

Данный Протокол не был подписан США, так как американская сторона считает предоставленную в нем защиту от материальной ответственности за ущерб недостаточной по сравнению с существующей по Рамочному российско-американскому соглашению 1992 г.

ГЛОБАЛЬНОЕ ПАРТНЕРСТВО В ДЕЙСТВИИ

Новости двустороннего сотрудничества

Россия – Великобритания

Великобритания выделит в 2003 г. 56 млн долл. на утилизацию российских атомных подводных лодок и реабилитацию береговых баз. Об этом сообщил заместитель министра РФ по атомной энергии С.В. Антипов, глава российской делегации на российско-британских консультациях по проблемам ядерно-экологической безопасности, которые завершились 4 июля 2003 г. в Лондоне. По словам С.В. Антипова, «речь шла о конкретных суммах и конкретных проектах». Из выделенных средств, уточнил замминистра, 16 млн будут направлены на реализацию программы «Северное измерение», 8 млн – на утилизацию выведенной из состава ВМФ РФ атомной подлодки в рамках «Международной ядерной военно-экологической программы». 16 млн долл. предназначены для утилизации двух подлодок класса *Оскар* на предприятии «Севмаш» в Северодвинске. Еще 8 млн выделено на реабилитацию бывшей технической базы в Губе Андреева, и такая же сумма – на оборудование площадки хранения отработанного топлива с ледоколов Мурманского морского пароходства. Всего в течение 10 лет Великобритания намерена предоставить на проекты Глобального партнерства 750 млн долл., причем большую часть из этой суммы – на ядерно-экологические программы, отметил С.В. Антипов.

ИТАР-ТАСС. 2003, 4 июля

Соглашение о программе финансирования мероприятий по ликвидации оружия массового уничтожения подписали министр иностранных дел РФ И.С. Иванов и министр иностранных дел и по делам Содружества Великобритании Дж. Стро. «Противодействие угрозе распространения оружия массового поражения – одна из приоритетных задач, – отметил глава британского внешнеполитического ведомства. – Наше сотрудничество с Россией в этой области исключительно важно. Я весьма рад, что в ходе нынешнего государственного визита президента России В.В. Путина в Лондон мы смогли подписать Соглашение, которое открывает путь для новых британских проектов». «Соглашение позволит Великобритании начать финансирование мероприятий по ликвидации российского наследия времен холодной войны. Стоимость программы оценивается в 30 млн фунтов стерлингов», – отмечается в документе, распространенном британским МИД. Программа открывает «путь для немедленной реализации проектов демонтажа списанных ядерных подводных лодок и утилизации многих тонн отработанного ядерного топлива». Общая стоимость работ по этому направлению может достичь 20 млн фунтов стерлингов. Великобритания также выделяет 10 млн фунтов стерлингов для осуществления экологической программы «Северное измерение». Эта программа, реализуемая Европейским банком реконструкции и развития будет включать ряд крупных проектов утилизации отработанного ядерного топлива и иных ядерных отходов.

ИТАР-ТАСС. 2003, 26 июня

Россия – Германия

6 млн. евро выделит Германия на объект по уничтожению химического оружия в пос. Горный. Кроме того, на реализацию программы химического разоружения в рамках Глобального партнерства планируется, что Россия получит от США 168 млн долл., от Германии – 24 млн евро. Великобритания и Канада планируют выделить по 10 млн долл.

Германия также намеревается выделить России около 300 млн евро для финансирования безопасного и длительного хранения около

120 реакторных отсеков утилизированных АПЛ на спецплощадке в поселке Сайда-губа. Сообщения об этом подтвердил официальный представитель Министерства экономики ФРГ.

Согласно заявлению немецкой стороны одним из главных условий оказания помощи является широкое участие в этом проекте германских компаний. Вопрос о том, какие именно это будут компании, пока не обсуждался. Финансирование проекта по безопасному хранению реакторных отсеков планируется осуществить в рамках программы Глобального партнерства.

ВолгаИнформ. 2003, 10 июня; MurmanNews.ru. 2003, 6 июня

Правительство РФ одобрило подписание Соглашения между правительствами России и Германии о внесении изменений в Соглашение об оказании помощи Российской Федерации в ликвидации сокращаемого ею ядерного и химического оружия от 16 декабря 1992 г. путем обмена нотами. Министерству иностранных дел России поручено по достижении договоренности с Германской Стороной осуществить обмен нотами, разрешив вносить в прилагаемый проект ноты изменения и дополнения, не имеющие принципиального характера.

Финмаркет. 2003, 16 июня

Правительство Германии намерено расширять сотрудничество с Россией в области разоружения в рамках достигнутой в минувшем году «Большой восьмеркой» договоренности о стратегическом партнерстве. Это подчеркивается в докладе по вопросам разоружения за 2002 г., принятом на Берлинском заседании Кабинета министров.

В ближайшие 10 лет Берлин затратит до 1,5 млрд евро на реализацию соответствующих разоруженческих проектов. Вопрос о распространении оружия массового уничтожения стоит на первом месте в глобальной повестке дня, указывается в докладе. В нем отмечается, что в XXI в. политика разоружения должна проводиться в рамках ООН. Германия, являясь непостоянным членом Совета Безопасности ООН, намерена действовать в этой связи с особой ответственностью.

ИТАР-ТАСС. 2003, 28 мая

Россия – Италия

Правительство Италии планирует направить около 10 млн долл. на строительство объекта по уничтожению химического оружия в г. Щучье.

Финмаркет. 2003, 11 июня

Россия – Канада

Канада вложит около 149 млн долл. в проекты Глобального партнерства, заявил премьер-министр Канады Ж. Кретьен. По его словам, это первый взнос Канады в рамках Глобального партнерства.

Ж. Кретьен отметил, что Канада будет финансировать демонтаж 3 подводных лодок. Кроме того, премьер-министр надеется, что действия в рамках Глобального партнерства помешают террористам получить ингредиенты, составляющие основу оружия массового уничтожения.

Помощь Канады включает в себя выделение 32 млн долл. для программы Европейского банка реконструкции и развития по безопасному обращению с отработанным ядерным топливом на подводных лодках на Севере России. Кроме того, около 65 млн долл. будет выделено на развитие российской программы по утилизации плутония. До 18 млн долл. пойдет на финансирование проекта МНТЦ в Москве, направленного на переориентацию деятельности бывших специалистов-оружейников. Еще 30 млн долл. будет выделено в рамках финансирования строительства площадки для уничтожения химического оружия в Щучьем Курганской области.

ИА Росбалт. 2003, 30 мая

30 июня 2003 г. в Минатоме России состоялось подписание Российско-норвежских контрактов на утилизацию двух многоцелевых АПЛ. Общая стоимость контрактов составляет 10 млн евро. С норвежской стороны документы подписал статс-секретарь МИД Норвегии К. Тровик, с российской – заместитель министра РФ по атомной энергии С.В. Антипов, директор завода СРЗ «Нерпа» А.В. Горбунов и главный инженер оборонной верфи «Звездочка» О. Фролов. Как заявил С.В. Антипов, эти контракты являются принципиально новым направлением сотрудничества, поскольку ранее у России «не было ни одного международного контракта на утилизацию многоцелевых АПЛ». «Мы испытываем чувство удовлетворения от того, что первой к практическому контракту удалось подойти норвежской стороне, поскольку у нас существуют многолетние тесные связи в области решения ядерно-экологических проблем на Северо-Западе России».

В свою очередь, К. Тровик заявил, что с подписанием двух контрактов открывается «новая страница в двустороннем сотрудничестве». «Мы рады и гордимся тем, что стали одними из первых партнеров России в данной области», – сказал К. Тровик, выразив надежду на то, что два российских завода, которые будут заниматься утилизацией лодок совместно с Минатомом, «обеспечат успех этих проектов и проложат дорогу к дальнейшему сотрудничеству в этой области».

Комментируя ситуацию с ОЯТ из реакторов АПЛ, которая не позволила подписать контракты за две недели до этого, С.В. Антипов сказал, что по этому вопросу был найден следующий компромисс: российская сторона полностью берет на себя переработку, включая организацию и финансирование. Норвегия, выступающая против переработки облученного топлива, помогает в финансировании этапов, предшествующих переработке: выгрузки топлива, его транспортировки и временного хранения.

Директор завода «Нерпа» А.В. Горбунов отметил актуальность вопросов экологии, утилизации АПЛ для жителей Мурманского региона. Он сообщил также, что работы по утилизации в полном объеме начнутся сразу же по подписании контракта. Главный инженер «Звездочки» О. Фролов отметил более чем десятилетний опыт работы предприятия в области утилизации стратегических атомных подводных лодок. «Приступая к многоцелевым АПЛ, хочу заверить, что мы выполним все работы с должным качеством. Мы рассчитываем завершить утилизацию через девять месяцев. В сентябре планируем приступить к выгрузке ядерного топлива – это займет около двух месяцев». Мы приглашаем норвежскую сторону посетить завод и ознакомиться с этим процессом», – сказал О. Фролов.

Первая лодка уже находится в акватории «Звездочки», завершена подготовка к началу выполнения работ. Согласно графику на утилизацию одной лодки отводится двенадцать месяцев, однако, исходя из опыта предыдущих контрактов, в частности, с США, сказал О. Фролов, возможно предположить опережение графика. С учетом имеющейся инфраструктуры по утилизации после ввода в строй берегового комплекса по выгрузке ОЯТ, на «Звездочке» можно утилизировать 6–8 АПЛ в год. Столько же лодок может быть утилизировано в течение года на СРЗ «Нерпа».

Однако, как отметил С.В. Антипов, поскольку утилизация – это сложный, комплексный процесс, который не заканчивается разрезкой лодки, «по-видимому, темпы утилизации будут ниже тех, которые предлагаются заводами». Это связано с тем, что остальная часть инфраструктуры (обращение с ОЯТ и РАО) не рассчитана на такие объемы. «От наших партнеров, не только норвежских, но и других, мы ожидаем помощи и в совершенствовании этой инфраструктуры», – сказал С.В. Антипов.

США не намерены прерывать сотрудничество с Россией по двум важным соглашениям в области ядерной безопасности и нераспространения даже по окончании срока их действия, но хотели бы пересмотреть условия договоренностей.

Министерство энергетики США собирается продолжить работу с Минатомом России по этим программам и надеется, что спорные вопросы о юридической ответственности сторон будут урегулированы, заявил представитель Национального управления ядерной безопасности Б. Уилкис. Он пояснил, что речь идет о Межправительственном соглашении о научно-техническом сотрудничестве в области обращения с плутонием и инициативе «Атомные города».

Эти документы были подписаны в 1998 г. сроком на пять лет, однако возобновить их пока не удается из-за того, что США требуют для своих специалистов освобождения от какой-либо ответственности в случае возможных инцидентов при работе над этими проектами. Ряд членов Конгресса США и независимых экспертов призвали администрацию Дж. Буша продлить соглашения по крайней мере на один год и тем временем продолжать переговоры с Москвой.

ИТАР-ТАСС. 2003, 29 июля

17 июля 2003 г. в Москве официальные представители РФ и США подписали соглашения о порядке доступа американских специалистов к объектам в Северске и Железногорске для проведения работ по созданию замещающих мощностей. Как отмечается в распространенном пресс-релизе Министерства энергетики США, данные соглашения являются еще одним значимым этапом в реализации российско-американской Программы по ликвидации плутониевой продукции оружейного качества (EWGPP), инициированной министром энергетики США С. Абрахамом и министром РФ по атомной энергии А.Ю. Румянцевым. Подписание соглашений о доступе в бывшие «закрытые» города российского ядерного комплекса – это важная предпосылка для начала работ по замещению реакторов-наработчиков плутония ТЭС на ископаемом угле, говорится в пресс-релизе.

Nuclear.ru. 2003, 18 июля

27 мая 2003 г. Министерство энергетики США объявило о заключении контракта на сумму 466 млн долл. с компаниями «Washington Group International (WGI)» и «Raytheon» в целях финансового содействия Программе создания замещающих мощностей в рамках подписанного 11 марта 2003 г. в Вене Соглашения об остановке трех российских реакторов, производящих оружейный плутоний. Реактор АДЭ-2 работает на Горно-химическом комбинате в г. Железногорске, реакторы АДЭ-4 и АДЭ-5 – на Сибирском химическом комбинате в г. Северске. В тендере на подписание контракта, участвовали четыре компании: «Bechtel National Inc.», «Kellogg Brown and Root», «Raytheon Tech Services Company» и «Washington Group International».

Компания «WGI» будет осуществлять надзор за работами в Северске, где предполагается провести техническое переоснащение существующей Северной ТЭЦ. А в Железногорске компания «Raytheon Technical Services» возьмет на себя надзор за ходом строительства новой тепловой станции. По словам официального представителя «Raytheon», компания будет работать совместно с «Fluor Corp.», которая будет осуществлять техническое сопровождение работ. На обеих площадках в качестве интегрирующего подрядчика для российских субподрядных организаций будет выступать российская компания. Официальный представитель Министерства энергетики США сообщил, что российская сторона выполнит большую часть проектно-строительных работ. Тем не менее, он отказался уточнить, каким образом распределяются между российскими и американскими компаниями, – а также между двумя площадками – обязательства по контракту.

Nuclear.ru. 2003, 28 мая

Госкомиссия по уничтожению химического оружия решила сократить объем средств, выделяемых в этом году на возведение комплекса по уничтожению химоружия (УХО) в городе Щучье Курганской области. Соответствующие коррективы уже внесены в Государственный оборонный заказ на 2003 г.

Необходимость корректив выявил новый генеральный директор Российского агентства по боеприпасам генерал-полковник В.И. Холстов, совершивший поездку по объектам УХО. В Щучьем возглавляемая им рабочая группа Росбоеприпасов обнаружила, что строительство около 30 объектов социальной сферы, возведение которых предусматривает проект строительства завода, начато без оформления технической документации. Исходя из этого Госкомиссия решила направить в этом году на создание социальной инфраструктуры в Щучьем 997 млн бюджетных рублей.

Оптимизма курганцам прибавило январское решение Сената США разморозить финансирование строительства промышленной зоны объекта в Щучьем. Однако, как сообщил член Госкомиссии по уничтожению химического оружия, зампред Комитета Госдумы по обороне генерал-майор Н.М. Безбородов, из обещанных 161 млн долл. город получит не более 5 млн. В следующем году ситуация может повториться. По словам Н.М. Безбородова, сегодня никто не может сказать, сколько окажется в Щучьем средств из тех 200 млн долл., которые планируется разморозить в 2004 г.

Время Новостей. 2003, 16 июня

Россия – Финляндия

На объекте в Горном начала работать новая автоматическая система экологического мониторинга и контроля в хранилищах отравляющих веществ. В систему входят стационарные газосигнализаторы, установленные в хранилищах, и комплекс переносных детекторов. Эти приборы реагируют на малейшее появление отравляющих веществ в воздухе и сразу же подают сигнал опасности. Оборудование было безвозмездно предоставлено финским правительством. Такая же система уже работает на арсенале хранения химического оружия в г. Камбарка (Удмуртия). Установкой и пуском оборудования занимается финская компания «Envorionics». Она же взяла на себя обязательства и по его гарантийному обслуживанию.

Regions.ru. 2003, 3 июня

Россия – Франция

Франция планирует участвовать в программе утилизации радиоактивных отходов в Гремхе (Мурманская область). Первую французскую делегацию, посетившую в конце июля Гремху, возглавлял советник по ядерным вопросам посольства Франции в России Б. Суайе (на фото). В нее входили также представители Министерства обороны этой страны – структуры, занимающейся вопросами радиационной ядерной безопасности – крупные промышленники. Они знакомились с этой технической базой Северного флота, где предстоит большой объем работ по вывозу отработанного ядерного топлива, утилизации и вывозу твердых и жидких радиоактивных отходов.

Как сообщил первый заместитель директора Государственного унитарного предприятия «СевРАО» В. Хандобин, участники французской делегации подготовят доклад правительству своей страны относительно возможного участия в программе утилизации радиоактивных отходов в Гремхе. А в октябре нынешнего года во Франции планируется проведение семинара с участием российских специалистов, в том числе представителей «СевРАО», где более конкретно будут определены планы сотрудничества.

MurmanNews.ru. 2003, 29 июля

Франция выделила 40 млн евро Фонду поддержки Экологического партнерства Северного измерения ЕБРР. Средства пойдут на реализацию соглашения по МНЭПР, в частности, на решение про-

блем экологии и ядерной безопасности, возникающие в результате утилизации атомных подводных лодок. После выделения этой суммы Францией объем финансовых ресурсов, аккумулированных в Фонде, достиг 160 млн евро.

Соб. инф.

Россия – Швейцария

В Москве приветствуют официальные заявления Нидерландов, Норвегии, Финляндии, Польши, Швейцарии и Швеции о намерении участвовать в инициативе «Группы восьми» по Глобальному партнерству против распространения оружия и материалов массового уничтожения. Российская сторона выразила надежду, что «новые партнеры не ограничатся участием в действующих программах содействия, а примут дополнительные финансовые обязательства для реализации новых проектов в России по уничтожению химического оружия и утилизации списанных атомных подводных лодок». «Здесь важное значение имеют решения Швейцарии о выделении 17 млн швейцарских франков на 5 лет для целей уничтожения российского химического оружия и Норвегии – 10 млн евро ежегодно в течение 10 лет для решения проблем, связанных с утилизацией атомных подлодок», – отметили в МИД РФ.

ИТАР-ТАСС. 2003, 4 июля

Россия – Швеция

«Историческим шагом в отношении России» назвала глава МИД Швеции А. Линд подписание МНЭПР. Выступая на посвященной этому церемонии в здании шведского МИД, она заявила, что «ядерные отходы – одна из величайших угроз окружающей среде, и бездействие может обернуться катастрофой: вот почему необходима МНЭПР». Соглашение, по ее словам, «позволяет дать ответы на наиболее важные правовые вопросы, касающиеся доступа к объектам, освобождения от налогообложения, обязательств и ответственности сторон». В рамках МНЭПР создан специальный Северный фонд экологического партнерства, одним из инициаторов создания которого выступила Швеция, первой вложившая в него 10 млн евро – сумму, которая является сейчас стартовой для всех участников, подписавших документ в Стокгольме. Фонд был образован, как пояснили в МИД Швеции, в «ответ на призывы Российской Федерации и международного сообщества безотлагательно заняться актуальными экологическими и ядерными проблемами на Северо-Западе РФ».

ИТАР-ТАСС. 2003, 3 июня

Россия – Япония

28 июня 2003 г. на приморском заводе «Звезда» в г. Большой Камень между Японией и Россией было подписано Соглашение об утилизации атомной подводной лодки класса *Виктор-3*. С российской стороны документ подписал заместитель министра РФ по атомной энергии С.В. Антипов, с Японской – посол Японии в России И. Номура. На церемонии подписания присутствовали находящаяся с визитом в России министр иностранных дел Японии Й. Кавагути и заместитель министра иностранных дел РФ А.П. Лосюков. Всего в рамках проекта «Звезда надежды», рассчитанного на девять лет, предполагается утилизировать более 40 АПЛ, списанных из состава Тихоокеанского флота. На эти цели японская сторона выделяет на первом этапе 800 млн иен (около 7 млн долл.).

Говоря о совместной работе по утилизации российских АПЛ, министр иностранных дел Японии Й. Кавагути отметила, что «быстрый и безопасный демонтаж выведенных из состава флота атомных подводных лодок важен не только для ускорения ядерного разоружения, но и с точки зрения охраны окружающей среды бассейна Японского моря». «Этот вопрос настолько серьезный, что Япония не может позволить себе быть безучастным наблюдателем», – подчеркнула Й. Кавагути. В ходе визита на

Дальний Восток она также приняла участие в заседании Российско-японской межправительственной комиссии по торгово-экономическому сотрудничеству, сопредседателем которой она является вместе с вице-премьером РФ В.Б. Христенко. На нем речь, в частности, шла о реализации ряда крупных проектов в сфере энергетики, а также в сфере утилизации подлежащего сокращению в РФ ядерного оружия.

РИА «Новости». 2003, 28 июня

Новости многостороннего сотрудничества

В целях «содействия сотрудничеству и обмену информацией» в рамках Соглашения по МНЭПР стороны объявили о создании Комитета МНЭПР, в который вошли по одному уполномоченному должностному лицу – представителю правительства каждой из сторон, которые также являются контактными лицами по всем вопросам, имеющим отношение к МНЭПР. Комитет будет «координировать вопросы финансирования проектов, выявлять препятствия и проблемы, возникающие в ходе осуществления проектов, и давать рекомендации по их устранению; создавать при необходимости рабочие группы для обеспечения работы Комитета МНЭПР»; «приглашать государства, межправительственные организации или организации региональной экономической интеграции» присоединиться к Соглашению. Комитет МНЭПР избирает двух сопредседателей сроком на 12 месяцев, в том числе одного от России.

Министр иностранных дел РФ И.С. Иванов отметил принципиальную важность подписанного Соглашения в качестве «ориентира» для выработки двусторонних договоренностей по Глобальному партнерству». Россия готовится заключить соглашения с Германией, Италией, Канадой и Японией, подобные подписанному МНЭПР. Почти сразу же, как явствует из заявления российского министра, «начнутся переговоры участников подписанного в Стокгольме Соглашения по его практической реализации». Теперь, считает он, «важно определить и согласовать конкретные проекты, которые будут осуществляться под зонтиком «Рамочного соглашения». «Российская сторона готова к такой работе», – подчеркнул И.С. Иванов.

Соглашение, как подчеркнул в Москве в связи с заключением в Швеции МНЭПР официальный представитель Минатома РФ, «обеспечит правовую основу для вступления иностранных компаний и фирм в практические отношения с Минатомом по утилизации АПЛ Северного флота и созданию инфраструктуры проведения этих работ». По его словам, в этом российском ведомстве «разработан и внесен на утверждение правительства РФ Проект программы утилизации подлодок до 2010 г.».

ИТАР-ТАСС. 2003, 3 июня

А также...

С момента распада СССР Россия утилизировала 85 атомных подводных лодок. В будущем планируется утилизировать еще 78 субмарин, а сегодня в процессе утилизации находятся 29 АПЛ. Эти цифры сообщил бывший командующий Северным флотом, член Совета Федерации адмирал В.А. Попов. По его словам, ситуация с утилизацией подлодок, существовавшая пять лет тому назад, несравнима с тем, что происходит сегодня. «Тогда мы только приступали к этому процессу, искали подходы, сегодня же отработали систему утилизации, накопили большой опыт, в том числе и международного сотрудничества в этой сфере», – подчеркнул В.А. Попов.

Красная Звезда. 2003, 21 июля

В этом году на заводе по уничтожению химического оружия в Горном будет уничтожено около 150 т иприта. Об этом сообщил заместитель начальника производства А. Молчанов. Сейчас завод готовится к комплексной проверке технологических линий. Пуск второй очереди линии по уничтожению иприта, по словам специалистов, намечен на конец августа. Смонтирована люизитная линия, но до ее пуска еще далеко – предстоит множество проверок. В октябре должны начаться пусконаладочные работы на установке термического обезвреживания.

Regions.Ru. 2003, 16 июля

СОВЕТ ПО УСТОЙЧИВОМУ ПАРТНЕРСТВУ ДЛЯ РОССИИ (СУПР)

В июне 2003 г. сформирован Совет по устойчивому партнерству для России (СУПР). С инициативой о создании СУПР накануне саммита «восьмерки» в Эвиане выступили восемь ведущих российских экспертов в области безопасности и нераспространения.

«Главной целью Совета должно стать содействие успешной реализации программы Глобального партнерства стран «восьмерки» против распространения оружия и материалов массового уничтожения», – заявил один из инициаторов этого проекта, бывший начальник 12-го ГУМО, генерал-полковник Е.П. Маслин (на фото).

Обращение к президенту Российской Федерации В.В. Путину с предложением о создании Совета подписали также Чрезвычайный и Полномочный Посол РМ. Тимербаев, бывший начальник 4-го ЦНИИ Минобороны РФ генерал-майор В.З. Дворкин, бывший первый заместитель начальника Главного штаба РВСН генерал-лейтенант В.Ф. Лата, другие видные российские эксперты в области безопасности и нераспространения. С предложением о создании СУПР были ознакомлены администрация президента и секретариат председателя правительства РФ.

Задачи СУПР включают в себя:

- доведение до сведения международного экспертного сообщества, правительств государств – участников программы Глобального партнерства пожеланий и рекомендаций, отвечающих интересам России; обсуждение путей разблокирования имеющихся проблем;
- продвижение интересов РФ в том, что касается как выбора приоритетных направлений сотрудничества между государствами – участниками программы Глобального партнерства, так и привлечения дополнительного финансирования на осуществление имеющихся и новых программ и проектов;
- анализ информации об оказываемой и планируемой помощи в рамках Глобального партнерства, доведение этой информации до сведения российских государственных структур;
- координацию деятельности организаций, занимающихся повышением квалификации персонала, работающего в рамках программ Глобального партнерства, с тем, чтобы в дальнейшем, после завершения международного финансового содействия, обеспечить устойчивость проектов, созданных в рамках программы Глобального партнерства;
- формирование позитивного общественного мнения по поводу программ Глобального партнерства.

Первая инициатива СУПР – проведение в апреле 2004 г. в Москве международной конференции по Глобальному партнерству, на которой представители государств – участников ГП и неправительственные эксперты обсудят динамику Глобального партнерства накануне саммита «восьмерки» на о. Морской (США), предложат свои рекомендации по повышению эффективности Партнерства.

В подготовке конференции, наряду с СУПР, примут участие другие организации и институты, в частности, ПИР-Центр.

ПИР - ЦЕНТР И ГЛОБАЛЬНОЕ ПАРТНЕРСТВО

31 мая 2003 г. накануне саммита «Большой восьмерки» во французском Эвиане, директор ПИР-Центра В.А. Орлов в г. Морзин (Франция) дал пресс-конференцию для журналистов и экспертов, освещающих встречу лидеров ведущих мировых держав. В своем выступлении В.А. Орлов подчеркнул, что «в рамках будущего саммита Россия должна окончательно перейти из разряда клиента, получающего финансовую и техническую помощь от стран «восьмерки», в разряд полноправного участника Глобального партнерства. Именно на это направлен План действий «восьмерки» в области Глобального партнерства, который должен быть утвержден лидерами ведущих стран мира на встрече в Эвиане».

24 июня 2003 г. в ПИР-Центре состоялась встреча директора Центра В.А. Орлова со старшим координатором по вопросам Глобального партнерства Министерства иностранных дел и внешней торговли Канады А. Пулом и министром-советником посольства Канады в России А. Кристофером. В ходе беседы стороны обсудили основные проблемы и перспективы российско-канадского сотрудничества в рамках Глобального партнерства. В.А. Орлов проинформировал канадских представителей о деятельности ПИР-Центра по проекту «Глобальное партнерство». Участники встречи обменялись мнениями по поводу сформированного Совета по устойчивому партнерству для России (СУПР) и международной конференции по Глобальному партнерству, которая будет организована СУПР совместно с ПИР-Центром в Москве в апреле 2004 г.

25 августа 2003 г. в ПИР-Центре состоялся семинар на тему «Российско-канадское сотрудничество в рамках программы Глобального партнерства против распространения оружия и материалов массового уничтожения». С докладом выступил стажер ПИР-Центра, аспирант кафедры социально-политических наук Уральского государственного университета (г. Екатеринбург) К.А. Маркелов. В своем докладе К.А. Маркелов проанализировал историю и современное состояние российско-канадского сотрудничества в области Глобального партнерства. Особое внимание докладчик уделил новым инициативам канадского правительства, выдвинутым накануне и после саммита «Большой восьмерки» во французском Эвиане 1-3 июня 2003 г. Доклад К.А. Маркелова будет опубликован в разделе «Глобальное партнерство» интернет-сайта ПИР-Центра.

С 1 сентября 2003 г. к работе приступил новый раздел сайта ПИР-Центра посвященный Глобальному партнерству (<http://www.pircenter.org/rus/gp/index.html>). В разделе представлены аналитические материалы по двусторонним и многосторонним проектам сотрудничества, документы Глобального партнерства, монитор событий, связанных с программой Глобального партнерства, публикации ПИР-Центра по этой проблематике, информация о деятельности ПИР-Центра в рамках проекта, посвященного Глобальному партнерству, а также список полезных ссылок на ресурсы сети Интернет по тематике Глобального партнерства.

Вестник Глобального Партнерства, №2, осень 2003

Редактор: Даниил Кобяков (kobyakov@pircenter.org)

Электронная версия издания размещена на сайте ПИР-Центра по адресу: www.pircenter.org/rus/gp
Издание Вестника осуществляется в рамках международного проекта «Наращивание усилий по Совместному снижению угрозы», координируемого Центром стратегических и международных исследований (США), при финансовой поддержке фонда «Инициатива по сокращению ядерной угрозы» (США)

В последнее время серьезную угрозу стала представлять тенденция слияния двух социальных явлений – организованной преступности и терроризма. Существовая интегрированно и в то же время независимо друг от друга, они представляют взаимный интерес, который обусловлен их качественными характеристиками. Терроризм, его приемы и методы необходимы организованной преступности для эффективного решения своих политических задач. И наоборот, используя формы, методы и возможности организованной преступности (например, наркобизнес), терроризм укрепляет свою финансовую и материальную основу, придает этой деятельности организованный характер.

Интеграция двух социальных явлений усложняет политическую обстановку, вносит деструктивные элементы в деятельность органов власти и управления, существенно влияет на характер процессов в обществе. Вхождение организованной преступности, взявшей на вооружение политический экстремизм, в международные криминальные структуры создает угрозу безопасности страны, международных организаций и международной безопасности в целом. В условиях глобализации транснациональная организованная преступность уже приобрела такие масштабы, что стала заметным фактором, влияющим на процессы устойчивого развития и экономического положения государств (в частности, такое признание в отношении влияния коррупции содержится в ряде резолюций Генеральной Ассамблеи ООН). В отношении киберпространства традиционные представления о территориальной юрисдикции, административных границах и т.п. во многом просто теряют смысл. В случае игнорирования проблемы и отсутствия требуемого «прорыва» в национальных законодательствах и международном праве организованная преступность будет приобретать все более опасные для международной безопасности формы, способствуя не только криминализации общества и международной жизни, но и развитию терроризма как формы разрешения политических конфликтных ситуаций.

ОРГАНИЗОВАННАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ – КОНТУРЫ ПРОБЛЕМЫ

В мае 1988 г. на проходившем под эгидой Интерпола Первом международном симпозиуме по проблемам борьбы с организованной преступностью в г. Сен-Клу (Франция) было сформулировано следующее рабочее определение организованной преступности: «Всякое предприятие или группа лиц, занимающаяся, невзирая на государственные границы, незаконной деятельностью, преимущественно с целью извлечения прибыли»¹. Выделяют *четыре основных вида организованных преступных групп*:

- сообщества по типу семей мафии с жесткой иерархией, внутренними правилами и «кодексом чести», зачастую многопрофильные, действующие в различных сферах легального и нелегального бизнеса. Подобные объединения наиболее устой-

чивы и располагают значительными возможностями для оказания давления на органы власти;

- ❑ группировки, действующие (в отличие от организованных преступных групп первого вида) в одной или нескольких достаточно узких сферах незаконной деятельности и не имеющие такой жесткой структуры. Чаще всего они специализируются на угонах автомобилей, создании и использовании лабораторий по производству наркотиков, финансовых махинациях и т.п.;
- ❑ преступные группы, формирующиеся по этническому признаку. В последние два десятилетия в мире наблюдается существенный рост числа такого рода преступных сообществ;
- ❑ террористические организации, преследующие политические цели.

Обострение противоречий в различных сферах общественной жизни во второй половине XX в. способствовало активизации преступности, увеличению масштабов криминальной деятельности во всех ее видах и формах. Не явилась исключением и организованная преступность, которая наряду с общими тенденциями приобрела ряд характерных, свойственных именно ей черт. Одной из таких черт является политизация действий организованных преступных сообществ. Ее основной причиной, помимо общей политизации общественной жизни, стало чрезмерное накопление криминального капитала, свободное использование которого требует предоставления контролирующим его структурам властных полномочий. Происходит выход деятельности рассматриваемых структур за рамки экономической сферы, активное включение их в процесс политической борьбы.

Возникновение и активное развитие политической направленности в деятельности организованных преступных сообществ связаны с постановкой ими цели оказать влияние на принятие государственных решений, взять под контроль действия органов государственной власти и управления. В результате появляется угроза жизненно важным интересам личности, общества и государства, возникает опасность для существования основных институтов демократии. Политизация организованной преступности, направленность ее против государств и демократического устройства мира оказывают деструктивное воздействие на такие его элементы, как политическая система, государственное устройство, экономические и межнациональные отношения, конституционные права и свободы личности, правопорядок. Ее повышенная общественная опасность возникает не только в результате использования ее структурами все возрастающего криминального потенциала, но и гибкости, динамичности данного вида преступности, его приспособляемости к сложившимся социально-экономическим и политическим условиям, возможности оказывать на них свое негативное воздействие, способности к самовоспроизводству.

Стремление организованной преступности к оказанию воздействия на принятие государственных, в том числе политических решений, взятию под контроль деятельности органов государственной власти и управления проявляется в создании ею позиций во властных структурах, проникновении в управленческие звенья министерств, ведомств и их органы на местах. Решение этой стратегически важной для нее задачи способствует укреплению финансово-экономического потенциала организованной преступности, приобретению ею иммунитета на действие закона, защите от правоохранительных органов. В практику деятельности организованных преступных групп и сообществ прочно вошло использование метода подкупа депутатов парламентов и собраний местного самоуправления, представителей администрации, ответственных сотрудников министерств, ведомств и учреждений. В период предвыборных избирательных кампаний ими активно используется выдвижение представителей криминальной среды в законодательные органы и органы управления. Предпринимаются попытки внедрения молодых участников организованных преступных сообществ в учебные заведения правоохранительных органов с целью их дальнейшего продвижения на ответственные посты в данной системе и т.д.

Стремление к достижению определенных политических целей также может быть одной из движущих сил подобных акций.

Усиление тенденции активного использования экстремизма в политической борьбе способствовало появлению в организованной преступной среде установок на применение насилия при достижении своих целей. В практику ее противоправных действий все активнее вводится использование различных форм и методов экстремистской деятельности, включая террористические. Решение экономических вопросов с помощью противоправных приемов и методов политического характера обусловило вмешательство организованной преступности в сферу межнациональных отношений, в деятельность общественных объединений, выступающих за проведение политических и экономических реформ, не соответствующих ее интересам.

В результате в систему противоправной деятельности организованных преступных групп и сообществ вошло использование таких форм антиконституционных действий, как захват заложников, захват и угон транспортных средств с пассажирами, угрозы в адрес государственных и общественных деятелей, представителей власти, инспирирование массовых беспорядков, организация и проведение взрывов в общественных местах, похищение людей, блокирование пунктов и районов с населением иной национальности, прекращение доставки в них продуктов питания, подачи электроэнергии и создание других препятствий жизнедеятельности людей.

Потребность в оружии и боеприпасах вызвала совершение участниками организованных преступных группировок нападений на армейские склады оружия, колонны с боевой техникой, патрули, объекты органов внутренних дел и государственной безопасности, установление контрабандных связей с зарубежными организациями, специализирующимися на поставках оружия. Наиболее опасны захваты современных систем оружия, способных нанести массовое поражение или значительные разрушения – известен факт попытки захвата атомной подводной лодки мафиозной группой. Захват таких вооружений может проводиться в целях шантажа с требованием обмена на заложников или материального выкупа. Экспертами вероятность попыток подобных захватов оценивается как весьма высокая, причем не обязательно силовыми методами, но и путем подкупа, а также внедрения своих ставленников в руководство соответствующих воинских частей и подразделений: обращение офицера в активного члена организованного преступного сообщества вполне реально. Еще Генеральный секретарь ООН Б. Бутрос-Гали в докладе на 47-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в 1992 г. подчеркнул необходимость принятия мер к воспрепятствованию доступу преступных организаций к ядерным арсеналам, устройствам и расщепляющимся материалам.

Важное значение имеет знание основных направлений использования политического экстремизма в деятельности организованной преступности. Высокую активность данная форма экстремизма проявляет в сфере межнациональных отношений. Изучение причин азербайджано-армянского конфликта в Нагорно-карабахской автономной области (НКАО) позволяет в качестве одной из них выделить усиление противоречий между теневыми экономическими структурами, действующими на территории этих двух республик. Борьба за рынки сбыта и источники сырья, дешевую рабочую силу способствовала возникновению конфликта, который впоследствии приобрел характер открытых военных действий между данными государственно-национальными образованиями. Тайное противоборство из сферы экономической было перенесено в сферу политическую, что, несмотря на большие человеческие жертвы и материальный ущерб, использовалось теневыми экономическими структурами для удовлетворения своих экономических и иных интересов.

События в Таджикистане, начавшиеся в феврале 1990 г., показывают, что организованные преступные группировки имеют отношение к инспирированию массовых беспорядков и других антиобщественных явлений, сопровождающихся не только погромами и поджогами, но и совершением бесчинств в отношении населения иной национальности. Так, в ходе судебного расследования уголовных дел организаторов и активных участников массовых беспорядков в Душанбе в феврале 1990 г. была установлена активная роль лидеров организованных преступных сообществ в разработке идеи захвата власти

в республике и провозглашения на ее территории исламского государства. Организаторы массовых беспорядков заранее планировали совершение нападений на представителей некоренного населения республики.

Подобные события повторились в Таджикистане и весной 1992 г. К этому периоду политический экстремизм занял более прочные позиции в деятельности организованной преступности в республике. Блокирование здания Верховного Совета Таджикистана, захват в качестве заложников народных депутатов, совершение других насильственных антиконституционных действий вошло в систему деятельности организованных преступных сообществ на территории республики.

Насильственные проявления в отношении населения иной национальности произошли во время известных событий в Оше, Фергане, Алма-Ате, где большую активность в инспирировании и дальнейшем развитии антиконституционных действий проявили организованные преступные сообщества.

Организованный политический экстремизм в сфере межнациональных отношений в современной России получил свое максимальное развитие в Чечне.

В условиях обострения кризиса, охватившего политические, экономические и социальные отношения в Российской Федерации и других государствах – членах СНГ, происходит дальнейший рост масштабов организованной преступности. Она развивается под значительным влиянием условий, позволяющих противоправным путем извлекать максимальную прибыль, обогащаться за счет неправомерного перераспределения национального дохода и утраты властью эффективного контроля над государственными и общественными структурами. В России, как и в других странах, по мере возрастания финансового и материального потенциала организованной преступности, у ее руководителей и наиболее активной части объективно проявляется стремление к тому, чтобы оказывать нужное для них влияние на власть, правоохранительные органы. Ими вырабатывается не только тактика, но и определенная криминальная стратегия оказания такого воздействия и обеспечения собственной безопасности при проведении широкомащштабных преступных акций. Сначала преобладают меры безопасности чисто охранительного характера. Далее, по мере накопления богатств, организованная преступность все более отчетливо проявляет тенденцию к проникновению во властные структуры и ставит задачи не только обеспечения безопасности преступных акций и безнаказанности совершающих их исполнителей, но и оказания влияния, в том числе насильственными методами, на принятие управленческих решений в области экономической политики, других вопросов социальной и политической жизни для достижения своих целей. Как показывает практика, организованная преступность, будучи заинтересованной в дестабилизации власти, оперативно-розыскной, следственной и судебной деятельности, все больше начинает ориентироваться на конспиративные, в сочетании с силовыми, меры противостояния с органами власти и управления, на применение методов устрашения в отношении определенных социальных групп и общества в целом, стремится добиться снижения эффективности и активности сил обеспечения правопорядка, а также вызвать социальную пассивность общества. Из всего изложенного выше вытекает очень важный вывод о том, что организованная преступность по своей сущности и внутренней логике развития объективно создает предпосылки для стимулирования терроризма. В то же время на организованную преступность оказывает воздействие терроризм, который инициирует ее развитие, расширяет возможности мафиозных сообществ в достижении политических и экономических целей. Таким образом, в современных условиях можно говорить об идущих процессах развития взаимосвязи и взаимодействия терроризма и организованной преступности и о ее стимулирующем влиянии на терроризм.

СРАЩИВАНИЕ ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ И ТЕРРОРИЗМА

Терроризм обеспечивает расширение возможностей организованной преступности. С одной стороны, он используется для подавления социальной активности общества, для преодоления противодействия властных структур и действий правоохранительных органов. С другой стороны, организованная преступность сама испытывает обратное

воздействие со стороны терроризма, который стимулирует ее развитие. Терроризм в известной степени «паразитирует» на организованной преступности. Часть террористических формирований находится в сфере деятельности организованных структур преступных сообществ. Выполняя поручения лидеров организованной преступности, террористические формирования своими действиями создают благоприятные условия для достижения политических и экономических целей мафиозных организаций.

Таким образом, при рассмотрении стимулирующего воздействия организованной преступности на терроризм необходимо учитывать следующее. Во-первых, лидеры и участники организованной преступности заинтересованы в расширении терроризма как социального явления, сопутствующего ей. Во-вторых, организованная преступность, создавая систему собственной безопасности, в качестве ее элемента предусматривает наличие фактически террористических формирований. Эти формирования своими акциями не только дестабилизируют обстановку и выполняют функции достижения конкретных преступных результатов, получения прибыли и т.д., но и порождают неуверенность в обществе, парализуют его противодействие и тем самым создают благоприятную основу для развития собственно терроризма. В-третьих, лидеры организованной преступности, обеспечивая себе идеологическое прикрытие, проводят линию на организацию кампаний и подрывных действий против власти и правоохранительных органов, то есть парализуют их возможности. Своей демагогией они стремятся создать обстановку безнаказанности, тем самым подстрекая к насильственным действиям экстремистские организации террористического толка.

Оценивая это явление, необходимо отметить тесную взаимосвязь и взаимодействие терроризма и бандитизма как крайней формы криминального насилия. С одной стороны, терроризм, даже при отсутствии желания исполнителей террористических акций, неизбежно взаимосвязан с бандитизмом. По тактическим соображениям лидеры политических террористических формирований при определенных обстоятельствах пытаются использовать криминальное насилие, бандитский террор для создания выгодных для террористических организаций ситуаций в каком-либо регионе в зависимости от поставленных целей. С другой стороны, бандитизм оказывает социально-политическое и психологическое воздействие на общество. Организованная преступность стремится расширить свое влияние в обществе, подавить социальную активность граждан. Для этого, усиливая террористическое устрашение, она применяет методы шантажа, многие формы запугивания и расправы, создает неблагоприятный морально-психологический климат в обществе. Люди, видя неспособность власти защитить граждан от криминального насилия, дают ей негативную политическую оценку. Они критикуют не только уголовную политику и неэффективность правоохранительных органов: критике начинает подвергаться политический режим в целом. Население высказывает сомнение в отношении возможности и целесообразности функционирования в стране демократического строя.

Тенденция сращивания терроризма и бандитизма особенно заметна на уровне исполнителей террористических акций, из которых руководители преступных формирований стремятся создавать боевые группы, пополняющиеся в основном представителями криминального мира.

Терроризм любой окраски, какой бы идеологией он ни прикрывался, как бы политизирован он ни был, следует рассматривать как явление криминальное и подлежащее обстоятельному криминологическому анализу с точки зрения вскрытия причин и условий формирования этих преступлений, изучения лояльности субъектов террористических акций, мотивации действий вдохновителей и участников этих акций. Весьма актуальным является исследование социальной базы терроризма в стране, изучение социальных групп и слоев, из которых выходят руководители и организаторы формирований криминального терроризма, а также прослойки лиц, тяготеющих к радикальной политической деятельности, ориентирующихся на экстремистские террористические методы политической борьбы. Основной «ударной силой» организованной преступности в спровоцированных под ее влиянием актах террора, как показывает практика, выступают уголовно-преступные элементы. При изучении процессов, происходящих в преступном мире,

в настоящее время продолжает действовать подход, исходящий из концепции, сложившейся в 1980-е гг., в основе которого лежит представление о том, что уголовная среда, ее лидеры аполитичны, их облик отождествляется с отсталым сознанием, предрасположенностью лишь к корыстным или насильственным преступным акциям. Однако анализ имеющихся материалов свидетельствует, что в значительной степени под влиянием развернувшейся в обществе критики современной системы власти и управления в преступной и антиобщественно ориентированной среде (хулиганы, мелкие расхитители и т.п.) формируется готовность к насильственным действиям без учета конечных целей такого насилия. Эти элементы просто ждут «своего часа», когда можно будет безнаказанно (расчет на феномен толпы) грабить, насиловать, сводить счеты с властью, правоохранительными органами. Складывается весьма сложное по своей природе направление политики преступности, связанное со скрытыми действиями неких сил, рвущихся к власти и опирающихся на преступно-люмпенизированные элементы как на «резерв толпы», готовый «атаковать» систему. Таким образом, организованная преступность имеет для совершения актов террора солидные резервы, которые могут быть задействованы, если того потребуют ее интересы.

На развитие взаимосвязи и взаимодействия организованной преступности и терроризма влияет тенденция к интернационализации этих явлений. Развитие интернациональных связей организованной преступности идет параллельно с развитием интернациональных связей терроризма. К настоящему времени сложились понятия и «международная организованная преступность», и «международный терроризм». Международные преступные синдикаты ставят широкомасштабные цели извлечения громадных прибылей, привлекают для своей поддержки организации международного терроризма. Одновременно с этим организации международного терроризма в интересах собственной безопасности стараются использовать в своих целях позиции организованной преступности во властных структурах и правоохранительных органах. Оказывая такую помощь, организованная преступность создает предпосылки для реализации поставленных террористическими группировками задач, тем самым создавая предпосылки для стимулирования терроризма.

В настоящее время чрезвычайно острой проблемой стал наркобизнес. Огромный сырьевой потенциал стран Азии и Латинской Америки, дополняемый развитым производством синтетических наркотиков, способствует превращению наркобизнеса в один из наиболее доходных видов организованной преступности, который в настоящее время имеет ряд характерных особенностей, позволяющих влиять на террористическую деятельность. Такими особенностями являются:

- организация наркобизнеса практически по всему миру, устойчивость преступных группировок, наличие межрегиональных связей;
- наличие больших финансовых средств, огнестрельного оружия, транспорта;
- готовность наркобизнеса финансировать действия по дестабилизации «неудобных режимов».

Еще на VIII Конгрессе ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями в контексте противодействия наркоторговле отмечалось, что при некоторых обстоятельствах может проявиться взаимодействие сил организованной преступности и террористических групп. В отдельных регионах именно тесный союз между крупными преступными организациями и террористическими группировками привел к незаконному обороту наркотиков. В прошлом преступные организации наркодельцов часто рассматривали успехи правоохранительных органов по пресечению их деятельности в качестве «издержек бизнеса», смиряясь со своими потерями по причине боязни активных репрессивных действий со стороны правительственных органов. Однако с принятием странами более строгих законодательных и правоприменительных мер в этой области важнейшие каналы незаконного сбыта товаров и услуг в этой сфере были разрушены. После этого преступные организации стали активно защищать свой «ареал» насильственными методами.

Таким образом, появление феномена наркотерроризма в значительной степени было обусловлено желанием сбытчиков наркотиков для защиты своих экономических интересов воспользоваться услугами существующих экстремистских структур, боевой мощью и системой подготовки террористических групп. Последние со своей стороны были заинтересованы в предложенных крупных денежных суммах и новых возможностях, открывшихся для финансирования и извлечения доходов из ранее невыгодной в финансовом отношении деятельности. Организации, занимающиеся незаконным оборотом наркотиков, нередко прибегают к террору для устрашения властных структур, судебных правоохранительных и военных органов, чтобы не допустить преследования, задержания, заключения или выдачи своих членов.

Все более широкое использование насилия производителями и сбытчиками наркотиков в ответ на меры по установлению контроля за их распространением, а также торговля наркотиками для приобретения оружия и финансирования террористов через незаконный оборот этой продукции создают серьезную угрозу безопасности, конституционной стабильности государств и благосостоянию их народов. К этому следует добавить и возможность подключения зарубежных террористических организаций к защите интересов международных наркоструктур. А их ежегодный доход в сфере производства и распространения наркотиков превышает 0,5 трлн долл. Этот прогностический вывод уже находит свое подтверждение. Рассматривая механизм стимулирования терроризма организованной преступностью, важно отметить зависимость организованной структуры террористических формирований от характера их взаимосвязей с организованной преступностью.

На этой основе можно выделить два вида организационных структур террористических формирований, взаимосвязанных с организованной преступностью. К *первому виду* относятся самостоятельно существующие террористические структуры, которые материально, финансово, идеологически и иным путем стимулируются организованной преступностью, но сами при этом не входят в мафиозные формирования, хотя и управляются ими. *Другой вид* – террористические формирования, непосредственно подчиняющиеся мафиозным группировкам и выполняющие их прямые распоряжения.

Раскрывая механизмы взаимосвязи преступных формирований и характеризуя их, следует иметь в виду два типа таких взаимосвязей в зависимости от масштабов деятельности этих формирований. *Первый* действует на макроуровне. К нему относятся объединенные преступные формирования, сферы действия и влияния которых охватывают масштабы России, ее крупные регионы, а также стран – членов СНГ. Они имеют непосредственные взаимосвязи и взаимодействие с международными мафиозными структурами. *Второй тип* действует на микроуровне в рамках отдельных организаций, управляющих подчиненными им структурами. Сфера их интересов ограничена одним видом преступной деятельности и определенными незначительными территориальными рамками. Такой способ рассмотрения взаимосвязи организованной преступности и терроризма важен для организации противодействия стимулирующему влиянию организованной преступности на терроризм.

Таким образом, изучение проблемы политизации организованной преступности позволяет выделить ряд особенностей в действиях ее организационных структур на данном направлении, сближающих ее с терроризмом. Не все частные образования, входящие в структуру организованной преступности, направляют свои усилия на достижение политических целей. Как правило, этой деятельностью занимаются крупные организованные сообщества, невидимые лидеры которых имеют большой криминальный аппарат. Однако не следует игнорировать и тот факт, что структурно небольшие преступные группировки могут находиться в подчинении более крупных, входить в систему организованных преступных сообществ и выполнять любые их установки и задачи.

К особенностям деятельности организованной преступности в сфере политических отношений относятся следующие:

1. Активное использование терроризма и других форм политического экстремизма. Включение их в систему противоправной деятельности указывает на решимость органи-

зованной преступности в достижении политических целей, готовность пойти при этом на осуществление самых крайних мер. Данная установка в действиях организованных преступных сообществ свидетельствует об их повышенной общественной опасности, о реальной угрозе, которую они представляют для безопасности личности, общества и государства.

2. Организованная преступность приобретает все более масштабный, межрегиональный и международный характер. В содержание данных связей и контактов входит проведение совместных преступных акций и операций, оказание финансовой и материальной помощи, обмен информацией и криминальным опытом.

3. В структурах организованной преступности имеются боевые подразделения и группы, способные к совершению экстремистских действий, в том числе террористического характера. В криминальной практике имеют место случаи направления боевиков из преступных группировок за рубеж для проведения террористических и иных экстремистских акций.

4. В обеспечении поставок крупных партий огнестрельного оружия и боеприпасов на территорию страны посредническую роль нередко играют предприятия и фирмы с совместным и иностранным капиталом. Это указывает на то, что международные центры, взявшие на вооружение экстремизм, придают особое значение такого рода поставкам. Более того, они видят в них возможность не столько решения своих политических задач, сколько, в конечном итоге, улучшения своей финансовой и материальной базы.

5. В действиях организованных преступных сообществ все чаще и отчетливее просматривается желание воздействовать (иногда просто путем приобретения или установления контроля) на средства массовой информации с целью навязывания обществу своих ценностей и установок. Думается, что нельзя исключить влияния организованной преступности на популяризацию в телепередачах и на страницах печатных изданий культа насилия и жестокости. Героизация людей физически сильных и жестоких, игнорирующих закон и нравственность, оказывает влияние на заметную утрату обществом духовных ценностей и морально-нравственных качеств. Это способствует расширению социальной базы преступности, в том числе организованной, увеличению количества противоправных проявлений². Кроме всего прочего, такие действия преступных группировок могут быть реализацией кампаний психологического террора.

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВАЯ БАЗА ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ ОРГПРЕСТУПНОСТИ

На уровне национальных законодательств борьба с организованной преступностью, бандитизмом и другими связанными с ними преступлениями ведется относительно давно. Иное дело – международное право. Хотя выше отмечалось, что внимание этой проблеме уделялось даже в выступлениях Генерального секретаря ООН, серьезной работы в направлении ее решения на международном уровне до относительно недавнего времени не велось. Ситуация резко изменилась в связи с реальным выходом на арену международной наркомафии и международных преступных организаций. В результате борьба с транснациональной организованной преступностью, являясь продолжением борьбы с терроризмом и незаконным оборотом наркотиков, заняла заметное место в международной повестке дня.

В последние годы сотрудничество на этом направлении развивается особенно бурно. С учетом начала функционирования постоянного Международного уголовного суда, можно говорить о том, что складывается система международной уголовной юстиции.

Условно сотрудничество государств в деле борьбы с транснациональной организованной преступностью можно подразделить на направления, из которых наиболее актуальными представляются следующие три:

- ☐ установление со стороны государств более жесткого контроля над финансовыми потоками, включая борьбу с коррупцией и отмыванием преступных доходов (с

точки зрения задействуемых механизмов к этому направлению относится и борьба с финансированием терроризма) и т.п.;

- противодействие различным видам незаконного оборота, включая незаконный оборот оружия и людей, наркотиков, а также ядерных и радиоактивных материалов и других компонентов оружия массового уничтожения;
- предотвращение и борьба с преступлениями в сфере высоких технологий, включая преступления в киберпространстве.

Определяющей чертой всех перечисленных выше категорий преступлений является их трансграничный характер.

В то же время различного рода границы, установленные государствами, – политические, административные, таможенные, тарифные, пределы юрисдикции и пр. – являются препятствием для правоохранительных органов, призванных бороться с трансграничной преступностью, в большей мере, нежели для криминалитета.

Серьезный импульс налаживанию взаимодействия в борьбе с транснациональной организованной преступностью в многостороннем формате должно придать вступление в силу подписанной 12 декабря 2000 г. в Палермо Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности и дополняющих ее Протокола против незаконного ввоза мигрантов по суше, морю и воздуху (2000 г.), Протокола о предупреждении и пресечении торговли людьми³, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее (2000 г.), а также Протокола против незаконного изготовления и оборота огнестрельного оружия, его составных частей и компонентов, а также боеприпасов к нему (2001 г.).

Такие деяния, как участие в организованной преступной группе, воспрепятствование отправлению правосудия, отмывание преступных доходов, отнесены в Конвенции к криминальным. Кроме того, Конвенция содержит детальную регламентацию таких ключевых направлений сотрудничества государств, как конфискация доходов от преступной деятельности, выдача преступников, правовая помощь, защита свидетелей и жертв преступлений. Характерной особенностью Конвенции и протоколов является то, что они создают комплексную правовую основу для практического взаимодействия между правоохранительными органами государств в различных областях борьбы с преступностью на универсальной основе. На сегодняшний день Конвенция ратифицирована 40 государствами (среди крупнейших из них – Канада, Испания, Франция) и должна вступить в силу 29 сентября 2003 г.

В настоящее время в рамках ООН усилия в антикриминальной сфере сосредоточены на Проекте конвенции против коррупции, которую планируется согласовать и открыть к подписанию уже в текущем году. Проект конвенции содержит ряд принципиально важных и новых для всего международного сообщества положений. Важнейшее из них – установление общего правила, согласно которому незаконные активы будут возвращаться в страны происхождения. Включение этого положения, вокруг которого в Спецкомитете ООН против коррупции ведется ожесточенная дипломатическая борьба, будет иметь переломное значение для многих государств (в том числе и России), активы из которых вывозятся для отмывания в другие страны. Закрепление этого положения потребует внесения существенных изменений в законодательства многих государств, которые сейчас предусматривают обращение конфискуемых активов в доход государства, где они выявлены.

Антикриминальное сотрудничество государств развивается не только путем закрепления новых международных обязательств в многосторонних договорах, но и через согласование более высоких стандартов сотрудничества в области сближения соответствующих национальных процедур и правоприменительной практики. В основном соответствующая проблематика разрабатывается по линии Генеральной Ассамблеи, Экономического и социального совета ООН, прежде всего через подотчетную ему Комиссию по предупреждению преступности и уголовному правосудию. Работа указанных органов обеспечивается венским Центром по международному предупреждению преступности – одним из подразделений Секретариата ООН.

Работа над сближением национального законодательства государств также ведется на региональном уровне. В Европе обсуждается вопрос о формировании общего право-

охранительного пространства. Особую роль в этом процессе играет Европейский Союз, в рамках которого на антикриминальном направлении действует целый ряд рабочих органов. Созданные в Европе механизмы сотрудничества (в том числе Европол, Евроюст, европейский ордер на арест) представляют весьма продвинутый уровень взаимодействия государств в борьбе с преступностью и могут служить моделью для других европейских государств и субрегиональных объединений, включая СНГ. Разработанные в ЕС организационные формы антикриминального сотрудничества в наибольшей степени отвечают потребностям создания общего правоохранительного пространства, позволяют обойти ряд формально-юридических препятствий на пути повышения такого взаимодействия. В частности, единый европейский ордер на арест, по сути, позволяет обойти традиционную громоздкую процедуру выдачи (экстрадиции) преступников, в некоторой степени снимает проблему признания государствами решений судов другого государства.

Сотрудничество России и европейских стран в этой области ведется в основном по линии Совета Европы. Являясь членом этой организации, Россия присоединилась к ряду ее конвенций в антикриминальной сфере, включая Европейскую конвенцию о взаимной правовой помощи по уголовным делам (1959 г.), Европейскую конвенцию об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов, полученных преступным путем (1990 г.).

Основными документами, регулирующими взаимодействие государств – участников СНГ в борьбе с транснациональной оргпреступностью, являются Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (1997 г.), Концепция взаимодействия государств – участников Содружества в борьбе с преступностью (1999 г.), Межгосударственная программа совместных мер борьбы с преступностью на период 2003–2004 гг. Значительный объем сотрудничества базируется на межведомственных соглашениях по различным направлениям правоохранительной деятельности пограничных, таможенных и специальных служб.

В последнее время все активнее используются возможности Бюро по координации борьбы с оргпреступностью и иными опасными преступлениям (БКБОП) СНГ и национальных бюро Интерпола. В марте 2002 г. подписан Протокол об информационном взаимодействии между Антитеррористическим центром и БКБОП СНГ, что существенно повысило эффективность совместной работы этих структур.

Исходя из обозначенных выше тенденций можно с уверенностью прогнозировать развитие и углубление международных связей в борьбе с транснациональной оргпреступностью и, соответственно, увеличение числа заключаемых соглашений.

Примечания

¹ Данный материал подготовлен по заказу ПИР-Центра для издания книги «Megaterrorism: A New Challenge for a New Century». Moscow: PIR Center, 2003. 124 p. (Супертерроризм: новый вызов нового века).

² *International Criminal Police Review*. 1989. № 419, July–August.

³ Отмечая данное обстоятельство, нельзя недооценивать его в общей системе установок и практических действий организованной преступности. По своей значимости оно не уступает деятельности преступных сообществ по созданию, например, позиций во властных структурах. Не зря в общественном сознании утвердилось мнение о средствах массовой информации как о «четвертой власти». Использование ее в интересах организованной преступности может способствовать внедрению в сознание людей правового нигилизма, утверждению антиобщественных ценностей, установок, снижению иммунитета социальной защищенности.

⁴ В русском языке в качестве термина, обозначающего незаконный оборот людей, утвердилось словосочетание «торговля людьми». Это выражение неточно передает суть английского выражения («trafficking in human beings») проблемы, которая заключается не в том, что людей продают и покупают, как это следует из русского термина, а в том, что их незаконно переправляют через границу (границы). К сожалению, это порождает и серьезные трудности с точки зрения применения нашего внутреннего законодательства, поскольку в Уголовном кодексе имеется лишь статья о запрещении работорговли.

История развития международного сотрудничества России (СССР) в области атомной энергетики началась в 1955–1956 гг., когда были подписаны первые двусторонние соглашения об оказании научно-технической помощи в создании научных ядерных центров в ряде государств и технического содействия в сооружении первых опытно-промышленных атомных электростанций (АЭС) в Чехословакии и Германской Демократической Республике.

Почти 50-летний опыт международного сотрудничества нашей страны в области атомной энергетики показал, что Россия достигла значительных высот в деле использования атомной энергии в мирных целях.

СОЗДАНИЕ ПРОМЫШЛЕННОЙ БАЗЫ ДЛЯ АТОМНОГО ЭКСПОРТА

27 июня 1954 г., с пуском в СССР первой в мире атомной электростанции, началась эра атомной энергетики. Придавая большое значение использованию атомной энергии в мирных целях и стремясь содействовать развитию международного сотрудничества в этой области, уже в апреле 1955 г. Советское правительство в Обращении к странам Восточной Европы, Индии, Египту и другим странам заявило о своей готовности передать соответствующий научно-технический опыт, накопленный в Советском Союзе, другим государствам.

Сотрудничество с зарубежными странами предлагалось сразу по нескольким направлениям освоения атомной энергии:

- ☐ создание ядерных научно-исследовательских центров;
- ☐ строительство производственных предприятий;
- ☐ строительство опытно-промышленных атомных электростанций;
- ☐ обмен научным и техническим опытом;
- ☐ образование объединенного института ядерных исследований и совместная работа советских и зарубежных специалистов в этом институте;
- ☐ подготовка инженерных и научных кадров.

Следующим этапом международного сотрудничества в области атомной энергии стало подписание Советским Союзом в период 1965–1986 гг. в рамках широкомасштабного

сотрудничества ряда двусторонних межправительственных соглашений об оказании технического содействия, включая выполнение работ на условиях подряда при сооружении атомных электростанций.

К этому времени в европейских социалистических странах практически завершился первый этап создания научной и экспериментальной базы, период подготовки национальных кадров в области мирного использования атомной энергии, включая науку и инженерные вопросы. Были созданы условия для развития промышленной атомной энергетики.

Форсированному развитию атомной энергетики способствовали ограниченные естественные энергетические ресурсы, постоянно сдерживавшие промышленное развитие социалистических стран.

Программа развития атомной энергетики в странах-членах Совета экономической взаимопомощи (СЭВ) была настолько масштабна, что существовавшие производственные мощности СССР не справлялись с ее реализацией. Проведенные специалистами и учеными расчеты подтвердили, что намечавшаяся двадцатилетняя программа строительства электростанций в СССР и странах-членах СЭВ, а также в Финляндии и Ливии может быть выполнена только усилиями проектных организаций и промышленностью СССР совместно со странами-членами СЭВ.

В этой связи встал вопрос о более полном использовании промышленности стран-членов СЭВ для изготовления оборудования АЭС, вплоть до специализации отдельных заводов в выпуске определенной продукции.

Решение этой задачи осуществлялось в двух направлениях:

- ☐ расширения производственной мощности у нас в стране, а также перехода на сооружение крупных промышленных АЭС мощностью 4–6 млн кВт с установкой реакторов единичной мощностью 1 млн и более кВт;
- ☐ передачи изготовления отдельного основного оборудования для ВВЭР-440 по кооперации в социалистические страны с использованием имеющегося у них промышленного потенциала, а также создания новых специализированных производств в этих странах.

Это было важнейшее решение в целях реализации крупномасштабных программ развития атомной энергетики, способное обеспечить ввод примерно 7–8 тыс. МВт ежегодно в нашей стране и 2–3 тыс. МВт за рубежом. Таких масштабов развития не могла себе позволить ни одна страна мира. Важным событием в развитии международного сотрудничества и развития атомной энергетики в странах-членах СЭВ стало подписание 28 июня 1979 г. главами правительств стран-членов СЭВ Соглашения о многосторонней международной специализации и кооперации производства и взаимных поставках оборудования для атомных электростанций на период с 1981 по 1990 г.

Соглашением были определены Главный конструктор, Генеральный проектировщик, поставщики и потребители оборудования для каждой строящейся и планирующейся АЭС, сроки ввода мощностей и объемы поставок оборудования на эти АЭС.

С целью расширения взаимодействия с зарубежными странами в области мирного использования атомной энергии в 1973 г. по решению правительства СССР были созданы два объединения для обеспечения и координации работ с целью выполнения обязательств СССР по межправительственным соглашениям о сотрудничестве в области атомной энергетики:

- ☐ Внешнеторговое экспортно-импортное объединение «Атомэнергоэкспорт» в составе Государственного комитета по внешним экономическим связям (ГКЭС) для осуществления единой коммерческой политики по всем объектам атомной энергетики и техники, сооружаемым за границей при техническом содействии СССР, и импорту оборудования для АЭС в СССР и за рубежом;

- Всесоюзное объединение «Союзглавзагранатомэнерго» в составе Министерства энергетики СССР по импорту оборудования и оказанию технического содействия в строительстве атомных электростанций за границей.

Основной деятельностью объединений являлась реализация межправительственных соглашений по оказанию технического содействия странам Восточной Европы и Финляндии в развитии атомной энергетики.

Всего за рубежом, включая такие страны, как Чехия, Словакия, Венгрия, Финляндия, при техническом содействии России (СССР) было построено около тридцати энергоблоков атомных электростанций и порядка десяти ядерных научно-исследовательских центров, которые продолжают работать в настоящее время² и играют позитивную роль в экономике своих стран. В соответствии с международной статистикой два энергоблока – «Ловиза» в Финляндии и четыре энергоблока «Пакш» в Венгрии – в течение последних 20–25 лет находятся в числе десяти – пятнадцати лучших атомных электростанций по показателям безопасности, надежности, теплотехнической способности и воздействию на окружающую среду. Так, например, радиационный фон вокруг станции в Финляндии практически равен природному.

Все эти факты говорят о том, что основой советской (а сегодня – российской) атомной энергетики является хорошая научно-техническая база, удачные проекты, разработанные еще советскими учеными, и до сих пор успешно работающее оборудование.

Сложившееся в первой половине 1990-х гг. состояние мирового рынка и высокий уровень требований к котлирующимся на нем проектам АЭС определили главные стратегические задачи Минатома РФ в области энергетики на современном этапе:

- закрепление и дальнейшее расширение участия российской атомной энергетики на мировом рынке;
- создание портфеля технически завершенных конкурентоспособных типовых проектов энергоблоков АЭС различной мощности для участия в международных тендерах;
- разработка и реализация целевых программ по созданию конкурентоспособных образцов оборудования по номенклатуре, вынужденно закупаемой в настоящее время за рубежом.

Министерство РФ по атомной энергии, которое в рамках межправительственных соглашений, подписанных правительством бывшего СССР и правительством Российской Федерации с соответствующими странами, отвечает за выполнение программы сотрудничества в области атомной энергии за рубежом, учитывая особые условия этого сотрудничества в новых политических и экономических условиях в мире, в 1998 г. приняло решение об организации нового специализированного объединения ЗАО «Атомстройэкспорт» в рамках Министерства РФ по атомной энергии на базе ВПО «Зарубежатомэнергострой» и АО «Атомэнергоэкспорт».

В настоящее время ЗАО «Атомстройэкспорт» поручена реализация межправительственных соглашений по оказанию технического содействия в сооружении атомных электростанций в Китае и Индии, достройка АЭС в Иране и модернизация АЭС в Болгарии.

Атомный экспорт относится к стратегическим видам сотрудничества России с зарубежными странами. Строительство, модернизация и реконструкция АЭС за рубежом являются одной из немногих динамично развивающихся статей российского экспорта высокотехнологичного оборудования и товаров, не позволяющих превратить Российскую Федерацию в сырьевой придаток промышленно развитых государств.

В условиях отсутствия заказов на атомное энергетическое оборудование внутри страны в период с 1990 по 2000 г. реализация указанных проектов позволила вывести из кризиса целую отрасль российской промышленности – в реализации проектов участвуют около 250 тыс. высококвалифицированных специалистов, работающих на более чем 300 российских предприятиях.

РЕАЛИЗУЕМЫЕ ЭКСПОРТНЫЕ ПРОЕКТЫ

Настоящим прорывом Российской Федерации в области экспорта энергетического оборудования стало, несмотря на множество существующих финансовых и технических проблем, успешное строительство АЭС «Тяньвань» в Китае, состоящей из двух энергоблоков с водо-водяными реакторами мощностью 1000 МВт, начатое в 1997 г. Успешная реализация китайского проекта позволила получить заказ на строительство двух блоков АЭС «Куданкулам» в Индии.

Одновременно осуществляется реализация контракта на модернизацию в составе Европейского консорциума (совместно с фирмами «Framatom» и «Siemens») атомной электростанции «Козлодуй» в Болгарии и контракта на сооружение Циклотронного центра при Управлении по стандартизации, метрологии и испытаниям Словацкой Республики в счет частичного погашения долга России и бывшего СССР Словакии. Также с участием российских экспертов ведутся работы на словацких и чешских атомных энергоблоках. Существует достаточно серьезная программа модернизации атомной станции в Венгрии.

Таким образом, несмотря на жесточайшую конкуренцию (в настоящее время основными конкурентами ЗАО «Атомстройэкспорт» являются компании «General Electric» (США), «Framatom» (Франция), «Siemens» (Германия), «AECL» (Канада)), Российская Федерация стала одним из основных экспортеров энергетического оборудования для АЭС – около 25% мирового экспорта.

Сегодня Россия ведет строительство двух энергоблоков в Китае. Контракт был подписан в 1997 г., основное оборудование уже поставлено и смонтировано на площадке. Пуск первого энергоблока планируется в 2004 г., второго – в 2005 г. Китайские заказчики очень внимательно подошли к вопросу контроля качества изготовления оборудования. В частности, в Санкт-Петербурге, где находятся основные заводы по производству оборудования, постоянно находятся до 80 китайских приемщиков, которые каждый день проверяют процесс изготовления оборудования в соответствии с технологическими нормами и правилами. Китайские специалисты работают вместе с российскими приемщиками из Госатомнадзора, т.е. контроль производится сразу с нескольких сторон. Подобные меры уже принесли свои результаты: в оборудовании после доставки на площадки с заводов не было выявлено каких-либо дефектов. Российская сторона несет полную ответственность за качество оборудования, и данные контрольные мероприятия со стороны заказчика не заменяют контроля со стороны изготовителя, который осуществляется параллельно.

Ведется сооружение двух блоков в Индии в Куданкуламе. Данный район Индии остро нуждается в электроэнергии, и на этой площадке можно построить порядка шести энергоблоков. Сейчас уже ведется строительство двух из них, и индийские партнеры предлагают подписать контракт еще на четыре. В 2002 г. Индия приняла достаточно жесткую программу развития атомной энергетики. В Дели надеются, что в ней будет также участвовать и представители Франции. Индия сегодня может сама производить оборудование для станций, однако пока только средней мощности, порядка 400 МВт.

Сегодня ЗАО «Атомстройэкспорт» достраивает один энергоблок в Иране. Иностранные коллеги часто задают вопрос: «Зачем Ирану вообще атомная энергетика? Там же полно нефти!». Наверное, не все из них знают, что еще во времена правления шаха М. Пехлеви США помогли Ирану разработать энергетическую программу, в соответствии с которой в стране должно было быть построено 12 энергоблоков мощностью 1000 МВт, и нефти у Ирана на тот момент было не меньше, чем сегодня. В той программе участвовали компании из Франции, Германии и США. Иранская сторона подписала контракт на два блока с немецкой компанией «Siemens». После изменений политической обстановки в стране Германия отказалась продолжать программу, и станция так и не была закончена. Россия в лице ЗАО «Атомстройэкспорт» сегодня достраивает и приводит к современным стандартам ту станцию, которую более 20 лет назад оставили европейские конкуренты.

На складе в Иране хранилось более 80 тыс. единиц оборудования, оставленного немецкими специалистами, – насосы, арматура, турбопроводы, теплообменники, холодиль-

ные установки. Была поставлена задача максимально использовать это оборудование, проведена очень большая работа по оценке этого оборудования, то есть в каком оно состоянии, можно ли его применять, была осуществлена проверка его физических параметров. Большая часть оборудования, которое хранилось на складе, находилась в хорошем состоянии, но на него не было полной документации, для ее восстановления были привлечены российские заводы и научно-исследовательские институты. Были сделаны специальные стенды, на которых проверялись технические характеристики оборудования. После тестирования выписывалось разрешение на использование исправного оборудования и выдавался технический паспорт. В результате около 15 тыс. т оборудования, поставленного Германией, применяется в сегодняшнем проекте.

На практике оказалось, что оценка состояния немецкого оборудования – достаточно трудоемкая работа. Только в марте 2003 г. совместно с иранской стороной был определен перечень оборудования, которое нельзя применять, и подписан контракт на закупку его аналогов в России. На сегодняшний момент оно уже заказано у субподрядчиков. Сроки поставки – от трех до девяти месяцев, затем это оборудование будет доставлено в Бушер и смонтировано. Вопрос о дате пуска первого энергоблока не актуален на данный момент. Достраивать за кем-то АЭС – крайне сложная научно-техническая задача. Когда будет достроена эта станция, она станет первой в мире, строительство которой было начато одной страной, а закончено другой.

В настоящее время ЗАО «Атомстройэкспорт» участвует в тендере на поставку основного оборудования для АЭС, строящейся в Финляндии. В 2002 г. правительство Финляндии приняло решение о строительстве нового энергоблока, был объявлен тендер. На данный момент есть три основных участника: «Атомстройэкспорт», «Framatom» и «General Electric». Приглашения были направлены и некоторым другим компаниям. Например, компания «Westinghouse» отказалась от участия в тендере и предложила России свое сотрудничество. Таким образом, сегодня мы можем пригласить эту компанию для поставок систем автоматизации на финскую станцию.

Россия предложила Финляндии для реализации проект, подобный тому, реализация которого завершается сегодня в Китае. В прошлом году финские коллеги посетили строящуюся станцию в Китае. После этой поездки финская сторона стала рассматривать «Атомстройэкспорт» в качестве равноправного партнера.

КОНКУРЕНТНАЯ БОРЬБА НА РЫНКЕ АЭС

Другим подтверждением значительного успеха Российской Федерации в вопросе экспорта оборудования для АЭС является все более возрастающее давление как на страны-заказчики, так и на Российскую Федерацию со стороны руководства стран-конкурентов с целью вытеснения российских поставщиков с рынка.

Наиболее ярким примером здесь можно назвать постоянно выдвигаемые США претензии по поводу российско-иранского сотрудничества в процессе достройки АЭС «Бушер», которые продолжают не смотря на то, что указанный проект осуществляется по правилам и под полным контролем МАГАТЭ.

К сожалению, есть и примеры недобросовестной конкуренции. Например, в свое время Россия ушла из Северной Кореи, так как США заявили, что РФ нельзя сотрудничать с этой страной, хотя там уже началось осуществление атомного проекта. Сейчас США сами пытаются вести переговоры о строительстве АЭС в Северной Корее. Почему России нельзя, а им можно?! То же самое может произойти и в Иране, и если это случится, мы никогда туда не вернемся.

Американцы вводят в заблуждение мировую общественность, к примеру, говорят о том, что на АЭС можно сделать атомную бомбу. Это нонсенс. Или вот еще повод для спекуляций: вы готовите специалистов для атомной станции, а они не здесь, так в другом месте делают атомную бомбу. Операторы на АЭС управляют процессом производства электроэнергии, знают, как обслужить турбину и генератор; атомную же бомбу, напомним, делают другие люди – физики-теоретики и физики-практики. Атомная часть АЭС –

это всего лишь 10%, а общее станционное оборудование – 90%. Ну и, конечно, утверждают, что российская атомная энергетика плоха, потому что у нас был Чернобыль. Россия (СССР) построила за рубежом более 20 объектов, и все они прекрасно работают, играя весьма важную роль в энергетике своих стран. Так, в Финляндии на АЭС «Ловиза» построенные СССР два блока в течение 20 с лишним лет входят в десятку лучших в мире. То же самое можно сказать о четырех блоках, которые мы соорудили в Венгрии, – это лидеры. В Болгарии еще шесть блоков производят 52% электроэнергии, часть из которой экспортируется. Между тем, на них страшно давят: требуют закрыть четыре первых блока, потому что они старые. В Англии существует несколько реакторов, которые еще старше, но об этом все молчат!

Это касается и компании «Westinghouse», которая пыталась «убрать» Россию из стран Восточной Европы. Она по политическим мотивам оказалась в Чехии. В процессе строительства у нее возникли некие технические сложности: вместо обещанных года–двух пуск блока затянулся на 5–6 лет, – поэтому чешские эксперты обратились к ЗАО «Атомстройэкспорт» с просьбой помочь пустить блок. В течение двух лет там работало порядка 50 российских специалистов. До сих пор станция в отличном состоянии. А в Словакии ЗАО «Атомстройэкспорт» завершило строительство двух блоков, получив около 100 млн долл.

Вместе с тем, дальнейшее расширение сотрудничества Российской Федерации с иностранными государствами в условиях растущего противодействия со стороны стран-конкурентов требует не только безупречного исполнения российскими подрядчиками ранее взятых на себя обязательств, но и содействия со стороны руководства Российской Федерации.

ПЕРСПЕКТИВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РОССИЙСКОГО АТОМНОГО ЭКСПОРТА

Существует хорошая перспектива участия российских организаций в строительстве новых атомных блоков в Китае, Индии и Иране, которые являются наиболее привлекательными и перспективными рынками для России в этой области.

По имеющейся информации, до 2020 г. в Китае должны быть введены в эксплуатацию 50 новых блоков АЭС. При этом упор будет делаться «на собственные силы», что, с учетом возможностей китайского энергомашиностроения, на практике означает привлечение к строительству иностранных компаний с уменьшением доли их участия в строительстве каждого последующего блока.

Аналогичная по масштабам программа развития атомной энергетики существует в Индии, однако, несмотря на заинтересованность индийской стороны в привлечении Российской Федерации к строительству еще как минимум шести энергоблоков АЭС, в настоящее время ведется сооружение только двух.

Иран реализует программу на шесть энергоблоков. Широкие возможности для расширения сотрудничества с Ираном предоставляет проект Долгосрочной программы развития торговли, экономического, промышленного и научно-технического сотрудничества между Российской Федерацией и Исламской Республикой Иран на период до 2012 г., утвержденный правительством Российской Федерации и предполагающий строительство Российской Федерацией в Иране как минимум еще пяти блоков АЭС. Однако реализации мероприятий, предусмотренных указанной Программой, активно противодействует администрация США.

При надлежащем качестве исполнения контрактов на сооружение АЭС за рубежом российская сторона имеет следующие перспективы: в Иране мощности АЭС могут быть увеличены до 4 энергоблоков, в Индии – до 6, в Китае – на 4 блока, т.е. к уже имеющимся могут дополнительно добавиться заказы на строительство 8–9 блоков общей стоимостью не менее 10 млрд долл.

Сооружение дополнительных энергоблоков позволит получить заказ на поставку топлива, стоимость которого за время эксплуатации этих блоков может составить до 5 млрд долл. США.

Помимо этого, в Болгарии идет дискуссия о закрытии первых четырех энергоблоков, у которых вскоре истекает срок эксплуатации. Болгария прорабатывает возможность строительства двух новых энергоблоков общей мощностью 2000 МВт.

Сегодня мы видим, что во многих странах общественное мнение повернулось в сторону развития атомной энергетики, в том числе приняты и определенные политические решения. В качестве примера можно привести референдум в Швейцарии, касающийся вопросов о закрытии атомных станций: большинство населения ответило на этот вопрос «нет». В этой связи тендер на строительство энергетического реактора в Финляндии примечателен тем, что это первая за многие годы электростанция, которая будет строиться в Европейском Союзе. Так что в ближайшее время могут появиться новые заказы и в Европе.

Чрезвычайно перспективным представляется рынок модернизации и реконструкции АЭС, ранее построенных при техническом содействии российских организаций. По самым скромным подсчетам он составляет не менее 2 млрд долл. США. Участие в такой работе представляется необходимым, т.к. позволяет погашать России имеющуюся задолженность перед странами Восточной Европы не за счет поставок энергоносителей, а за счет экспорта высокотехнологичного оборудования.

Российские предприятия имеют перспективы в области сотрудничества в сооружении первого в Египте атомного энергоопреснительного комплекса производительностью 100 тыс. кубических метров питьевой воды в сутки. В качестве первого шага сотрудничества рассматривается вопрос проведения совместных исследований и практической отработки безотходной технологии опреснения морской воды.

Активизирует проработку вопроса сооружения АЭС правительство Социалистической Республики Вьетнам (СРВ). По информации, полученной от заместителя министра промышленности СРВ, к 2020 г. планируется ввести в эксплуатацию атомные электростанции суммарной мощностью 2000 МВт с последующим вводом не менее 1000 МВт в год.

Поскольку в ближайшие годы будет возрастать интерес стран Африки, Азии и Латинской Америки к атомным станциям малой мощности (АСММ), о чем свидетельствует их активное участие в проведенной в мае 2001 г. Каирской конференции под эгидой МАГАТЭ, следует обратить внимание на имеющиеся в России подобные разработки. АСММ привлекают внимание возможностью их эффективного использования для опреснения соленоватых и морских вод.

В рамках подготовки к подписанию межправительственных соглашений с Индонезией, КНДР и Перу существует возможность проведения переговоров с соответствующими заинтересованными организациями этих стран с целью предоставления им информации о возможностях и опыте российских предприятий в сооружении АЭС.

Внутри России принята Программа развития атомной энергетики, в соответствии с которой должны быть в первую очередь достроены те энергоблоки, которые были заморожены. В 2001 г. была пущена Ростовская АЭС, в конце этого года планируется запустить третий блок Калининской АЭС. По этой Программе в течение ближайших 3–4 лет планируется закончить возведение недостроенных энергоблоков, а затем начать строительство новых.

Определенный интерес может представлять участие российских организаций в достройке атомных электростанций, строительство которых было заморожено, а также сооружение новых блоков на территории стран СНГ.

И, наконец, принимая во внимание цели и задачи, поставленные в Послании президента РФ, а также исключительную важность для Российской Федерации дальнейшего расширения экспорта энергетического оборудования, представляется необходимым при-

нять меры по государственной поддержке продвижения российского оборудования для АЭС на указанные рынки.

Примечания

¹ В основу статьи положено выступление В.В. Козлова на заседании Клуба ПИР-Центра 1 июля 2003 г.

² Ряд блоков был построен и в бывшей Германской Демократической Республике, но после воссоединения Германии, в силу политических причин и позиции этой страны по вопросам использования атомной энергии, строительство этих блоков было законсервировано.

Экспортный контроль (ЭК) вводится государствами для решения различных задач: исходя из соображений внешней политики, национальной безопасности, предотвращения распространения ОМУ, экономической целесообразности. На разных этапах менялись акценты и приоритетные цели ЭК. Для периода биполярной конфронтации была характерна достаточно широкая трактовка целей внешней политики. Политика же экспортного контроля пересматривалась в свете новых подходов к проблемам национальной и международной безопасности. На рубеже 1980-х – 1990-х гг. вопросы нераспространения оружия массового уничтожения стали занимать одно из приоритетных мест в политике экспортного контроля.

К концу 1980-х гг. сложились отдельные, не увязанные друг с другом многосторонние режимы экспортного контроля. Режим нераспространения ядерного оружия охватывал страны с разными политическими системами. Его цементировал Договор о нераспространении ядерного оружия. США и СССР сотрудничали в рамках Комитета Цангера и Лондонской группы. Режим контроля за ракетными технологиями (РКРТ) и Австралийская группа включали только западные государства. Параллельно укреплялась система многостороннего контроля на Западе (ядром которой являлся Координационный комитет по экспортному контролю (КОКОМ)), блокирующая поставки передовых технологий в страны Варшавского Договора.

Окончание холодной войны расширило сферу международного взаимодействия в решении глобальной проблемы – предотвращения расползания ОМУ и средств его доставки. КОКОМ был демонтирован. Россия, ряд новых независимых государств (ННГ) и государств бывшего «социалистического блока» присоединились к Вассенаарским договоренностям (ВД) и РКРТ. Некоторые страны, хотя и не стали членами многосторонних режимов, создали национальные системы ЭК. Так, Китай объявил свою приверженность целям нераспространения носителей ОМУ, хотя и не является участником РКРТ. Однако попытка сформировать в рамках ВД фактически два режима контроля – за экспортом вооружения и продукцией двойного назначения – оказалась безуспешной. Первый так и не был создан. Что касается продукции двойного применения, то удалось разработать международный список и принять общий документ.

Изменения в системе международных отношений в конце прошлого века совпали с формированием новых ключевых тенденций развития мирового хозяйства.

Ускоряющиеся процессы глобализации способствуют формированию международной системы многомерной взаимозависимости, основанной на сложных механизмах конкуренции, кооперации и партнерства на макро- и микроуровнях.

Определяющим фактором социально-экономического развития становится способность динамично генерировать и осваивать инновации, опираясь на интеллектуальные

активы, человеческий фактор, творческий потенциал работников, высокоразвитый научно-образовательный комплекс. Накапливается «кумулятивный резервуар знаний» (общепланетарный интеллект), который, в свою очередь, является катализатором новых инновационных достижений. Доступ к этой копилке знаний становится критическим элементом как национальной конкурентоспособности, так и национальной безопасности.

Все эти факторы не могут не влиять на политику экспортного контроля. В этом контексте интересно проследить взаимосвязь усиливающейся роли международного трансферта технологий и тенденций в развитии ЭК.

Термины и понятия, относящиеся к технологиям, их наукоемкости и критичности, еще не стандартизированы. В одних случаях понятие «технология» относится к состоянию уровня развития техники на каком-то этапе развития общества, в других – к способу производства продукции, к отрасли, эту продукцию изготавливающей, а также к самой продукции. Нередко под технологией понимается совокупность методов и приемов, применяемых на всех стадиях разработки и изготовления определенного вида изделий¹.

Что касается экспортного контроля, то здесь используются два значения слова «технология».

Во-первых, переосмысление основ национальной безопасности привело к выработке новых подходов к разработке контрольных списков. Критерием внесения товара в списки становится заложенная в нем технология, под которой понимается инновационная составляющая изделия.

Во-вторых, в примечании к спискам и в руководящих принципах многосторонних режимов ЭК обычно подчеркивается, что контролю подлежит экспорт как товаров, так и технологий. Наиболее общее определение термина следующее: технология – специальная информация, которая требуется для разработки, производства или использования какой-либо продукции. Информация может принимать форму технических данных или технической помощи².

К *техническим данным* относятся светокопии, чертежи, диаграммы, модели, формулы, таблицы, технические проекты и спецификации, руководства пользователя, инструкции в письменном виде или записанные на других носителях, всевозможные перезаписываемые или постоянные запоминающие устройства. *Техническая помощь* может осуществляться в таких формах, как инструктаж, повышение квалификации, обучение, передача производственного опыта, консультационные услуги. В целом принятая классификация достаточно условна; например, помощь может быть оказана и в виде передачи технических данных.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ КАНАЛЫ ПЕРЕДАЧИ ТЕХНОЛОГИЙ

За минувшие 100 лет скорость распространения новых технологий возросла более чем в 10 раз. Например, процесс телефонизации половины американских домашних хозяйств с момента изобретения этого средства связи занял 50 лет, а тот же уровень подключения к Интернету – 5 лет.

Особо быстрыми темпами растет экспорт наукоемкой продукции. Бюро цензов США составило следующий перечень наукоемких товаров и технологий, который, на наш взгляд, отражает магистральные направления развития инновационных промышленных технологий³.

Биотехнология – лекарственные препараты и гормоны для сельского хозяйства и медицины, созданные на основе использования достижений генетики.

Медицинские технологии, отличные от биологических, – ядерно-резонансная томография, эхокардиография и т.п., соответствующие аппараты и приборы.

Оптоэлектроника – электронные приборы, использующие свет, такие как оптические сканеры, лазерные диски, солнечные батареи, светочувствительные полупроводники, лазерные принтеры.

Компьютеры и телекоммуникации – компьютеры, их периферийные устройства (дисководы, модемы), центральные процессоры, программное обеспечение, факсы, цифровое телефонное оборудование, радары, спутники связи и т.п.⁴

Электроника – интегральные схемы, многослойные печатные платы, конденсаторы и т.п. Гибкие автоматизированные производственные модули и линии из станков с числовым программным управлением (ЧПУ), управляемых ЭВМ, роботы, автоматические транспортные устройства.

Новые материалы – полупроводники, оптические волокна и кабели, видеодиски, композиты.

Аэрокосмическая продукция – гражданские и военные самолеты, вертолеты, космические аппараты (кроме спутников связи), турбореактивные двигатели, полетные тренажеры, автопилоты.

Вооружение – управляемые ракеты, бомбы, торпеды, мины, пусковые установки, некоторые виды стрелкового оружия.

Ядерные технологии – атомные реакторы и их блоки, установки для разделения изотопов и т.д.

В целом, за исключением вооружений, подавляющая доля этой продукции может считаться продукцией двойного назначения. Однако только часть ее включена в списки контроля.

Министерство обороны США разработало Перечень технологий, критичных с военной точки зрения (Military Critical Technologies List). Перечень включает системы авиации, вооружения, химические и биологические системы, энергетические системы, электронику, полигонные системы, технологии слежения и навигации, информационные системы, технологии информационных войн, определенные виды оборудования, морские судовые системы, материалы, ядерные системы, силовые энергетические системы, сенсоры и лазеры, технологии распознавания образов, аэрокосмическую продукцию, системы военных контрактов. Пентагон опирается на этот Перечень при разработке стратегии экспортного контроля, однако он не является обязательным основанием для составления Списка контроля Министерства торговли (Commerce Control List).

Трудно определить, какую долю экспорта затрагивают ограничения, связанные с экспортным контролем. Только Государственный департамент США ежегодно рассматривает 45–47 тыс. заявок на разрешение сделок с товарами и техническими данными, включенными в Список контроля военной продукции (Munition List).

Объем международных поставок основных видов вооружений в течение пятилетнего периода (1996–2000 гг.) составил 104,3 млрд долл. (в постоянных ценах 1990 г.)⁵ Подобные поставки находятся под государственным контролем.

Общий объем мирового рынка наукоемких отраслей, по некоторым оценкам, составляет 2,5–3 трлн долл.⁶ Однако правительства развитых стран обычно подчеркивают, что контроль затрагивает незначительную долю экспорта. Например, Бюро промышленности и безопасности Министерства торговли США в своем отчете за 2002 финансовый год отметило, что им было рассмотрено 10 767 заявок на лицензии, которые касались экспорта, на сумму 16,8 млрд долл.; из них было утверждено 8735 заявок.

На практике ЭК оказывает более существенное влияние на внешнеэкономические связи. Во-первых, те же Соединенные Штаты запрещают передачу любых высоких технологий в некоторые страны. В национальных системах ЭК действуют положения всеобъемлющего контроля. Следует учитывать, что понятие «экспорт» трактуется расширительно. Речь идет о многообразных формах внешнеэкономической деятельности. Трудно подсчитать суммы «упущенной выгоды», так как задержки в поставках технологий иностран-

ным субподрядчикам из-за достаточно медленного механизма лицензирования нередко приводят к отказу от контрактов.

Что касается технологий, то государство пытается охватить контролем все каналы их передачи. Между тем, в век глобализации экономической жизни и интернационализации научно-технических связей расширяются формы и механизмы международного трансфера технологий; идет интенсивное взаимодействие потоков товаров, услуг, капитала, научных знаний, рабочей силы.

Ускорились формирование международных стратегических технологических альянсов, долгосрочных соглашений между фирмами по объединению своих ресурсов для достижения совместных целей на взаимовыгодной основе и без потери автономности их участников. К концу прошлого века было сформировано около 9 тыс. таких альянсов. Американские корпорации участвовали в 80 % наиболее крупных и известных совместных партнерств, европейские – в 42 %, японские – в 15 %⁷.

Транснациональные корпорации (ТНК) создали или купили за границей десятки тысяч филиалов. ТНК формируют глобальные хозяйственные анклавы, опирающиеся на сеть разнообразных международных деловых взаимосвязей; организуется глобальная сеть субподрядов.

Иностранные специалисты играют видную роль в развитии передовых отраслей любой страны. Например, в Силиконовой долине иммигранты составляют уже около трети научного и инженерного персонала. В университетах США и Западной Европы обучаются сотни тысяч студентов со всех стран мира.

Формирование мировой телекоммуникационной сети упрощает контакты и значительно видоизменяет формы передачи технологий за границу.

Естественно, государства пытаются адаптировать правила экспортного контроля к новым реалиям.

ТЕНДЕНЦИИ В РАЗВИТИИ ЭКСПОРТНОГО КОНТРОЛЯ

Экспортный контроль – это инструмент нетарифного регулирования (в соответствии с терминологией ВТО) и одновременно орудие внешней политики, что нередко оказывает разноплановое воздействие на национальные интересы. Как каждое государство решает возникающий конфликт интересов, в огромной степени зависит от подходов к проблемам национальной и международной безопасности, а также от особенностей формирования внешнеэкономической стратегии и внешней политики.

Вместе с тем, можно выявить основные тенденции развития политики экспортного контроля и эволюции механизмов ЭК.

1. В течение двух последних десятилетий государства пытаются реализовать девиз: «Более эффективный контроль за меньшим числом наиболее чувствительных технологий». Под давлением промышленного лобби пересматриваются контрольные списки и упрощается процесс лицензирования.

В частности, в США введены нормы «не подлежит лицензированию» или «изымается из лицензирования». В 2002 финансовом году Министерство торговли США дважды изменяло правила экспортного контроля в отношении компьютеров, повысив порог *операционного быстродействия* ЭВМ, на которые не распространяются ограничения (точнее, действует правило исключения). Сначала порог был поднят с 6500 до 28 000 млн теоретических операций в секунду (МТОПС), а затем до 190 000 МТОПС. Теперь поставки подобной компьютерной техники в государства «третьей группы», включая Россию, Китай и Индию, осуществляются без лицензии⁸. В марте 2003 г. Министерство торговли США объявило о введении новых правил, в соответствии с которыми лицензия на экспорт микропроцессоров общего назначения будет необходима только при экспорте в страны, поддерживающие терроризм, или при экспорте конечным пользователям военного профиля в странах, представляющих угрозу национальной безопасности.

ти США. «Новые правила отражают общее стремление президента укрепить и сделать более эффективной систему экспортного контроля страны. Эти изменения необходимы для обеспечения конкурентоспособности американских компаний на рынках микропроцессоров, при этом соблюдаются интересы национальной безопасности», – подчеркнул министр торговли США Д. Эванс⁹.

В рамках Вассенаарских договоренностей также были изменены правила экспортного контроля в отношении технических характеристик компьютерной техники и микропроцессоров.

2. Многие страны уже ввели в свои национальные законодательства так называемые «положения о всеобъемлющем контроле», позволяющие государству регулировать передачу товаров и технологий, не включенных в контрольные списки, если имеется подозрение, что указанная продукция будет использоваться в программах по производству оружия массового уничтожения (ОМУ). Принятие этого правила аргументируется невозможностью расширять контрольные списки. В то же время оно позволяет осуществлять контроль за передачей товаров и технологий, не включенных в списки, но которые могут быть предназначены для осуществления военных программ.

Тем не менее, существуют значительные различия в трактовке Положения о всеобъемлющем контроле и в механизмах его реализации различными государствами. И главная проблема заключается в недостатке информации о конечных пользователях и конечном использовании экспортируемой продукции.

3. Система экспортного контроля уделяет все больше внимания вопросам конечного использования товаров и технологий. Экспортеры несут ответственность за то, чтобы поставляемая ими продукция двойного применения использовалась в декларируемых целях. Государственные органы обычно разрабатывают методику распознавания ненадежных импортеров, опирающуюся на анализ выявления определенных сигналов, так называемых «красных флажков».

В этой области особую инициативу проявляют США. Министерство торговли, Министерство финансов, Государственный департамент США публикуют в специальном издании *Federal Register*, а также размещают на своих сайтах ряд «черных списков», которые помогают экспортерам в их предлицензионных проверках¹⁰.

- Списки запрещенных организаций (Entity List), представляющих недопустимый риск переключения поставляемой продукции на разработку ОМУ или средств их доставки.
- Перечень компаний (Unverified List), в которых США по причинам, не зависящим от американской администрации, не смогли осуществить предлицензионную и послепоставочные проверки (в настоящее время список состоит из 9 китайских предприятий, одного малазийского, одного предприятия ОАЭ).
- Список запрещенных физических и юридических лиц (Denied Persons List), которым правительство США отказало в праве на экспорт.
- Список граждан особых категорий и запрещенных лиц (Specially Designated Nationals and Blocked Persons List), составленный Отделом по контролю за иностранными активами Министерства финансов США.
- Список лиц, лишенных права экспорта (Debarred List), признанных виновными в нарушении (или в намерении нарушить) Закон о контроле над экспортом вооружений.
- Список ненадежных стран (Sensitive Countries List). В данный список включены 25 стран, которые, по сведениям Министерства энергетики США, участвуют в деятельности, которая наносит ущерб национальной безопасности США (распространение ядерного оружия, поддержание региональной нестабильности и/или поддержка терроризма).

Министерство экономики, торговли и промышленности Японии составляет Список конечных пользователей (End User List). Он представляет собой перечень иностранных конечных пользователей, которые вызывают подозрение в возможном участии в программах по разработке оружия массового уничтожения. В список включены 80 компаний и организаций из Израиля, Ирана, Индии, Южной Кореи, Сирии, Китая, Пакистана, Ливии и Афганистана.

Если экспортер предупрежден о том, что его контрагент вызывает подозрение, он должен проявить осторожность в вопросах поставки товара.

4. Уже в 1970-е гг. усилились жалобы экспортеров на то, что политика контроля становится все менее эффективной, так как контролируемые страны легко находят альтернативные источники приобретения товаров и технологий.

В современных условиях лоббирование делового сообщества в целях смягчения правил ЭК активизировалось. Вопросы конкурентоспособности страны на мировых рынках оказывают огромное влияние на позиции делегаций при обсуждении внесения изменений в международные контрольные списки в рамках многосторонних режимов ЭК.

Под влиянием общественного мнения еще в 1979 г. в США законодательно был закреплен критерий «наличие аналогов на иностранных рынках». В Закон о регулировании экспорта вошла статья, обязывающая администрацию снимать ограничения с поставок товаров, которые импортер может легко приобрести «в достаточном количестве» и «достаточного качества» у других зарубежных производителей и если президент решит, что такой шаг не наносит ущерба интересам национальной безопасности. Со второй половины 1980-х гг. вопрос о целесообразности ограничений американского экспорта в ситуации *наличия аналогов* иностранного производства стал одним из центральных при обсуждении в Конгрессе перспектив политики контроля. В ходе слушаний по вопросам принятия нового закона об экспортном регулировании именно это положение вызвало особую критику сторонников ужесточения экспортного контроля в целях национальной безопасности США¹¹. Тем не менее, как отмечалось выше, американская администрация в рамках своих полномочий упростила ЭК за поставками компьютеров и микропроцессоров, сылаясь на наличие аналогов и сформировавшийся массовый мировой рынок этой продукции.

5. Как уже отмечалось, государства пытаются охватить контролем все каналы международного трансферта технологий, включая технические данные и так называемые «неосознаваемые формы передачи технологий» (о чем речь пойдет особо). В последние годы разразился ряд скандалов, связанных с неправомерной передачей технических данных, содержащих чувствительную информацию. Огромный резонанс получил многолетний конфликт между Государственным департаментом США и корпорациями «Hughes Electronics Corporation» и «Boeing Satellite Systems», которые американская администрация обвинила в осуществлении незаконных передач в КНР технологий, касающихся космических запусков, в нарушение Закона об экспортном контроле над вооружениями (Arms Export Control Act).

Дело в том, что после взрыва китайского ракетносителя *Великий поход* вместе с американским спутником специалисты корпорации «Hughes» помогли КНР разобраться в причинах неудачи. Эксперты компании несколько раз уведомляли китайских партнеров о дефектах конструкции системы продувки китайского ракетносителя, носового обтекателя и заклепок, используемых для закрепления ключевых элементов носового конуса ракеты, а также хомута фиксатора ракетносителя. Они также указали на важность использования телеметрических данных для оценки причин срыва запуска и показали китайским представителям, что их анализ телеметрии и данных акселерометра по некоторым аспектам был неправилен. Кроме того, эксперты компании «Hughes» указали на вероятные проблемы некоторых частей конструкции, связанной с грузовым отсеком ракеты. В некоторых из этих случаев компания предоставила технические чертежи, фотографии, модели или объемные письменные отчеты, в других случаях – информацию об американских аналитических методах (например, два варианта анализа обнаруженных

обломков). «Hughes» и позднее купившая ее «Boeing» попали под «дамоклов меч» санкций со стороны государства¹².

6. Государства усиливают наказание за нарушение правил экспортного контроля и одновременно интенсифицируют усилия по обучению экспортеров правилам ЭК, повышению их информированности.

КОНТРОЛЬ НАД НЕОСЯЗАЕМЫМИ ФОРМАМИ ПЕРЕДАЧИ ТЕХНОЛОГИЙ

Особое внимание хотелось бы уделить проблемам контроля над так называемыми «неосязаемыми формами передачи технологий». К таким каналам относятся, во-первых, визуальные контакты (научные конференции, встречи, дискуссии, научные обмены, выступления, инспекции, консультации, демонстрации, техническая помощь, лекции, семинары, обучение, в том числе иностранных студентов, и т.д.) и, во-вторых, общение по электронной почте, факсу, телефону.

В 1998 г. на пленарном заседании в Эдинбурге Группа ядерных поставщиков (ГЯП) раздала представителям стран-участниц опросный лист, для того, чтобы выяснить состояние национальных законодательств в сфере экспортного контроля в отношении неосязаемых форм передачи ядерных технологий. Только 5 государств из числа опрошенных разработали специальное законодательство в этой области. В 1999 г. Режим контроля за ракетными технологиями провел особый семинар по данной тематике. Это были первые неформальные шаги к выработке общих позиций в этой области.

Австралийская группа стала первым многосторонним режимом, включившим в свои Руководящие принципы положение о контроле над неосязаемыми формами передачи технологий.

О том, что в данной области нет ясности и существует много проблем, свидетельствует дискуссия на семинаре «Новые вызовы системе экспортного контроля в XXI веке: глобализация и контроль за неосязаемыми формами передачи технологий», организованном в мае 2000 г. Институтом мировой экономики и международных отношений РАН совместно с Центром международной торговли и безопасности Университета штата Джорджия (США) и Центром по проблемам экспортного контроля (г. Москва). В этой дискуссии высказали свои позиции представители научного сообщества и государственных учреждений России, стран СНГ, США и Западной Европы. Усиление контроля над так называемыми «неосязаемыми формами передачи технологий» поднимает множество проблем юридического, этического, технического характера. С одной стороны, контролировать рассматриваемые каналы передачи технологий технически очень сложно, а безнаказанность подрывает эффективность ЭК. С другой стороны, дальнейшее ужесточение ЭК в этой области приходит в прямое столкновение с вопросом сохранения демократических свобод.

В последние годы в нормативные документы по экспортному контролю многих стран вошли новые положения, прямо оговаривающие контроль над неосязаемыми формами передачи технологий. В соответствии с новым Законом об экспортном контроле, принятым в Великобритании в 2002 г., трансферт технологии означает ее передачу «любыми средствами» (или комбинацией средств), включая устную связь, передачу товаров, на которых записана информация или из которых она может быть изъята. В Нормативном документе ЕС по вопросам экспортного контроля продукции двойного назначения, принятом в 2000 г., также есть статья, регулирующая передачи технологий по факсу, телефону и электронной почте. Совместный план действий ЕС, определяющий общие положения внешней политики и политики в области безопасности, регламентирует нормы контроля за технической помощью в рамках совместных работ со странами, не входящими в Европейское Сообщество¹³.

В соответствующей нормативно-правовой базе, как правило, есть оговорка, что контролю не подлежат технологии, относящиеся к «общедоступным» (то, что в США называют «public domain» – общественное достояние) и к фундаментальным научным исследованиям. Однако понятие «общественное достояние» в национальных законодательствах

разных стран не гармонизировано, а на современной стадии научно-технического прогресса грань между прикладными и фундаментальными исследованиями иногда бывает очень зыбкой.

Мировым сообществом очень болезненно воспринимается ужесточение контроля за передачей информации иностранным лицам (иностранным студентам, специалистам-нерезидентам, работающим в научном институте или компании) внутри страны. Это дает козыри в руки антиглобалистов.

ПЕРСПЕКТИВЫ ЭКСПОРТНОГО КОНТРОЛЯ

Сбалансировать задачи повышения эффективности системы экспортного контроля и продвижения наукоемкой продукции и технологий на внешние рынки очень сложно. Недаром в течение последних 10 лет Соединенные Штаты не могут принять новый закон об экспортном регулировании. Как писал *Journal of Commerce*, «старый закон по экспортному контролю был реликвией холодной войны. Вместо него сторонники реформы надеялись принять законопроект, который бы отражал баланс между интересами национальной безопасности и необходимостью конкурировать на мировых рынках»¹⁴. В ходе своей избирательной кампании Дж. Буш обещал смягчить условия экспортного контроля в целях укрепления конкурентоспособности американских компаний. Однако трагические события 11 сентября 2001 г. усилили позиции сторонников ужесточения ЭК.

В настоящее время в мировой прессе идет поток публикаций, в которых представители промышленного сообщества доказывают, что современная политика ЭК подрывает международное научно-техническое сотрудничество. В России хорошо известны проблемы, которые возникали в связи с естественными контактами американских и российских специалистов при работе в рамках совместного проекта «Морской старт».

ЭК становится сложным барьером на пути сотрудничества даже в оборонных проектах, где есть соглашения на государственном уровне. Ярким примером является деятельность корпорации «Lockheed Martin» по проектированию и разработке истребителя F-35. В международном проекте участвуют 200 компаний-субподрядчиков из США, Великобритании, Италии, Голландии и других стран, между которыми заключено 110 отдельных технических соглашений. Руководители корпораций жалуются, что получение экспортной лицензии на поставки комплектующих из США иногда занимает больше времени, чем производство самой продукции. По словам Р. Риардена, вице-президента «Lockheed Martin», получение лицензии на передачу технических данных британской компании (партнеру первого уровня) заняло два с половиной года. Чтобы стимулировать подобные международные проекты, США ввели в 2000 г. новые правила, в соответствии с которыми облегчается процедура обмена несекретной информацией между иностранными партнерами одного проекта (так называемая «зонтичная» лицензия). Генеральный секретарь НАТО лорд Робертсон подчеркнул, что если США хотят, чтобы Европа разделяла с ними ответственность и риски текущих угроз, они должны быть готовы передавать технологии, необходимые для модернизации европейских вооруженных сил¹⁵.

В сентябре 2002 г., после длительных межведомственных консультаций и встреч с представителями делового сообщества, Государственный департамент и Министерство торговли достигли компромисса в вопросе о том, какая продукция аэрокосмического сектора войдет в коммерческий, а какая – в военный перечень.

Мировое научное сообщество внимательно отслеживает тенденции в эволюции экспортного контроля. Еще в середине 1980-х гг. в ответ на попытки Пентагона ужесточить ЭК Академия наук США опубликовала доклад (известный как «доклад Корзона»), в котором даны рекомендации не накладывать ограничений на обмен информацией в научном сообществе¹⁶. Доклад получил огромный резонанс, и его выводы были учтены Конгрессом при принятии очередного закона об экспортном регулировании.

В марте 2003 г. американские национальные академии и Центр стратегической и международной безопасности объявили, что они проведут совместное исследование по вопросу о том, как усилить национальную безопасность, одновременно поддерживая от-

крытый обмен информацией в науке в период, когда международный терроризм представляет все более возрастающую угрозу открытым обществам. В их заявлении подчеркивается, что «усилие защитить информацию может стать препятствием научному процессу, который в течение сотен лет зависит от обмена и копирования результатов»¹⁷.

Исследовательские центры и университеты США и стран Западной Европы очень болезненно относятся к попыткам своих государств ввести ограничения на открытые публикации результатов научных исследований и найм иностранных специалистов на работу. Так, Массачусетский технологический университет (MIT) подготовил доклад на эту тему. В нем делается вывод, что если в результате любой политики свободный обмен идеями и результатами научно-исследовательских работ будет ограничен, пострадает благосостояние страны. Очень чувствительной проблемой является контроль за передачей неосвоенных технологий в рамках проектов, финансируемых из государственного бюджета. Пентагон, столкнувшись с сильнейшим противодействием академических и профессиональных научных сообществ, отказался от требования обязательного предварительного рассмотрения и утверждения научных докладов и статей перед их публикацией¹⁸.

Попытки ужесточить контроль государства за научными публикациями и обучением иностранных студентов вызвали резкий протест общественности в Великобритании. Принятый в 2002 г. новый закон об экспортном контроле является компромиссом между различными группами интересов.

Проблема в том, что идеологизированная политика ЭК, проводимая в годы холодной войны, «аукается» до сих пор. Западные страны способствовали развитию военных программ в Ираке, Иране и Пакистане, СССР – в Северной Корее. В настоящее время, исходя из соображений политики предотвращения распространения ОМУ и борьбы с международным терроризмом, Министерство торговли США разработало перечень стран, торговля с которыми ограничена. Это прежде всего Иран, Ирак, Сирия, Ливия, Судан, Северная Корея и Куба. Однако в 1980-е гг. Ирак рассматривался США в качестве союзника, и за период с 1985 по 1988 г. Министерство торговли одобрило многие лицензии в эту страну, включая поставку биологических материалов.

Соединенные Штаты, опирающиеся на свой колоссальный экономический, финансовый и научно-технический потенциал, будут неизменно оставаться основным инициатором выработки стратегии ЭК. США оказывают давление на другие страны, чтобы те следовали американским принципам ЭК.

США используют свое технологическое лидерство и желание других стран получить доступ к американским технологиям как хороший стимул для партнеров по двусторонним переговорам. Например, в феврале 2003 г. заместитель министра торговли США, отвечающий за вопросы экспортного контроля, К. Джастер, и министр иностранных дел Индии К. Сибал подписали Заявление о принципах двусторонней торговли высокими технологиями. В Заявлении подчеркивается приверженность правительств обеих стран целям предотвращения распространения чувствительных товаров и технологий, а также указывается на необходимость способствовать расширению обмена наукоемкими технологиями в соответствии с законами, интересами национальной безопасности и внешнеполитическими целями.

К. Джастер, объясняя этот шаг американской администрации, указал на огромный потенциал для развития двусторонней торговли наукоемкой продукцией (от информационных технологий и телекоммуникаций до биотехнологий)¹⁹. В 1999 г. 45 % всех лицензионных заявок на экспорт в Индию были отклонены, а в 2002 финансовом году доля отклоненных заявок упала до 10 % по количеству и до 2 % по объему торговли²⁰.

Информационная революция и интернационализация научно-технических знаний подрывают эффективность контроля, особенно если он не носит международного характера. На мировой рынок выходят новые поставщики высоких технологий, что облегчает получение их аналогов. Ограничения и санкции хотя и замедляют, но не могут остановить развитие собственного производства чувствительной продукции, используя знания национальных или иностранных специалистов, получивших образование в лучших университетах мира. Автор в своей предыдущей статье проанализировал объективные факто-

ры, подрывающие эффективность режима экспортного контроля за ракетными технологиями. Однако с подобными вызовами сталкиваются все режимы, касающиеся продукции двойного назначения²¹.

РОССИЙСКАЯ СИСТЕМА КОНТРОЛЯ ЗА ПЕРЕДАЧЕЙ ТЕХНОЛОГИЙ

В России сформирован режим контроля за торговлей вооружением и военной техникой (законодательство и механизмы регулирования так называемого «военно-технического сотрудничества»). Закон «Об экспортном контроле», принятый в 1999 г., закрепил термин «экспортный контроль» прежде всего за сферой политики нераспространения ОМУ²².

В Законе 1995 г. о государственном регулировании внешнеторговой деятельности экспортный контроль трактовался как совокупность мер по реализации «порядка вывоза» оговоренных товаров, технологий и услуг. Закон 1999 г. уточнил сферу контроля, кодифицировав такой термин, как «внешнеэкономическая деятельность», которая определяется как «внешнеторговая, инвестиционная и иная деятельность, включая производственную кооперацию, в области международного обмена товарами, информацией, работами, услугами, результатами интеллектуальной деятельности, в том числе исключительными правами на них (интеллектуальная собственность)». Речь идет не только о поставках товаров и технологий за границу, но и об их передаче иностранному лицу на территории Российской Федерации. Как видно из определения внешнеэкономической деятельности, контролируется не только передача продукции в материальной форме, но и трансферт технологий. В примечании к контрольным спискам к *технологии* относится специальная информация, которая требуется для разработки, производства или использования какой-либо продукции.

Департамент экспортного контроля Министерства экономического развития и торговли РФ (МЭРТ) выдает лицензии на осуществление внешнеэкономических сделок, имеющих отношение к передаче технологий в любой форме. Департамент передает поданные экспортером заявки на лицензию в советы государственной экспертизы, состав которых зависит от того, к какому списку относится соответствующая технология.

Во исполнение Указа президента РФ от 14 мая 1998 г. № 556 «О правовой защите результатов научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ военного, специального и двойного назначения» при Министерстве юстиции РФ было создано Федеральное агентство по правовой защите результатов интеллектуальной деятельности военного, специального и двойного назначения²³. При получении лицензии экспортер должен представить копию сопроводительного письма к документам, отправленным в Министерство юстиции РФ, для урегулирования вопросов правовой защиты результатов интеллектуальной деятельности, использованных при создании передаваемой иностранному лицу продукции, права на которые принадлежат государству.

В Законе 1999 г. нет положения, прямо регулирующего международный трансферт технологий. Эти нормы появились в подзаконных актах.

В нормативные документы по экспортному контролю вошли новые статьи, прямо оговаривающие (а не просто подразумевающие) контроль за неосязаемыми формами передачи технологий (правда, без использования самого термина). Например, в пункте 3 «Положения об осуществлении контроля за внешнеэкономической деятельностью в отношении товаров и технологий двойного назначения, которые могут быть использованы при создании вооружения и военной техники» декларируется, что контроль включает в себя: во-первых, разрешительный порядок вывоза из РФ (кроме вывоза в режиме транзита) и (или) передачу контролируемой продукции иностранным лицам или международным организациям любым способом, включая пересылку в почтовых отправлениях или по электронным каналам связи, и, во-вторых, таможенный контроль и таможенное оформление перемещаемых через таможенную границу РФ контролируемых оборудования, товаров и технологий в форме технических данных.

В случае передачи (раскрытия) иностранному лицу контролируемых технологий в форме технической помощи, в том числе путем обучения, оглашения на конференциях, сим-

позиумах и в ходе других мероприятий, российский участник внешнеэкономической деятельности в дополнение к традиционному набору документов должен представить в МЭРТ РФ: а) письмо, содержащее информацию о способе, месте и времени передачи технологии, а также об иностранных лицах, которым планируется ее передать; б) копию договора, на основании которого будет осуществляться передача технологий; в) материалы, раскрывающие характер и содержание передаваемых технологий со ссылкой на позиции соответствующего списка.

В примечании есть новая оговорка, что контролю не подлежат технологии, относящиеся к общедоступным и к фундаментальным научным исследованиям. Под термином «общедоступное» подразумевается программное обеспечение или технология, ставшие доступными без ограничений в отношении их дальнейшего распространения (ограничения с точки зрения авторского права, по российским правилам, не выводят программное обеспечение или технологию из категории общедоступных). Фундаментальные научные исследования – экспериментальные или теоретические работы, ведущиеся главным образом с целью получения новых знаний об основополагающих принципах или наблюдаемых фактах, не направлены непосредственно на достижение конкретной практической цели или решение конкретной задачи.

Одним из элементов правовой базы национальной системы экспортного контроля является Закон о государственной тайне. И может возникнуть искушение расширить действие этого Закона и перекрыть трудно поддающиеся регулированию неосязаемые формы международной передачи технологий.

Очень трудно найти оптимальный баланс между взаимоисключающими стратегическими задачами продвижения национальных товаров и технологий на мировые рынки сбыта и введения ограничений по соображениям национальной и международной безопасности, между поддержанием академических свобод, свободы слова, доступа к информации и задачами в области безопасности. В этой сфере есть большое поле для международного сотрудничества. Но параллельно российское экспертное сообщество должно разработать свое видение этих проблем и подходы к их решению.

Выступая на Конференции ООН по торговле и развитию, профессор права Стэнфордского университета и глава Комиссии по интеллектуальной собственности ООН Д. Бартон, указывая на факт интернациональности науки, предложил разработать международный договор по совместному использованию научной и технологической информации. По его мнению, этот шаг необходим, поскольку сегодня научный прогресс во многом зависит от международного сотрудничества и общего использования информации²⁴.

На современном этапе данная идея явно утопична. Тем не менее, она обнажает умонастроения научного сообщества. Борьба за рационализацию ЭК будет активизироваться. Однако хотелось бы подчеркнуть, что ни в одном цивилизованном государстве деловое сообщество, осознавая важность проблем безопасности, не выступает за демонтаж системы экспортного контроля. Экспортный контроль в обозримой перспективе остается важнейшим компонентом международного режима нераспространения ОМУ. Усиление взаимодействия государства, представителей делового и научного сообщества, а также углубление международного сотрудничества в настоящее время являются магистральными направлениями в деле повышения эффективности режимов экспортного контроля.

Примечания

¹ Авдулов А.Н., Кулькин А.Н. Наукоемкие технологии и их роль в современной экономике. http://www.rfbr.ru/default.asp?doc_id=5767.

² Согласно правилам регулирования США, технология – это информация и ноу-хау как в осязаемой, так и в неосязаемой форме, которые могут быть использованы для конструирования, производства, использования или модернизации товаров, включая математическое обеспечение и технические данные, но не сами товары.

³ Среди экспертов не существует какой-либо одной предпочтительной методологии идентификации высокотехнологичных отраслей промышленности и наукоемких технологий. Так, Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) относит к наукоемким 4 отрасли: аэрокосмиче-

скую, производство компьютеров и конторского оборудования, производство электронных средств коммуникации и фармацевтическую промышленность. По данным Национального научного совета США продукция этих секторов занимала почти 12 % мирового выпуска в конце прошлого десятилетия. К наукоемким сферам услуг ОЭСР относит современные виды связи, финансовые услуги, образование, здравоохранение и деловые услуги (разработка программного обеспечения, контрактно-исследовательские работы, консультативные и прочие услуги, используемые при ведении бизнеса). Science & Engineering Indicators. – 2000. W.: National Science Board, 2000.

⁴ Программное обеспечение в последнее время выделяется в отдельную категорию.

⁵ Ежегодник СИПРИ 2001. М.: Наука, 2002. С. 385.

⁶ <http://www.expert.ru/conference/mater/vto/3-1.shtml>.

⁷ Социально-экономическая эффективность: опыт США. Ориентир на глобализацию. Под ред. Кириченко Э.В. М.: Наука, 2002. Глава 3.

⁸ BIS Annual Report for FY 2002. Chapter 1. P. 2.

⁹ Streamlines Export Controls. Bureau of Industry and Security. Department of Commerce. 2003, March. <http://www.bis.doc.gov>.

¹⁰ <http://www.bis.doc.gov>; <http://www.llnl.gov/expcon/sensitive.html>; *NIS Export Control Observer*. 2003, июнь. С.15–17.

¹¹ The Export Administration Act of 2001. Report of the Committee on Banking, Housing, and Urban Affairs United States Senate: U.S. Government Printing Office. Washington, 2001.

¹² В марте 2003 г. компании пришли к соглашению с Госдепартаментом об урегулировании гражданского иска по 123 пунктам обвинения и о выплате рекордной суммы штрафа в 32 млн долл., из которых 8 млн долл. будут использованы на совершенствование внутрифирменного контроля в этих корпорациях. *NIS Export Control Observer*. 2003, май.

¹³ Council Regulation (EC) No. 1334/2000 of June 2000 setting up a Community regime for the control of exports of dual-use items and technology. Joint Action No. 2000/401/CFSP.

¹⁴ *Journal of Commerce*. 2002, August 26.

¹⁵ *Financial Times*. 2002, October 23.

¹⁶ Scientific Communication and National Security: National Academy Press. Washington, 1982.

¹⁷ National Security, Scientific Openness. CSIS-National Academies to Develop Plan for Keeping «Sensitive» Information from Terrorists. http://www.csis.org/press/pr03_17.htm.

¹⁸ Нераспространение и экспортный контроль. *Обзор прессы*. 2002. № 11.

¹⁹ U.S. Bureau of Industry and Security. United States and India Sign a Statement of Principles for Bilateral High-technology Commerce. <http://www.bis.doc.gov>.

²⁰ <http://www.bis.doc.gov/InternationalPrograms/IndiaCoopPresentation.htm>.

²¹ См. Кириченко Э.В. Ракетный режим экспортного контроля: вызовы и вопросы, ждущие ответов. *Ядерный Контроль*. 2002. № 6, ноябрь–декабрь. С. 53.

²² В некоторых государствах регулирование экспорта вооружения и продукции двойного назначения закреплено в едином законе об экспортном контроле.

²³ В соответствии с Постановлением правительства РФ № 1132 от 29 сентября 1998 г. права на результаты интеллектуальной деятельности, полученные за счет средств республиканского бюджета РСФСР, той части государственного бюджета СССР, которая составляла союзный бюджет, и средств федерального бюджета, принадлежат Российской Федерации, если до вступления в силу настоящего Постановления они не являлись объектами исключительного права физических и юридических лиц, а также если информация об указанных результатах не являлась общедоступной. При этом в данном Постановлении под «результатами интеллектуальной деятельности» понимаются результаты научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ, относящиеся в целом к объектам двойного назначения, или к принципиально важным частям объектов двойного назначения, экспорт которых контролируется в соответствии с законодательством РФ.

²⁴ *НГ Наука*. 2003, 11 июня. С. 12.

27 июня 2002 г. в канадском городе Кананаскис состоялся саммит «Большой восьмерки». Главным итогом саммита можно считать учреждение коалиции «Глобальное партнерство «восьмерки» против распространения оружия и материалов массового уничтожения». Цель данной инициативы – предотвращение распространения ОМУ за пределы «ядерного клуба» и приобретения и/или развертывания ОМУ, а также соответствующих материалов, оборудования и технологий террористическими организациями и их пособниками.

В январе 2003 г. с визитом в России находился премьер-министр Японии Д. Коидзуми. Для российско-японских отношений второе событие стало логическим продолжением первого в том плане, что на российско-японском саммите были более четко обозначены приоритеты двусторонних отношений в области реализации инициативы Глобального партнерства, а также положено начало новому этапу партнерства России и Японии в сфере нераспространения.

Представляется интересным именно российско-японское сотрудничество в рамках программы Глобального партнерства против распространения оружия и материалов массового уничтожения, так как, по сути, сотрудничество идет между государствами, которые до сих пор находятся в состоянии войны: Россия и Япония после окончания Второй мировой войны так и не заключили мирный договор.

ПРАВОВЫЕ И ФИНАНСОВЫЕ ОСНОВЫ СОТРУДНИЧЕСТВА

Если проследить историю юридического оформления двустороннего российско-японского сотрудничества в рассматриваемой сфере, то становится очевидным следующее.

Во-первых, можно выделить документы общего характера, которые в той или иной мере затрагивают аспекты сотрудничества в рамках программ Глобального партнерства. Это Токийская декларация о японо-российских отношениях (1993 г.), Договоренность в Красноярске (1997 г.), Договоренность в Каване (1998 г.), Московская декларация об установлении созидательного партнерства между Японией и Россией (1998 г.) и, наконец, Российско-японский план действий (2003 г.).

В большей степени названные документы содержат положения по проблеме заключения мирного договора между РФ и Японией, но имеются и интересующие нас статьи. Например:

«Япония и Российская Федерация будут развивать сотрудничество в укреплении Договора о нераспространении ядерного оружия, скорейшем вступлении в силу Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний, разработке Договора о запрещении производства расщепляющихся материалов для ядерного оружия, рас-

ширять взаимодействие в рамках международных режимов экспортного контроля, продолжать диалог по вопросам национального контроля за экспортом, взаимодействовать в обеспечении эффективной реализации Конвенции о запрещении химического оружия и Конвенции о запрещении биологического оружия»²

или:

«Премьер-министр Японии и Президент Российской Федерации, позитивно оценивая развивающиеся в последнее время японо-российские контакты в области безопасности и обороны, подтверждают свою готовность к их продолжению и углублению»³.

Более конкретные намерения провозглашаются в Токийской декларации о японо-российских отношениях:

«Стороны, придерживаясь общего понимания важности для обеспечения безопасности во всем мире вопроса о демонтаже ядерного оружия и возникающей в этой связи проблемы хранения ядерных материалов, контроля над ними и их обработки, подтверждают стремление сотрудничать в указанных сферах. Стороны, подтверждая также, что сброс радиоактивных отходов в море вызывает серьезную озабоченность в глобальном масштабе, особенно с точки зрения своего влияния на окружающую среду в прилегающих государствах, соглашаются в целях дальнейшего рассмотрения этой проблемы осуществлять тесные консультации по линии совместной японо-российской рабочей группы»⁴.

Во время встречи «без галстуков» в Красноярске в 1997 г. президент РФ Б.Н. Ельцин и премьер-министр Японии Р. Хасимото согласовали программу действий по укреплению двусторонних экономических отношений и сотрудничества, которая была рассчитана на период до 2000 г. Эта программа получила название «План Хасимото–Ельцина». Помимо инициатив по сотрудничеству в области инвестиций и космоса, интеграции российской экономики в международную экономическую систему, расширения содействия реформам в РФ, План содержит положения об укреплении диалога в области энергетики и использовании атомной энергии в мирных целях.

Помимо этого можно выделить соглашения, конкретно касающиеся программ по ликвидации ОМУ.

В апреле 1993 г. японское правительство приняло решение выделить 100 млн долл. в целях содействия ликвидации ядерного оружия в бывшем СССР. К марту 1994 г. Япония заключила соответствующие двусторонние соглашения с Россией, Казахстаном, Белоруссией и Украиной. Для российско-японских отношений основополагающим в данной сфере является «Соглашение между Правительством РФ и Правительством Японии о сотрудничестве в сфере содействия в области ликвидации подлежащего сокращению в РФ ядерного оружия и создании Комитета по сотрудничеству в этих целях», заключенное 13 октября 1993 г. Соглашение остается в силе до тех пор, пока одна из сторон не выразит намерения выйти из него и в письменной форме не уведомит об этом противоположную сторону. Пунктом 2 статьи I Соглашения был учрежден российско-японский Комитет по сотрудничеству в целях содействия в области ликвидации ядерного оружия, подлежащего сокращению в РФ (далее – российско-японский Комитет).

Из выделенных 100 млн долл. 30 млн были направлены в Казахстан, Белоруссию и на Украину, а 70 млн – в РФ на конкретные проекты по утилизации атомных подводных лодок (АПЛ) на Дальнем Востоке России и на строительство установки по переработке жидких радиоактивных отходов (ЖРО)⁵.

В мае и июне 1999 г., после визитов в Россию министра иностранных дел Японии и премьер-министра Японии К. Обути соответственно, было объявлено о выделении еще 200 млн долл. на реализацию новых проектов по ликвидации «наследия холодной войны» в государствах бывшего СССР⁶.

Далее последовал «Меморандум о развитии сотрудничества между Правительством Японии и Правительством РФ в области содействия разоружению, нераспространению

и утилизации ядерных вооружений, подлежащих сокращению в РФ», подписанный 4 сентября 2000 г. в Токио министром иностранных дел Японии Е. Коно и министром по атомной энергии РФ Е.О. Адамовым. В нем стороны констатировали, что:

«[...] японо-российское сотрудничество в области разоружения, нераспространения и содействия утилизации ядерного оружия последовательно развивается»⁷.

Данный Меморандум закреплял достигнутые на тот момент в этой области результаты и определял направления дальнейшего сотрудничества.

По итогам саммита в Кананаскисе в июне 2002 г. Япония взяла на себя обязательство выделить на «[...] конкретные проекты сотрудничества, первоначально в России [...]»⁸ в рамках Глобального партнерства «чуть больше, чем 200 млн долл.»⁹, причем половину этой суммы она намерена направить на программу по уничтожению излишнего оружейного плутония в рамках «Большой восьмерки»¹⁰.

По итогам официального визита премьер-министра Японии Д. Коидзуми в Россию в январе 2003 г. среди прочих документов был заключен Российско-японский план действий, в котором были подведены промежуточные итоги российско-японского сотрудничества в рамках Глобального партнерства и намечены дальнейшие шаги в этом направлении:

«Россия и Япония координировали действия в рамках международных нераспространенческих режимов и способствовали продвижению многостороннего диалога по разоруженческой проблематике. Осуществлялось взаимодействие в рамках созданного в 1993 г. Комитета по сотрудничеству в целях содействия в области ликвидации подлежащего сокращению в Российской Федерации ядерного оружия. При содействии Японии был создан и начал функционировать комплекс по переработке жидких радиоактивных отходов «Ландыш» на Дальнем Востоке России. Между соответствующими организациями двух стран последовательно развивалось сотрудничество в области изучения способов утилизации избыточного оружейного плутония с использованием российских реакторов на быстрых нейтронах, и уже проведена предварительная утилизация. Кроме того, Россия и Япония взаимодействовали по линии Международного научно-технического центра (МНТЦ)»¹¹.

В сфере контроля над вооружениями, разоружения и нераспространения стороны наметили следующие приоритетные направления сотрудничества:

- «[...] содействовать укреплению международного мира и стабильности, а также предпринимать действия, направленные на сохранение и совершенствование существующей системы международных договоров в области контроля над вооружениями, разоружения и нераспространения;
- укреплять механизм координации действий в целях ускорения реализации проектов, согласованных в рамках Комитета по сотрудничеству в области ликвидации подлежащего сокращению в Российской Федерации ядерного оружия, и обеспечить последовательное осуществление проектов, связанных с демонтажем выведенных из состава флота атомных подводных лодок на Дальнем Востоке России;
- активизировать усилия по реализации «Основных направлений» Глобального партнерства «восьмерки» в целях продвижения в их рамках проектов в области нераспространения, разоружения, противодействия терроризму, а также обеспечения безопасности ядерной энергии, участником которых является Россия;
- активно сотрудничать в рамках предпринимаемых по линии «восьмерки» усилий, направленных на определение способа утилизации избыточного оружейного плутония;
- способствовать сотрудничеству по линии Международного научно-технического центра»¹².

Перед отлетом из Москвы в Хабаровск 13 января 2003 г. Д. Коидзуми заявил, что Япония выделит 200 млн долл. на демонтаж списанных российских АПЛ и 100 млн долл. на утилизацию российского же оружейного плутония¹³.

Таким образом, с помощью несложных арифметических вычислений можно подсчитать, что на начало 2003 г. Япония заявила об общей выделяемой сумме для России, Украины, Белоруссии и Казахстана в размере 600 млн долл. На самом деле, в таком размере сумма не будет предоставлена, поскольку Япония в последующую обещанную помощь включает неистраченные и/или «замороженные» деньги из предыдущей.

На саммите «Большой восьмерки» 1–3 июня 2003 г. во французском городе Эвиане все участники Глобального партнерства, в том числе и Япония, подтвердили приверженность его принципам и готовность выполнить взятые на себя обязательства. Было заявлено «о существенном прогрессе в деле перевода инициативы Глобального партнерства в конкретные проекты»¹⁴.

В Таблице 1 представлена ситуация с финансированием Японией проектов по ликвидации избыточного ОМУ. Из заявленных для четырех постсоветских государств в 1993 г. 100 млн долл. на конкретные проекты было потрачено около 66 млн долл. (30 млн – на проекты в Казахстане, Белоруссии и на Украине, которые на настоящий момент полностью завершены, а 36 млн в течение почти восьми лет ушло на строительство завода по переработке ЖРО для России). В 1999 г. Япония из заявленных 200 млн долл. выделила около 102 млн долл. России, а 10 млн – трем другим государствам. Из заявленных в 2002–2003 гг. 300 млн долл. пока не было выделено ничего: деньги начнут поступать после подписания соответствующего двустороннего Исполнительного соглашения по одному из первоочередных проектов – пробной утилизации АПЛ класса *Victor-III*. Таким образом, на сегодняшний день можно говорить о примерно 180 млн долл., которые пошли на конкретные проекты содействия России, Казахстану, Белоруссии и Украине.

Таблица 1¹⁵

Средства, выделенные Японией по программам ликвидации избыточного ОМУ (млн долл.)

Страна	1993 г.		1999 г.		2002–2003 гг.	
	заявлено	выделено	заявлено	выделено	заявлено	выделено
Россия	70	36		101,64	200+100	?
Украина, Белоруссия, Казахстан	30	30	200	10	0	

По Соглашению 1993 г. главным органом, который отвечает за координацию двустороннего сотрудничества в области утилизации ядерного оружия, сокращаемого в РФ, является российско-японский Комитет. К числу главных задач Комитета относятся: определение приоритетных областей сотрудничества в целях содействия ликвидации ядерного оружия; разработка конкретных программ сотрудничества с учетом потребностей, заявляемых Россией, а также заключение с соответствующими органами обеих сторон соглашений, определяющих конкретные параметры и процедуры сотрудничества. Российско-японский Комитет состоит из Правления, в которое назначают по одному представителю от Японии и России, и Секретариата, который возглавляет Исполнительный директор (назначается японской стороной по согласованию с Правлением) и который находится в Японии. Правление на основе консенсуса принимает решения относительно приоритетности и выполнимости проектов. Секретариат же распоряжается выделенными японским правительством средствами, а также занимается привлечением к работе различных технических специалистов и консультантов.

Помимо Комитета в каждой из сторон существуют ответственные за реализацию проектов органы. В Японии это Министерство иностранных дел в лице Департамента по контролю над вооружениями и разоружению и Департамента по науке и атомной энергии. Данные подразделения вместе с Секретариатом Комитета участвуют в процессе отбора и внедрения проектов. Также с японской стороны выступает Японская корпорация ядерного цикла под патронажем Министерства просвещения, культуры, спорта, науки и тех-

нологий Японии, которые сотрудничают с Россией в процессе уничтожения плутония, более не требуемого для нужд обороны.

С российской стороны партнерами Японии являются Министерство по атомной энергии РФ (Минатом), а также различные министерства и ведомства, которые вовлечены в соответствующие проекты. Это – Министерство иностранных дел, Министерство экономического развития и торговли, Министерство имущественных отношений, Министерство путей сообщения, Министерство обороны (Тихоокеанский флот), Российское агентство по судостроению, местные администрации.

Для усиления межведомственной координации в реализации решений Кананаскиса в конце 2002 г. в России был создан специальный механизм во главе с председателем правительства РФ М.М. Касьяновым. В заинтересованных ведомствах были определены координаторы на уровне заместителей министров. Создание этого механизма позволило повысить эффективность работы по решению российской части проблем по запуску конкретных проектов многостороннего и двустороннего сотрудничества.

НАПРАВЛЕНИЯ И РЕЗУЛЬТАТЫ СОТРУДНИЧЕСТВА

Проанализировав все вышеназванные документы по российско-японскому сотрудничеству в рамках инициативы Глобального партнерства, можно обозначить следующие направления этого сотрудничества:

1. Проекты по утилизации выведенных из состава ВМФ АПЛ и отработанного ядерного топлива (ОЯТ) и строительство и эксплуатация установки по переработке жидких радиоактивных отходов на Дальнем Востоке России.
2. Утилизация оружейного плутония, более не требуемого для нужд обороны.
3. Содействие в переориентации бывших военных и ученых-оружейников на работу в гражданских отраслях промышленности.

Утилизация АПЛ и ОЯТ

До начала 1996 г. в состав ВМФ СССР/РФ была принята 241 АПЛ (среди них 55 АПЛ первого поколения, 142 – второго и 34 – третьего, соответственно, а также 8 АПЛ с жидкометаллическим теплоносителем и 2 опытные АПЛ)¹⁶. На Северном флоте базируются две трети всех АПЛ, а на Тихоокеанском – одна треть.

Унаследовав советский атомный флот, вместе с ним Россия унаследовала и его проблемы. С годами росло количество снятых с эксплуатации АПЛ, и на сегодняшний день снята большая часть АПЛ первого и второго поколений, поэтапно выводятся подлодки третьего поколения, а также все атомные субмарины с жидкометаллическими теплоносителями. Но до середины 1980-х гг. на пространстве СССР фактически не было предприятий, способных обеспечить полную безопасность при их утилизации, а имеющиеся мощности не соответствовали темпам вывода АПЛ из состава ВМФ. Не было денег и на дорогостоящую операцию по утилизации, и поэтому переданные после постройки на судостроительных заводах (СРЗ) в боевой состав ВМФ АПЛ осваивались военными моряками, несли боевую службу, поддерживали международную стабильность в Мировом океане, а после окончания установленного срока своей службы оставались на балансе флота.

В итоге, по данным на 2002 г., из боевого состава ВМФ были выведены 192 АПЛ, но утилизированы только 80, а из ожидающихся утилизации 112-ти лодок 81 содержит невыгруженное ядерное топливо¹⁷. До сих пор ждет утилизации с невыгруженной активной зоной и первая советская АПЛ К-3 «Ленинский комсомол», которая была спущена на воду еще в августе 1957 г.

При оценке сложившейся ситуации важно учитывать, что максимальный срок службы АПЛ равен 36–40 годам. До 40% субмарин ВМФ России более 10 лет находятся без ре-

монтного обслуживания¹⁸. Во многих АПЛ ОЯТ находится по 15 и более лет. Береговые и плавучие хранилища ОЯТ полностью загружены, часть ОЯТ хранится на открытых площадках.

Длительное нахождение подлежащих утилизации подлодок на плаву повышает вероятность возникновения нештатных ситуаций, создает угрозу радиоактивного заражения окружающей акватории и побережья, и подобное уже происходило¹⁹.

Самое тяжелое положение сложилось на Дальнем Востоке России, где, по данным разных источников, находится от 63 до 75 старых АПЛ, из них 45–49 с ОЯТ, в том числе на судоремонтном заводе (СРЗ) «Звезда» в городе Большой Камень, в бухте Постовая гора Советская Гавань и на Камчатке²⁰.

Японская сторона приводит такие цифры: 77 АПЛ ожидают утилизации, 41 из них до сих пор с ОЯТ на борту, в том числе 39 в настолько критическом состоянии, что есть вероятность их затопления прежде, чем они будут доставлены на СРЗ «Звезда»²¹.

До принятия в 1972 г. Лондонской Конвенции по предотвращению загрязнения моря сбросами отходов и других материалов Советский Союз, как и другие страны, практиковал захоронение жидких низкорадиоактивных отходов в море. Это позволяло обходиться без дорогостоящих и сложных процессов переработки и подготовки к захоронению ЖРО. Но и Конвенция только ограничила, но не предотвратила сброс радиоактивных отходов в моря и океаны.

В Дальневосточном регионе было определено десять районов для захоронения радиоактивных отходов. Они расположены в Японском и Охотском морях и в Северном Ледовитом океане. Захоронение ЖРО практиковали в девяти из десяти установленных районов. Последний сброс 800 т отходов в Японское море был произведен Тихоокеанским флотом в 1993 г.²² Общий объем ЖРО, захороненных в дальневосточных морях, составил более 123,497 кубических метров с уровнем радиоактивности в 12,337 кюри²³. Но, в отличие от северных морей, в Дальневосточном регионе не утилизировали реакторы с ОЯТ.

Есть на Дальнем Востоке так называемые «суда технологического обслуживания флота», которые используются для транспортировки и хранения жидких и твердых радиоактивных отходов. Это по два танкера класса *Vala* и *PM* и танкер «Пинега» класса *Белянка*, однако техническое состояние этих судов оставляет желать лучшего.

На Тихоокеанском флоте существуют и наземные хранилища радиоактивных отходов. Из них единственное постоянное – сооружение № 32 (расположено на южном побережье Шкотовского полуострова) – располагает четырьмя могильниками для твердых низкорадиоактивных отходов. Могильники переполнены.

Негативные последствия подобной практики очевидны, и Россия прилагает значительные усилия по утилизации АПЛ и их ОЯТ. Постановлением правительства РФ от 1998 г. Минатом России назначен головным ведомством по вопросам утилизации подводных лодок (вместо Министерства обороны РФ). В 2000 г. в бюджете России на утилизацию АПЛ, работы по обращению с радиоактивными отходами и ОЯТ, включая создание необходимой для этого инфраструктуры, было выделено 1,07 млрд рублей, в 2001 г. – 1,2 млрд рублей, в 2002 г. – 1,9 млрд²⁴, но это составляет только половину требуемого финансирования²⁵. К 2010 г. Россия намерена утилизировать 131 субмарину. По данным Минатома, на это потребуется 3,9 млрд долл.²⁶ И, хотя в 2000–2001 гг. РФ и вышла на уровень 18 утилизированных АПЛ в год²⁷, этого все равно недостаточно.

Масштабность указанной проблемы и затратность процесса утилизации не позволяют России справиться с ней в одиночку, поэтому она рассчитывает на финансовое и техническое содействие иностранных государств и международных институтов.

На Дальнем Востоке подобную помощь России оказывает Япония. Прежде всего, она озабочена состоянием экологической безопасности, а точнее «небезопасности», в бассейне Японского и Охотского морей. Практика СССР, а затем и России, обращения со списанными АПЛ и ОЯТ создали угрозу рыбным ресурсам Тихого и Северного Ледови-

того океанов, японским территориям рыбного промысла и японской рыбной промышленности в целом (не говоря уже о российской).

Утилизация АПЛ очень сложна и включает в себя несколько этапов, на каждом из которых необходима соответствующая инфраструктура для обеспечения безопасности процесса. На Дальнем Востоке инфраструктура утилизации практически не развита, что значительно усложняет задачу демонтажа подлодок и транспортировку ОЯТ. По этой причине затраты на утилизацию АПЛ Тихоокеанского флота значительно выше, чем, например, на Северном флоте.

Япония содействует России в утилизации многоцелевых (нестратегических) подводных лодок, уничтожение которых не охвачено помощью США. В 1999 г., после визитов в РФ министра иностранных дел и премьер-министра Японии К.Обути, в рамках подписанных документов было объявлено о Плане японской стороны по утилизации выведенных из эксплуатации АПЛ на Дальнем Востоке. Этот План предусматривал следующие проекты:

- ☐ выгрузку ОЯТ из АПЛ и его транспортировку к местам хранения, строительство хранилища для ОЯТ на СРЗ «Звезда», реконструкцию железнодорожного полотна между Большим Камнем и Смоляниново;
- ☐ реконструкцию танкера «Пинега» в транспортное средство;
- ☐ утилизацию выведенных из эксплуатации АПЛ класса *Victor-III* (по российской классификации – *Щука*) на СРЗ «Звезда»²⁸.

Планировалось, что эти инициативы начнут реализовываться в апреле 2001 г., но в установленные сроки этого не произошло. Сейчас проекты претерпели некоторые изменения и находятся на разных стадиях воплощения в жизнь.

Например, на реконструкцию железнодорожной ветки длиной 27 км, связывающей СРЗ «Звезда» со станцией Смоляниново, расположенной на Транссибирской магистрали, по которой отработанные ядерные сборки направляются в специальных вагонах на перерабатывающее предприятие «Маяк» в Челябинской области, требуется 7 млн долл.²⁹ Официальное решение об осуществлении проекта было принято Правлением российско-японского Комитета 12 января 2001 г. В настоящее время процесс выработки соответствующего соглашения продолжается. Стороны согласовывают ведомства, которые будут выступать в роли исполнителей соглашения с российской стороны.

В СССР был опыт строительства судов, предназначенных для работы с ЖРО. Последние из подобных – «Амур» и «Пинега» – были построены в 1986 и 1987 гг. соответственно специально с целью выполнения задачи по сбору ЖРО и их последующей обработки. «Амур» отправился служить на Северный флот, а «Пинега» – на Тихоокеанский. Но эти суда так и не были использованы по прямому назначению из-за своей низкой производительности, поэтому на Дальнем Востоке был предложен проект по конверсии судов класса «Пинега». В результате предполагалось получить судно для транспортировки контейнеров с жидкими и твердыми отходами отработанного ядерного топлива из разгруженных АПЛ с морских баз на Камчатке и в Приморье до железнодорожной станции перегрузки на спецпоезд. После изучения технической и финансовой составляющих данной инициативы российская и японская стороны пришли к выводу, что этот проект слишком дорог, и сейчас идея его реализации «похоронена».

В результате, на сегодняшний день в рамках российско-японского сотрудничества по утилизации АПЛ и ОЯТ можно говорить только об одном реализованном проекте – строительстве и вводе в эксплуатацию завода по переработке жидких радиоактивных отходов «Ландыш». Он был сконструирован Консорциумом в составе американской инженерной фирмы «Babcock & Wilcox» и японской фирмы «Japanese Tohmen Group» на основе специальной баржи, построенной на Амурском судостроительном заводе. Переправлен в Большой Камень «Ландыш» был в конце 1997 г. Расходы на строительство комплекса составили около 36 млн долл.³⁰ Предполагалось, что баржа приступит к работе уже в апреле 1998 г., но помешали некоторые технические и бюрократические причины. Тестовое испытание «Ландыша» состоялось в июле 2000 г., а официальное открытие и пуск в эксплуатацию – 22 ноября 2001 г.

Еще в 1993 г. специалисты оценили стоимость эксплуатации баржи в 3,4 млн долл. в год³¹. Японская сторона оплатила первый, экспериментальный, год ее работы, теперь же финансирование осуществляет Россия.

С начала своей работы по сентябрь 2002 г. комплекс «Ландыш» переработал 1810 кубических метров ЖРО³². Вообще же мощности «Ландыша» позволяют перерабатывать 7000 кубических метров низкоактивных жидких отходов в год³³. Срок эксплуатации установки составляет 20 лет.

В настоящее время «Ландыш» находится на постоянном причале у судостроительных верфей «Звезда». Он является собственностью России, однако, согласно контракту, не может быть отбуксирован ни в какое другое место без получения на то согласия японских властей.

Последняя оговорка создает сложности следующего характера. В Большом Камне, где находится баржа, хранится 2,5 тыс. т ЖРО, а еще 1,5 тыс. находятся на других базах хранения Дальнего Востока. На Тихоокеанском флоте нет судов, которые бы могли свезти их в одно место. И если заняться буксировкой «Ландыша», то, во-первых, необходимо ждать разрешения Японии, а, во-вторых, «Ландышу» все равно придется возвращаться в Большой Камень, так как там расположено хранилище для бочек с радиоактивными отходами³⁴.

Конечно, можно говорить о том, что полностью российское строительство подобной баржи было бы дешевле и не создало бы таких проблем юридического характера. Тогда почему же РФ не построила «Ландыш» самостоятельно, а дождалась появления Японии и ее помощи?

Российско-японский саммит в январе 2003 г. вселил надежду на то, что проект «Ландыш» будет не последним в процессе сотрудничества двух стран в рамках Глобального партнерства.

Японией уже принято решение выделить 100 млн долл. на проекты 2003 г.³⁵ В числе первоочередных проектов – финансирование пробной утилизации АПЛ класса *Victor-III* для оценки затрат (согласно предварительным оценкам, стоимость работ по утилизации одной АПЛ составляет 8 млн долл.³⁶) и подбора необходимого оборудования перед началом широкомасштабной утилизации. Решение по этому вопросу было принято на 16-м заседании Правления российско-японского Комитета, которое прошло в Москве 13 февраля 2003 г. В ходе майской встречи В.В. Путина и Д. Коидзуми на праздновании 300-летия Санкт-Петербурга в конце мая 2003 г. данное решение было подтверждено, а на саммите «Большой восьмерки» в Эвиане (Франция) 1–3 июня 2003 г. главы двух государств официально объявили о заключении соответствующего соглашения.

В результате, 28 июня 2003 г. на СРЗ «Звезда» в г. Большой Камень заместитель министра РФ по атомной энергии С.В. Антипов и посол Японии в России И. Комура подписали Соглашение об утилизации АПЛ класса *Victor-III* – 41 атомной подводной лодки, выведенной из состава Тихоокеанского флота РФ. Учитывая, что завод способен утилизировать 6–7 лодок, «мы надеемся, что в течение 10 лет сможем утилизировать все подводные лодки», – заявил на пресс-конференции во Владивостоке 8 июня 2003 г. парламентский секретарь министра иностранных дел Е. Синдо³⁷.

Утилизация оружейного плутония

Проведение политики ликвидации ядерных вооружений ведет к высвобождению значительных запасов оружейного плутония. Чтобы не было возможности вновь использовать его для изготовления боезарядов, необходима его переработка. Россия склонна к «реакторному» варианту обращения с оружейным плутоном, т.е. использованию высвобождающегося плутония как компонента ядерного топлива. Оксиды плутония смешивают с оксидами урана, и образуется так называемое «МОКС-топливо», которое намереваются сжигать на российских легководных реакторах и реакторе на быстрых нейтронах БН-600.

Утилизация оружейного плутония, более не требуемого для нужд обороны, – еще одна область российско-японского сотрудничества в рамках программы Глобального партнера. На данном направлении приоритетным процессом является разработка реактора на быстрых нейтронах для переработки оружейного плутония. В данном проекте с японской стороны участвует «JNC» – Японская корпорация ядерного цикла, которая 18 мая 1999 г. заключила совместный исследовательский контракт с Российским НИИ атомных реакторов (НИИАР) в Димитровграде, а 1 июня 1999 г. – с Физико-энергетическим институтом (ФЭИ) в Обнинске.

Для сотрудничества в данной области был разработан план взаимодействия с российской стороной, состоящий из трех стадий:

- на первой стадии (до 2003 г.) предполагалось осуществить научные разработки в ФЭИ и произвести три сборки виброуплотненного МОКС-топлива на установке НИИАР и их экспериментальное облучение в реакторе БН-600 и получить лицензию на реализацию проекта;
- на второй стадии (с 2003 по 2006 г.) планировалось провести демонстрационные мероприятия по утилизации МОКС-топлива и одновременно технологическую модернизацию установки НИИАР под требование загрузки до 40–50 сборок в год;
- на третьей стадии (с 2007 по 2020 г.) должно было пройти усовершенствование существующих установок до производительности 250 сборок виброуплотненного МОКС-топлива в год и продление жизненного цикла реактора БН-600.

Японское правительство уже выделило 33,5 млн долл. на этот проект, и еще 20 млн долл. предназначаются для его научно-исследовательской составляющей³⁸.

И хотя сроки реализации данного проекта и были несколько сдвинуты, сегодня уже можно говорить о первых результатах. 12 июня 2002 г. информационная служба RANSAC сообщила, что успешно прошло тестовое сжигание МОКС-топлива, полученного из 60 кг российского оружейного плутония³⁹. Эксперимент, который длился около двух лет, осуществлялся на реакторе БН-600 в Белоярске.

Ожидается, что первая стадия проекта будет завершена в текущем году, вторая же готовится к выполнению.

Японское правительство сообщило, что к 2004 г. будет утилизирована очередная партия оружейного плутония; вообще же планируется выйти на уровень 0,3 т утилизованного плутония в год, а с 2007 г. – 1,3 т в год⁴⁰.

В основе долгосрочной программы развития ядерной энергетики Японии лежит концепция постепенного перехода к замкнутому ядерному циклу, обеспечивающему более рациональное использование ядерных материалов. Конечная цель программы заключается в переходе до 2030 г. к использованию на всех АЭС Японии МОКС-топлива⁴¹, а к 2010 г. Токио намеревается внедрить МОКС-топливо на 16–18 из более чем 50 действующих энергетических ядерных реакторов⁴². Поэтому Япония и заинтересована в этом проекте по утилизации российского оружейного плутония: он позволяет ей проводить экологически небезопасные исследования на чужой территории.

Использование МОКС-топлива в промышленных реакторах в самой Японии планировалось начать еще в 1999 г. С этой целью из Европы было специально завезено МОКС-топливо, но этого так и не произошло из-за мощной оппозиции населения.

Так, например, произошло в деревне Карива в префектуре Ниигата, территория которой примыкает к крупнейшей в мире АЭС «Касивадзаки-Карива». 27 мая 2001 г. там прошел референдум по вопросу безопасности использования МОКС-топлива. В ходе голосования жители высказались против его использования на этой станции. И хотя референдум не имеет юридической силы, его итоги придется учитывать и правительству, и владельцу АЭС – энергетическому гиганту «Tokyo Electric Power»⁴³.

Содействие в переориентации бывших военных и ученых-оружейников на работу в гражданских отраслях промышленности

В связи со значительным сокращением российских вооруженных сил многие бывшие военнослужащие в нынешней сложной экономической ситуации испытывают большие трудности с устройством на работу в гражданском секторе. В связи с этим японское правительство, на двусторонней и многосторонней основе, оказывает содействие в переобучении по гражданским специальностям тем военнослужащим, которые подлежат увольнению или уже были уволены из рядов вооруженных сил на Дальнем Востоке, а также способствует тому, чтобы направить изыскания ученых, деятельность которых связана с ОМУ, в мирное русло.

В качестве примера двустороннего сотрудничества в данной сфере можно привести семинары в Японских центрах, которые находятся во Владивостоке и Хабаровске. Цель семинаров – способствовать переориентации бывших военнослужащих на гражданские специальности. С 1998 г. в этих городах успешно были проведены уже пять подобных семинаров⁴⁴.

В рамках многостороннего сотрудничества можно назвать две программы, которые направлены на переобучение бывших военнослужащих и переориентацию ученых-оружейников. Это – Международная программа ядерной безопасности (МПЯБ) и МНТЦ.

МПЯБ – американская правительственная программа, осуществляемая Министерством энергетики США. Ее цель состоит в оказании помощи девяти странам бывшего СССР и социалистического лагеря (Армении, Украине, России, Болгарии, Чехии, Венгрии, Словакии, Казахстану и Литве), работающим над сокращением риска эксплуатации устаревшего оборудования, построенного в советское время, путем модернизации системы безопасности, внедрения новых инструкций по управлению в аварийных ситуациях, улучшения качества ядерных реакторов и передачи более совершенных технологий.

Данная инициатива была выдвинута США на саммите «Большой семерки» в 1992 г. Ведущие государства мира и международные организации выразили готовность принять участие в МПЯБ.

Япония в рамках МПЯБ принимает на своей территории технических специалистов АЭС со всего постсоветского пространства и Восточной Европы с целью познакомить их с новыми технологиями безопасной эксплуатации АЭС и контроля над ядерными отходами. По данным на конец 1996 г., более 37 российских специалистов посетили Японию с этой целью⁴⁵. Также и японские специалисты посещают РФ для обмена мнениями и информацией по данной проблеме.

Международный научно-технический центр (МНТЦ) – это межправительственная организация, созданная в 1992 г. на основании Соглашения между ЕС, РФ, США и Японией. Его основной целью является предоставление ученым и специалистам СНГ, которые располагают знаниями и навыками в области ОМУ, возможности для переориентации своего научного опыта и способностей на мирную деятельность⁴⁶. По заявлению первого Исполнительного директора МНТЦ Г. Швейцера, после распада СССР «не у дел» остались 60 тыс. ученых и инженеров, обладавших чувствительной информацией, из которых 25 тыс. представляли собой потенциальных участников процесса «утечки мозгов»⁴⁷. К апрелю 1997 г. удалось трудоустроить около 17 тыс. ученых-оружейников из бывшего СССР⁴⁸.

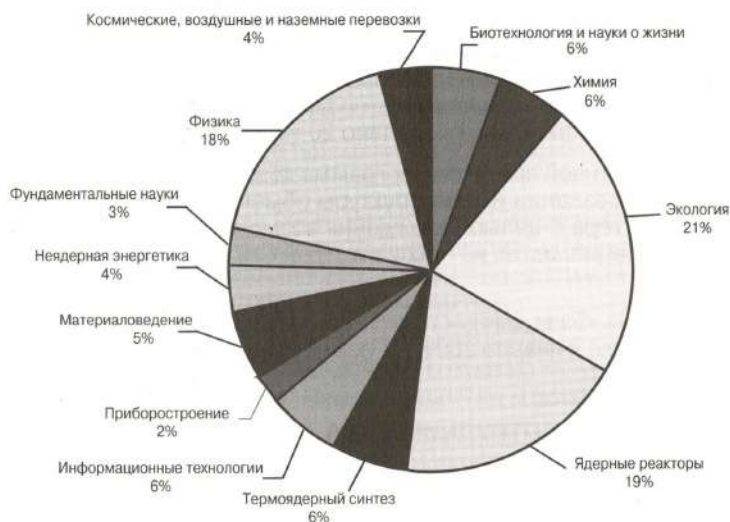
Хотя Россия и не ратифицировала Договор об учреждении МНТЦ, с 1994 г. в Москве начал свою деятельность его Секретариат. С этого времени Центром и его партнерами на проекты мирной направленности было выделено более 498 млн долл. в виде грантов, поставок оборудования, оплаты расходов на научные командировки и обучение⁴⁹. В 1704 проектах приняли участие более 58 тыс. ученых и технических специалистов из почти 600 институтов, исследовательских учреждений и производственных центров, относившихся к оборонному комплексу России и СНГ⁵⁰. Общее количество успешно завершенных, а также находящихся в работе проектов в области ядерной безопасности и энергетики, биотехнологий и защиты окружающей среды, космических исследований и

инновационных материалов достигло 1700⁵¹. В ходе работы над этими проектами лучшие ученые России и СНГ тесно сотрудничали с зарубежными коллегами из известных исследовательских центров и промышленных компаний Японии, Республики Кореи, стран ЕС и США.

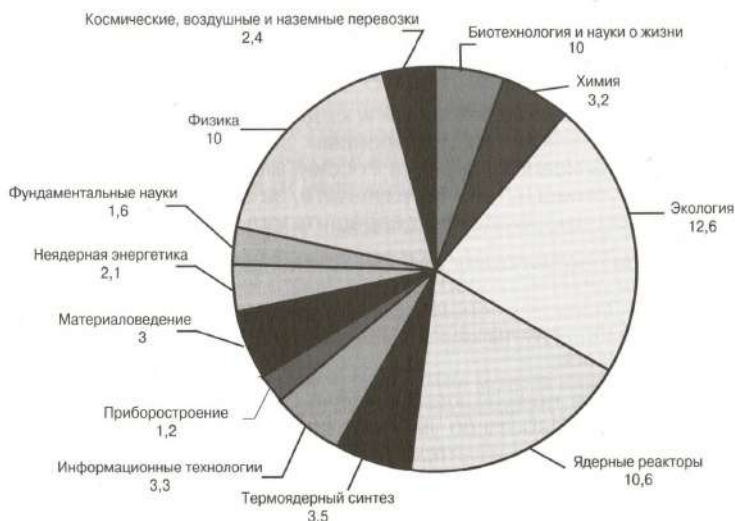
Япония является одной из финансирующих сторон МНТЦ. За годы существования Центра она профинансировала 200 научно-технических проектов на общую сумму около 60 млн долл.⁵²

В диаграммах⁵³ представлена статистика по этим проектам, из которой следует, что наибольшее внимание Япония уделяет исследованиям в области экологии, изучению возможностей ядерных реакторов, а также физике.

Количество проектов МНТЦ с японским участием по областям технологий

Финансирование Японией проектов МНТЦ по областям технологий (млн долл.)

В деятельности Центра участвуют японские организации-партнеры – частные фирмы или правительственные организации, предоставляющие финансирование для проектов через Программу партнерства МНТЦ. По данным на февраль 2003 г., 41 японская компания зарегистрирована в Центре в качестве партнера. Среди японских партнеров можно назвать такие компании, как «Japan Atomic Energy Research Institute» (JAERI), «Japan Industrial Technology Association», «National Space Development Agency» (NASDA), «Hitachi», «Kawasaki Heavy Industries», «Komatsu», «Marubeni», «Mitsubishi», «Toshiba» и «Toyota». Японские организации-партнеры предоставили финансирование для 14 проектов на общую сумму свыше 2 млн долл.

Япония также является инициатором и спонсором Программы японских рабочих семинаров. Семинары проводятся в Японии при участии правительства этой страны и МНТЦ. Цель семинаров – познакомить представителей японских научных и деловых кругов, а также предприятий государственного и частного сектора с передовыми российскими технологиями, организовать плодотворный научный обмен информацией. Для участия в семинаре приглашаются ученые из России и СНГ – специалисты в конкретной области в соответствии с темой проводимого семинара. Темы семинаров определяются японским правительством по принципу наиболее перспективных и актуальных на данный момент с точки зрения представителей японских научных и деловых кругов. С начала Программы в 1997 г. и по настоящее время было проведено 20 таких семинаров.

Еще одной японской инициативой является Программа «База данных технологий». Цель Программы заключается в создании инфраструктуры обмена информацией научного и научно-технического характера с целью нахождения возможностей внедрения научно-технических разработок специалистов из России и стран СНГ и их взаимодействия с зарубежными инвесторами.

С 1997 по 2001 г. Программа «База данных технологий» финансировалась исключительно японской стороной, однако в январе 2001 г. к ней присоединились США и ЕС.

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОТРУДНИЧЕСТВА

В истории российско-японского сотрудничества по программе снижения угрозы можно выделить два периода:

- первый – с момента заключения двустороннего Соглашения в 1993 г. и до передачи России установки по переработке ЖРО «Ландыш» в 2001г.;
- второй период начался после встречи президента РФ В.В. Путина и премьер-министра Японии Д. Коидзуми в январе 2003 г.

Между двумя периодами был 2002 год – своего рода «рубежный» в российско-японском сотрудничестве, когда состоялся саммит «Большой восьмерки» в Кананаскисе.

Первый период – достаточно продолжительный и характеризуется наличием нереализованных замыслов и непониманием между сторонами. За эти восемь лет удалось лишь построить «Ландыш» для Тихоокеанского флота России, а все остальные японские инициативы были свернуты или отвергнуты⁵⁴. В результате, за это время накопилось большое количество проблем, которые предстоит разрешить уже на новом этапе отношений.

Причины медленных темпов продвижения российско-японского сотрудничества можно разделить на три группы:

1. *Юридические причины.* К ним прежде всего следует отнести *ответственность за риски и проблему налогообложения.*

РФ не согласна брать на себя полную юридическую ответственность за возможные ядерные риски при совместной работе по уменьшению ядерной угрозы. Страны-партнеры, таким образом, хотят получить со стороны России гарантии обеспечения финансовой защиты от ущерба и тех его последствий, которые могут возникнуть в результате эксплуатации установок, построенных в рамках сотрудничества.

Для регулирования подобного рода международных правоотношений существует многосторонний документ – Венская конвенция о гражданской ответственности за ядерный ущерб (подписана в 1963 г., вступила в силу в 1977 г.). Согласно этому документу, абсолютную ответственность за ядерный ущерб несет лицо, назначенное или признанное государством в качестве оператора ядерной установки. В соответствии с Венской конвенцией, по страхованию каждого ядерного объекта должна быть предусмотрена ответственность на сумму не менее 50 млн долл., которая распределяется между государством и оператором. Ответственность операторов ограничена в пределах не менее 5 млн долл. Размер ущерба должен покрываться страхованием или иным финансовым обеспечением. 12 сентября 1997 г. был принят Протокол к Венской конвенции, который повысил размеры компенсации за материальный ущерб в случае ядерного инцидента до 400 млн долл. Юридическая и иная ответственность за возможный ядерный инцидент полностью возложена на сторону, эксплуатирующую объект.

Россия подписала (без Протокола 1997 г.), но не ратифицировала Конвенцию. По заявлению стран-доноров, этот факт препятствует поступлению более масштабного финансирования на уменьшение ядерной угрозы. Но надо заметить, что ни одно ядерное государство и ни одно государство, которое выделяет средства России по программам Глобального партнерства, также не является участником Венской конвенции⁵⁵.

Что касается проблемы рисков применительно к российско-японскому сотрудничеству, то статья 10 Соглашения от 1993 г. гласит:

«[...] российская сторона берет на себя урегулирование претензий в связи с ущербом, причиненным в РФ Комитетом или лицами, осуществляющими настоящее Соглашение, [...] при осуществлении ими деятельности или в результате их деятельности во исполнение настоящего Соглашения»⁵⁶.

Налогообложение предоставляемой помощи – одна из важных проблем в сотрудничестве по уменьшению угрозы. Страны-доноры сетуют на то, что РФ отказывается предоставлять налоговые льготы по выделяемым средствам и оборудованию.

Данный вопрос в РФ регулируется принятым в 1999 г. Федеральным законом «О безвозмездной помощи (содействии) Российской Федерации и внесении изменений и дополнений в отдельные законодательные акты Российской Федерации о налогах и об установлении льгот по платежам в государственные внебюджетные фонды в связи с осуществлением безвозмездной помощи (содействия) Российской Федерации» и двусторонними соглашениями по сотрудничеству. В российско-японском Соглашении 1993 г. по этому поводу говорится:

«[...] российская сторона примет все необходимые меры [...] по обеспечению административных, налоговых и таможенных льгот в отношении материальных ценностей, предоставляемых в соответствии с целями настоящего Соглашения»⁵⁷.

Согласно Закону, важным условием предоставления налоговых льгот является выделение средств и оборудования, а также оказание работ и услуг именно на безвозмездной основе. Так, например, юридические лица страны-донора, оказывающей безвозмездную помощь, освобождаются от уплаты НДС⁵⁸.

Но на практике соблюдать букву закона и международные обязательства оказывается непросто. Так, во время реализации проекта «Ландыш» возникли сложности с растаможиванием необходимого для строительства оборудования, несмотря на указанную статью в Соглашении 1993 г. и положение об отмене таможенных пошлин и каких-либо других финансовых взиманий в Соглашении по проекту «Ландыш».

В качестве еще одной юридической проблемы можно назвать *вопрос иммунитета иностранного персонала*. Статья 9 российско-японского Соглашения по этому поводу гласит:

«[...] российская сторона примет все необходимые меры [...] по предоставлению Комитету и лицам, исполняющим обязанности по осуществлению сотрудничества,

[...] привилегий и иммунитетов, необходимых для эффективного выполнения ими своих функций [...]»⁵⁹.

Но в России считают, что страны-партнеры требуют для своего персонала, участвующего в реализации соответствующих программ, предоставления слишком завышенных прав, по сути приравненных к дипломатическому иммунитету.

2. Политические причины. Безусловно, крупной политической проблемой российско-японских отношений, затрагивающей и сотрудничество в области утилизации ОМУ, является *отсутствие мирного договора* между сторонами. Хотя Россия и Япония признали друг друга в качестве стратегических партнеров, этот неурегулированный политический вопрос, конечно же, затрудняет двусторонний диалог, и не только в рассматриваемой области.

Помимо этого, в обеих странах имеют место *внутриполитические проблемы*, прямо или косвенно мешающие прогрессивному сотрудничеству. В Японии это так называемое «дело Судзуки». М. Судзуки – японский парламентарий, курировавший вопрос оказания гуманитарной помощи жителям Южных Курил. Его обвиняют в превышении должностных полномочий при распределении заказов на оказание гуманитарной помощи и в коррупции. Этот скандал, в который оказался вовлеченным МИД Японии, «подогрел» интерес японских СМИ к проблеме медленной реализации российско-японских проектов по утилизации ОМУ и дал повод оппозиции японского правительства настаивать на прекращении выделения средств России⁶⁰. Представители же более либеральных кругов в правительстве Японии настаивают на гарантиях расходования Россией предоставляемых ей оборудования и средств по прямому назначению.

В России, в свою очередь, существует уголовное дело Г.М. Пасько – журналиста газеты Тихоокеанского флота *Боевая Вахта*, который был признан виновным (23 января 2003 г. городской суд Уссурийска принял решение об условно-досрочном освобождении Г.М. Пасько) в измене родине за передачу секретных данных с мест захоронения ОЯТ⁶¹. Процесс по делу Г.М. Пасько тянулся с 1997 г. (и, как представляется, точка в этом деле еще не поставлена, так как администрация колонии № 41 г. Уссурийска и прокурор из краевой приморской прокуратуры не согласны с решением суда) и влиял на российско-японские проекты по уменьшению угрозы. Вследствие ожесточившейся политики секретности, предпринятой Москвой на фоне этого уголовного дела, Япония весной 2002 г. «заморозила» 168 млн долл.⁶² из выделяемых ею средств.

Отсюда вытекает еще один проблемный вопрос – *открытый доступ к информации и объектам*. Страны-партнеры настаивают на том, чтобы были предприняты эффективные меры по наблюдению, контролю и обеспечению прозрачности при реализации проектов. Говорится также о свободном доступе иностранных представителей к источникам информации и соответствующим объектам. Но подобные объекты и информация зачастую являются частью системы обеспечения национальной безопасности России. В результате, трудно найти точки соприкосновения при достижении двух целей – устранения ядерной угрозы и сохранения государственной тайны.

Япония настаивает на том, что ей важно знать техническое состояние и точное количество снятых с боевого состава АПЛ, чтобы определить перспективные направления сотрудничества и оценить, какое количество вложений необходимо. Подобную информацию ей удалось получить только в сентябре 2002 г.

3. Бюрократические причины. К этой группой прежде всего стоит отнести административную несогласованность в деятельности со стороны РФ при реализации проектов по уменьшению угрозы, например, из-за того, что 11 российских учреждений и ведомств не могут скоординировать свои действия и выработать единые экологические нормативы, регулирующие сброс очищенной воды, где содержится тритий, баржа «Ландыш» не в состоянии работать на полную мощность⁶³.

Или, к примеру, в самом начале реализации проекта по строительству все той же баржи «Ландыш» (1993–1994 гг.) Япония предлагала стационарный (наземный) вариант временного хранилища и завода по переработке жидких низкоактивных отходов, и феде-

ральные российские власти были с этим согласны. Однако местная администрация и жители не поддержали эту идею, и было принято решение о строительстве плавучего завода. Подобная несогласованность в политике федерального и регионального уровней власти задержала реализацию проекта на пять месяцев.

Важно отметить, что Япония со своей стороны признает, что не имеет достаточного опыта в деле денуклеаризации. По этому поводу японский представитель на Конференции по проблемам Глобального партнерства (20 января 2003 г., Лондон) предложил странам, оказывающим помощь России, ввести практику обмена соответствующим опытом, чтобы избежать дублирования помощи и сделать ее более эффективной⁶⁴.

Второй период в российско-японском сотрудничестве по программе Глобального партнерства только начинается, но хочется надеяться, что саммит «Большой восьмерки» в Кананаскисе, проходивший в июне 2002 г., и российско-японский саммит в Москве, состоявшийся в январе 2003 г., выведут двусторонние отношения на качественно новый уровень, и станет реальной возможность осуществления ранее заявленных и даже некоторых начатых проектов.

В рамках программы Глобального партнерства против распространения ОМУ в российско-японском сотрудничестве наметилась определенная специализация. Япония с самого начала оказания помощи России избрала для себя приоритетные направления в этом процессе и обеспечивает их финансирование. Среди этих направлений:

- ☐ утилизация многоцелевых подводных лодок, в первую очередь тех, техническое состояние которых создает угрозу экологической обстановке на Дальнем Востоке России, что, в свою очередь, влечет за собой негативные экономические последствия;
- ☐ обращение с ОЯТ, запасы которого уже сейчас исчисляются тысячами тонн и которого появится еще больше по мере интенсификации работ по утилизации АПЛ. В этой связи Япония предлагает увеличить количество временных хранилищ ОЯТ и одновременно усилить контроль над уже существующими хранилищами. Также необходимы контейнеры для железнодорожной транспортировки радиоактивных отходов на ПО «Маяк»;
- ☐ научно-исследовательские и практические работы по утилизации оружейного плутония.

Япония как страна, не обладающая ядерным оружием, но пострадавшая от его применения, рассматривает программу Глобального партнерства в качестве важного направления своей внешней политики.

Целями своего участия в рамках Глобального партнерства Япония считает упрочнение международного режима нераспространения оружия и материалов массового уничтожения, обеспечение военной, экологической и экономической безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе, а также развитие и налаживание двустороннего российско-японского диалога для достижения прогресса по проблеме заключения мирного договора и вопросу о спорных территориях.

Россия же, как страна, принимающая помощь, несет большую ответственность по созданию всех необходимых условий для ее успешной реализации. Это будет способствовать не только глобальной безопасности в целом, но и, в первую очередь, безопасности самой России.

Примечания

¹ Автор выражает признательность МИД РФ и Посольству Японии в России за содействие в подготовке материала. Однако это не означает, что они разделяют ту или иную точку зрения автора.

² Московская декларация об установлении созидательного партнерства между Японией и Россией. http://vff-s.narod.ru/kur/his/k_is04.html.

³ Там же.

¹ Японская декларация о японо-российских отношениях. <http://www.ln.mid.ru/ns-1999-01-10/00007937ae580ae432569e7004199c2/case5fa593fc7eb443256b2700270340?OpenDocumen>.

² Сотрудничество во имя глобальной безопасности. Под ред. Ю.Е. Федорова. *Научные Записки ПИР-Центра: национальная и глобальная безопасность*. 2002. №1 (19).

³ Там же.

⁴ Меморандум о развитии сотрудничества между Правительством Японии и Правительством РФ в области содействия разоружению, нераспространению и утилизации ядерных вооружений, подлежащих сокращению в РФ. <http://www.khabarovsk.ru.emb-japan.go.jp/jprdv/putinvisitdocs.htm#11>.

⁵ Заявление лидеров «Восьмерки». Глобальное партнерство «Большой восьмерки» против распространения оружия и материалов массового уничтожения.

⁶ Речь премьер-министра Японии Д. Коидзуми на Международной конференции «Ядерный век: наука и общество» в РНЦ «Курчатовский Институт». http://www.embjapan.ru/jrg/koizumi_kurchatov.html. 2003, 11 января.

⁷ Там же.

⁸ Российско-японский план действий. <http://www.president.kremlin.ru/text/docs/2003/01/23037.shtml>.

⁹ Там же.

¹⁰ Бабаева С. Россия и Япония впервые предприняли попытку стать стратегическими партнерами. <http://main.izvestia.ru/politic/13-01-03/article28642>.

¹¹ Ежегодный доклад Группы старших должностных лиц «Группы восьми» «Глобальное партнерство против распространения оружия и материалов массового уничтожения», Эвиан, 1–3 июня 2003 г.

¹² Таблица составлена по материалам Protecting Against the Spread of Nuclear, Biological and Chemical Weapons. An Action Agenda for the Global Partnership. Vol.3: International Responses. P.113; <http://main.izvestia.ru/politic/13-01-03/article28642>; <http://www.japantimes.co.jp/cgi-bin/getarticle.pl5?nn20020628a2html>.

¹³ Довгуша В., Тихонов М. О потенциальной ядерной и радиационной опасности при комплексной утилизации АПЛ и судов с ЯЭУ. *Бюллетень по Атомной Энергии*. 2002. №2.

¹⁴ Калинина Н.И. Выступление на заседании Экспертно-консультативного совета Центра политических исследований в России (ПИР-Центра) на тему «Глобальное партнерство: навстречу Эвиану». Москва. 2003, 8 апреля.

¹⁵ Наука и безопасность в России. М.: Наука, 2000.

¹⁶ RANSAC Nuclear News сообщает о двух случаях затопления АПЛ – в 1997 и 1999 гг. Тогда силами ВМФ РФ лодки были подняты со дна. ВМФ сообщил, что никакого вреда этим инцидентом нанесено не было.

¹⁷ Сравните, например, данные на сайте <http://www.bellona.no/ru/international/russia/navy/pacific/general/26645html> и в Сотрудничество во имя глобальной безопасности. Под ред. Ю.Е. Федорова. *Научные Записки ПИР-Центра: национальная и глобальная безопасность*. 2002. №1 (19)..

¹⁸ RANSAC Nuclear News. 2003, January 21.

¹⁹ Проблема жидких радиоактивных отходов ВМФ остается нерешенной, <http://www.bellona.no>.

²⁰ Russia: Spent Fuel and Radioactive Waste. <http://www.nti.org/db/nisprofs/russia/naval/waste/wasteovr.htm>.

²¹ Чернышев А. Утилизацию атомных субмарин замкнули в полный цикл. *Коммерсант*. 2003, 14 апреля.

²² Семин В. О международном финансовом и техническом содействии РФ в области укрепления режима нераспространения. *Ядерный Контроль*. 2001. №5, сентябрь–октябрь. С. 65.

²³ Цит. по: RANSAC Nuclear News. 2003, January 21.

²⁴ Проблема утилизации АПЛ рассматривалась в Государственной Думе. http://www.minatom.ru/presscenter/document/atompress/2002/full_text/02_12_1.htm.

- ²⁸ Japan-Russian Federation Joint Efforts for Disarmament and Environmental Protection. New Initiative by the Government of Japan in the Areas of Assistance for Denuclearization, Disarmament and Non-proliferation. <http://www.mofa.go.jp/region/europe/russia/fmv9905/joint.htm>.
- ²⁹ Digges C. Japan Confirms It Will Move Forward in Far East Sub Dismantlement. <http://www.bellona.no>.
- ³⁰ Russia: Landysh Liquid Radioactive Waste Treatment Plant. <http://www.nti.org/db/nisprofs/russia/naval/nucflt/pacflt/landysh.htm>.
- ³¹ Ibid.
- ³² Protecting Against the Spread of Nuclear, Biological and Chemical Weapons. An Action Agenda for the Global Partnership. Vol.3: International Responses. P.114.
- ³³ Russia: Landysh Liquid Radioactive Waste Treatment Plant. <http://www.nti.org/db/nisprofs/russia/naval/nucflt/pacflt/landysh.htm>.
- ³⁴ О других технических и финансовых недостатках проекта «Ландыш» см. Литовкин Д. Программа совместного уменьшения угрозы: оценка эффективности и перспективы развития. *Научные Записки ПИР-Цentra*. Под ред. И. А. Сафранчука. 2000. №13.
- ³⁵ Калинина Н.И. Выступление на заседании Экспертно-консультативного совета Центра политических исследований в России (ПИР-Цentra) на тему «Глобальное партнерство: навстречу Эвиану». Москва, 2003, 8 апреля.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ *Росбизнесконсалтинг*. 2003, 8 июня.
- ³⁸ Protecting Against the Spread of Nuclear, Biological and Chemical Weapons. An Action Agenda for the Global Partnership. Vol.3. P.117.
- ³⁹ <http://www.ransac.org/new-web-site/pub/newclearnews/07.18.02.html>.
- ⁴⁰ Japan-Russia Joint Research for Processing Plutonium Resulting from Dismantling Nuclear weapons. <http://www.mext.go.jp/english/news/1999/05/990509/hm>.
- ⁴¹ Договор о нераспространении ядерного оружия. Проблемы продления (Открытый доклад СВР за 1995 год). <http://svr.gov.ru/material/4-japan.html>.
- ⁴² Японцы не согласны с атомной политикой правительства. <http://www.japantoday.ru/arch/news/0105/28.html>.
- ⁴³ Там же.
- ⁴⁴ Информация предоставлена Посольством Японии в РФ по запросу автора.
- ⁴⁵ Russia: International Assistance Programs: Japan. <http://www.nti.org/db/nisprofs/russia/forasst/intnatl/japan.htm>.
- ⁴⁶ Соглашение об учреждении Международного научно-технического центра, <http://www.istc.ru/istc/website.nsf/fm/z01Agreement>.
- ⁴⁷ Russia: International Science and Technology Center. <http://www.nti.org/db/nisprofs/russia/forasst/otherusg/istc.htm>.
- ⁴⁸ Ibid.
- ⁴⁹ <http://www.istc.ru/istc/website.nsf/fc/Activity+Summary+Ru>.
- ⁵⁰ Там же.
- ⁵¹ Там же.
- ⁵² Выступление посла Японии в России на Конференции «Россия в Большой восьмерке». 2003, 11 апреля.
- ⁵³ Здесь и далее информация об участии Японии в МНТЦ предоставлена Секретариатом МНТЦ в Москве по запросу автора.
- ⁵⁴ Например, участие японской стороны в строительстве хранилищ в Томске или же подобный проект на ПО «Маяк».

- ⁴ Токийская декларация о японо-российских отношениях. <http://www.in.mid.ru/ns-rasia.nsf/1083b7937ae580ae432569e7004199c2/cace5fa593fc7eb443256b2700270340?OpenDocument>.
- ⁵ Сотрудничество во имя глобальной безопасности. Под ред. Ю.Е. Федорова. *Научные Записки ПИР-Центра: национальная и глобальная безопасность*. 2002. №1 (19).
- ⁶ Там же.
- ⁷ Меморандум о развитии сотрудничества между Правительством Японии и Правительством РФ в области содействия разоружению, нераспространению и утилизации ядерных вооружений, подлежащих сокращению в РФ. <http://www.khabarovsk.ru.emb-japan.go.jp/jprdv/putinvisitdocs.htm#11>.
- ⁸ Заявление лидеров «Восьмерки». Глобальное партнерство «Большой восьмерки» против распространения оружия и материалов массового уничтожения.
- ⁹ Речь премьер-министра Японии Д. Коидзуми на Международной конференции «Ядерный век: наука и общество» в РНЦ «Курчатовский Институт». http://www.embjapan.ru/jrr/koizumi_kurchatov.html. 2003, 11 января.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Российско-японский план действий. <http://www.president.kremlin.ru/text/docs/2003/01/23037.shtml>.
- ¹² Там же.
- ¹³ Бабаева С. Россия и Япония впервые предприняли попытку стать стратегическими партнерами. <http://main.izvestia.ru/politic/13-01-03/article28642>.
- ¹⁴ Ежегодный доклад Группы старших должностных лиц «Группы восьми» «Глобальное партнерство против распространения оружия и материалов массового уничтожения», Эвиан, 1–3 июня 2003 г.
- ¹⁵ Таблица составлена по материалам Protecting Against the Spread of Nuclear, Biological and Chemical Weapons. An Action Agenda for the Global Partnership. Vol.3: International Responses. P.113; <http://main.izvestia.ru/politic/13-01-03/article28642>; <http://www.japantimes.co.jp/cgi-bin/getarticle.pl5?nn20020628a2html>.
- ¹⁶ Довгуша В., Тихонов М. О потенциальной ядерной и радиационной опасности при комплексной утилизации АПЛ и судов с ЯЭУ. *Бюллетень по Атомной Энергии*. 2002. №2.
- ¹⁷ Калинина Н.И. Выступление на заседании Экспертно-консультативного совета Центра политических исследований в России (ПИР-Центра) на тему «Глобальное партнерство: навстречу Эвиану». Москва. 2003, 8 апреля.
- ¹⁸ Наука и безопасность в России. М.: Наука, 2000.
- ¹⁹ RANSAC Nuclear News сообщает о двух случаях затопления АПЛ – в 1997 и 1999 гг. Тогда силами ВМФ РФ лодки были подняты со дна. ВМФ сообщил, что никакого вреда этим инцидентом нанесено не было.
- ²⁰ Сравните, например, данные на сайте <http://www.bellona.no/ru/international/russia/navy/pacific/general/26645html> и в Сотрудничество во имя глобальной безопасности. Под ред. Ю.Е. Федорова. *Научные Записки ПИР-Центра: национальная и глобальная безопасность*. 2002. №1 (19)..
- ²¹ RANSAC Nuclear News. 2003, January 21.
- ²² Проблема жидких радиоактивных отходов ВМФ остается нерешенной, <http://www.bellona.no>.
- ²³ Russia: Spent Fuel and Radioactive Waste. <http://www.nti.org/db/nisprofs/russia/naval/waste/wasteovr.htm>.
- ²⁴ Чернышев А. Утилизацию атомных субмарин замкнули в полный цикл. *Коммерсант*. 2003, 14 апреля.
- ²⁵ Семин В. О международном финансовом и техническом содействии РФ в области укрепления режима нераспространения. *Ядерный Контроль*. 2001. №5, сентябрь–октябрь. С. 65.
- ²⁶ Цит. по: RANSAC Nuclear News. 2003, January 21.
- ²⁷ Проблема утилизации АПЛ рассматривалась в Государственной Думе. http://www.minatom.ru/presscenter/document/atompress/2002/full_text/02_12_1.htm.

- 28 Japan-Russian Federation Joint Efforts for Disarmament and Environmental Protection. New Initiative by the Government of Japan in the Areas of Assistance for Denuclearization, Disarmament and Non-proliferation. <http://www.mofa.go.jp/region/europe/russia/fmv9905/joint.htm>.
- 29 Digges C. Japan Confirms It Will Move Forward in Far East Sub Dismantlement. <http://www.bellona.no>.
- 30 Russia: Landysh Liquid Radioactive Waste Treatment Plant. <http://www.nti.org/db/nisprofs/russia/naval/nucflt/pacflt/landysh.htm>.
- 31 Ibid.
- 32 Protecting Against the Spread of Nuclear, Biological and Chemical Weapons. An Action Agenda for the Global Partnership. Vol.3: International Responses. P.114.
- 33 Russia: Landysh Liquid Radioactive Waste Treatment Plant. <http://www.nti.org/db/nisprofs/russia/naval/nucflt/pacflt/landysh.htm>.
- 34 О других технических и финансовых недостатках проекта «Ландыш» см. Литовкин Д. Программа совместного уменьшения угрозы: оценка эффективности и перспективы развития. *Научные Записки ПИР-Цentra*. Под ред. И. А. Сафранчука. 2000. №13.
- 35 Калинина Н.И. Выступление на заседании Экспертно-консультативного совета Центра политических исследований в России (ПИР-Цentra) на тему «Глобальное партнерство: навстречу Эвиану». Москва, 2003, 8 апреля.
- 36 Там же.
- 37 *Росбизнесконсалтинг*. 2003, 8 июня.
- 38 Protecting Against the Spread of Nuclear, Biological and Chemical Weapons. An Action Agenda for the Global Partnership. Vol.3. P.117.
- 39 <http://www.ransac.org/new-web-site/pub/newclearnews/07.18.02.html>.
- 40 Japan-Russia Joint Research for Processing Plutonium Resulting from Dismantling Nuclear weapons. <http://www.mext.go.jp/english/news/1999/05/990509/htm>.
- 41 Договор о нераспространении ядерного оружия. Проблемы продления (Открытый доклад СВР за 1995 год). <http://svr.gov.ru/material/4-japan.html>.
- 42 Японцы не согласны с атомной политикой правительства. <http://www.japantoday.ru/arch/news/0105/28.html>.
- 43 Там же.
- 44 Информация предоставлена Посольством Японии в РФ по запросу автора.
- 45 Russia: International Assistance Programs: Japan. <http://www.nti.org/db/nisprofs/russia/forasst/intnatl/japan.htm>.
- 46 Соглашение об учреждении Международного научно-технического центра, <http://www.istc.ru/istc/website.nsf/fm/z01Agreement>.
- 47 Russia: International Science and Technology Center. <http://www.nti.org/db/nisprofs/russia/forasst/otherusg/istc.htm>.
- 48 Ibid.
- 49 <http://www.istc.ru/istc/website.nsf/fc/Activity+Summary+Ru>.
- 50 Там же.
- 51 Там же.
- 52 Выступление посла Японии в России на Конференции «Россия в Большой восьмерке». 2003, 11 апреля.
- 53 Здесь и далее информация об участии Японии в МНТЦ предоставлена Секретариатом МНТЦ в Москве по запросу автора.
- 54 Например, участие японской стороны в строительстве хранилищ в Томске или же подобный проект на ПО «Маяк».

⁵⁵ Цит. по: Ромашкина Н.П. Об утилизации судов и кораблей с ядерными энергетическими установками / Некоторые аспекты международного содействия российским программам по разоружению. В Сб.: Некоторые аспекты международного содействия российским программам по разоружению. М.: ИМЭМО РАН, 2002.

⁵⁶ Соглашение между правительством Японии и правительством РФ о сотрудничестве в целях содействия в области ликвидации подлежащего сокращению в РФ ядерного оружия и создании Комитета по сотрудничеству в этих целях. http://www.tecsec.org/Russia_n/kyotei.htm.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Подробнее о налоговых льготах по программе СУУ см. Ковчегин Д.А. Налогообложение средств, выделяемых в рамках российско-американского сотрудничества в области нераспространения. *Ядерный Контроль*. 2002. №6, ноябрь-декабрь. С. 52-66.

⁵⁹ Соглашение между правительством Японии и правительством РФ о сотрудничестве в целях содействия в области ликвидации подлежащего сокращению в РФ ядерного оружия и создании Комитета по сотрудничеству в этих целях, <http://www.tecsec.org>.

⁶⁰ Кузнецов А. Разоружение России: за деньги, зато под присмотром. <http://www.seu.ru/members/ucs/chemwar/400.htm>.

⁶¹ Кудрик И. Григорий Пасько на свободе. <http://www.bellona.no/ru/international/russia/enviroirights/pasko/28026.html>.

⁶² Digges C. Japan Confirms It Will Move Forward in Far East Sub Dismantlement. <http://www.bellona.no>.

⁶³ Цит. по: Protecting Against the Spread of Nuclear, Biological and Chemical Weapons. An Action Agenda for the Global Partnership. Vol.3: International Responses. P.119.

⁶⁴ Ibid. P. 120.

Выдающийся «атомный» разведчик Владимир Борисович Барковский не дожил до своего 90-летия всего чуть более двух месяцев. Ядерный Контроль публикует воспоминания о нем ветеранов Службы внешней разведки.

«Ядерный пасьянс. Более полувека тому назад его блестяще разыграли советские разведчики», «Атомная бомба из английского сейфа», «Человек редкой профессии: он похищал атомные бомбы», «Легенда разведки» – под такими броскими заголовками российская пресса публиковала в последние годы интервью и беседы с этим скромным человеком, сыгравшим не последнюю роль в создании Советским Союзом атомной бомбы, за что он был удостоен высокого звания Героя России.

Судьба разведчика – быть в тени. Привыкшие к конспирации люди, надолго после того как они перестают заниматься непосредственно работой, сохраняют свою сдержанность, немногословность. Также сдержанны и немногословны их официальные жизнеописания.

Читаем строки из биографии В.Б. Барковского: «[...] После окончания Московского станкостроительного института был призван на работу в разведку и после подготовки направлен в Англию в качестве оперативного сотрудника. Находясь за рубежом, приобрел ряд источников, от которых стал получать ценную информацию, имевшую большое значение для укрепления безопасности нашей страны. В частности, были приобретены ценные работы по атомному оружию, радиолокации, реактивным двигателям и другим направлениям развития военной мысли»¹.

В нескольких строках биографии уместилась долгая трудовая жизнь человека, чье имя стало легендой при жизни, а за «приобретением ряда источников» скрывается вербовка десятков агентов по обе стороны Атлантики и получение ценнейшей разведывательной информации.

Но обо всем по порядку. Вернемся к биографии. Владимир Борисович Барковский родился 16 октября 1913 г. в городе Белгород Курской губернии в семье служащих. После окончания в 1930 г. средней школы работал слесарем на заводе и одновременно учился на рабфаке. В 1934 г. стал студентом Московского станкоинструментального института. Как и многие юноши тех лет, увлекался планерным и парашютным спортом, умел стрелять, водил мотоцикл. Мечтал о военной авиации, окончил летную школу Осоавиахима и был приписан как пилот запаса к истребительному полку ПВО Москвы.

Казалось, будущее Владимира уже приобрело конкретные очертания. Однако по окончании в 1939 г. института с отличием и получения специальности инженера механика-конструктора, неожиданно был призван на службу в органы государственной безопасности. Вот как он сам вспоминает об этом повороте в своей жизни:

«В 1939-м году, в марте, меня неожиданно вызвали в ЦК. Не сказали, что и зачем. Пришел я туда. А там еще полсотни таких же ничего не понимающих ребят. Побеседовали с нами, раздали анкеты, собрали анкеты и отпустили, так ничего толком и не сказав. Потом, где-то в мае, у нас в общежитии появляется какой-то человек и говорит:

«Завтра в 3 часа ночи будьте у входа в НКВД». Сами понимаете мои ощущения. Ночью в НКВД...

Ночью я туда пришел. Внутри, в приемной, все те же, что были в ЦК. Но ничего в ту ночь не вышло. И ходил я в НКВД в течение трех ночей. В конце концов, вышел тот же самый человек и сказал, что, мол, поздравляю, отныне вы – работники органов госбезопасности. Идите теперь, а когда будет надо, вас вызовут. 20 июня опять пришел тот же человек и сказал, что завтра приходите на свидание в район планетария. При себе иметь кружку, ложку, белье и прочее.

Когда я пришел, нас посадили в закрытую машину и повезли куда-то. Через некоторое время стало слышно, как хлещут ветки по бортам машины. «Значит, в лесу», – подумал я. Действительно, приехали куда-то. Железный забор, двухэтажный деревянный дом и кругом лес. Как оказалось, это был один из объектов Школы особого назначения. Но и тут вначале было все непонятно. Потом, через несколько дней, приехало начальство и сказало мне: «Отныне забудьте, что вы инженер. Теперь вы – только разведчик». На моем объекте обучалось 18 человек, четыре языковые группы – по 4–5 слушателей в каждой... Вскоре мы поняли, что нас принялись резко подгонять. Целый ряд предметов был снят, и засели мы только за язык. Занимались совершенно зверски. Каждый день по шесть часов английского с преподавателем плюс три-четыре часа на домашние задания... Я совершенно исчез из поля зрения друзей. Они уже начали думать, что меня посадили»².

В то время Владимир Борисович еще не знал, что скрывается за такой спешкой. В 1939 г. нарком НКВД Л.П. Берия отозвал из-за границы ряд резидентов и квалифицированных опытных разведчиков, которые затем были расстреляны или осуждены на длительные сроки заключения. Оставшись без надежных источников информации в период, когда у порога стояла война, высшее политическое руководство страны забило тревогу, и было принято решение об ускоренной подготовке кадров.

Вот почему сразу по окончании, через год учебы в спецшколе, Владимир Борисович был определен на работу в английское отделение Иностранного отдела НКВД, т.е. внешней разведки, и начал подготовку к работе в лондонской резидентуре. К этому времени резидентура оказалась практически без оперативных работников. Остался один лишь резидент, работавший за всех – и за разведчика, и за переводчика, и за шифровальщика, и за бухгалтера. Месяц стажировки в МИД – и в ноябре 1940 г. Барковский выехал в Лондон. «С каждым отъезжающим, – вспоминает Владимир Борисович, – разговаривал лично и инструктировал Молотов. Он рассказывал об обстановке в стране, куда нас направляли, о проблемах внешней политики и тому подобных вопросах. Кроме того, давал некоторые полезные советы. Так, например, он сказал мне, что Англия издавна враждебна СССР и что друзей у нас там очень мало. Как оказалось впоследствии, он был не совсем прав. Вообще же все это говорилось очень сухо. Молотов ведь был человек достаточно сдержанный, не проявляющий эмоций внешне. Беседа длилась минут тридцать-сорок»³.

Путь в Лондон оказался долгим. В Европе шла война, и в Англию можно было попасть только окружным путем через Японию, Гавайские острова, США. Только через 74 дня, в начале февраля 1941 г., Владимир Борисович добрался до столицы Англии. Учитывая сложную обстановку в резидентуре, в работу надо было включаться с ходу. Тут-то и пригодилось Барковскому его образование инженера вопреки предсказанию безымянного начальника спецшколы о том, что разведчику надо забыть, что он инженер. Резидент поручил ему вести в резидентуре научно-техническое направление. Он должен был отслеживать и оценивать достижения английской науки и техники, используемые, в частности, для создания новейших видов вооружения.

Работу пришлось начинать с нуля, восстанавливать утерянные резидентурой связи, искать и заводить новые. В этом Барковскому помогало его техническое образование. Он устанавливал контакты в среде научно-технической интеллигенции, появились помощники, располагавшие сведениями из первых рук. «Когда принимал на связь первого человека, – вспоминает Барковский, – то знал: он радиоинженер. Но как вести себя с ним, как наладить контакт? А мы сразу нашли друг друга. Он представления не имел, кто я и о чем собираюсь просить. Рассказал мне: у нас в Королевском морском флоте создана специальная антимагнитная система для защиты судов от немецких мин. Перед вами встанет такая же проблема, и я принес подробную информацию, как это делается, из каких материалов. А вот схемы, чертежи...»⁴

Действительно, советские корабли подрывались на гитлеровских донных минах, а английский Королевский флот располагал оригинальными средствами защиты от них, однако скрывал их от союзника на Востоке. Аналогичная ситуация была и с радиолокацией. Хотя в СССР были перспективные разработки, но наладить массовый выпуск новой аппаратуры к началу войны не успели. Это было первой удачей Барковского, и первую правительственную награду – орден «Знак Почета» – он получил фактически за спасение жизней тысяч советских моряков.

За этим агентом последовали другие, стал накапливаться опыт работы в сложных условиях. Лондонская резидентура стала первой в разведывании проблем создания атомного оружия, процесс создания которого можно считать целой эпохой в научно-технической разведке. У истоков этой эпохи стоял молодой лейтенант разведки Владимир Борисович Барковский. Вот как он описывает разворачивавшиеся тогда события:

«Решение начать активную разведывательную политику в сфере разработки и создания атомного оружия было принято как минимум по трем причинам.

Во-первых, научно-техническая разведка (НТР) как часть разведки и была создана с целью сбора информации. Открытие немецкими физиками деления ядра U-235 не прошло мимо ока советской разведки.

Во-вторых, конкуренция в научно-технической сфере усиливается во время войны, когда стороны постоянно ищут новые технические решения, которые бы принесли им победу.

В-третьих, близилась война с Германией. В этой стране была сильная школа по изучению физических процессов, и в тот момент угроза создания немецкими физиками атомной бомбы казалась вполне реальной.

Но последним фактором, заставившим всерьез обратить на эту сферу внимание, явились собственные успехи. В 1940 г. советские физики Флеров и Петржак открыли феномен спонтанного деления ядра U-235, а другие два физика – Харитон и Зельдович – вычислили энергию от такого распада. Исходя из сложившейся ситуации руководство НТР принимает решение активизировать работу по этой тематике и рассылает приказ по иностранным резидентурам начать сбор информации в этой сфере. Приказ пришел в Лондон очень своевременно, т.к. в 1941 году решение о разработке атомной бомбы в Англии перешло в фазу практического воплощения. Наша лондонская резидентура стала, таким образом, пионером в поставке соответствующей информации в СССР»⁵.

В один из сентябрьских дней 1941 г. Барковский засиделся в резидентуре допоздна и настолько увлекся работой, что не заметил, как в комнату вошел резидент. В руках у него была пачка документов, которые он передал Владимиру Борисовичу, дав указание ознакомиться и высказать свое мнение. Вскоре Барковский доложил: по всей видимости, речь идет о путях использования атомной энергии для военных целей. «В этих документах много непонятных для меня специальных терминов и цифрового материала». «Ты инженер, вот и разберись со всеми этими материалами и подготовь обзорную шифровку для Центра», – распорядился резидент.

Потратив всю ночь на перевод и осмысление полученного документа, Барковский к утру подготовил требуемый обзор. В руки разведки попал подробный секретный доклад Уранового комитета премьер-министру Великобритании Уинстону Черчиллю о возможности создания атомной бомбы. В нем содержались сведения о ее первичной конструкции

и способах производства необходимого для нее U-235, а также о привлечении к ее разработке университетских и промышленных центров Англии. Фотокопия доклада Уранового комитета была направлена дипломатической почтой в Москву, а пока она шла, в Центр направлялись шифртелеграммы с особо важными выдержками из доклада:

«... Урановая бомба вполне может быть разработана в течение двух лет, в особенности, если фирму «Империял кемикал индастрис» обяжут сделать ее в наиболее сокращенные сроки...»

«Комитетом начальников штабов на своем совещании, состоявшемся 20 сентября 1941 г., было вынесено решение о немедленном начале строительства в Англии завода по изготовлению урановых бомб...»

«... Помимо огромного разрушительного эффекта урановой бомбы, воздух на месте ее взрыва будет насыщен радиоактивными частицами, способными умерщвлять все живое, что попадет под воздействие этих частиц...»

«То было наше первое соприкосновение с атомной проблематикой, – вспоминает Барковский. – Должен признаться, я тогда не отдавал отчета, с чем мы имеем дело. Для меня это была обычная техническая информация, как, скажем, радиолокация или реактивная авиация. Потом, когда я в проблему влез как следует и уже появились у меня специализированные источники, я стал понимать, что значение этих разведматериалов для отечественной науки и обороноспособности страны трудно переоценить»⁶.

В Москве информация была доложена Берии, который однако, не мог поверить, что его разведчики в самом деле добыли столь секретный документ. Он посчитал его немецкой дезинформацией и подрывной акцией. Тем не менее, он согласился направить его на отзыв в 4-ый отдел НКВД. По оценке Барковского, это был «крупнейший исследовательский и научный центр. То, что потом называли, к сожалению, шарашкой. Хотя это не соответствует действительности. Все-таки это были лучшие лаборатории в Союзе... Кто там написал отзыв, я не знаю. Но в отзыве было сказано, что в принципе создание атомного оружия возможно, но это будет не скоро. Такой отзыв укрепил Берия в неверии к ценности сведений, содержащихся в документах. Документы были положены под сукно»⁷.

Лондонский резидент был уверен в надежности агента, от которого он получил документ Уранового комитета. Однако агент не был научным работником или специалистом, и поэтому возникла острая необходимость создания компетентной специализированной агентурной сети, нацеленной исключительно на освещение важнейших аспектов атомной программы, засекреченной англичанами под кодовым названием «Tube Alloys» («Сплав для труб»). В разведке, как и в жизни, бывают случаи везения: среди контактов резидента оказался научный сотрудник, к которому обратился его друг с просьбой помочь установить связь с кем-либо из работников полпредства СССР, чтобы проинформировать о начавшихся в Англии исследованиях по созданию атомной бомбы. При ознакомительной беседе с «доброжелателем» от него был получен обзорный доклад, существенно расширивший представление о состоянии разработок по урановой тематике в Великобритании.

После получения в резидентуре директивы Центра по приобретению новых источников информации по атомной тематике Барковский решил тщательно пересмотреть свои личные контакты и контакты агентуры и в результате вышел на инженера-физика одного из английских университетов, который входил в состав Уранового комитета и являлся участником атомного проекта. И вскоре им была осуществлена вербовка этого человека, который дал много полезной информации по атомной тематике. Однажды, передавая Владимиру материалы о мощном генераторе высокочастотных электромагнитных колебаний – магнетроне, агент заметил: «Между прочим, при его создании были использованы идеи ваших ученых, опубликованные в тридцатые годы в одном из советских научно-технических журналов».

В том же 1942 году Барковский начал работать по атомной проблеме с агентом «Спином» и на первой же встрече попал в неудобное положение. Объясняя Владимиру принцип захвата нейтронов ядрами U-235, «Спин» вдруг прервал разговор и сказал:

- Судя по вашей реакции, вы почти ничего не поняли из того, что я рассказываю.
- Так оно и есть на самом деле.
- А как в таком случае вы думаете общаться со мной дальше?

Владимир пытался выйти из положения:

- А я буду передавать вам вопросы наших ученых, вам же останется только отвечать на них.
- Нет, так дело не пойдет. Я хочу видеть в Вашем лице человека, который понимает хоть что-то из того, что я вам сообщаю, и может участвовать в совместном обсуждении⁸.

«Спин» посоветовал Владимиру посетить магазин технической книги на Стрэнде, купить американский учебник прикладной ядерной физики и изучить изложенные в нем сведения. Совет был дельный, Владимир засел за учебник и скоро мог вести беседы с агентурой на достаточно профессиональном уровне.

За небольшой срок лондонской резидентуре удалось добыть и направить в Центр довольно солидный разведывательный материал о работе на Западе над созданием атомной бомбы. «Где-то в начале 1942 года, – вспоминает Барковский, – мы решили написать сообщение Сталину на основе собранной информации. Что атомная бомба реальность, что необходимо активизировать усилия. Ну, решили отправить и отправили. Никакого ответа нами получено не было. Было также известно, что по просьбе уже упоминавшегося физика Флерова в Ленинградском физико-техническом институте прошел представительный семинар с целью обсудить теоретические и практические возможности создания атомного оружия. Однако участники семинара не выработали по итогам своей работы каких-либо конкретных предложений к правительству. Этому есть простое объяснение. Специалисты были заняты насущными вопросами военного времени, кроме того, они были очень хорошо осведомлены об отсутствии промышленной базы, нехватке средств, материалов и квалифицированного персонала.

Надо сказать, такие настроения были характерны и для английской академической элиты. Как справедливо заметил генерал Лесли Гровс, руководитель американского атомного проекта, только европейские физики-эмигранты, которые на себе ощутили, какие блага «новый порядок» может принести человечеству, были убеждены не только в возможности, но и в неотложной необходимости создать атомное оружие.

В Советском Союзе ситуация получила следующее развитие. В феврале 1942 г. под Таганрогом рейдовая группа наших войск захватила немецкого штабного офицера. У него нашли записную книжку, всю усеянную какими-то формулами и непонятными значками. Хорошо, не выбросили. И книжка эта попала в руки известного военного инженера Ильи Григорьевича Старикова, специалиста по взрывному делу. Тот понял интуитивно, что речь идет о какой-то взрывчатке. Отправили записную книжку в Москву. Там она попала в Государственный комитет обороны. Ее изучили. Оказалось, что речь идет о создании некоего сверхмощного взрывного устройства, предположительно атомного.

В конце сентября 1942 г. Сталин собрал совещание. Туда были приглашены известные академики-физики, такие как Капица, Иоффе. Было принято решение форсировать разработку ядерного оружия. И только после этого Берия отправил Сталину наше письмо. Так что недоверчивость Берии привела к тому, что работа над ядерным оружием началась в СССР значительно позже, чем в других странах⁹.

Разведка выступила с предложением о создании специального органа по координации наших научных сил в разработке атомного оружия. В результате в начале 1943 г. руководство страны принимает решение, с которого началась работа над ускоренным развитием «Атомного проекта СССР». В этих целях была создана Лаборатория № 2, руководство которой возложили на выдающегося ученого и организатора науки Игоря Васильевича Курчатова. С этого времени началось тесное сотрудничество между разведкой и лабораторией Курчатова.

Между тем Барковский продолжал в Лондоне работу по поиску все новых источников информации по атомной проблеме. В 1943 г. и в последующие два года он осуществил еще шесть вербовок компетентных помощников, от которых регулярно получал ценную политическую и научно-техническую информацию по атомному оружию и ядерной физике, радиолокации и реактивной технике, электронике и химическому машиностроению.

В том же 1943 г. Барковский, как наиболее опытный сотрудник, принял участие в сложной и ответственной операции по выемке секретных документов по атомной бомбе из сейфа руководителя одного из научно-производственных центров Уранового комитета. Сложность операции состояла в том, что ее требовалось осуществить в чрезвычайно сжатые сроки. Агент, имевший доступ к сейфу, мог изъять и передать документы только во время обеденного перерыва. С учетом этого был составлен план операции и распределены роли ее участников. Сотрудник, получивший от агента документы, передал их Барковскому, который доставил их на машине в резидентуру. После перефотографирования документы по той же цепочке были возвращены агенту. Во время следования по городу с документами Барковского в качестве водителя подстраховывал резидент. Операция была проведена успешно.

В марте 1943 г. И.В. Курчатов доложил Совету Народных Комиссаров СССР, что материалы по разработке атомной бомбы, полученные от разведки, имеют огромное значение для государства и науки. Они дали возможность получить весьма важные ориентиры для наших исследований и обойти многие весьма трудоемкие фазы разработки. Эта компетентная оценка дает четкий ответ на иногда высказывавшееся мнение, будто советские ученые просто скопировали разработанную американцами атомную бомбу.

Сам Барковский с присущей ему скромностью всегда возражал против утверждения, что атомную бомбу создала разведка, называя это несправедливым. «Наши ученые, – говорит он, – стояли на своих ногах. Не разведка создала атомную бомбу. Если бы в Советском Союзе не было того интеллектуального, научно-технического потенциала ресурсов, то что бы разведка ни делала, какие бы секреты ни доставала, все бы осталось нереализованным. Атомную бомбу создали прежде всего ученые, страна. Разведка просто помогла это ускорить, что было тогда бесконечно важно»¹⁰. Оценивая годы своей работы, Барковский никогда не употреблял слова «подвиг», о своей деятельности говорил просто как о работе.

«Часто мне задают вопрос, – рассказывал Барковский в одном из интервью, – что двигало агентами, почему они изъявляли желание работать с нами? Подозревается некоторая материальная заинтересованность. Так вот, такой заинтересованности не было. Все наши агенты из местного населения были коммунистами и антифашистами. То есть двигали ими мотивы высшего порядка, а не простая жажда наживы. Наши агенты никогда не брали денег. Был, например, случай, что мы хотели оплатить им транспортные расходы, но они отказывались. Как-то раз один из агентов доставил нам ценнейшие сведения по радиолокации. При этом никаких денег он не брал. Ни за что. Максимум того, что он позволял мне, – угостить его кружкой-другой пива. Но тут сведения были уж очень ценные, и мы стали думать, как бы его отблагодарить. Ценный подарок? Но как он объяснит окружающим, откуда во время войны у него дорогие вещи? Долго думали и решили устроить парадный обед. Раз он пиво пьет, так, может, и поест не откажется, подумали мы.

Заказали зал в ресторане. Роскошно накрытые столы, все сверкает. И вижу, что он не настроен на приятное времяпровождение, ничего не ест, не пьет. Я спросил его, почему. А он отвечает, что, мол, у вас сейчас идет Сталинградская битва, мы вам даем золото и валюту, а вы эти деньги на меня тратите.

«Однажды, – рассказывал Барковский, – я принял на связь человека, который пришел к нам сам, без всякой вербовки, желая помочь и исправить несправедливость... А несправедливость, по его мнению, заключалась в том, что от русских союзников утаивались очень важные работы оборонного значения».

В одном из интервью Барковского спросили, не опасался ли он провала кого-либо из агентов, который с испуга мог бы его предать. «Мы об этом совсем не думали, – ответил

Владимир Борисович. – Добывать сведения во что бы то ни стало, что-то обязательно делать, на собственную карьеру – плевать. Когда началась война, вообще потеряли счет времени. Больше всего мы беспокоились, чтобы на встречу прийти чистым, чтоб хвост не увязался, – вот была главная забота. Тревога, бомбежка, слезка, а мой английский товарищ приходит в назначенное место, и еще с информацией. Я-то иду потому, что разведчик, я обязан быть, хоть тут трава не расти. А почему приходит он, рискуя всем? Да я его должен прикрывать, как только могу. Это же святые люди»¹³. К сожалению, журналист как в воду глядел. Когда в Канаде в измене родине был уличен шифровальщик военной разведки и во многих странах создавалась атмосфера шпиономании, один из агентов Барковского перепугался, побежал в английскую контрразведку и признался: «Барковский меня завербовал». Но это случилось уже после отъезда Владимира Борисовича из Лондона.

Владимир Борисович проработал в Англии до 1946 г. Незадолго до отъезда резидент ознакомил его с шифротелеграммой из Центра, которую он запомнил на всю жизнь: «Лондон, Ильину. За 1945 год Вами и «Дэном» (под таким псевдонимом Барковский проходил по служебной переписке) проделана большая полезная работа. В полученных от Вас научно-технических информациях около 60% было весьма ценных и ценных. 30% материалов, на которые оценки еще не поступили, в большинстве своем касались атомной энергии и являются безусловно ценными. За последнее время активность контрразведки возросла, и в этих условиях наличие у «Дэна» на связи 17 агентов является ненормальным. Нет необходимости объяснять Вам опасность и неоправданность риска такого положения...»

По возвращении в Центр Барковскому были вручены орден «Знак Почета» и медаль «За победу над фашистской Германией». Вскоре он вновь оказался «на переднем фронте»: назначен заместителем резидента в США по научно-технической линии, и снова атомная тематика. Однако командировка оказалась недлительной: в 1950 г. в связи с серьезным заболеванием жены он получил разрешение выехать домой, в СССР. Перед отъездом он получил из Центра поздравление в связи с награждением Орденом Трудового Красного Знамени за участие в получении информации об атомной бомбе. По возвращении на родину Барковский занимал руководящие должности в Центральном аппарате научно-технической разведки, а в последующем посвятил себя преподавательской деятельности в Академии внешней разведки, получил звание профессора, кандидата исторических наук. В 1984 г. по достижении предельного возраста службы вышел в отставку.

В течение 44 лет службы в разведке Барковский был награжден орденом Красного Знамени, тремя орденами Трудового Красного Знамени, орденами Отечественной войны II степени, Красной Звезды, «Знак Почета» и многими медалями, а также нагрудным знаком «За службу в разведке» за достижения высоких разведывательных результатов. Однако подлинную оценку своей деятельности он получил 15 июня 1996 г., когда Указом президента Российской Федерации ему было присвоено высокое звание Героя России за успешное выполнение специальных заданий по обеспечению государственной безопасности в условиях, сопряженных с риском для жизни, и проявленные при этом героизм и мужество. В ответ на многочисленные поздравления Владимир Борисович сказал тогда: «Для меня такая высокая оценка моего труда явилась полной неожиданностью. Я очень рад и за себя, и за своих товарищей. Мы честно и самоотверженно служили тогда делу защиты национальных интересов Родины»¹⁴.

После выхода на пенсию Барковский продолжал активно работать. Он вел научные исследования, публиковал научные работы в журналах *Наука и Жизнь*, *Вопросы истории, естествознания и техники*, *Энергия* и в других изданиях. Из-под его пера вышло более 40 научных работ по проблемам внешней разведки. Несмотря на свой возраст, Барковский до конца своих дней работал в авторском коллективе документального шеститомного издания «Очерки истории российской внешней разведки».

Владимир Борисович всегда был преисполнен гордости за успехи отечественных ученых в создании атомной бомбы, у истоков которого он стоял во время войны. «Могу утверждать, – говорил он в одном из интервью, – что до взрыва советской атомной бомбы они (он имел в виду западные разведки) не имели ясного представления, что мы эту ра-

боту ведем и где что у нас делается. Предполагать же могли что угодно... Знали, что советская ядерная физика развивается успешно и какие-то намерения в отношении атомного оружия мы тоже имеем. Но они много списывали на войну – трудности, безденежье, некогда русским этим заниматься. Первый наш взрыв 29 августа 1949 г. был трагедией для их политиков и, понятно, разведчиков. По всем статьям проморгали». Сообщая официально в сентябре 1949 г. о раскрытии в СССР секрета атомного оружия, ТАСС подчеркивало, что Советский Союз стоит на позиции безусловного запрещения его применения.

Однако шла холодная война, и советские физики под руководством И.В. Курчатова продолжали свою работу. 12 августа 1953 г. в Советском Союзе был произведен взрыв водородной бомбы. Подобный термоядерный заряд, пригодный для военных целей, в США создали только через полгода. А в 1955 г. была испытана водородная бомба нового образца, гораздо более мощная. Факт ее взрыва потряс даже Курчатова. Он сказал тогда: «Теперь война невозможна. На корпусе каждой водородной бомбы следует нарисовать голубя мира»¹².

Благодаря советским ученым и техникам была обеспечена не только безопасность СССР – они спасли от термоядерной войны человечество. Достоверно известно: на Западе был разработан не один сценарий нападения на Советский Союз – глобальная катастрофа могла бы похоронить цивилизацию. Однако Курчатова верил прежде всего в огромные возможности использования атома в мирных целях. Ему принадлежит крылатая фраза: «Мирный атом – вот наша цель, бомбы – только вынужденная необходимость»¹³.

Примечания

¹ Волков Константин. Легенда разведки. *Россия*. 2001, 11 января.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Barkovsky V. B. Lecture on Soviet World War II atomic espionage, delivered to American military intelligence and atomic weapons officials at the Los Alamos Laboratory. 1994, November. <http://www.bombshell-1.com/archive.htm>

⁵ Чиков Владимир. Бомба, выкраденная из сейфа. *Российские Вести*. 2001, 22 августа.

⁶ Чиков Владимир. Ядерный пасьянс. *Красная Звезда*. 1998, 20 октября.

⁷ Волков Константин. Цит. соч.

⁸ Чиков Владимир. Атомная бомба из английского сейфа. *Парламентская Газета*. 1999, 11 февраля.

⁹ Волков Константин. Цит. соч.

¹⁰ Там же.

¹¹ Чиков Владимир. Ядерный пасьянс. *Красная Звезда*. 1998, 20 октября.

¹² Губарев Владимир. Зернышко истины. *Трибуна*. 1999, 4 ноября.

¹³ Губарев Владимир. Время атомных титанов. *Российские Вести*. 2003, 15–21 января.

Эдвард Теллер

МЕМУАРЫ. ПУТЕШЕСТВИЕ В НАУКУ И ПОЛИТИКУ
В XX ВЕКЕ.

Кембридж, Массачусетс: Персеус,
2001. 628 с.

Edward Teller

MEMOIRS. A TWENTIETH-CENTURY JOURNEY IN SCIENCE
AND POLITICS.

Cambridge, MA, 2001. 628 pp.

Рецензия – Алексей Бухов

Мемуары Эдварда Теллера хронологически охватывают практически весь XX век, начиная с событий Первой мировой войны, ведь родившийся в 1908 г. в Будапеште – второй столице Австро-Венгерской империи – Теллер, будучи маленьким мальчиком, хорошо помнит тревожные события, связанные с сараевским убийством, и что последовало потом – военный пожар, поглотивший всю Европу.

И все же в книге есть главные темы, вокруг которых строится повествование, своего рода контрапункты биографии видного ученого-физика, венгра еврейского происхождения, сыгравшего одну из ведущих ролей в создании американского атомного и особенно водородного оружия. Теллер подробно пишет о периоде своей научной работы в Германии – с 1926 по 1933 г. – где происходило его становление как специалиста в области квантовой механики. Затем, из-за прихода к власти нацистов, следует его постепенный – через Данию и Англию – переезд в США (Теллер стал гражданином этой страны в 1941 г.) и приобщение к программе создания американской атомной бомбы. Кульминацией здесь являются события, связанные с атомной бомбардировкой японских городов Хиросимы и Нагасаки в августе 1945 г. Потом – долгие годы холодной войны с ее безудержным соперничеством в накоплении вооружений, включая сконструированную к этому времени водородную бомбу. Была и полоса военных столкновений и кризисов – Корея, Венгрия, Куба, Вьетнам, Ближний Восток... В недрах холодной войны зародились пути выхода из этого крайне опасного и тупикового состояния международных отношений – переговоры по ограничению и сокращению ядерных вооружений, дискуссии по поводу судьбы Договора по ПРО. И, наконец, события последнего десятилетия XX века – новая эпоха, холодной войны больше нет. Что впереди?

Теллер сообщает много интересных фактов, связанных с событиями каждого из этих временных «узлов», остро подмеченных и пережитых им самим. Например, о дружбе, которая связывала Теллера со Львом Ландау в период их стажировки в Германии и Дании. В ту пору молодой Теллер не полемизировал с прокоммунистическими взглядами Ландау, талант и квалификацию которого он ставил очень высоко. Не смущал его и пиджак красного цвета, в котором щеголял эlegantный Ландау и над которым добродушно посмеивалась супруга Нильса Бора – Маргрете. Арест Ландау в 1939 г. сильно подействовал на Теллера и стал одним из факторов его перехода на позиции, враждебные сталинскому режиму и коммунизму в целом. Роман Артура Кестлера «Полуденный мрак», прочитанный Теллером в 1943 г., когда он уже работал в Лос-Аламосской атомной лаборатории, укрепил его идеологические позиции.

Участие Теллера в американском атомном проекте началось с выполнения роли шофера – в августе 1939 г., откликнувшись на просьбу Лео Сциларда, Теллер (а он, в отличие от Сциларда, был страстным автолюбителем) доставил его в отдаленный район Лонг-Айленда, где находился дом Альберта Эйнштейна. Сцилард показал маститому ученому

текст письма, адресованного президенту Рузвельту. В письме содержался призыв немедленно приступить к широкомасштабным и активным работам по созданию атомного оружия – в противном случае Германия грозила опередить США. Эйнштейн подписал этот документ, и вскоре письмо легло на стол президента.

Итак, вначале «идейной подпоркой» военно-научной деятельности Теллера было убеждение в необходимости противостоять фашистской агрессии. В послевоенные годы таким побудительным мотивом, по признанию Теллера, стал страх перед Советским Союзом. Во имя защиты демократии Теллер настаивал на том, чтобы США никогда не теряли первенства в гонке вооружений.

О том, как дух соперничества проявлялся в реальной жизни, свидетельствуют яркие эпизоды. Вот как описывает Теллер свою реакцию на сделанное в конце сентября 1949 г. президентом Трумэном заявление, что в Советском Союзе осуществлен испытательный взрыв атомной бомбы и что, следовательно, американская атомная монополия закончилась: «Сказать, что я был расстроен и шокирован сообщением Трумэна, значит не сказать ничего. Почти инстинктивно я подумал об Оппенгеймере. Теперь, когда выяснилась ошибочность его предсказания о темпах работ в СССР, я подумал, что он прикидывает соответствующие новые программы. Я набрал его номер и спросил: «Что мы должны теперь делать?» Он коротко бросил в ответ: «Не надо суетиться». Скрепя сердце, я последовал совету. На следующий день, 24 сентября 1949 г., газеты опубликовали фотографию генерала Гровса (Оппенгеймер и Гровс входили в руководство американским атомным проектом. – А.О.) и его заявление: «Мы по-прежнему будем опережать их». Гровс также принадлежал к группе тех, кто считал, что Советские не сделают бомбу раньше, чем через двадцать лет. Я опасался, что предсказание Гровса, что мы сохраним наше преимущество, может также оказаться неверным» (стр. 279). В раздраженном состоянии духа, досадуя по поводу скромных масштабов работ в области термоядерных исследований, Теллер в письме своему давнему другу и confidentу Марии Майер вопрошал: «Не могу понять, каким образом расе флегматиков, которые населяют этот континент, удалось выжить?» (там же).

Другой пример. Долгожданное решение президента Трумэна о начале ударных работ по созданию водородной бомбы, за принятие которого ратовал Теллер, по его же свидетельству, последовало непосредственно после объявления в конце января 1950 г. об аресте Клауса Фукса, советского разведчика в Лос-Аламосе. Правда, к этому времени он работал уже в Англии – в атомном исследовательском центре в Харуэлле. Теллер пишет: «Через день или два, 31 января 1950 г., президент Трумэн объявил о принятом решении: "Часть моей ответственности как Верховного главнокомандующего вооруженными силами состоит в том, чтобы обеспечить способность нашей страны защитить себя от любого агрессора. Соответственно, я дал указание Комиссии по атомной энергии продолжить разработку всех видов атомного оружия, включая так называемую водородную, или супер-бомбу"» (стр. 285). По этому случаю Теллер отправляет Марии Майер вдохновенное письмо, уведомляя о своей готовности употребить все усилия в целях осуществления термоядерного проекта (стр. 290).

Запуск Советским Союзом первого в мире спутника Земли Теллер воспринял как сигнал к активизации исследований в области военных программ: «Осенью 1957 г. Советские запустили первый непилотируемый космический аппарат, явившийся яркой демонстрацией их возможностей в ракетостроении (почти одновременно они также объявили, что располагают межконтинентальными баллистическими ракетами, что после запуска спутника было очевидным). Довольно показательно, что Ливерморская лаборатория оказалась единственным учреждением в США, в распоряжении которого была компьютерная программа, способная отслеживать полет советского спутника. Появление спутника придало мощный импульс нашему собственному ракетостроению» (стр. 431). США принялись за ликвидацию «ракетного отставания» от СССР.

Только что упомянутая Ливерморская лаборатория, начавшая работу в 1952 г., была создана по инициативе Теллера, стремившегося составить здоровую конкуренцию Лос-Аламосу, особенно в области исследований, касающихся водородной бомбы.

В мемуарах Теллера передана живая картина всей серии основных испытательных взрывов, которые привели к созданию американского супер-оружия, пригодного для транспортировки по воздуху. Оно было испытано 1 марта 1954 г. на атолле Бикини.

Параллельно, что называется, «ноздря в ноздрю», шли испытания в СССР. В США полагают, что первый испытательный взрыв «настоящей» советской водородной бомбы состоялся 22 ноября 1955 г.

И, надо сказать, недостатка в мотивации у советских атомщиков не было. Академик А.Д. Сахаров, удостоенный за свои заслуги в области разработки водородной бомбы трех золотых звезд Героя соцтруда, в своих мемуарах свидетельствует, что в основе психологической установки, которая заставляла его работать «не за страх, а за совесть», было «ощущение исключительной, решающей важности нашей работы для сохранения мирового равновесия в рамках концепции взаимного устрашения...»¹.

Получается, что и американские, и советские ученые-атомщики, создавая водородную бомбу, были уверены в морально-политической безупречности своей деятельности. По части этой уверенности между ними, в сущности, не было разницы – отличался лишь цвет флага. Концепция взаимного сдерживания и сильнейшее обоюдное недоверие продолжали «разгонять» военное соперничество. Казалось, соперников не разнять.

И все же разумные мнения прозвучали, в том числе и в научной среде. В США ряд виднейших ученых, включая А. Эйнштейна, выступили за отказ от программы создания водородной бомбы как оружия геноцида. Теллер горячо полемизировал с «отказниками». И, как это ни парадоксально, он, в известном смысле, сам стал жертвой подобной «замкнутости». Это случилось в ходе слушаний по делу Оппенгеймера весной 1954 г., т.е. в разгар организованных сенатором Дж. Маккарти гонений на инакомыслящих в США. В результате не слишком продуманных заявлений Теллера Оппенгеймер был отстранен от ядерных исследований, а сам Теллер оказался подвергнут остракизму со стороны многих своих коллег. Не следовало ввязываться в эту историю – надо было под благовидным предлогом не появляться на слушаниях, сокрушается Теллер. Подвело слишком буквальное следование государственному долгу. Очевидно, что Теллер понес сильный моральный урон из-за скандала вокруг слушаний по делу Оппенгеймера.

В самые напряженные годы холодной войны в американском научном истеблишменте нашлись крупные ученые, выступавшие за установление контроля над вооружениями путем заключения соответствующих международных договоренностей. Надо сказать, что Теллер не принадлежал к их числу. Особые претензии были у него к Договору о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, космическом пространстве и под водой 1963 года и к Договору об ограничении систем ПРО 1972 года.

Продолжение испытаний, полагал он, было бы весьма полезным для отработки противоракет, а Договор по ПРО лишил США возможности наладить систему, которая могла бы обезопасить американский народ от ракетно-ядерного нападения – если не полностью, то хотя бы частично.

Своей главной идее – противоракетной обороне – Теллер уделяет особое внимание. Он докладывал о ней руководству страны еще осенью 1945 г. Тогда его докладная была, по-видимому, инстинктивной реакцией на ужасы Хиросимы и Нагасаки, выражала стремление как-то отгородиться от самой возможности подобной угрозы. Потом, в изложении Теллера, идея ПРО обрела и такую функцию, как способ экономически «измотать» СССР. Он отмечает: «В 2000 г., когда я пишу эти строки, США и любое другое государство остаются столь же уязвимыми перед угрозой ракетного нападения, как и в 1961 г., когда я начал работать над этой проблемой. Риск ракетного нападения не стал меньше... Отсутствие стратегической обороны дает возможность малым державам приносить большой урон другим» (стр. 539).

Приходится констатировать, что Теллер даже не пытается приводить аргументы против довода о том, что бесконтрольное наращивание ПРО способно подхлестнуть гонку ядерных вооружений с неизбежными дестабилизирующими последствиями для ситуации в мире.

Надо сказать, что взгляды Теллера и Сахарова на проблему ПРО кардинально разошлись, что отчетливо проявилось во время их встречи в Вашингтоне, состоявшейся в конце 1988 г. По-разному подходили они и к проблеме прекращения ядерных испытаний.

Завершая рассказ о XX веке и о своей роли в поворотах мировой истории, Теллер однозначно приветствует прекращение холодной войны. По его мнению, обозначившееся в начале нового тысячелетия распространение демократии на земле «дает надежду на длительный мир» (стр. 567).

Теллер настойчиво призывает к укреплению международного сотрудничества: «Если мы действительно хотим жить вместе и в мире как свободные люди, мы должны научиться действовать неспешно, сдержанно и толерантно. Государствам следует выработать практику сотрудничества ради общего блага... В нынешний век ракет и ядерного оружия возможность внезапного и массированного нападения требует, чтобы война уступила место международному сотрудничеству» (стр. 568).

Можно соглашаться или не соглашаться со многими позициями, которые отстаивал в течение своей долгой жизни Теллер, но бесспорным фактом – и это, по сути, подтверждают мемуары Теллера – представляется то, что раскол мира на столь характерные для холодной войны антагонистические группировки государств был той «питательной средой», которая обусловила невиданный размах гонки вооружений и рост военной опасности. Думается, мемуары Теллера во многом свидетельствуют именно об этом. Слава Богу, инстинкт самосохранения сработал, не поддался атрофии. Человечество не только не перешагнуло запретный барьер, отделяющий его от применения ядерного оружия, но и пришло к убеждению, что необходимо резко понизить уровень ядерного противостояния, обуздать гонку вооружений.

После прекращения советско-американской политико-идеологической конфронтации холодная война ушла в историю, хотя ее «колючки» дают о себе знать и поныне.

В 1994 г. состоялась немыслимая в прошлом поездка Теллера в Челябинск-70 (Снежинск), где он сфотографировался рядом с музейным экспонатом – макетом первой советской водородной бомбы в натуральную величину. Новая эпоха, новая политика – другие фотографии.

Нельзя сказать, что сторонники возвращения на тропу конфронтации и вражды опустили руки. Они еще активны и порой многословны. Но дамоклов меч мировой ядерной войны, которая обернулась бы для цивилизации поистине марсианским финалом, отведен. На передний план вышли угрозы иного порядка. И первая из них – международный терроризм. Необходима энергичная совместная работа государств, всего мирового сообщества, чтобы оружие массового уничтожения не оказалось в руках озлобившихся фанатиков.

Примечание

¹ Сахаров А.Д. Воспоминания. М.: Права человека, 1996. Т.1. С. 307.

MOSHER DAVID E., SCHWARTZ LOWELL H., HOWELL DAVID R., DAVIS LYNN E. BEYOND THE NUCLEAR SHADOW: A PHASED APPROACH FOR IMPROVING NUCLEAR SAFETY AND U.S-RUSSIAN RELATIONS. RAND, 2003. 153 p.

Наряду со снижением напряженности во взаимоотношениях России и США после окончания холодной войны произошло значительное сокращение ядерных вооружений обеих держав. Вместе с тем, ракетно-ядерные силы двух стран по-прежнему нацелены друг на друга, и ракеты готовы к запуску в течение нескольких минут. Ситуацию осложняет растущий в последние годы дисбаланс стратегических потенциалов двух стран, старение российских наступательных вооружений и средств предупреждения о ракетном нападении. Все это, в сочетании с рядом положений ядерных доктрин США и России, повышает риск незапланированного применения ядерного оружия, а также вероятность последующей неблагоприятной эскалации событий.

В докладе, подготовленном и изданном корпорацией «RAND», проводится детальный анализ данной проблемы и даются практические рекомендации по ее решению. В работе рассматриваются возможные сценарии развития событий, например, запуск ракет без приказа командования, ошибочный запуск (в частности, в результате программного сбоя), намеренный запуск, основанный на недостоверной информации.

Предлагаемый авторами работы оригинальный подход к реализации поэтапного повышения ядерной безопасности во взаимоотношениях двух держав включает в себя набор односторонних и двусторонних мер, носящих краткосрочный, среднесрочный и долгосрочный характер. Конечная цель – вывести взаимоотношения между США и Россией, которые в последнее время все чаще декларируются как партнерские, из ядерной тени эпохи холодной войны.

Работа представляет несомненный интерес для экспертов в области нераспространения, контроля над вооружениями и разоружения. Учитывая, что многие из предлагаемых авторами мер далеко не бесспорны, доклад дает пищу для размышлений.

КИССИНДЖЕР Г. НУЖНА ЛИ АМЕРИКЕ ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА? М.: Ладомир, 2002. 352 с.

Очередная книга классика американской политической науки, одного из известнейших дипломатов современности, нобелевского лауреата Г. Киссинджера, которая вышла в свет в США в 2001 г., является своего рода подведением итогов эпохи правления администрации Б. Клинтона во внешней политике США и попыткой дать рекомендации новой администрации Дж. Буша.

В результате развития международной ситуации после окончания холодной войны США вступили в новый век беспрецедентно мощной державой, занимающей доминирующее положение в мире. Г. Киссинджер отмечает, что в этих новых условиях в Америке проходит определенный пересмотр национальных интересов, и, соответственно, внешнеполитических целей и приоритетов. На передний план выходят внутривнутриполитические вопро-

сы, которые оказывают все большее влияние на внешнюю политику. Г. Киссинджер считает это ошибкой, предлагая новой администрации США проводить внешнюю политику, в большей мере учитывающую современные реалии в мире и основанную на балансе сил и стратегическом мышлении.

По мнению Г. Киссинджера, главный вызов внешней политике США в новом тысячелетии заключается в ответе на вопрос о том, как Америка распорядится своей беспрецедентной мощностью. Автор считает, что основная задача Соединенных Штатов состоит в «преобразовании своей мощи в моральный консенсус, во внедрении, а не навязывании своих ценностей, в создании условий, при которых эти ценности принял бы [весь] современный мир, на первый взгляд сопротивляющийся этому, но на деле отчаянно нуждающийся в просвещенном руководстве».

Книга Г. Киссинджера вышла в свет в США еще до событий 11 сентября 2001 г., а российское издание появилось лишь в середине 2002 г., что делает некоторые ее аспекты объективно устаревшими. Вместе с тем, многие положения анализа автора с удивительной точностью показывают развитие политической ситуации в современном мире, и книга в целом не потеряла свою актуальность и сегодня. Взгляд этого авторитетного американского исследователя и политического деятеля на широкий спектр международных проблем и приоритеты американской внешней политики в XXI в. представляет интерес для широкого круга читателей, профессионально занимающихся и просто интересующихся международными вопросами и внешней политикой.

PENTTILA RISTO E. J. ADELPHI PAPER 355: THE ROLE OF THE G8 IN INTERNATIONAL PEACE AND SECURITY. The International Institute for Strategic Studies, 2003. 104 p.

В последнее время в политической и академической среде особую актуальность приобрели дискуссии о новой роли «Большой восьмерки» в области международной безопасности.

Это объединение ведущих индустриальных стран традиционно являлось важнейшим институтом в вопросах экономики. В последние годы «восьмерка» также приобретает все больший вес и в других областях мировой политики, в том числе в области международной безопасности. На повестке дня этой организации стоят такие вопросы, как борьба с терроризмом и организованной преступностью, распространением оружия массового уничтожения и соответствующих материалов. «Восьмерка» de facto играет роль координирующего механизма в вопросах миротворчества и вооруженного вмешательства. С включением России в эту организацию в качестве полноправного члена «восьмерка» перестала быть чисто «западным» клубом, превращаясь в организацию глобального масштаба.

В докладе финского исследователя Р. Пенттила, являющегося одним из ведущих мировых экспертов по тематике G-8, проводится анализ роли «Большой восьмерки» в международной системе безопасности. В работе в сжатом, но достаточно информативном виде исследуется история вопроса, рассматриваются теоретические контуры проблемы, дается характеристика позиций и интересов стран – членов «восьмерки», а также ряда ведущих держав, не входящих в нее, по основным вопросам, стоящим на повестке дня этой организации. Автор также касается крайне актуального вопроса о том, как новая роль «восьмерки» в области международной безопасности соотносится с деятельностью традиционных международных институтов, в первую очередь таких, как Совет Безопасности ООН.

Автор не дает однозначного ответа на вопрос о том, как будет эволюционировать роль «восьмерки» в качестве института глобальной безопасности. Признавая сильные и слабые стороны этого международного форума, Р. Пенттила приходит к выводу, что этот процесс будет зависеть главным образом от желания стран, входящих в нее, прежде всего США, использовать «восьмерку» как институт координации своей политики и разрешения кризисов.

Доклад Р. Пенттила представляет на сегодняшний день первое и единственное полномасштабное исследование проблемы. Книга представляет интерес для широкого круга экспертов, занимающихся международными вопросами.

SUMMARY

The editorial **"The Results of Evian Should Not Be Recycled"** considers prospects of the G8 Global Partnership against the spread of weapons and materials of mass destruction in light of the outcome of latest G8 Evian Summit in France.

The task of ensuring sustainability of the Global Partnership requires further efforts on behalf of its participants. The possible measures could include increasing Russia's share of financing, conversion and commercialization of projects, and involvement of nongovernmental organizations such as the newly created Board on Sustainable Partnership for Russia.

In his interview **"World History Is Not a Pile of Diplomatic Notes"** to *Yaderny Kontrol*, **Dmitry Rogozin**, the Head of the State Duma Committee for International Affairs, expresses opinions on the most topical issues of contemporary world politics. Topics include Russia's relations with its CIS allies, the Korean Peninsula and Iran crises, deficiencies of the nonproliferation regime, and the significance of the SOR Treaty for Russia.

Assessing the nonproliferation regime, Dmitry Rogozin states that it "should be strengthened, made efficient and all international actions should be targeted in nature and authorized, at least, by the UN Security Council."

Commenting on the possibility of Iran acquiring nuclear weapons, Dmitry Rogozin notes that "Iran is a close neighbor of Russia and Russia's interest is to exclude the emergence of nuclear weapons there in spite of our good relations".

Roland Timerbaev's article **"The Middle East and the Nuclear Problem"** discusses the prospects of a peaceful resolution to the conflict in the context of recent events around Iraq. The successful solution to the nuclear problem plays a significant role in achieving this goal. Countries of this region showed an interest in atomic energy as early as the 1950s and at present Algeria, Egypt, Iran, Israel, Jordan, Libya, and Syria in different ways pursue nuclear activities.

Israeli nuclear capability has been the key factor influencing the history of Arab-Israeli confrontation, especially since 1967. As a result, some of the Arab countries have been and will be seeking to oppose Israeli nuclear weapons with nuclear weapons or some other weapons of mass destruction of their own.

The author studies causes behind the emergence of the atomic factor in the region,

the degree of its impact on the prospects of political settlement in the Middle East, and proposes practical solutions to this problem.

Also included is **Alexander Kalyadin's** article **"The Role of Coercion in Preventing Proliferation of Weapons of Mass Destruction."** The threat of international terrorism and proliferation of WMD can lead to crises where traditional political and diplomatic instruments may be insufficient. In the article, the author notes that effectively countering terrorism may require prompt coercive measures.

Vasily Lata's article **"SNF Development in the Interests of Strengthening Russia's Military Security: Geopolitical Aspects"** discusses various scenarios of improvement and modernization of Russia's strategic nuclear forces. The condition of the Russian SNF in the twenty first century will depend on external and internal geopolitical factors, which serve as criteria for the planning of strategic nuclear forces development. Effective reform of Strategic Nuclear Forces requires allocation of significant financial resources and clear understanding of the role SNF play in Russian foreign policy and in world affairs.

In his article **"Evolution of U.S. Nuclear Policy: is the Role of Nuclear Weapons Growing?"** **Nikolai Sokov** considers the changing place and role of nuclear weapons in U.S. policy. Early in 2003, the Bush Administration's request to fund the development of small-yield nuclear charges again raised the issue of the place of nuclear weapons in U.S. strategy. The author provides a detailed analysis of various aspects related to the U.S. nuclear arsenal and compares the conceptual approaches to nuclear weapons in the United States and Russia.

The article discusses possible directions of nuclear weapons modernization in the United States, which include both improving the existing warheads and developing new designs.

Yevgeni Satanovski, in his article **"The World After the War in Iraq,"** considers the consequences of the Iraqi war, the global changes, the role of world institutions, the place of morality and politics in the contemporary world, as well as religion and civilization-related factors. In addition, the author pays close attention to weapons of mass destruction, discusses how they are related to intervention in the internal affairs of states, and explores aspects pertaining to their proliferation and possible use for terrorist purposes.

The article by **Konstantin Eggert** **"NATO, Russia and the Threats of a New Century"** analyzes the format of relations between the North Atlantic Treaty Organization and Russia. Against the background of rapid transformation of NATO, the future place of this organization in world politics represents a fruitful topic for discussion. The Prague NATO Summit, as the author believes, completely dismantled the Yalta system of geopolitical checks and balances. Simultaneously, NATO's political component advances to the forefront, setting aside the military one.

In the article by **Roland Timerbaev** **"Progress in Preparing the 2005 NPT Review Conference,"** the author analyzes the results of the recent Preparatory Committee meeting for the 2005 NPT Review Conference. The meeting was held in a unique circumstance - the withdrawal from the treaty of one of the parties, the DPRK. Also, the PrepCom paid special attention to the issues of countering nuclear terrorism, nuclear and radiation safety, and education in the field of nonproliferation and nuclear disarmament.

Aleksandr Fedorov in his article **"Organized Crime and Terrorism: Interconnection and Interaction,"** elaborates on the trend of cooperation between the two phenomena. The ingress of organized crime armed with ideas of political

extremism into the international criminal structures poses a threat to the national security, international organizations and international security as a whole. The author comes to a conclusion that terrorism irrespectively of ideology is, first of all, a criminal phenomenon, which has recently acquired an international nature.

The article by **Victor Kozlov** "**Prospects of Russia's Nuclear Export**" describes the history of USSR/Russia's international cooperation in the area of design and construction of NPPs. The article describes participation of Russian organizations in the construction of nuclear power units in China, India and Iran, which are the most attractive and promising markets, as well as other possible areas of the Russian export of nuclear power equipment.

Elina Kirichenko, in her article "**Technology Transfer and Export Control in the Age of Globalization**," analyzes the interrelations between the growing role of international transfer of technologies and the trends in development of export control, as well as prospects of export control in the beginning of the twenty first century. The emphasis is put on the analysis of control over so-called intangible transfers of technology, because it is very difficult to control such information transfer channels.

The study by **Natalia Beloborodova**, "**Global Partnership in Russian-Japanese Relations**," examines Japanese assistance to Russia in eliminating the WMD legacy of the Cold War. During his last visit to Russia, Japanese Prime Minister Junichiro Koizumi outlined priority areas of bilateral relations in nuclear threat reduction. The author studies the legal and financial basis of Russian-Japanese cooperation and analyses the practical implementation of existing agreements.

The author also pays attention to unresolved bilateral cooperation problems, primarily those of a legal and political nature, as well as to the lack of coordination in some actions of the Russian agencies responsible for the implementation of the agreements.

Boris Yurinov and **Eduard Sharapov** in their article "**The Hero of Russia**" unveil the mystery of a man who played a substantial role in creating the atomic bomb by the Soviet Union - secret-service agent Vladimir Barkovski. The authors share interesting facts from his career and his personal recollections.

Вышел в свет сборник

Научно-исследовательские центры и неправительственные организации, работающие в области нераспространения ОМУ, контроля над вооружениями и разоружения

В последние годы значительно возрос интерес широкой общественности Российской Федерации к вопросам нераспространения оружия массового уничтожения и средств его доставки, контроля над вооружениями и разоружения. В этой области в настоящее время работает большое число научно-исследовательских центров, неправительственных организаций, и количество их неуклонно растет.

В этой связи возникает потребность в более подробном ознакомлении представителей органов исполнительной и законодательной власти Российской Федерации, а также российской общественности с деятельностью подобного рода организаций и научно-исследовательских центров.

Сборник, изданный ПИР-Центром политических исследований, содержит информацию о ключевых направлениях деятельности, структуре организаций и их составе, важнейших программах и проектах, образовательной деятельности, основных публикациях, планах дальнейшего развития, а также необходимую контактную информацию по каждой из них.

Составителями сборника выступили председатель Совета и старший советник ПИР-Центра Р.М. Тимербаев и заместитель директора ПИР-Центра А.В. Хлопков.

Сборник призван способствовать улучшению взаимодействия между неправительственными организациями, обмену опытом и информацией между ними.

*По вопросам приобретения монографии следует обращаться
к библиотекарю ПИР-Центра Анне Шуваловой:*

тел. (095) 234-0525

e-mail: shuvalova@pircenter.org

Белобородова Наталья Александровна – аспирант Дальневосточного государственного технического университета. Родилась в 1979 г. С января по апрель 2003 г. проходила стажировку в ПИР-Центре. Сфера научных интересов – нераспространение ОМУ, зоны, свободные от ядерного оружия, программа Глобального партнерства, история международных отношений.

Калядин Александр Николаевич – заместитель заведующего Центром политических и военных прогнозов Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) РАН. В 1956 г. окончил Московский государственный институт международных отношений. В 1965 г. защитил кандидатскую диссертацию, в 1976 г. ему была присуждена степень доктора исторических наук. Действительный член Академии военных наук. Член Экспертно-консультативного совета ПИР-Центра. Автор и соавтор многочисленных книг и публикаций по вопросам международной безопасности и контролю над вооружениями, среди которых: «Проблемы выполнения Россией Конвенции о запрещении химического оружия». Ежегодник СИПРИ 1998, М.: Наука. 1999; «Проблема своевременной ликвидации запасов химического оружия бывшего СССР», *Ядерный Контроль*. 2001. №2, март–апрель.

Кириченко Элина Всеволодовна – руководитель Центра Североамериканских исследований Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) РАН. В 1963 г. окончила экономический факультет Московского государственного университета. В 1967 г. защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата экономических наук. С 1968 г. работает в ИМЭМО РАН. В 1996–1999 гг. занимала пост старшего научного сотрудника Центра международной торговли и безопасности при Университете штата Джорджия (США). Член ученого совета ИМЭМО РАН и редакционной коллегии журнала *Мировая экономика и международные отношения*. Член Совета консультантов бюллетеня *Экспортный контроль в России*, выпускаемого ЦПЭК, Института обращения с ядерными материалами. Член Экспертно-консультативного совета ПИР-Центра. Круг научных интересов – проблемы глобализации, нераспространения ОМУ и политики экспортного контроля. Автор многочисленных публикаций.

Кобяков Даниил Олегович – научный сотрудник ПИР-Центра, координатор проекта «Глобальное партнерство». Родился в 1978 г. в Ленинграде. В 1999 г. с отличием окончил факультет международных отношений СПбГУ, в 2002 г. – магистратуру Монтерейского института международных исследований. В январе–сентябре 2002 г. проходил стажировку в секретариате Конференции по разоружению в Женеве. В июне 2003 г. с отличием окончил магистратуру МГИМО. Области научных интересов включают вопросы международной безопасности, в том числе нераспространения ОМУ, разоружения и международных переговоров.

Козлов Виктор Васильевич – генеральный директор ЗАО «Атомстройэкспорт», кандидат экономических наук. Родился в 1944 г. Окончил Институт химического машиностроения, Академию внешней торговли. В ОАО «Атомэнергосекспорт» работает с 1974 г. С 1990 г. занимает пост генерального директора ОАО «Атомэнергосекспорт», с 1998 г. – генерального директора ЗАО «Атомстройэкспорт».

Лата Василий Филиппович – старший советник ПИР-Центра, генерал-лейтенант запаса, доктор военных наук. Родился 24 января 1944 г. В 1974 г. поступил и в 1976 г. окончил командный факультет ВА им. Ф.Э. Дзержинского. Затем служил на должности начальника штаба ракетного полка. С 1981 по 1999 г. служил в Центральном аппарате Главного штаба РВСН на должностях научного сотрудника, старшего офицера отдела, затем старшего офицера управления оперативной подготовки Генштаба, был слушателем академии Генштаба (1987–1989 гг.) и снова начальником отдела Главного штаба РВСН. В последующем – начальник направления и первый заместитель начальника Управления военной политики МО РФ, затем начальник Оперативного управления Главного штаба РВСН и первый заместитель начальника Главного штаба РВСН (до июля 1999 г.), после чего уволился по достижению предельного возраста службы. Член Совета по устойчивому партнерству для России (СУПР). В настоящее время, помимо ПИР-Центра, работает ведущим научным сотрудником Военной академии РВСН и является доцентом Военной академии Генштаба.

Обухов Алексей Александрович – Чрезвычайный и Полномочный Посол. Родился 12 ноября 1937 г. Окончил МГИМО в 1961 г. В 1962–1963 гг. по студенческому обмену находился в Чикагском университете. С 1965 по 2002 г. работал в МИД СССР/России. Кандидат исторических наук. Был главой советской делегации на переговорах с США по ядерным и космическим вооружениям (1987–1988 гг.). В период с 1988 по 1990 г. занимал пост заведующего отделом США и Канады. В 1990–1991 гг. – заместитель министра иностранных дел СССР. С 1992 по 1996 г. – посол в Дании. С 1996 по 2002 г. – посол по особым поручениям РФ. Автор и соавтор многочисленных публикаций по вопросам внешней политики, автор монографии «Философия политики силы». М.: Международные отношения, 1972.

Рогозин Дмитрий Олегович – председатель Комитета по международным делам Государственной Думы Федерального Собрания РФ, глава российской делегации ПАСЕ. Родился 21 декабря 1963 г. В 1986 г. с отличием окончил международное отделение факультета журналистики МГУ. В 1990 г. начал заниматься общественной деятельностью. В 1997 г. избран депутатом Государственной Думы второго созыва. Вошел в депутатскую группу «Российские регионы», был заместителем председателя Комитета по делам национальностей. В 1999 г. переизбран депутатом Госдумы. Вошел в депутатскую группу «Народный депутат». Избран председателем Комитета Государственной Думы по международным делам. Доктор наук, является автором ряда книг и статей по вопросам русского национального самосознания и русской культуры.

Сатановский Евгений Янович – президент Института изучения Израиля и Ближнего Востока. Родился 15 июня 1959 г. в Москве. Окончил Московский институт стали и сплавов (МИСиС) в 1980 г. С 1980 по 1984 г. – инженер трубопрокатного отдела Государственного института по проектированию металлургических заводов (ГИПРОМЕЗ). С 1984 по 1989 г. – рабочий горячего (сортопрокатного) цеха завода «Серп и молот». С 1989 г. по настоящее время – президент группы «Ариэль». Основатель и президент Института изучения Израиля и Ближнего Востока. Заведующий кафедрой израилюведения Центра иудаики и еврейской цивилизации ИСАА при МГУ. Вице-президент Международного совета регентов Международного центра университетского преподавания еврейской цивилизации Еврейского университета в Иерусалиме. Член Президентского совета Российского общества дружбы с арабскими странами. Президент Российского Еврейского конгресса. Член издательских советов академических журналов *Восточная коллекция*, *Дiasпоры* и *Вестник Еврейского университета*. Член академического совета «Библиотеки иудаики». Кандидат экономических наук. Автор книг «Экономика Израиля в 1990-е годы» и «Израиль в мировой политике: вероятные стратегические противники и стратегические партнеры», а также ряда научных статей.

Соков Николай Николаевич – старший научный сотрудник Центра по изучению проблем нераспространения при Монтерейском институте международных исследований. Родился в 1958 г. в Москве. В 1981 г. окончил исторический факультет МГУ. В 1986 г. получил степень кандидата исторических наук (Институт мировой экономики и международных отношений АН СССР) и в 1996 г. – степень доктора философии (Мичиганский университет). С 1987 по 1992 г. работал в МИД СССР/РФ. Член Экспертно-консультативного совета ПИР-Центра. Автор многочисленных публикаций в российских и американских журналах. В 2000 г. выпустил книгу «Russian Strategic Modernization: Past and Future». Занимается вопросами ядерного разоружения и военных доктрин, а также изучением влияния национальной культуры на переговорный стиль. Является соавтором учебника для высших учебных заведений «Ядерное нераспространение». М.: Библиотека ПИР-Центра, 2002.

Тимербаев Роланд Михайлович – Чрезвычайный и Полномочный Посол, председатель Совета и старший советник ПИР-Центра. В 1949 г. окончил МГИМО. Доктор исторических наук (диссертация «Контроль за ограничением вооружений и разоружением», 1982 г.). С 1949 по 1992 г. работал в МИД СССР/России. Последняя должность в МИД – постоянный представитель СССР/России при международных организациях в Вене (1988–1992 гг.). Принимал участие в выработке Договора о нераспространении ядерного оружия, в переговорах по контролю над вооружениями. С 1992 по 1995 г. – приглашенный профессор Монтерейского института международных исследований. С 1994 по 1997 г. – президент ПИР-Центра политических исследований. Член Совета по устойчивому партнерству для России (СУПР). Автор многочисленных монографий и статей по вопросам ядерного нераспространения, среди которых: «Россия и ядерное нераспространение. 1945–1968». М.: Наука, 1999; «Группа ядерных поставщиков: история создания (1974–1978)». М.: Библиотека ПИР-Центра, 2000. Автор двух глав учебного пособия для студентов вузов «Ядерное нераспространение». 1-е и 2-е изд. М.: Библиотека ПИР-Центра, 2000 и 2002. Соавтор справочника «Контроль над вооружениями и военной деятельностью». М.: Библиотека ПИР-Центра, 2001; монографии «Проблемы ядерного нераспространения в российско-американских отношениях». М.: Библиотека ПИР-Центра, 2001; работы «Проблемы распространения и нераспространения в Южной Азии: состояние и перспективы». *Научные Записки ПИР-Центра*. 2001. №17 и работы «Международный контроль над атомной энергией». *Научные Записки ПИР-Центра*. 2003. № 22.

Федоров Александр Валентинович – член Экспертно-консультативного совета ПИР-Центра. Окончил Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (факультет вычислительной математики и кибернетики) и в 1981 г. – аспирантуру МГУ. Имеет ученую степень кандидата физико-математических наук и научное звание старшего научного сотрудника. После окончания учебы работал в учреждениях государственного аппарата. Занимался проблемами разоружения и нераспространения ОМУ. В последнее время ведет активную научную и практическую деятельность в сфере международной информационной безопасности и борьбы с международным терроризмом. Редактор и соавтор монографий «Информационные вызовы национальной и международной безопасности». М.: Библиотека ПИР-Центра, 2001 и «Супертерроризм: новый вызов нового века». М.: Библиотека ПИР-Центра, 2002.

Шарапов Эдуард Прокофьевич – родился в 1932 г., ветеран СВР, полковник в отставке, кандидат исторических наук, член авторского коллектива шеститомного издания «Очерки истории российской внешней разведки». Автор двух книг о писательнице и разведчице З.И. Воскресенской.

Эггерт Константин Петрович – главный редактор московского бюро *Русской службы Би-би-си*. Член Экспертно-консультативного совета ПИР-Центра. Родился в 1964 г. в Москве. В 1987 г. с отличием окончил историко-филологический факультет Института стран Азии и Африки при МГУ. С 1987 по 1990 г. проходил службу в Вооруженных Силах в качестве переводчика советской военной миссии в г. Сана (Йеменская Арабская Республика). В журналистике с 1990 г. В 1992–1998 гг. – дипломатический обозреватель, затем заместитель редактора международного отдела газеты *Известия*. С 1998 г. –

шеф-корреспондент, редактор программы в московском бюро *Русской службы Би-би-си*. С 2002 г. – главный редактор московского бюро. Член Королевского института международных отношений в Лондоне и редакционного совета журнала Московского центра Карнеги *Pro Et Contra*.

Юринов Борис Дмитриевич – член авторского коллектива шеститомного издания «Очерки истории российской внешней разведки». Родился в 1927 г. В 1949 г. окончил Московский государственный институт международных отношений. С 1949 по 1991 г. – сотрудник внешней разведки, ветеран СВР. Член Союза журналистов, публиковал научные работы во многих органах печати СССР и России.

ЭКСПЕРТНО-КОНСУЛЬТАТИВНЫЙ СОВЕТ ПИР-ЦЕНТРА
(по состоянию на 10 августа 2003 г.)

Антонов Анатолий Иванович, посол по особым поручениям, к.э.н., МИД РФ, Москва, Россия
Ахтамзян Ильдар Абдулханович, к.и.н., МГИМО МИД РФ, Москва, Россия
Банн Джордж, проф., Стэнфордский университет, Стэнфорд, США
Барановский Владимир Георгиевич, д.и.н., ИМЭМО РАН, Москва, Россия
Беляева Марина Павловна, Минатом РФ, Москва, Россия
Бертч Гэри, проф., Центр международной торговли и безопасности, Университет Джорджии, Афины, США
Булочников Анатолий Михайлович, Центр по проблемам экспортного контроля, Москва, Россия
Бухарин Олег Александрович, к.ф.-м.н., Принстонский университет, Принстон, США
Виноградов Михаил Сергеевич, генерал-лейтенант (в отставке), Комитет ученых за глобальную безопасность, Москва, Россия
Волландер Селест, д-р, Программа новых подходов к российской безопасности, Центр стратегических и международных исследований, Вашингтон, США
Володин Юрий Георгиевич, Госатомнадзор, Москва, Россия
Всероссийский научно-исследовательский институт технической физики им. акад. Е.И. Забабахина (ВНИИТФ), Российский федеральный ядерный центр, Снежинск, Россия
Всероссийский научно-исследовательский институт экспериментальной физики (ВНИИЭФ), Российский федеральный ядерный центр, Саров, Россия
Геттемюллер Роуз, Фонд Карнеги за международный мир, Вашингтон, США
Джонсон Ребекка, Институт «Акроним», Лондон, Великобритания
Дьяков Анатолий Степанович, к.ф.-м.н., Центр разоружения, энергетики и экологии Московского физико-технического института, Долгопрудный, Россия
Евстафьев Дмитрий Геннадьевич, к.п.н., КРОС, Москва, Россия
Елеукинов Дастан Шериазданович, к.ф.-м.н., Казахстанский филиал Центра изучения проблем нераспространения Монтерейского института международных исследований, Алма-Ата, Казахстан
Есин Виктор Иванович, генерал-полковник (в отставке), советник командующего Ракетных Войск Стратегического Назначения РФ (РВСН), Москва, Россия
Зевдре Евгений Константинович, МИД РФ, Москва, Россия
Зобов Андрей Иванович, советник 1-го класса МИД РФ (в отставке), Москва, Россия
Калинина Наталия Ивановна, д.м.н., секретариат председателя правительства, Москва, Россия
Калядин Александр Николаевич, д.и.н., Центр политических и военных прогнозов ИМЭМО РАН, Москва, Россия
Кириченко Элина Всеволодовна, к.э.н., Центр Североамериканских исследований ИМЭМО РАН, Москва, Россия
Козюлин Вадим Борисович, Москва, Россия
Колтунов Виктор Стефанович, генерал-майор (в отставке), проф., Институт стратегической стабильности, Москва, Россия
Краснов Алексей Борисович, Российское авиационно-космическое агентство, Москва, Россия
Кривохижа Василий Иосифович, д.п.н., Москва, Россия
Крючков Эдуард Феликсович, к.т.н., Московский инженерно-физический институт, Москва, Россия

Лаверов Николай Павлович, академик РАН, Российская Академия Наук, Москва, Россия

Ладыгин Федор Иванович, генерал-полковник (в отставке), Институт энергодиалога «Восток-Запад», Москва, Россия

Лебедев Владимир Владимирович, правительство Москвы, Москва, Россия

Льюис Патриция, д-р, Институт ООН по исследованию проблем разоружения (ЮНИДИР), Женева, Швейцария

Макиенко Константин Владимирович, Центр АСТ, Москва, Россия

Манилов Валерий Леонидович, генерал-полковник (в отставке), Комитет по обороне и безопасности, Совет Федерации РФ, Москва, Россия

Маргелов Михаил Витальевич, Комитет по международным делам, Совет Федерации РФ, Москва, Россия

Мисюченко Владимир Федорович, к.ф.н., Совет Федерации РФ, Москва, Россия

Михайлов Виктор Никитович, академик РАН, Институт стратегической стабильности, Москва, Россия

Московский государственный институт международных отношений (университет), Москва, Россия

Московский инженерно-физический институт, Москва, Россия

Мюллер Харальд, д-р, Институт проблем мира, Франкфурт, Германия

Никитин Александр Иванович, д.п.н., Центр политических и международных исследований, Москва, Россия

Новиков Владимир Евгеньевич, к.э.н., Российский институт стратегических исследований, Москва, Россия

Ознобищев Сергей Константинович, академик, Академия космических наук им. К. Э. Циолковского, Москва, Россия

Пархалина Татьяна Глебовна, к.и.н., Центр по изучению проблем европейской безопасности, ИНИОН РАН, Москва, Россия

Пикаев Александр Алексеевич, к.и.н., Московский Центр Карнеги, Москва, Россия

Пионтковский Андрей Андреевич, д.ф.н., Центр стратегических исследований, Москва, Россия

Погорелый Михаил Михайлович, Центр журналистики войны и мира, Москва, Россия

Подвиг Павел Леонардович, Центр по изучению проблем разоружения Принстонского университета, Принстон, США

Пономарев-Степной Николай Николаевич, академик РАН, РНЦ «Курчатовский Институт», Москва, Россия

Поттер Уильям, проф., Центр изучения проблем нераспространения Монтерейского института международных исследований, Монтерей, США

Пшакин Геннадий Максимович, к.т.н., Физико-энергетический институт, Обнинск, Россия

РНЦ «Курчатовский Институт», Москва, Россия

Рыбаченков Владимир Иванович, к.т.н., ДВБР МИД РФ, Москва, Россия

Савельев Александр Георгиевич, д.п.н., Центр международной безопасности, ИМЭМО РАН, Москва, Россия

Сафранчук Иван Алексеевич, к.п.н., Центр оборонной информации, Москва, Россия

Семин Валерий Витальевич, проф., ДВБР МИД РФ, Москва, Россия

Слипченко Виктор Сергеевич, ДВБР МИД РФ, Москва, Россия

Смит Харольд, д-р, Голдменский институт общественной политики Калифорнийского университета, Беркли, США

Соков Николай Николаевич, д.п.н., Центр изучения проблем нераспространения Монтерейского института международных исследований, Монтерей, США

Степанова Екатерина Андреевна, к.и.н., Центр международной безопасности, ИМЭМО РАН, Москва, Россия

Сухоручкин Владимир Константинович, к.т.н., РНЦ «Курчатовский институт», Москва, Россия

Тренин Дмитрий Витальевич, к.и.н., Московский Центр Карнеги, Москва, Россия

Тузмухамедов Бахтияр Раисович, Конституционный Суд Российской Федерации, Москва, Россия

Тюлин Иван Георгиевич, проф., МГИМО МИД РФ, Москва, Россия

Федоров Александр Валентинович, к.ф.-м.н., Москва, Россия

Хромов Геннадий Константинович, Главкосмос, Москва, Россия

Цыгичко Виталий Николаевич, проф., академик Российской Академии Естественных Наук, Институт системного анализа РАН, Москва, Россия

Эггерт Константин Петрович, Московское бюро, ВВС Всемирная Служба, Москва, Россия

Якушев Михаил Владимирович, «Microsoft», Москва, Россия

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!
ВЫ ИМЕЕТЕ ВОЗМОЖНОСТЬ ОФОРМИТЬ ПОДПИСКУ НА ИЗДАНИЯ ПИР-ЦЕНТРА
СРОКОМ НА 2004 ГОД

Журнал Ядерный Контроль
выходит четыре раза в год
Стоимость подписки на 2004 год – 3000 руб.

Дайджест журнала *Ядерный Контроль* (на английском языке)
выходит два раза в год
Стоимость подписки на 2004 год – 3000 руб.

Научные Записки ПИР-Центра: национальная и глобальная безопасность
выходят три раза в год
Стоимость подписки на 2004 год – 3000 руб.

Оформление подписки для резидентов РФ

Реализацией издания на территории России и СНГ занимаются:

- **Агентство «РОСПЕЧАТЬ»**

Информация о подписке на 2004 г. находится в каталоге «ГАЗЕТЫ и ЖУРНАЛЫ». Индекс издания – 79280

- **Компания «ТРИАЛОГ»**

Оплата в любом отделении Сбербанка РФ. Заполненный подписной купон вместе с квитанцией об оплате следует направлять по адресу: 121019, Москва, а/я 137, ООО «Триалог».

Оформление подписки для нерезидентов РФ

ПИР-Центр принимает к оплате чеки зарубежных банков в долларах США.

Чеки на имя **Center for Policy Studies in Russia** просьба направлять по адресу:
Trekhprudny Business Center, Trekhprudny Per., 9, bldg. 1B, Moscow 123001, Russia

В этом случае стоимость подписки на 2004 г. составит 200 долл. США.

Реализацией журнала за рубежом занимаются агентства:

Swets Blackwell
tel.: +31-252-435-111
fax: +31-252-415-888
e-mail: infoho@nl.swetsblackwell.com
http://www.swetsblackwell.com

East View Publications
Представительство в России
тел.: +7-095-777-6558
факс: +7-095-318-0881
http://www.eastview.com

*По всем вопросам оформления подписки
просьба обращаться в компанию «Триалог»
по тел.: +7-095-764-9896*

121019, Москва, а/я 137, ООО «Триалог»

Цитаты номера

В условиях возрастающей взаимозависимости современного мира, широкого распространения и доступности технологий двойного назначения угроза распространения ОМУ приобретает транснациональный и глобальный характер. Очевидно, что традиционные методы, в том числе и политико-дипломатические (переговоры, договоры, дипломатическое давление, экономические санкции, политика ядерного сдерживания и т.д.), – неэффективны в борьбе с угрозой такого типа.

Александр Калядин

Неполный год, прошедший со времени окончания пражского саммита НАТО, показал, что разрыв между европейскими союзниками и США превратился из военно-технологического в политический. Ситуация вокруг Ирака высветила один из важнейших признаков внутреннего кризиса альянса – принципиальное расхождение политических позиций Вашингтона с мнениями не только традиционно строптивного Парижа, но и обычно поддерживавших США Берлина, Брюсселя, Анкары.

Константин Эггерт

Роль международных институтов в сегодняшнем мире определена. Они могут выполнять функции сопровождения американской политики или быть трибуной для ее умеренной критики. По крайней мере, пока в мире не возникнет еще один «полюс силы», сравнимый с США. Мир первой половины XXI века – это мир Америки, однополярный мир единственной сверхдержавы, стремящейся к мировой гегемонии. Иракская война доказала это со всей очевидностью.

Евгений Сатановский

Наиболее опасны захваты современных систем оружия, способных нанести массовое поражение или значительные разрушения, – известен факт попытки захвата атомной подводной лодки мафиозной группой. Причем эти действия могут осуществляться не обязательно силовыми методами, но и подкупом, внедрением своих ставленников в руководство воинских частей и подразделений: обращение офицера в активного члена организованного преступного сообщества вполне реально.

Александр Федоров